ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ
БУХАРУ:

разсказъ о плаваніи по Инду отъ моря до Лагора

съ подарками великобританскаго короля

и отчетъ

о путешествіи изъ Индіи въ Кабулъ, Татарію и Персію,

предпринятомъ по предписанію высшаго правительства Индіи

въ 1831, 1832 и 1833 годахъ

лейтенантомъ

Остъ-Индской компанейской службы,

Александромъ Борнсомъ,

членомъ королевскаго общества.

„Per syrtes iter æstuosas,
. . . . *per inhospitalem*
Caucasum, vel quæ loca fabulosus
Lambit Hydaspes.“ Hor.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Изданіе И. В. Голубкова,

дѣйствительнаго члена Русскаго Географическаго Общества.

МОСКВА.

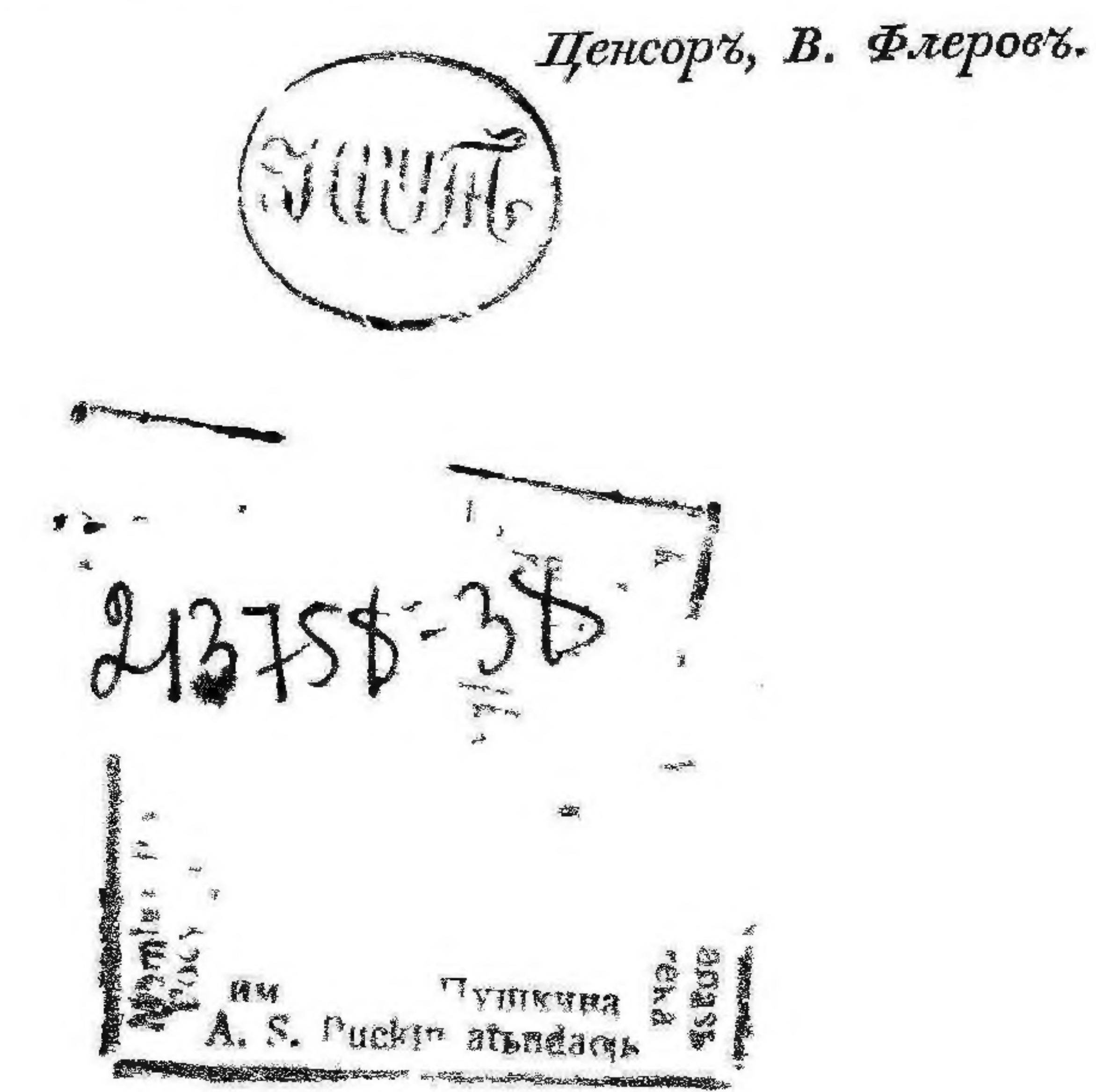
Въ Университетской Типографіи.

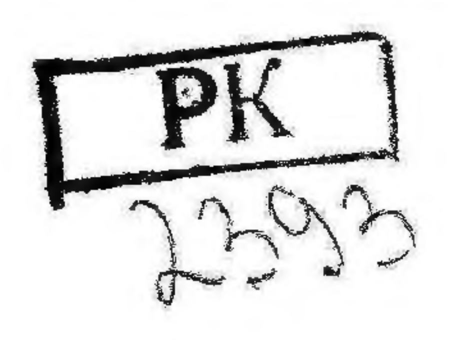
1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 21 Февраля 1849 года.

Цензоръ, В. Флеровъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

ГЛАВА XII.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПУСТЫНѢ ТУРКМАНОВЪ.

Шестнадцатаго Августа, въ полдень, мы выступили въ путь къ Оксу, протекавшему въ двадцати осми миляхъ отъ насъ, и, пройдя около десяти миль, остановились вечеромъ въ небольшомъ селеніи, а потомъ въ полночь, при свѣтѣ полной луны, снова отправились въ дорогу. Въ продолженіе бо́льшей части ночи путь нашъ проходилъ по обширнымъ равнинамъ сыпучаго песку, лежавшаго возвышенными грядами, совершенно походившими видомъ и цвѣтомъ на приморскія дюнны. Цѣпь этихъ песчаныхъ холмовъ, пролегающая между Бухарою и Оксомъ,

имѣетъ отъ двѣнадцати до пятнадцати миль въ ширину и лишена всякой растительности. Въ формаціи холмовъ замѣчательна весьма любопытная особенность, именно та, что всѣ они имѣютъ форму подковы и обращены своимъ внѣшнимъ ободомъ къ сѣверу, т. е. къ той сторонѣ, откуда преимущественно дуютъ здѣсь вѣтры. Съ этой стороны всѣ холмы представляютъ отлогую покатость, между тѣмъ какъ съ внутренней они почти всегда круты; такое явленіе объясняется тѣмъ, что сыпучіе пески всегда располагаются по направленію преобладающихъ вѣтровъ. Ни одинъ изъ холмовъ не превосходитъ высотою пятнадцати, или двадцати футовъ, и всѣ имѣютъ въ своемъ основаніи твердыя породы. Вѣтеръ дулъ необыкновенно сильный, частицы песку передвигались съ одного холма на другой, крутились во внутренности каждаго полукруга и по временамъ, особливо при солнечномъ свѣтѣ, весьма походили на воду, что́, какъ мнѣ кажется, и служитъ основаніемъ существующему здѣсь мнѣнію о подвижныхъ пескахъ пустыни. Термометръ, поднимавшійся до

100°, ночью между этими песчаными холмами упадалъ до 70°. Я всегда замѣчалъ, что въ песчаныхъ странахъ переходъ отъ тепла къ холоду значительнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Часъ спустя послѣ восхода солнца, мы оставили эту пустыню, вступили на злачные луга орошаемые Оксомъ, и, пройдя по нимъ около четырехъ миль, остановились на берегу этой рѣки, укрывшись отъ солнечныхъ лучей подъ корзинами нашихъ верблюдовъ.

Къ Оксу мы спустились при Бетикѣ, стоящемъ противъ Чарджуи и составляющемъ самый главный перевозъ между Персіею и Туркестаномъ, почему и нашли здѣсь всѣ удобства для переправы: наши животныя и вьюки немедленно были помѣщены на суда и скоро перевезены на противоположный берегъ. Хозяинъ перевоза, снимающій его на подрядъ, заколовъ барана, пригласилъ большую часть купцовъ подкрѣпить себя пищею и, подробно распрашивая объ насъ, просилъ показать ему наши паспорты. Послѣ этого онъ пришелъ къ намъ и принесъ въ подарокъ два арбуза съ нѣсколькими лепешками.

Мы сѣли на берегу рѣки и, полакомившись вмѣстѣ съ нимъ и съ его товарищами, остались вполнѣ довольны другъ другомъ. Этотъ человѣкъ въ продолженіе своего посѣщенія разсказывалъ намъ, что въ прошломъ году Оксъ замерзалъ отъ одного берега вплоть до другаго, и что караваны переходили чрезъ него по льду. Подобное обстоятельство случается здѣсь очень рѣдко, а потому и на этотъ разъ оно представило весьма важный вопросъ на разрѣшеніе магомеданскихъ ученыхъ. Подрядчикъ перевоза обязывался платить за него въ видѣ подрядной суммы 100 тиллъ въ мѣсяцъ; когда же рѣка замерзла, то суда его остались безъ употребленія и онъ, претерпѣвая убытокъ, отправился въ Бухару, гдѣ и представилъ свое дѣло государю съ просьбою дозволить ему взимать плату съ путешественниковъ переходящихъ по льду. »Этого нельзя разрѣшить иначе,» сказалъ его величество, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его совѣтники, »какъ только на одномъ условіи, именно, чтобъ на перевощикѣ лежала отвѣтственность за каждаго человѣка, которому случится про-

валиться сквозь ледъ и погибнуть.» Всѣ присутствовавшіе разсыпались въ похвалахъ при такомъ мудромъ отвѣтѣ, всѣ одобрили рѣшеніе, за исключеніемъ самаго подрядчика, который принужденъ былъ внести сполна всю сумму по контракту. Здѣсь можно замѣтить слѣдующее: первое, такъ какъ подрядчикъ не подлежалъ отвѣтственности за жизнь путешественниковъ, переплывающихъ въ его судахъ, то онъ не могъ отвѣчать за нихъ и въ переправѣ по льду; второе, такъ какъ онъ условливался съ государемъ на двѣнадцати-мѣсячный срокъ, то слѣдовало или избавить его отъ платежа на время замерзанія рѣки, или, по крайней мѣрѣ, дозволить взимать плату за переправу по льду. Но законъ во всѣхъ странахъ подлежитъ обильнымъ перетолкованіямъ, а потому и бухарскій государь, этимъ воспользовался, охранивъ такимъ образомъ свою казну отъ ущерба, подъ предлогомъ заботливости о жизни своихъ правовѣрныхъ подданныхъ.

Въ то время, какъ мы готовились къ переправѣ, мнѣ снова привелось убѣдиться въ низости

туземныхъ торговцевъ, чему впрочемъ и прежде и послѣ этого я имѣлъ множество доказательствъ. При нашемъ суднѣ не было лошадей, которыя могли бы перетащить его на другую сторону рѣки, а потому было предложено нанять ихъ; мы охотно согласились на это, сказавъ, что съ радостью заплатимъ то, чтó придется на нашу долю. Отвѣтъ купцовъ на такой вызовъ съ нашей стороны былъ самый неожиданный: они хотѣли, чтобъ мы взяли на себя всѣ издержки. Мы, конечно, отказались и начали переправу безъ лошадей. Издержка найма не превзошла бы даже одной четверти рупіи на человѣка: а въ числѣ переправлявщихся купцовъ находились такіе, которые имѣли при себѣ товаровъ тысячи на три тиллъ. Когда паромъ выплылъ на средину рѣки, то купцы, вѣроятно отъ страха, начали безпрерывно призывать себѣ на помощь Аллаха и въ употребленіи его имени не скупились такъ, какъ въ отношеніи денегъ на берегу. Набожныя воззванія ничего для нихъ не стоили, между тѣмъ какъ наемъ лошадей уменьшилъ бы ихъ матеріальныя выгоды. Купцы

здѣшнихъ странъ не имѣютъ тѣхъ понятій о щедрости, какія существуютъ между народами Европы: это, мнѣ кажется, потому, что они лично наблюдаютъ за продажею своихъ товаровъ и собственными глазами видятъ всѣ расходы, которые падаютъ на ихъ счетъ. Мы переправились чрезъ Оксъ безопасно и безъ лошадей, радуясь случаю показать нашимъ попутчикамъ, что кошельки у насъ столько же бѣдны, сколько наша одежда и все наше имущество. Одинъ изъ находившихся съ нами Персіянъ, не будучи въ состояніи примириться съ мыслью о переправѣ чрезъ Джигунъ безъ помощи лошадей, перемѣстился въ другое судно и заплатилъ гребцамъ рупію съ тѣмъ, чтобъ они перевезли его на другую сторону. Выйдя на берегъ, онъ съ блѣднымъ лицемъ принялъ отъ насъ поздравленія съ счастливою переправою и похвалы за свою *отвагу*. Въ послѣдствіи этотъ человѣкъ оказался лучшимъ нашимъ другомъ.

Мы нашли, что Оксъ въ этомъ мѣстѣ имѣлъ 650 ярдовъ ширины и отъ 25 до 29 футовъ

глубины—такъ, что здѣсь онъ былъ и шире и глубже, чѣмъ тамъ, гдѣ мы переправлялись чрезъ него въ первый разъ. Тутъ берега его болѣе отлоги и совершенно поросли болотною травою, затянувшею всѣ водопроводы. Въ этой рѣкѣ ловится рыба огромной величины, отъ пяти до шести сотъ фунтовъ вѣсомъ: это родъ щуки, употребляемой въ пищу Узбеками. Перебравшись чрезъ Оксъ,. мы находились миляхъ въ шести отъ города Чарджуи, который стоялъ въ-виду и отъ котораго начинается судоходство по этой величественной рѣкѣ: торговыя водяныя сообщенія производятся по ней отъ упомянутаго города до Оргенджа.

Оксъ упоминается преимущественно подъ этимъ именемъ у историковъ Александра, хотя, какъ кажется, онъ никогда не былъ извѣстенъ подъ этимъ названіемъ у Азіятцевъ, которые именуютъ его Джигунъ или Аму. Изъ древнихъ писателей, мы знаемъ, что Александръ шелъ къ этой рѣкѣ изъ Бактріи или Балка чрезъ страну, которая „свидѣтельствовала о силѣ солнца

своими палящими песками.“ У древнихъ разстояніе между Бактрою и этою рѣкою показано вѣрно, въ 400 стадій; также и ширина ея опредѣлена съ совершенною точностью. Арріанъ, слѣдуя Аристобулу, пишетъ, что Оксъ имѣетъ шесть стадій въ ширину, и мы дѣйствительно нашли, что онъ равняется 828 ярдамъ отъ одного берега до другаго. Мнѣ даже кажется, что самую топографію береговъ его можно видѣть у Курція: при этомъ перевозѣ есть невысокіе островершинные холмы, а исторія говоритъ, что Александръ повелѣлъ зажигать огни на возвышенностяхъ, дабы „воины, отставшіе отъ войска, *могли видѣть*, *гдѣ стоялъ его лагерь.*“ Ниже Килефа холмовъ нѣтъ. Курцій говоритъ, что Оксъ есть рѣка мутная, несущая огромное количество илу: я, дѣйствительно, нашелъ, что вода его содержитъ сорокъ частей глины. Что касается до города Мариканда, то въ его имени мы находимъ большое сходство съ новымъ Самаркандомъ. Историки говорятъ, что Мариканда имѣлъ семьдесятъ стадій въ окружности, а мы видѣли, что Бухара

превышаетъ восемь англійскихъ миль, или почти шестдесятъ четыре греческія стадіи. Характеръ здѣшнихъ народовъ въ отдаленныя времена древности описанъ слѣдующими словами: „они занимаются грабежемъ и живутъ добычею.“ Это собственныя *слова* историка: въ нихъ мы узнаемъ характеръ жителей здѣшнихъ странъ — будутъ ли это Гунны, *Скиѳы*, Готѳы, Татары, Турки, или Туркманы. Спускаясь по рѣкѣ Оксу, мы встрѣчаемъ у древнихъ названіе страны Хорасми, находившейся подъ управленіемъ Парсамана, и въ этомъ Хорасми узнаемъ то самое государство, которое было ниспровергнуто Чингисомъ. Выше по рѣкѣ, историки упоминаютъ о Парстасѣ, *которая*, *какъ должно* думать, была страна гористая, ибо они говорятъ о сосновыхъ деревьяхъ и о страшныхъ скалахъ хоріенскихъ. Гористая страна эта есть ничто иное, какъ Каратагинъ, что̀ подтверждается тожествомъ именъ и положенія. Въ Зеріаспесѣ, какъ мнѣ кажется, мы узнаемъ Шаръ Сабзъ. Я такимъ образомъ могъ бы продолжить созвучія въ именахъ еще болѣе, но сомнѣваюсь, чтобъ

этотъ предметъ могъ возбудить общее любопытство.

На другое утро мы выступили въ путь къ Чарджуи, который на всѣхъ нашихъ картахъ ошибочно показанъ на сѣверномъ берегу Окса. Это мѣсто, состоящее подъ управленіемъ какого-то Калмыка, весьма красиво расположено на грани земель воздѣланныхъ и пустынныхъ, и защищено красивымъ укрѣпленіемъ, стоящимъ на возвышенности, господствующей надъ городомъ. Говорятъ, что этотъ фортъ выдерживалъ осаду Тимура; теперешнее его состояніе не представляетъ никакого выгоднаго понятія ни о его прежней силѣ, ни о могуществѣ этого завоевателя. Народонаселеніе Чарджуи не превышаетъ 4000, или 5000 человѣкъ, большая часть которыхъ кочуютъ въ жаркое время года вверхъ и внизъ по Оксу. Тутъ мы прожили четыре дня: это было послѣднее населенное образованное мѣсто между Бухарою и Персіею. Во время нашего пребыванія въ этомъ городѣ случился базарный день: я, отправившись съ однимъ Туркманомъ, Эрназзаромъ, по-

смотрѣть на торговое сборище, гулялъ между толпами, ни сколько не обращая на себя ихъ вниманія, и долго бродилъ по базару, гдѣ люди занимали меня гораздо болѣе, чѣмъ товары, разложенные для продажи. Во всѣхъ отношеніяхъ весьма бѣдные, они преимущественно состояли изъ ножей, сѣделъ, уздечекъ, разныхъ тканей и попонъ туземнаго издѣлія. Предметы европейской производимости состояли изъ кой-какихъ бусъ и ситцовыхъ ермолокъ, бывшихъ въ большомъ требованіи. Тутъ были также фонари, кружки и мѣдные горшки въ довольно значительномъ количествѣ. Многіе торговцы этими предметами торговали *съ лошади*; всѣ покупщики были также на лошадяхъ: въ Туркестанѣ никто не отправляется на базаръ иначе, какъ верхомъ. Я не встрѣтилъ въ это время ни одной женщины ни подъ покрываломъ, ни безъ покрывала. Большая часть мужщинъ были Туркманы съ Окса, въ высокихъ овчинныхъ шапкахъ, какія носятъ жители Органджа. На базарѣ толпилось отъ двухъ до трехъ тысячь человѣкъ; но шумъ и толкотня были не велики,

хотя продажа и купля производилась весьма значительная. Обычай имѣть опредѣленные базарные дни не извѣстенъ ни въ Индіи, ни въ Кабулѣ; но въ Туркестанѣ онъ въ общемъ ходу, ибо оживляетъ торговлю и, какъ кажется, представляетъ ей много удобствъ тѣмъ, что всѣ жители изъ-за многихъ миль въ окрестностяхъ собираются по этому случаю въ опредѣленныя мѣста. Здѣсь почти каждый человѣкъ считаетъ какъ бы обязанностью присутствовать на базарѣ, гдѣ разные роды товаровъ размѣщаются по сортамъ въ отдѣльныхъ частяхъ сборнаго мѣста съ такою же правильностью, какую мы видѣли въ Бухарѣ: тутъ вы можете покупать зерновой хлѣбъ, тамъ плоды; въ одномъ мѣстѣ мясо, а въ другомъ ткани и проч. По причинѣ тѣсноты улицъ, базары на Востокѣ обыкновенно имѣютъ мѣсто на концѣ города, что̀ мы нашли и въ Чарджуи, гдѣ плоды, зерновой хлѣбъ и всѣ другіе товары, требующіе разкладки, размѣщались на землѣ. Базары по большей части продолжаются отъ одиннадцати до четырехъ часовъ, т. е. въ самый жаркій періодъ дня.

Сдѣлавъ въ Чарджуи запасъ необходимѣйшихъ потребностей, мы собрались въ дальнѣйшій путь и наполнили всѣ наши мѣха, кувшины и фляги, такъ сказать черезъ край, водою изъ Окса. Въ полдень 22 числа мы выѣхали и, пройдя около двухъ миль, вступили въ великую пустыню, отдѣляющую царство Ирана отъ Турана. Въ Туркестанѣ обыкновенно путешествуютъ отъ полдня до захожденія солнца, потомъ, отдохнувъ часа два и подкрѣпивъ себя чаемъ, продолжаютъ путь и мало по малу приближаются къ станціи, которой почти всегда достигаютъ на разсвѣтѣ. Согласно съ этимъ обыкновеніемъ, мы сдѣлали привалъ вечеромъ, потомъ опять шли до самаго солнечнаго восхода и къ утру добрались до Карула — колодца, огороженнаго древесными сучьями и имѣющаго соленоватую воду на глубинѣ тридцати футовъ. Тутъ, на разстояніи двадцати двухъ миль отъ Чарджуи, мы сдѣлали привалъ. Вся страна, представлявшаяся нашему взору, была голая пустыня, покрытая песчаными холмами, хотя и не въ такой степени лишенная раститель-

ности, какъ сѣверные берега Окса. Эти холмы имѣли точно такую же послѣдовательность и принадлежали къ той же формаціи, какая описана выше: они были совершенно рыхлы, хотя песокъ не былъ такъ мелокъ; наши верблюды скользили по нимъ подъ своими ношами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчались пространства отвердѣлой глины, ибо и здѣсь песчаные холмы имѣли глинистое основаніе. Въ котловинахъ и по вершинамъ холмовъ, мы находили какой-то кустарникъ, съ-виду походящій на тамарискъ и называемый здѣсь *кезара*. Встрѣчалась также какая-то другая трава, родъ ситника, называемая *селанъ*, и еще два колючіе куста *казсакъ* и *кериганъ*, которые хотя и не походятъ на обыкновенные кусты, употребляемые верблюдами въ пищу, однако же эти животныя ѣли ихъ съ жадностью. На протяженіи всего этого перехода, мы не видали ни свѣжей воды, ни какого признака жителей, кромѣ одного разрушеннаго форта, когда-то служившаго наблюдательнымъ постомъ для обитателей на Оксѣ. Индійскія пустыни Джайзалмира и

Паркара казались *для* меня ничтожными въ сравненіи съ этимъ безпредѣльнымъ океаномъ песку: я не могу представить себѣ зрѣлища болѣе грознаго, чѣмъ эта пустыня. Единственное отдохновеніе, которое въ подобныхъ мѣстахъ находитъ для себя глазъ путешественника, сосредоточивается на длинной вереницѣ верблюдовъ, извилистою цѣпью слѣдующихъ одинъ за другимъ въ страшномъ запустѣніи. Сравненіе корабля на океанѣ съ верблюдомъ въ пустынѣ хотя и можетъ казаться натяжкою, однако же оно вполнѣ справедливо: живые предметы придаютъ много значенія неодушевленной природѣ.

На половинѣ пути въ этой пустынѣ, мы встрѣтили семь человѣкъ несчастныхъ Персіянъ, захваченныхъ въ плѣнъ Туркманами и теперь шедшихъ въ Бухару, гдѣ *они*, *вѣроятно*, поступятъ въ продажу. Пятеро изъ нихъ были скованы одинъ съ другимъ и ступали съ трудомъ по сыпучему песку. При видѣ ихъ, въ нашемъ караванѣ раздалось общее восклицаніе соболѣзнованія, которое, по видимому, глубоко

тронуло несчастныхъ страдальцевъ: они плакали, устремляя на насъ печальные взоры, когда последній верблюдъ проходилъ мимо по направленію къ ихъ любезному отечеству. Такъ какъ верблюдъ, на которомъ я ѣхалъ, находился на концѣ поѣзда, то я остановился, чтобъ распросить объ ихъ печальной участи и узналъ, что они нѣсколько недѣль тому назадъ были захвачены Туркманами въ Гаинѣ, близъ Мешеда, въ то время, какъ необходимость воздѣлыванія полей вызвала ихъ изъ-за предѣловъ жилищъ. Они были чрезвычайно изнурены, жажда ихъ доходила до высшей степени: я отдалъ имъ все, что могъ, т. е. одинъ арбузъ, который, не смотря на всю ничтожность подаянія, они приняли съ признательностью. Путешествуя такимъ образомъ въ пустынѣ, какое страшное понятіе должны были имѣть эти несчастливцы о странѣ, въ которую вели ихъ! Туркманы не оказываютъ большаго состраданія къ своимъ персидскимъ невольникамъ: да и можно ли ожидать иного обращенія отъ людей, проводящихъ всю свою жизнь въ торговлѣ раба-

ми. Они давали имъ самыя скудныя порціи пищи и воды, съ тою цѣлью, чтобъ истощить ихъ силы и такимъ образомъ предупредить побѣгъ: другаго зла Туркманы не причиняютъ своимъ невольникамъ. Молва о томъ, что эти людокрады подрѣзываютъ имъ пятки и продергиваютъ веревку вокругъ ключицы, не имѣетъ никакого основанія: такое увѣчье неминуемо уменьшало бы цѣну товара. Эти несчастливцы претерпѣваютъ гораздо большее бѣдствіе — они теряютъ свободу.

Достигнувъ къ утру мѣста нашего привала, мы имѣли возможность вполнѣ разсмотрѣть все общество нашего каравана. Въ немъ было болѣе восьмидесяти верблюдовъ и около 150 человѣкъ путешественниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежали къ числу первоклассныхъ торговцевъ, сопровождавшихъ лично свои товары въ Персію. Нѣкоторые изъ этихъ людей ѣхали въ корзинахъ перевѣшанныхъ на верблюдахъ, другіе верхомъ на лошадяхъ, или на ослахъ; однимъ словомъ всѣ, даже самые бѣдные, имѣли какое

нибудь животное, служившее имъ для путешествія. Конники ѣхали впереди верблюдовъ, и опережая ихъ, по временамъ сходили съ лошадей, ложились на землю и, держа въ рукѣ поводья, на нѣсколько минутъ забывались сномъ, въ ожиданіи пока приблизится караванъ. Новизна такого зрѣлища представляла для насъ много любопытнаго. Въ числѣ нашихъ спутниковъ находилось восемь, или десять Персіянъ, которые, проведя въ Туркестанѣ нѣсколько лѣтъ въ рабствѣ и купивъ себѣ свободу, теперь украдкою возвращались на родину. Эти люди находили большое удовольствіе въ бесѣдахъ съ нами; многіе изъ нихъ, сильно привязавшись къ намъ во время путешествія, приносили намъ дыни, рѣзали для насъ барановъ, добывали воду и всегда выказывали готовность къ услугамъ. Нѣкоторые изъ нихъ попадались въ плѣнъ не менѣе трехъ разъ и не менѣе трехъ разъ выкупались изъ неволи, ибо Узбеки какъ-то легко поддаются обману со стороны своихъ рабовъ, наживающихъ деньги въ ихъ службѣ. Имѣя часто случай говорить съ плѣнниками, я

въ одинаковой степени соболѣзновалъ какъ о ихъ минувшихъ страданіяхъ, такъ и о настоящихъ опасеніяхъ. Ихъ богатые соотечественники, находившіеся въ караванѣ, поручили имъ часть своихъ товаровъ, чтобъ этимъ отвлечь отъ нихъ вниманіе, давъ имъ возможность походить болѣе на торговцевъ, чѣмъ на выкупившихся рабовъ: персидскій купецъ въ караванѣ почти всегда безопасенъ. Не взирая на такую предосторожность, какой-то жестокосердый негодяй выдалъ ихъ на берегахъ Окса, въ слѣдствіе чего одного изъ нихъ снова отправили въ Бухару, а другіе только послѣ многихъ хлопотъ успѣли переправиться чрезъ рѣку. Малѣйшій намёкъ жителямъ Оргенджа объ этихъ людяхъ, вѣроятно, преградилъ бы имъ дальнѣйшій путь, и потому для устраненія такого несчастія, имъ даны были надлежащія наставленія. Каковы должны быть чувствованія этихъ бѣдняковъ по мѣрѣ приближенія ихъ къ Персіи! Одинъ изъ нихъ говорилъ мнѣ, что у него осталась жена съ многочисленнымъ семействомъ въ то время, какъ онъ былъ проданъ въ неволю лѣтъ двадцать пять

тому назадъ, и что съ тѣхъ поръ онъ не имѣлъ объ нихъ никакого извѣстія. Если кто нибудь изъ этого семейства остался въ живыхъ, то, вѣроятно, отецъ явится между дѣтьми своими, какъ пришлецъ изъ могилы. Другой несчастный разсказывалъ мнѣ повѣсть не менѣе трогательную: онъ былъ захваченъ со всѣмъ своимъ семействомъ и со всѣми жителями своей деревни близъ Туршиша и перепроданъ какимъ-то хоразанскимъ начальникомъ Туркманамъ, которые при этомъ случаѣ отвели болѣе ста невольниковъ въ Бухару. Въ Маймани, лежащемъ на пути, они были перепроданы другимъ Туркманамъ и, наконецъ, окончательно отведены въ Бухару, гдѣ всѣ поступили въ собственность трехъ отдѣльныхъ владѣльцевъ: жена его была куплена однимъ, дочь и сынъ другимъ, а самъ онъ третьимъ. По вскорѣ какой-то благодѣтельный человѣкъ, узнавъ о его несчастіяхъ, купилъ ему свободу, ибо считалъ это дѣломъ угоднымъ предъ лицемъ Бога. Бѣднякъ долго жилъ въ Бухарѣ, какъ птица близъ своего разграбленнаго гнѣзда, въ надеждѣ освободить и другихъ чле-

новъ своего семейства; но ему это не удалось и потому онъ теперь возвращался въ отечество, дабы возбудить, если только будетъ возможность, состраданіе и участіе въ тѣхъ, которые знали его во дни счастія. Повѣсти, разсказываемыя здѣсь о несчастіяхъ, причиняемыхъ человѣчеству грабителями Туркманами, раздираютъ сердце.

На пути отъ Карула, мы покинули большую караванную дорогу, ведущую въ Мервъ, и пошли степью на западъ, путемъ мало-посѣщаемымъ. Выборъ дороги былъ непроизвольный, ибо начальникъ оргенджскаго войска прислалъ гонца, чтобъ привести насъ въ свой лагерь и мы, попавъ такимъ образомъ въ львиныя лапы, не имѣли возможности Помочь своему горю; но купцы горевали болѣе насъ. Послѣ обычнаго привала мы утромъ 23 числа дошли до колодца Балгуи, отстоящаго въ двадцати пяти миляхъ. Это былъ небольшой уединенный колодецъ, имѣвшій четыре фута въ діаметрѣ и такую же глубину какъ карульскій. Туркманы не могли

скоро отыскать его: они нѣсколько часовъ блуждали взадъ и впередъ въ тщетныхъ поискахъ. Вода въ немъ была очень хороша, и мы скоро всю ее вычерпали, а потомъ ждали цѣлую ночь, пока онъ снова наполнился.

На всемъ пространствѣ этого перехода пустыня была покрыта мелкимъ кустарникомъ, воды нигдѣ не встрѣчалось; единственными ея обитателями представлялись намъ крысы, ящерицы, нѣсколько жуковъ и кой-гдѣ одинокая птица. Нѣкоторыя изъ песчаныхъ холмовъ достигали высоты шестидесяти футовъ; но при такой высотѣ всѣ они обнажены и не имѣютъ никакой растительности, которая, по моему мнѣнію, и не можетъ существовать на подобной, ни чѣмъ незащищенной мѣстности. Самые высокіе холмы находились на разстояніи восьми миль отъ мѣста нашего привала: ихъ называли *ширъ-и-шутръ* или *верблюжье молоко*, въ слѣдствіе какого-то преданія объ этомъ животномъ. Въ наружномъ видѣ песку не представлялось ничего особеннаго: онъ принадлежалъ къ кварцо-

вымъ породамъ. Дерну, травы, или какихъ нибудь стелющихся растеній нигдѣ не было; каждый кустъ росъ отдѣльно; а трава, о которой я упоминалъ прежде, встрѣчалась кучками. Температура песку доходила до 150°, а температура атмосферы до 100°; но жаръ умѣрялся постоянно дувшимъ вѣтромъ, безъ котораго лѣтомъ, мнѣ кажется, не было бы ни какой возможности путешествовать въ этой пустынѣ. Постоянство, съ которымъ онъ дуетъ здѣсь по одному и тому же направленію, весьма замѣчательно, тѣмъ болѣе, что горы, ограждающія всѣ предѣлы этой страны, кромѣ сѣвернаго, слишкомъ отдалены, чтобъ воспрепятствовать притоку другихъ вѣтровъ. Нашъ караванъ шелъ по пескамъ твердымъ и ровнымъ шагомъ. Я не замѣчалъ, чтобъ ходъ верблюдовъ былъ затруднительнѣе въ пустынѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; эти животныя обыкновенно идутъ со скоростью двухъ миль и одной восьмой въ часъ (3740 ярдовъ). Въ послѣдствіи я узналъ изъ путешествія Вольнея, человѣка достойнаго всякаго вѣроятія, что въ Египтѣ и Сиріи они проходятъ 3600 ярдовъ въ часъ.

Нѣсколько разъ имѣя случай слышать прежде о степяхъ, лежащихъ на югъ отъ Окса, мы теперь могли составить о нихъ понятіе по собственнымъ наблюденіямъ. Намъ попадались скелеты верблюдовъ и лошадей, погибшихъ отъ жажды: кости ихъ страшно бѣлѣли на солнцѣ. Характеръ дорогъ и тропинокъ въ этихъ странахъ весьма способствуетъ заплутанію, и если путешественникъ какимъ нибудь образомъ собьется съ пути, то онъ неминуемо погибаетъ вмѣстѣ съ своимъ изнуреннымъ животнымъ. Подобный примѣръ случился за нѣсколько дней до нашего выѣзда изъ Чарджуи: три человѣка, ѣхавшіе изъ оргенджскаго лагеря, сбились съ дороги; блуждая въ тщетныхъ поискахъ, они истощили весь запасъ воды, заморили двухъ лошадей и, наконецъ, вскрывъ жилы остававшагося у нихъ верблюда, сосали изъ него кровь и, подкрѣпляя себя такимъ образомъ, кое-какъ добрались до Чарджуи, гдѣ верблюдъ издохъ отъ малокровія. Такія бѣдствія случаются здѣсь очень часто. Ханъ Оргенджа во время своего послѣдняго похода

въ пустыню потерялъ болѣе двухъ тысячь верблюдовъ, навьюченныхъ водою и провіантомъ для его войска. Въ такой крайности онъ началъ рыть колодцы; но воды въ нихъ было недостаточно. Верблюды вообще очень терпѣливо выносятъ жажду; однако же ошибочно было бы думать, что они могутъ обходиться безъ воды весьма долгое время: обыкновенно они истощеваютъ и умираютъ на четвертый день, а во время сильныхъ жаровъ издыхаютъ еще скорѣе.

Простоявъ цѣлыя сутки на одномъ мѣстѣ, чтобъ дать отдыхъ верблюдамъ, мы при восходѣ солнца снова выступили и, продолжая путь съ небольшими роздыхами до слѣдующаго утра, прошли въ этотъ періодъ тридцать пять миль и остановились близъ зловоннаго колодца, называемаго Сирабъ. На всемъ пространствѣ этого перехода воды нигдѣ не было. По мѣрѣ нашего слѣдованія къ западу, мы теряли изъ виду большіе песчаные холмы; пустыня, сохраняя свой прежній характеръ, начинала мало по малу представлять поверхность песковъ, волнистую и неровную, мѣстами покрытую кустарниками

мѣстами перерѣзанную соленою почвою. Вода въ упомянутомъ колодцѣ, послѣ того какъ ее отчасти вычерпали, оказалась довольно хорошею. Едва мы расположились бивакомъ, какъ явился къ намъ нашъ туркманскій сирдаръ (Эрназзаръ); онъ пришелъ выпить съ нами чашку чаю и доказалъ, что никакой школьникъ не перещеголялъ бы его въ страсти къ сахару. Я не скупился угощать имъ этого сѣдовласаго Туркмана и отъ души смѣялся, смотря, какъ онъ грызъ его; а купцы, дивясь моей щедрости, не могли понять, почему я истрачиваюсь на такого человѣка. Но я всегда считалъ себя болѣе счастливымъ въ его сообществѣ, ибо онъ составлялъ единственное звено между нами и варварами, насъ окружавшими. Извѣщая насъ о новостяхъ, случавшихся въ нашемъ караванѣ, онъ сообщалъ намъ всѣ подробности о странѣ, чрезъ которую мы проходили, и ни сколько не обращалъ вниманія на то, что мы ихъ постоянно записывали. Эрназзаръ не измѣнялъ намъ: чай и ахаръ, которыми онъ лакомился у насъ, были ничто иное, какъ только плата за его услуги.

Въ благодарность за наше радушіе, онъ самъ обѣщалъ угостить насъ, когда мы достигнемъ перваго туркманскаго стана: мы, конечно, ничего *болѣе* не *ожидали*, какъ *кимиса*, или *бузы* (кобыльяго молока въ степени броженія), но ошиблись — онъ въ послѣдствіи подчивалъ насъ верблюжьимъ молокомъ, составляющимъ единственный напитокъ Туркмановъ. Молоко это смѣшивается съ водою, послѣ чего снимаютъ съ него сливки, которыя въ этомъ состояніи называются *чалъ* и имѣютъ довольно пріятный кисловатый вкусъ. Болѣе-жидкія части такого молока считаются туземцами за питье весьма пріятное, но на мой вкусъ оно было слишкомъ кисло и остро. До этого времени я всегда полагалъ, что и Туркманы и Узбеки употребляли для питья какъ кобылье молоко, такъ и заквашенные напитки; а оказалось, что въ Бухарѣ послѣдніе почти не употребляются и свойственны только Кайсакамъ и Киргизамъ, живущимъ между Россіею и этимъ городомъ.

Караванъ представляетъ точное подобіе республики; но я не думаю, чтобы республики, по

крайней мѣрѣ большая часть ихъ, были также хорошо управляемы. Изъ восьмидесяти верблюдовъ каравана каждые три, или четыре принадлежали отдѣльному хозяину и всѣ находились подъ распоряженіями четырехъ кафила-баши; но не смотря на такую многочисленность людей, я не слыхаль никакихъ споровъ на счетъ порядка путешествія и всегда дивился ихъ согласію, отдавая полную справедливость обыкновенію поджидать на пути другъ друга. Если случалось, что какой нибудь верблюдъ сбрасывалъ съ себя вьюкъ, то весь караванъ останавливался и выжидалъ, пока онъ будетъ снова навьюченъ. Такое единодушіе доставляло намъ необыкновенное удовольствіе и, раждая въ душѣ радостныя чувства, дѣлало караванный способъ путешествія весьма пріятнымъ. Чѣмъ болѣе я сближался съ Азіятцами въ ихъ собственной сферѣ, составляя о нихъ понятіе по ихъ собственному мѣрилу, тѣмъ болѣе благопріятное впечатлѣніе они производили на меня. Въ образованной Европѣ мы не встрѣчаемъ того природнаго великодушія, которое побуждаетъ жителей

Азіи, отъ самаго высшаго сословія до самаго низшаго, раздѣлять между собою все до послѣдняго куска хлѣба. У Магоммеданъ нѣтъ различія между знатностью и бѣдностью, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ гостепріимству: ханъ обѣдаетъ также просто, какъ и селянинъ, и никогда не подумаетъ вкусить пищи, прежде нежели не раздѣлитъ ее съ людьми, его окружающими. Мнѣ самому нерѣдко случалось раздѣлять такое радушіе какъ съ богатыми, такъ и съ бѣдными, ибо здѣсь никто и ничѣмъ не наслаждается безъ сообщества. Такое взаимное дружелюбіе между Азіятцами не ограничивается одними путешествующими купцами: оно точно также существуетъ и въ городахъ и въ селеніяхъ. Какъ не пожалѣть, что образованіе со всѣми своими преимуществами не удерживаетъ этихъ добродѣтелей. Варвары—гостепріимны, люди образованные—вѣжливы; но гостепріимство въ совокупности съ вѣжливостью придало бы этой послѣдней еще большую цѣнность. Караванъ представляетъ предметъ любопытный во всякое время: молитвы набожныхъ о избавленіи

отъ несчастій въ туркманской пустынѣ не могли не обратить нашего вниманія. Линія каравана, слишкомъ растянутая, не представляла удобства людямъ, къ нему принадлежавшимъ, собираться въ кучу по призыву на молитву, а по этому въ опредѣленные часы каждый Магоммеданинъ приносилъ молитвы на спинѣ своего верблюда, или въ корзинѣ, со всею набожностью, столь свойственною правовѣрнымъ. Законъ Магоммеда дозволяетъ имъ омывать себя пескомъ тамъ, гдѣ нѣтъ воды и считать спину верблюда, или лошади столь же приличнымъ мѣстомъ для принесенія молитвы, сколько и самыя великолѣпныя городскія мечети. Пріѣздъ на мѣста стоянки всегда представлялъ оживленную и занимательную картину. Обыкновенно Узбеки, также какъ и Европейцы не поятъ своихъ лошадей до тѣхъ поръ, пока онѣ не простынутъ; но такъ какъ въ продолженіе всего нашего путешествія мы останавливались только на самые короткіе сроки и потомъ снова выступали въ путь, то они тутъже давали лошадямъ пойло, и чтобъ устранить худыя слѣдствія,

отъ этого происходящія, садились на нихъ верхомъ и скакали нѣсколько миль во весь опоръ по холмамъ и долинамъ. Это, какъ говорили Узбеки, доводило температуру воды до температуры животнаго тѣла. Свободная, непринужденная посадка конниковъ и легость сѣделъ, которыя они постоянно употребляютъ (нѣкоторыя были немного болѣе нашихъ скаковыхъ сѣделъ) придавали необыкновенную стройность и увлекательность подобнымъ скачькамъ.

Въ слѣдующій переходъ, мы около полуночи добрались до Учгуи или до Трехъ Колодцевъ, которые отысканы были съ большимъ трудомъ, ибо долго блуждая изъ стороны въ сторону, Туркманы сходили въ потьмахъ съ лошадей и ползая по песку, ощупывали руками тропинку. Наконецъ въ то время, какъ мы почти теряли надежду попасть на нее и уже готовились стать бивакомъ, лай собаки и отдаленный откликъ на наши неумолкавшіе крики разсѣяли опасенія, и вскорѣ за тѣмъ мы остановились у одного изъ колодцевъ. Здѣсь мы нашли нѣсколько кочевыхъ Туркма-

новъ, первыхъ встрѣтившихся намъ со времени нашего отъѣзда съ Окса. Вода въ колодцѣ оказалась горькою, но туземные пастухи, по видимому, мало обращали вниманія на ея качества. Пустыня продолжала измѣняться по мѣрѣ нашего слѣдованія: она становилась болѣе плоскою и имѣла гораздо менѣе песку, хотя онъ все еще встрѣчался по холмамъ и низменностямъ. Тутъ начинали намъ попадаться небольшіе, красные и остроконечные галыши, много походящіе на желѣзный колчаданъ; но вырытые здѣсь колодцы все еще превосходили глубину тридцати футовъ. Въ Индійской пустынѣ они имѣютъ болѣе 300 футовъ. На слѣдующее утро Туркманы собрались вокругъ насъ, и мы смѣло сближались съ ними, ибо они ничего не знали о нашемъ званіи: присутствіе Эрназзара, человѣка, принадлежавшаго къ ихъ племени, привлекало къ намъ этихъ дѣтей пустыни еще болѣе. Они разсказывали намъ о жестокихъ холодахъ, которые случаются въ этой странѣ зимою, и увѣряли, что снѣгъ лежитъ иногда на футъ глубиною. Мы сами испытали пониженіе темпе-

ратуры на десять градусовъ съ того времени, какъ оставили Оксъ.

Тутъ намъ объявили, что мы приближились къ лагерю Хана Оргенджа, стоявшаго на берегахъ Мургаба или рѣки Мерва, но въ значительномъ по ней разстояніи отъ мѣста этого имени и почти въ тридцати миляхъ отъ нашей стоянки. Около полудня мы снова пустились въ путь и въ пору захожденія солнца увидѣли себя между развалинами укрѣпленій и деревень теперь совершенно покинутыхъ: развалины эти стояли группами на обширной равнинѣ и служили памятниками дѣятельности и древняго образованія жителей знаменитаго царства Мерва или Меру, какъ наши историки неправильно называютъ его. Прежде нежели мы приблизились къ этимъ развалинамъ, стаи птицъ, перелетавшихъ надъ нашими головами, ясно показывали, что мы выходили изъ предѣловъ песчанаго океана. Какъ мореплаватель по такимъ же точно признакамъ узнаетъ, что онъ близокъ къ сушѣ, такъ и мы убѣждались, что прибли-

жаемся къ водѣ, оставляя за собою безплодную пустыню въ 150 миль пространствомъ, гдѣ такъ много страдали отъ недостатка этой жизненной потребности. Отъ осѣдлыхъ жилищъ Туркмановъ мы были еще довольно далеко; но сдѣлавъ еще одинъ переходъ во время прохладной и пріятной погоды, по совершенно ровной и твердой равнинѣ, повсюду усѣянной развалинами, достигли, около девяти часовъ слѣдующаго утра, обширнаго туркманскаго стана или *оба*, какъ его здѣсь называютъ, расположеннаго невдалекѣ отъ береговъ Мургаба. Это мѣсто называется Кваджа Абдулла; все его народонаселеніе выступило на встрѣчу нашему каравану. Мы остановились на небольшомъ холмѣ въ двухъ, или трехъ стахъ ярдахъ отъ стана; наши купцы совѣтовали намъ держаться вмѣстѣ и казаться отчужденными и бѣдными. Мы такъ и сдѣлали, и вскорѣ увидѣли себя окруженными Туркманами, толпившимися вокругъ нашего бивака и вымѣнивавшими табакъ на цѣлые вьюки самыхъ превосходныхъ дынь, которыми мы наслаждались въ сообществѣ неволь-

никовъ и погоньщиковъ верблюдовъ, подъ самымъ палящимъ солнцемъ, которое уже не могло ничего прибавить къ загару, помрачившему наши лица. Тутъ мы скоро узнали, что оргенджскій станъ былъ расположенъ на другой сторонѣ рѣки Мургаба, которую переходили въ бродъ только въ извѣстныхъ мѣстахъ. Наши купцы рѣшили тотчасъ же отправиться, со всѣми кафила-баши, въ оргенджскій лагерь и употребить все стараніе, дабы склонить на свою сторону начальника, предводительствовавшаго войскомъ въ отсутствіи хана, за нѣсколько дней до этого возвратившагося въ Хиву. Главная цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобъ выхлопотать себѣ дозволеніе заплатить пошлину въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановился караванъ, ибо никто изъ нихъ не хотѣлъ ввѣрить своего имущества оргенджскому войску. Всѣ усердно молились объ успѣхѣ; въ этомъ и я съ своей стороны присоединялся къ нимъ всею душею. Вскорѣ депутація выступила, сопутствуемая благословеніями всѣхъ и каждаго; а мы остались въ числѣ *oi polloi* каравана, и съ наступленіемъ ночи,

разстиливъ свои войлоки подъ яснымъ и безоблачнымъ небомъ, спокойно заснули, ни сколько не опасаясь своихъ хищныхъ сосѣдей. Такое безопасливое состоянiе между подобными людьми и въ подобной странѣ, конечно, достойно замѣчанiя; но Туркманы, всегда способные устроить и выполнить набѣгъ съ необыкновенною ловкостью, несклонны къ воровству, ни сколько несвойственному ихъ природѣ.

Теперь я могу свободнѣе поговорить о пустынѣ, которую мы только что прошли на пути къ Мерву. Въ военномъ отношенiи, недостатокъ воды представляетъ въ ней большiя затрудненiя, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колодцы находятся на разстоянiи тридцати шести миль одинъ отъ другаго, и притомъ вода въ нихъ, говоря вообще, горька и необильна. Наша запасная вода, которую мы везли съ собою отъ Окса, была столько же злокачественна, какъ и вода пустыни; ибо она, сохраняясь въ мѣхахъ, смазываемыхъ масломъ въ предохраненiе отъ разрыванiя, до такой степени пропитывалась жиромъ, что даже

лошади отказывались пить ее. Нѣтъ потребности, которая въ степи ощущалась бы въ такой степени, какъ вода! Во время переходовъ, многіе изъ людей, принадлежавшихъ къ каравану, въ особенности погоньщики верблюдовъ, подвергались воспаленію глазъ, что́, по моему мнѣнію, происходило отъ песку, пыли и отъ солнечнаго блеска. При такихъ мелочныхъ затрудненіяхъ и физическихъ преградахъ, едва ли какая нибудь армія будетъ въ состояніи пройдти по степи въ этомъ направленіи. Правда, что вязкія песчаныя тропинки (дорогъ въ степи нѣтъ) можно въ нѣкоторой степени сдѣлать проходимыми для пушекъ растилкою по песку кустарныхъ растеній; но за то тутъ господствуетъ большой недостатокъ въ травѣ, потребной для животныхъ: немногія лошади, находившіяся въ нашемъ караванѣ, были истощены и измучены до высшей степени, прежде нежели мы достигли до Мургаба. Ни какая регулярная армія не въ состояніи опередить здѣсь своего каравана, а чрезъ это и изнуреніе ея неминуемо должно увеличиваться. Мы знаемъ изъ исторіи, что многія

войска переходили чрезъ эти степи и даже дрались въ нихъ; но это были ничто иное какъ орды легкой конницы, двигавшіяся съ необыкновенною быстротою. Должно замѣтить, что въ нашемъ караванѣ не было ни одного пѣшехода. Легкая кавалерія можетъ переходить эти степи отдѣльными отрядами и по разнымъ путямъ, потому что въ нихъ кромѣ большой мервской дороги есть еще двѣ — на востокѣ и на западѣ. Для многочисленныхъ корпусовъ переходъ отъ Мургаба до Окса всегда будетъ затруднителенъ, ибо на этомъ пространствѣ воды такъ недостаточно, что нашъ караванъ, состоявшій только изъ восьмидесяти верблюдовъ, совершенно опоражнивалъ всѣ колодцы, которые всегда можно легко скрыть и даже засыпать. Въ мѣстахъ, гдѣ вода находится на тридцати футахъ подъ поверхностью земли, военачальникъ съ сильною волею отчасти можетъ еще пособить этому недостатку, какъ мы это видѣли въ вышеупомянутомъ походѣ оргенджскаго хана на берега Мургаба. Впрочемъ послѣ всего сказаннаго, можетъ быть съ излишнею подробностью, о путе-

шествіи по этимъ пустынямъ, я могу спросить себя, кто пожелаетъ совершить чрезъ нихъ походъ? или на пути какого завоевателя лежатъ онѣ? Онѣ не на дорогѣ между Индіею и Европою, а потому, если бы потомки Скиѳовъ и Парѳянъ и вздумали покорить одинъ другаго, то они свободно могутъ домогаться своей цѣли, не возбуждая даже и малѣйшаго вниманія Британіи.

Туркманскій станъ или Оба, при которомъ мы остановились, представлялъ для насъ картину совершенно новую. Онъ состоялъ изъ 150 конусообразныхъ временныхъ жилищъ, *хиргаховъ,* разбитыхъ на возвышенности. Въ размѣщеніи ихъ не было никакого порядка: они представлялись намъ огромными ульями, и еще болѣе подходили бы подъ это сравненіе, если бы не имѣли черныхъ кровлей: дѣти, шумѣвшія возлѣ нихъ, были многочисленны, какъ пчелы. Въ такомъ сборищѣ хищниковъ-Туркмановъ я убѣдился на дѣлѣ, что въ наружномъ видѣ ихъ, дѣйствительно, много татарскаго: глаза у нихъ малы, вѣки кажутся распухшими. Не смотря, однако же, на это, Туркманы составляютъ

весьма красивое племя. Всѣ они носятъ на головѣ *тилпаки*, четвероугольныя, или коническія черныя шапки изъ овчинъ, около фута вышиною, что́ къ нимъ идетъ лучше чалмы и придаетъ воинственную и дисциплинированную наружность. Туркманы вообще предпочитаютъ свѣтлоцвѣтную одежду и обыкновенно избираютъ для своихъ широкихъ *чапкановъ* или шубъ красныя, зеленыя и желтыя краски легкихъ тѣней. Бродя вокругъ своего кочевья, они, по видимому, наслаждались бездѣйствіемъ: да и что оставалось имъ дѣлать, какъ не наслаждаться добычею, захваченною въ послѣднемъ набѣгѣ. Полей у нихъ не много; для храненія же стадъ на постбищихъ достаточно двухъ, или трехъ человѣкъ, ибо главную обязанность пастуховъ отправляютъ здѣсь собаки. Эти животныя, ручныя для своихъ хозяевъ и злыя для незнакомцевъ, вообще шершавы, имѣютъ большое сходство съ меделянскою породою и продаются по высокой цѣнѣ даже и въ здѣшнихъ мѣстахъ. Воинственные обычаи Туркмановъ казались мнѣ тѣмъ поразительнѣе, что кустарники вокругъ кочевья

были вырублены почти на милю во всѣ стороны и хотя они собственно уничтожены были потребностью топлива, однако же это ни сколько не мѣшало площади походить на огромный плацъ-парадъ. Говоря о Туркманахъ, мнѣ нельзя не упомянуть о туркманскихъ женщинахъ. Головной уборъ ихъ, сдѣлавшій бы честь любому англійскому собранію, состоитъ изъ высокой, бѣлой чалмы, на которую набрасывается красный, или бѣлый шарфъ, опускающійся до самаго пояса. Многія изъ туркманскихъ женщинъ, нерѣдко бѣлолицыя и прекрасныя собою, украшаютъ себя разными убранствами, вплетенными въ волоса, опускающіеся косами до самыхъ плечь. Этотъ головной уборъ ихъ, можетъ быть, нѣсколько великъ; но за то сами онѣ по большей части высоки ростомъ, и онъ тѣмъ болѣе имъ къ лицу, что онѣ не закутываются покрывалами. Остальная часть ихъ наряда состоитъ изъ длиннаго платья, доходящаго до земли и такимъ образомъ совершенно скрывающаго талью и весь станъ, т. е. тѣ самыя части, которыя въ нашей отчизнѣ составляютъ

одно изъ главныхъ мѣрилъ красоты. Вотъ еще доказательство, что народы, другъ отъ друга отдаленные, столько же отличаются вкусомъ и обычаями, сколько и языкомъ.

Наши сопутники, отправившіеся въ Оргенджскій лагерь, возвратились на другое утро отъ Юзъ-баши или Начальника Сотни съ депутатомъ, одинъ видъ котораго заставлялъ купцовъ трепетать отъ страха: до этого времени съ каравана не было взято еще никакой пошлины, и потому все было покрыто неизвѣстностью. Депутатъ, человѣкъ пожилой, покрытый огромнымъ тилпакомъ, пріѣхалъ съ отрядомъ степныхъ Туркмановъ подъ начальствомъ *Аксакала* (слово въ слово—сѣдая борода) изъ великаго племени Серака. Наши купцы, посадивъ депутата на почетное мѣсто, обращались къ нему какъ бы къ самому *Юзъ-баши*, угощали чаемъ и трубкою, поднесли въ подарокъ шелковыя ткани, изюмъ и сахаръ, а потомъ начали показывать свои товары. Такъ какъ каждый купецъ подарилъ его чѣмъ нибудь, то и мы съ своей

стороны также представили двѣ пригоршни изюму и кусочекъ сахару, а потомъ, сѣвъ возлѣ своихъ корзинъ, были свидѣтелями всего происходившаго. Юзъ-баши обратился съ рѣчью къ членамъ каравана и откровенно сказалъ имъ, что ему приказано взять съ нихъ законную пошлину, т. е. по одному съ сорока, и что онъ избавитъ ихъ отъ раскупорки тюковъ. „По этому," продолжалъ онъ, „вамъ лучше объявить всю правду, ибо я при малѣйшемъ подозрѣніи кого либо изъ васъ въ обманѣ, прикажу сдѣлать осмотръ, и тогда вы извѣдаете весь гнѣвъ оргенджскаго хана, моего государя и повелителя." Купцы выслушали эту рѣчь съ трепетомъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, мнѣ кажется, показали товару болѣе, чѣмъ они въ дѣйствительности имѣли, и, сколько я могъ судить, ни одинъ изъ нихъ не уклонился отъ истины. За этимъ велѣно было подать перо и чернила и приступлено къ составленію списка товарамъ, что́ было дѣломъ не совсѣмъ легкимъ.

Въ то время какъ купцы спорили о тиллахъ и льстили Юзъ-баши, мы спокойно сидѣли на

своихъ мѣстахъ и даже прикидывались спящими. Что касается до меня, то я въ жизнь свою никогда болѣе не бодрствовалъ, ибо, находясь довольно въ близкомъ разстояніи, могъ слышать и видѣть все, что́ происходило. На нѣсколько вопросовъ, сдѣланныхъ относительно насъ, главнѣйшіе купцы отвѣчали съ большимъ къ намъ участіемъ и милостью, объявивъ, что мы Индусы изъ Кабула, идущіе на богомолье къ огнямъ въ Баку. Предварительнаго соглашенія на счетъ такого показанія у насъ не было. Такимъ образомъ мы попеременно являлись Англичанами, Афганами, Узбеками, Армянами, Евреями и наконецъ Индусами. Туркманы вообще очень просты и никогда ни объ чемъ подробно не разспрашиваютъ. Вскорѣ послѣ того, какъ объяснено было наше званіе, туркманскій Аксакалъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ намъ. Аксакалъ, какъ я уже объяснилъ, значитъ бѣлая борода, но у этого человѣка она была совершенно черная. На немъ была надѣта превосходная красная шуба, и я долженъ признаться, что никакой національный красный мундиръ нашъ

не внушалъ мнѣ столько боязни, сколько внушала шуба на плечахъ этого господина. Онъ говорилъ не много по-персидски и спросилъ меня: «ты изъ Кабула?» Я въ отвѣтъ утвердительно покачалъ головою. Нашъ докторъ въ это время лежалъ въ своей корзинѣ, и потому страшный гость обратился съ распросами къ одному изъ прислуживавшихъ намъ Афгановъ, чему я чрезвычайно обрадовался, ибо это могло еще болѣе подтвердить показаніе купцовъ. Утверждаютъ, что туземцы Органджа болѣе всѣхъ прочихъ туркманскихъ племенъ, питаютъ вражду къ Европейцамъ, во первыхъ потому, что находятся въ сосѣдствѣ съ Русскими, а во вторыхъ, что Европейцы всегда помогаютъ Персіянамъ, постоянно грозящимъ ихъ отечеству. Они не имѣютъ никакого понятія о различіи племенъ въ Европѣ и на всѣхъ Европейцевъ смотрятъ какъ на враговъ своихъ. Легко можно представить себѣ мою радость, когда Аксакалъ отошелъ отъ насъ, не убѣдившись въ истинѣ даже и послѣ того, какъ онъ видѣлъ насъ и говорилъ съ нами. Вся эта сцена казалась для

меня совершенною загадкою, ибо мы ни сколько не скрывали отъ Туркмановъ, принадлежавшихъ къ нашему каравану, что мы были Европейцы: наше истинное званіе было извѣстно каждому изъ нашихъ сопутниковъ. Можетъ быть боязнь заставила ихъ воздержаться отъ справедливаго показанія; но какъ бы ни было, это дѣлало имъ честь, ибо подданные оргенджскаго хана, вѣроятно, не были бы къ намъ такъ милостивы. Вмѣстѣ съ этимъ, однако же, намъ привелось также испытать примѣръ низкаго чувства и при томъ со стороны такого человѣка, отъ котораго менѣе всего мы могли ожидать этого, именно отъ нашего Кафила-баши. Ему нужны, были деньги, чтобъ заплатить требовавшуюся пошлину за товары, которые до этого онъ надѣялся провезть тайно, и потому, не смотря на то, что мы выполнили все, о чемъ съ нимъ договаривались и выдали всѣ слѣдовавшія ему деньги за наемъ его верблюдовъ, онъ посреди суматохи прислалъ сказать, что если мы не дадимъ ему въ займы нѣскольких тиллъ, то весь караванъ будетъ задержанъ собственно чрезъ

насъ. Признаюсь, это была минута искусительная для моего терпѣнія. Но сѣтовать на такую низость Кафила-баши было бы неумѣстно и напрасно, а потому я вручилъ ему двѣ тиллы, не желая даже показать своего неудовольствія, тѣмъ болѣе, что у меня еще оставались сотни три тиллъ, которыя всегда могли выручить насъ въ странѣ, гдѣ люди продаются и покупаются какъ бараны. Съ наступленіемъ вечера окончились хлопоты съ оргенджскимъ Юзъ-Баши: этотъ Начальникъ Сотни собралъ двѣ сотни золотыхъ тиллъ, а купцы помогли ему сѣсть на лошадь и проводили до самаго конца нашего караваннаго лагеря: таковъ здѣсь страхъ внушаемый властью и такова власть самыхъ ничтожныхъ людей, которою здѣсь облекаютъ ихъ. Наибольшею благодарностью за принятое въ насъ участіе мы обязаны были Узбеку Аллахдаду и Персіянину Абдулу и въ нѣкоторой степени всѣмъ принадлежавшимъ къ каравану, ибо въ это время мы были уже со всѣми съ ними болѣе или менѣе знакомы, такъ, что ни одинъ всадникъ не проѣзжалъ мимо насъ, не

сказавъ: а, мирза, каково поживаешь? или не прокричавъ какого нибудь другаго привѣтствія, свойственнаго языку ихъ. Не думаю, чтобь кто нибудь изъ нихъ зналъ, какъ прилично было мнѣ названіе *мирзы Сикандра* или секретэря Александра, которымъ они такъ часто меня привѣтствовали: я не упускалъ ни одного удобнаго случая, чтобъ не приняться за перо и за чернила и не сдѣлать секретарскихъ замѣтокъ обо всемъ, что вокругъ насъ происходило. Въ этотъ день я былъ доволенъ болѣе нежели когда нибудь, ибо мы могли свободно продолжать свое путешествіе. Бухарцы увѣряли, что принимали въ насъ участіе потому именно, что получили на это приказаніе отъ своего министра Кушъ Биги, а Персіяне потому, что боялись навлечь на себя гнѣвъ Аббаса Мирзы, извѣстнаго по своимъ дружественнымъ отношеніямъ къ Англичанамъ. Я же съ своей стороны хотя и не думалъ, чтобъ эти знаменитыя особы много объ насъ заботились, однако же не безъ удовольствія узналъ, что въ этомъ были вполнѣ убѣждены наши товарищи.

ГЛАВА XIII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ СТЕПЯХЪ ТУРКМАНОВЪ.

Августа 29, рано утромъ, мы радостно пустились въ путь и миль двѣнадцать шли по теченію Мургаба, прежде нежели могли переправиться чрезъ эту рѣку, ширина которой равнялась почти восьмидесяти ярдамъ, а глубина пяти футамъ. Она протекала между крутыми глинистыми берегами съ быстротою пяти миль въ часъ. Мы перешли ее въ бродъ, довольно неудобный, ибо глинистое дно было наполнено ямами. Это мѣсто называется Алиша. Деревни тутъ нѣтъ никакой. Мургабъ беретъ начало въ горахъ Хазара. Прежде полагали, что онъ сливается съ Оксомъ, или впадаетъ въ Каспійское

море; но оба эти мнѣнія равно ошибочны, ибо онъ или образуетъ озеро, или теряется въ озерѣ въ пятидесяти миляхъ на сѣверо-западѣ отъ Мерва. Нѣкогда выше этого города Оксъ былъ запруженъ плотиною, что́ давало возможность отводить большую часть его водъ для орошенія округа и ставило городъ на ту степень богатства и благосостоянія, которыми онъ прежде славился. Лѣтъ сорокъ пять тому назадъ плотина была разрушена Шахомъ Мурадомъ, государемъ бухарскимъ, и потому теперь рѣка разливаетъ дары свои только на прилежащія къ ней земли, усѣянныя обами Туркмановъ, хотя и неимѣющихъ постоянныхъ селеній, однако же воздѣлывающихъ землю при помощи искуственнаго орошенія. Растительность здѣсь роскошная: джауари (holcus sorghum) имѣетъ стволъ толще, чѣмъ стволъ тростника, а невоздѣланныя пространства земли представляютъ тучныя пастьбища для скота, также какъ и колючіе кустарники для верблюдовъ, коихъ стада тутъ весьма многочисленны. Страна выше Мерва называется Маручакъ и счи-

тается вредною для здоровья, по крайней мѣрѣ есть пословица, которая говоритъ: „Прежде чѣмъ Творецъ позналъ эту землю, воды Марутчака успѣли погубить человѣка *.“ Мургабъ есть Эпардъ Арріана, по словамъ котораго это названіе означаетъ *орошателя*, и, можно сказать, въ этомъ случаѣ примѣнено кстати. Кажется даже, что историкъ зналъ о теченіи этой рѣки, ибо онъ говоритъ, что Эпардъ подобно многимъ другимъ большимъ рѣкамъ теряется въ пескахъ **.

Сдѣланный нами переходъ изъ песчаной страны на берега проточной воды былъ необыкновенно пріятенъ: всѣ радовались этому; по видимому и животныя чувствовали перемѣну. Въ продолженіе цѣлаго дня Мургабъ представлялъ веселое зрѣлище: Туркманы кидались въ воду съ лошадьми; на берегу рѣки толпились люди, принадлежавшіе къ каравану, для которыхъ мы придумали новую забаву, не мало увеличившую общее удовольствіе. Показавъ имъ *тунгу* — мо-

* Та худа хабаръ шуданъ абъ и Маручакъ адамъ ра ми кушадъ.

** Арріанъ, кн. IV глав. 6.

нету равную одной трети рупіи — мы обѣщали отдать ее тому, кто первый переправится чрезъ Мургабъ. Эта *огромная* сумма была торжественно отдана въ руки посредниковъ, причемъ мнѣ даже показалось, что со стороны нѣкоторыхъ такая щедрость почтена была благословеніемъ. Тотчасъ явились шесть соискателей и призъ былъ выигранъ однимъ чаракскимъ Туркманомъ, успѣвшимъ прежде другихъ переплыть чрезъ глубокія воды. Такъ какъ мы въ это время были въ окрестностяхъ Мерва, то многіе изъ принадлежавшихъ къ каравану, подъѣзжая къ рѣкѣ, говорили, что они видятъ возвышенный холмъ, на которомъ стоитъ разрушенный мервскій замокъ; но я тщетно искалъ его глазами, и потому думаю, что спутники наши отъ нетерпѣнія вступить въ свой родимый городъ только воображали, что его видятъ. Тутъ мнѣ разсказывали о геройскихъ подвигахъ какого-то Байрамъ Хана и его семисотеннаго отряда отборныхъ воиновъ, затворившихся въ Мервѣ и храбро отражавшихъ оружіе бухарскихъ Узбековъ, пока Шахъ Мурадъ не одолѣлъ ихъ

военною хитростью и насильно не выселилъ всѣхъ жителей города. Съ не меньшимъ удовольствіемъ слушалъ я повѣсть о подвигахъ героинь мервскихъ, т. е. женъ и дочерей храбраго гарнизона. Говорятъ и здѣсь всѣ этому вѣрятъ, что въ то время, какъ бухарское войско вступило въ предѣлы Мерва въ отсутствіи Байрамъ Хана и его сподвижниковъ, эти женщины, сомкнувшись тѣсною фалангою, вышли на встрѣчу врагамъ и начали готовиться на битву съ ними; но Узбеки, устрашенные видомъ войска, которое они надѣялись захватить въ расплохъ, показали тылъ и стремительно бѣжали, предоставивъ побѣду доблестнымъ женамъ. Впрочемъ это не единственный примѣръ торжества женщины надъ мужчиною. Жители Мерва, не смотря на утрату своей страны и независимости, и донынѣ умѣютъ поддерживать высокое мнѣніе о своей храбрости, столь хорошо упроченное ихъ предками, а потому обязаны и по сіе время присылать въ Бухару заложниковъ своей вѣрности, которымъ уже ни подъ какимъ видомъ не дозволяется переходить обратно за Оксъ.

Здѣсь мы получили свѣдѣнія о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, требовавшихъ съ нашей стороны благоразумія и осторожности, и возбудившихъ въ насъ основательныя опасенія. Посланные наши, прибывъ въ оргенджскій лагерь, нашли, что начальникъ тамошняго войска снаряжалъ отрядъ изъ 350 Туркмановъ и назначалъ его въ хищническій набѣгъ на границы Персіи. Друзья наши прибыли, такъ сказать, во-время, чтобъ сдѣлать этимъ грабителямъ обычный *фата*, т. е. благословеніе: скрывая свои чувствованія, они не посмѣли не выразить восторга при извѣстіи о такомъ предпріятіи ихъ Юзъ-Баши, ободряя въ ихъ присутствіи удальцовъ, наказывалъ не упускать изъ виду добраго дѣла, исполненіе котораго онъ возлагалъ на нихъ, равно и золотыя тиллы, которыя имъ придется собрать въ землѣ Киззилбашей. „Ступайте," говорилъ онъ, „и привезите самаго наслѣдника Персидскаго, Аббаса Мирзу, къ ногамъ хана Газрата!" Когда Алламаны садились на лошадей, одинъ изъ нашихъ купцовъ, болѣе другихъ отличавшійся здравымъ смысломъ, об-

ратился къ нимъ съ просьбою пощадить караванъ, и Юзъ-Баши какъ бы въ отвѣтъ на его слова далъ имъ по этому предмету нужныя наставленія; но наши друзья, выслушавъ его приказанія, въ раздумьѣ покачали головою, ибо мало вѣрили честности такихъ молодцовъ, и, перебирая въ умѣ все то, чему они были свидѣтелями, горько призадумались. Какъ членъ каравана, я не могъ не спросить, почему депутаты рѣшились испрашивать благословенія Божія на главы этой шайки разбойниковъ. „Фата!" вскричалъ одинъ Персіянинъ, „я дѣйствительно призывалъ имя пророка, но это только для того, чтобы негодные продавцы людей никогда не возвращались." Эрназзаръ, нашъ вожатый, при этомъ случаѣ замѣтилъ, что неприлично дѣлать такое употребленіе изъ стиховъ Корана, тѣмъ болѣе, что ихъ всегда легко примѣнять къ нашимъ личнымъ желаніямъ. Др. Жéраръ и я были, кажется, единственные люди во всемъ караванѣ, которымъ хотѣлось посмотрѣть на дикихъ Аллamановъ; но любопытство наше, можно сказать къ счастію, не удовлетворилось. Въ

слѣдствіе выступленія въ походъ многочисленной толпы разбойниковъ, общій совѣтъ нашихъ купцовъ рѣшилъ итти на Чаракъ, на одно большое Туркманское селеніе, и тамъ ожидать результатовъ ихъ предпріятія: весь караванъ охотнѣе желалъ только слушать вѣсти объ Алламанахъ и ни сколько не быть свидѣтелемъ ихъ подвиговъ. Отправившейся шайкѣ приказано было слѣдовать небольшими переходами, какъ это уже принято у Туркмановъ во время набѣговъ, и потому возвращеніе удальцовъ ожидали не прежде, какъ чрезъ десять дней.

Августа 30-го мы долго шли обратно по тому же самому пути, по которому слѣдовали наканунѣ, а именно вдоль берега Мургаба, и почти шестнадцати миль по его теченію. Тутъ мы снова сдѣлали привалъ въ Канджукуланѣ, въ одномъ изъ Туркманскихъ становъ, и, какъ уже знакомые съ его жителями, успѣли собрать объ этомъ народѣ кой-какія подробности. Туркманы составляютъ часть великаго туркскаго народа, но мало отличаются отъ *Узбековъ* и

совершенно преданы пастушеской жизни. Они состоятъ изъ нѣсколькихъ значительныхъ поколѣній, относящихъ себя къ одному началу: такъ на Оксѣ мы видѣли Эрсарисовъ, а тутъ были между племенемъ Сарака, за которымъ живетъ племя Салоръ. На сторонѣ Каспійскаго моря обитаютъ многочисленныя племена: Така, Гохланъ и Ямудъ, о которыхъ я буду говорить по мѣрѣ того, какъ мы станемъ приближаться къ нимъ. Въ числѣ нашихъ саракскихъ знакомцевъ былъ одинъ человѣкъ, который проводилъ всю жизнь свою въ набѣгахъ на Персію, и, пріобрѣтя въ гнустномъ своемъ ремеслѣ совершенное знаніе Персидскаго языка, умѣлъ передать намъ чувствованія Туркманскаго разбойника во всѣхъ ихъ оттѣнкахъ. Онъ именовался Нурніасъ и нѣсколько разъ участвовалъ въ большихъ и малыхъ наѣздническихъ отрядахъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, какимъ образомъ соплеменники его приближаются къ Персіи медленными и короткими переѣздами и какъ по прибытіи на границу, они нерѣдко по цѣлымъ днямъ разъѣжаютъ въ виду какого нибудь укрѣп-

лѣнія, изыскивая благопріятнаго случая, чтобъ захватить кого нибудь въ плѣнъ. Если такого случая не представляется, то они рано утромъ отважно кидаются на поля, гдѣ пастухи и земледѣльцы занимаются отправленіемъ своихъ обязанностей и поспѣшно увозятъ и уводятъ все, чтó попадется подъ руку. Если ихъ горячо преслѣдуютъ, то они обыкновенно бросаютъ вьючныхъ лошадей, которыхъ полагается по одной на каждыхъ двухъ всадниковъ, и увозятъ однихъ невольииковъ, несущихъ въ продажѣ бóльшую цѣну. Въ летучихъ набѣгахъ такого рода все зависитъ отъ быстроты лошадей и потому Туркманы прилагаютъ къ нимъ всевозможное попеченіе. Нурніасъ въ это время готовилъ свою лошадь къ новому набѣгу: онъ давалъ ей самый скудный кормъ при небольшемъ количествѣ пойла и упражнялъ продолжительнымъ бѣгомъ, что, по его словамъ, придаетъ животному необыкновенную крѣпость. Туркманы почти никогда не кормятъ лошадей травою, а держатъ ихъ на сухомъ корму, отъ чего, по ихъ мнѣнію, укрѣпляется ихъ тѣло; кромѣ этого они до того

заставляютъ ихъ потѣть, что сгоняютъ съ нихъ весь жиръ и измѣряютъ количество его въ животномъ количествомъ воды, которое оно выпиваетъ. По ихъ мнѣнію, лошадь пьетъ не много, если она приведена въ надлежащее состояніе тѣла. Такъ какъ жизнь и счастіе Туркмана связаны съ его конемъ, то и не трудно понять всѣ его заботы объ этомъ товарищѣ. Незначительное количество корму, потребнаго для Туркманскихъ лошадей, даетъ жителямъ здѣшнихъ степей возможность возить весь нужный для нихъ запасъ съ собою вмѣстѣ съ своимъ хлѣбомъ и мукою, которые во время похода они нерѣдко закапываютъ въ какомъ нибудь извѣстномъ мѣстѣ и потомъ вырываютъ на возвратномъ пути изъ набѣга. Такимъ образомъ эти хищники обезпечиваютъ себя жизненными припасами на случай возврата къ роднымъ степямъ своимъ, изъ которыхъ они отлучаются иногда на нѣсколько недѣль, и скудную пищу эту дѣлятъ съ жертвами своего грабежа, влача ихъ за собою въ страшную неволю.

Въ числѣ бѣдствій человѣческихъ не много такихъ, которыя подавляютъ сердце и разрушаютъ семейное счастіе болѣе, нежели жестокій обычай людокрадства. Но какъ ни велики несчастія, порождаемыя этимъ обычаемъ, самъ онъ, *по видимому*, не доставляетъ ордамъ, ему причастнымъ, никакихъ удобствъ и никакихъ наслажденій въ жизни, ибо они живутъ въ бѣдности, въ лохмотьяхъ и, какъ кажется, не извлекаютъ никакихъ выгодъ изъ своихъ опустошеній. Страхъ, причиняемый Туркманами въ жителяхъ земель, прилегающихъ къ ихъ *степямъ*, ужасенъ, ибо они проявляютъ гибельную отвагу и неутомимое постоянство въ страшномъ ремеслѣ своемъ. Соболѣзнуя объ участи несчастныхъ странъ, подверженныхъ такому хищничеству, мы, однако же, не можемъ не удивляться всегдашней ловкости Аламановъ и не сознавать ихъ неустрашимости. Таковы нравы Туркмановъ въ дѣлѣ насилія, таковы ихъ обычаи, подрывающіе самыя священныя начала человѣческой природы, и потому неудивительно, что имъ чужды всѣ понятія о чести, нерѣдко

встрѣчаемыя даже въ народахъ полудикихъ. На Востокѣ часто случается слышать выраженія, подобныя слѣдующему: „Туркманъ — собака; его, также какъ и собаку, не иначе можно укротить, какъ только хлѣбомъ, и потому бросай ему скорѣй кусокъ. Вотъ тебѣ правило, какъ путешественнику: ты пройдешь между ними, и они тебя не тронутъ.“ Туркманы слывутъ за предателей и измѣнниковъ и, кажется, не безъ основанія. Персіяне пытались-было положить конецъ безпрерывнымъ ихъ набѣгамъ, но напрасно, ибо они, живя въ степяхъ, совершенно безопасны въ нихъ; притомъ же удобство, съ которымъ они могутъ продажею сбывать съ рукъ своихъ плѣнныхъ въ странахъ, лежащихъ за ихъ пустыннымъ отечествомъ, постоянно поощряетъ ихъ къ продолженію разбоевъ. Во время набѣговъ на Персію, нѣкоторые изъ нихъ сами попадаются въ плѣнъ; но не смотря на огромныя суммы, которыя за нихъ обыкновенно требуютъ, всегда находятъ средства выкупиться при содѣйствіи своихъ родственниковъ. Туркманъ проводитъ всю жизнь свою въ разбой-

ническихъ наѣздахъ, или въ приготовленіи къ нимъ, чему много способствуетъ то, что владѣтели Хоразана съ давнихъ временъ заключали позорные договоры съ этими врагами ихъ вѣры и ихъ отечества на передачу въ ихъ руки несчастныхъ Персіянъ для продажи въ вѣчную неволю. Алчность есть самый отвратительнѣйшій изъ нашихъ пороковъ.

Какъ скоро мы были внѣ предѣловъ власти оргенджскаго войска, купцы нашего каравана всѣмъ міромъ начали скорбѣть о деньгахъ, которыя имъ пришлось заплатить въ видѣ небывалыхъ пошлинъ, и совѣтываться о томъ, какъ бы возвратить ихъ. Большей части изъ нихъ казалось, что Фиринджисы, т. е. я съ г. Жерардомъ, обязаны были принять на себя часть этого убытка, и потому всѣ они явились къ намъ вечеромъ, передали намъ свое мнѣніе и просили покрыть по крайней мѣрѣ четвертую долю издержекъ. Такъ какъ за уплатою таможенной пошлины, Аксакалъ не принялъ обычнаго вознагражденія, взимаемаго таможенными офице-

рами съ каждой пары корзинъ въ свою пользу, то мы, не будучи купцами, ничего не заплатили и приписывали это богатству и многочисленности каравана, при которомъ мы путешествовали. Однако же, не смотря на это, насъ увѣряли, что оргенджскому офицеру дана была взятка въ десять тиллъ, и потому, считая справедливымъ принять на себя часть этой издержки, мы рѣшились заплатить по одной тиллѣ съ каждаго нашего верблюда, чтобъ хоть сколько нибудь покрыть ущербъ, понесенный караваномъ. Впрочемъ это обстоятельство требовало отъ насъ осторожности и благоразумія, ибо, съ одной стороны, совершенный отказъ превратилъ бы теперешнихъ друзей нашихъ во враговъ, а съ другой, намъ слѣдовало быть какъ можно бережливѣе въ своихъ деньгахъ. Къ счастію наше согласіе вполнѣ удовлетворило главнѣйшихъ купцовъ каравана. Послѣ этого хотя остальные купцы и настаивали, чтобъ мы заплатили четвертую часть того, что̀ имъ пришлось внести въ видѣ пошлины; однакоже, я узналъ, что на нашъ счетъ никакихъ особен-

ныхъ расходовъ не было сдѣлано, и что они при насъ внесли бы тоже самое, чтó и безъ насъ, а потому отказалъ имъ въ требованіи и въ заключеніе присовокупилъ, что мы, будучи простыми путешественниками и притомъ ихъ гостями въ чуждой намъ странѣ, полагаемся на ихъ правосудіе и снисходительность. Во время этого разговора подошелъ туркманскій начальникъ Эрназзаръ и, узнавъ въ чемъ дѣло, вооружился противъ такого нарушенія гостепріимства; но я успокоилъ его, сказавъ, что уже рѣшился исполнить требованіе и далъ слово. Такъ какъ права гостепріимства всегда въ большемъ уваженіи у здѣшнихъ народовъ, то возгласы толпы вскорѣ замолкли и ограничились однимъ только ропотомъ бѣднѣйшихъ купцовъ, которые при скудости своихъ средствъ болѣе другихъ чувствовали тяжесть павшей на нихъ пошлины. Положеніе европейскаго путешественника въ этихъ странахъ въ одномъ отношеніи чрезвычайно невыгодно, именно въ томъ, что его всегда считаютъ здѣсь обладателемъ огромныхъ богатствъ, хотя бы въ дѣйствительности

онъ находился на самой крайней степени бѣдности. Азіятецъ въ отношеніи своихъ расходовъ не имѣетъ ничего общаго съ понятіями Европейца.

Послѣ этого мы снова пустились въ путь по пустынямъ, лежащимъ на востокъ отъ Мургаба, и, пройдя тридцать семь миль, нашли, что этотъ край совершенно отличенъ отъ того, который примыкаетъ къ противоположному берегу этой рѣки. Различіе въ особенности замѣтно съ половины переѣзда, гдѣ пустыня переходитъ въ ровную, плоскую и твердую равнину, видъ которой уже болѣе не измѣняется. Верблюды шли по четыре въ-рядъ и мы въ такомъ порядкѣ продолжали свое путешествіе. Вся страна напоминала мнѣ Ранъ Катча, отъ котораго она отличалась тѣмъ только, что въ ней встрѣчались мѣста покрытыя кустарниками, чего нѣтъ въ Ранѣ *. Она хотя совершенно без-

* Смотри „Записку о Восточномъ Индѣ и о Ранѣ Катча" въ Трудахъ Королевскаго Азіятскаго общества. Май 1834.

водна, однако же въ ней встрѣчается множество развалинъ каравансараевъ и водохранилищъ, устроенныхъ человѣколюбивымъ ханомъ бухарскимъ, Абдулломъ. Въ этой пустынѣ, преимущественно на берегахъ Мургаба, мы часто видѣли вихри, которые, подымая высокими столбами пыль, бродили по равнинѣ какъ тромбы по морю. Въ Индіи подобныя явленія природы извѣстны подъ названіемъ *дьяволовъ*; тамъ они не рѣдко срываютъ крыши съ домовъ, но мнѣ не случалось видѣть ихъ такъ часто и въ такихъ размѣрахъ, какъ въ степяхъ туркманскихъ. Вихри, какъ кажется, происходятъ отъ внезапныхъ порывовъ вѣтра: здѣсь же спокойствіе воздуха нарушалось только сѣвернымъ вѣтромъ, который всегда ровно дуетъ въ этихъ пустыняхъ.

Перваго Сентября, утромъ, во время нашего привала въ разрушенномъ селеніи Калурни, мы въ первый разъ увидѣли вершины Персидскаго Хоразана. Отъ самыхъ береговъ Мургаба я началъ замѣчать, что тамъ, гдѣ поднимались эти горы, атмосфера была постоянно наполнена обла-

ками; если бы ихъ не было, то, вѣроятно, мы увидѣли бы эти вершины ранѣе, не взирая на то, что издали они постоянно кажутся покрытыми мглою. Въ то время, какъ мы при солнечномъ восходѣ завидѣли эти горы, глазамъ нашимъ представился великолѣпный миражъ въ той же сторонѣ. Намъ казалось, что тамъ текла рѣка въ высокихъ и обрывистыхъ берегахъ; но какъ скоро солнце поднялось на горизонтъ, явленіе исчезло и снова явилась плоская и печальная пустыня, въ которой мы расположились на отдыхъ. Крутые берега рѣки исчезли, и вода оказалась ни что иное какъ пары, поднимавшіеся противъ солнца.

По мѣрѣ приближенія къ Чараку мы замѣчали постепенное, хотя и незначительное, повышеніе всей страны. Мѣсто кустарника, упомянутаго выше, заступили тамарискъ и верблюжій терновникъ, нерастущіе въ пустынѣ. Самое замѣчательное растеніе въ этомъ новомъ *для* насъ краѣ было такъ называемое на турскомъ языкѣ *гикъ тщенакъ*, что́ собственно значитъ

оленья чашка. Растеніе это съ виду походитъ на болиголовъ, или ассафетиду и издаетъ непріятный запахъ. Листья его, имѣющіе совершенный видъ чашки, окружаютъ каждое сочлененіе его ствола, отъ чего вода весеннихъ дождей собирается въ нихъ какъ въ чашкѣ и служитъ питьемъ для оленей. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ народъ, а отсюда происходитъ и названіе. Въ послѣдствіи на горахъ между скалъ, къ востоку отъ Мешеда, мы видѣли подобное этому однолѣтнее растеніе, изъ котораго сочилась смола, походящая на свѣчное сало.

Въ нашихъ послѣднихъ переходахъ мы слѣдовали по той же дорогѣ, которую избрала шайка Туркмановъ, отправившихся въ набѣгъ на Персію, и не мало радовались, когда потеряли изъ виду слѣды разбойничьяго отряда, который, какъ по всему было замѣтно, пошелъ большою дорогою на Мешедъ. Еслибы мы повстрѣчались съ нимъ, то намъ по необходимости пришлось бы снова расплачиваться и можетъ быть уже не такъ легко отдѣлаться отъ требованій гра-

бителей. Хотя Алламаны и рѣдко нападаютъ на караваны, однако же заподлинно извѣстно, что они недавно перерѣзали цѣлую партію путешественниковъ на той же самой дорогѣ, по которой мы ѣхали. Людей вооруженныхъ и сильныхъ удержать трудно. Потерявъ совершенно слѣды отряда, мы вдругъ наткнулись на небольшую шайку Алламановъ, состоявшую изъ семи человѣкъ возвращавшихся съ неудачнаго набѣга. Всѣ они были молодые люди и ѣхали на хорошихъ лошадяхъ, богато убранныхъ по-туркмански. Вооруженные копьемъ и саблею, они не имѣли луковъ и вели за собою только одну заводную лошадь. Шайка эта была разбита и четверо товарищей попали въ руки Персіянъ. Они разсказали намъ свое несчастіе, прося хлѣба. Я желалъ бы, чтобъ всѣ ихъ набѣги оканчивались такимъ же образомъ.

Втораго числа, съ восходомъ солнца, мы прибыли въ Чаракъ, проѣхавъ семьдесятъ миль въ сорокъ четыре часа со включеніемъ приваловъ. Въ этотъ періодъ мы собственно шли только

тридцать два часа, при чемъ верблюды по временамъ проходили по двѣ мили съ половиною въ часъ, чего мнѣ доселѣ еще не случалось видѣть. Всѣ эти животныя были самцы: здѣсь полагаютъ, что они способнѣе самокъ къ перенесенію трудовъ. Караванъ нашъ остановился подлѣ одной старинной гробницы, осѣненной высокимъ куполомъ, гдѣ мы рѣшили выждать нѣсколько времени, ибо неблагоразумно было бы продолжать путь, пока Алламаны находились въ своемъ набѣгѣ. Вслѣдствіе этого опредѣлено было *спать* въ Чаракѣ, какъ выразились наши спутники, не смотря на то, что это мѣстечко было однимъ изъ главныхъ притоновъ Туркманскихъ разбойниковъ. Хотя такое рѣшеніе было для насъ совершенною загадкою, ибо караванъ вступалъ въ среду хищниковъ для избѣжанія тѣхъ, которые были внѣ оной; однако же, ни въ какомъ случаѣ не пользуясь вліяніемъ на своихъ товарищей, мы принуждены были согласоваться съ общимъ желаніемъ. Сваливъ въ кучу товары около гробницы, люди наши размѣстились вокругъ насъ, а ночью сдвинули вер-

блюдовъ и лошадей, составивъ такимъ образомъ тройную ограду, и эти распоряженія были не напрасны, какъ мы сейчасъ увидимъ. Въ продолженіе всего дня Туркманы сбирались къ намъ толпами, принося халаты изъ верблюжьей шерсти, которые мы охотно у нихъ покупали. Между тѣмъ никто изъ принадлежавшихъ къ каравану не смѣлъ удаляться отъ него; да и могло ли быть иначе, когда Алламанны, ежеминутно ходили взадъ и впередъ передъ нами, и когда мы знали, что главный источникъ существованія этого народа состоялъ въ грабежѣ?

Туркманское укрѣпленіе въ Чаракѣ состоитъ изъ небольшаго ветхаго и почти разрушеннаго форта, построеннаго на пригоркѣ. Подъ ёго защитою большая часть жителей размѣстила свои жилища. Тутъ есть нѣсколько земляныхъ домиковъ, построенныхъ мешедскими Евреями, торгующими съ этимъ народомъ. Что же касается до самихъ Туркмановъ, то они живутъ въ хиргахахъ — коническихъ жилищахъ, свойственныхъ ихъ племени. Хиргахи эти по-

строены изъ дерева и окружены тростниковыми цыновками, а сверху покрыты войлоками, вычерненными сажею. Чаракъ есть мѣстопребываніе Туркмановъ салорскихъ, благороднѣйшихъ изъ всего народа. Тутъ водворено 2000 семействъ, которыя въ случаѣ нужды могутъ выставить въ поле такое же число лошадей самой лучшей крови. Когда же они не въ силахъ бороться съ непріятелемъ, то бѣгутъ въ степь, разстилающуюся предъ ними, и тамъ ожидаютъ, пока минуетъ опасность. Они оказываютъ притворное и слабое повиновеніе какъ Оргенджу, такъ и Персіи: одна только грозящая сила держитъ ихъ въ подчиненности. Когда мы находились въ Чаракѣ, жители его держали въ цѣпяхъ какого-то Персидскаго посла и отказывали хану хивинскому въ правѣ транзита, которое они обѣщали ему за мѣсяцъ до этого, въ то время, какъ онъ находился въ ихъ сосѣдствѣ. Такіе примѣры поясняютъ ихъ характеръ. Туркманы-Салоры управляются двѣнадцатью *Аксакалами*, т. е. главами семействъ; собственно же они никому не повинуются. Земли, прилежа-

щія къ Чараку, орошаются водопроводами, прорѣзанными изъ ручья Теджендa, коего воды, нѣсколько соленоватыя, много способствуютъ удобренію полей. Почва, будучи необыкновенно тучна, весьма благопріятна для земледѣлія: насаждаемыя сѣмяна почти не требуютъ никакого воздѣлыванія. Жатва обильна, и земледѣльцы собираютъ ее какъ истинные республиканцы, не платя никакой подати. Между жителями есть преданіе, что первый человѣкъ воздѣлывалъ землю въ Чаракѣ, который былъ его садомъ, между тѣмъ какъ Серендибъ или Цейлонъ служилъ ему жилищемъ. Въ настоящее время ни одно дерево, ни одинъ кустъ не украшаютъ полей этихъ, ибо Туркманы презираютъ садоводство. Сборъ пшеницы и джауари здѣсь чрезвычайно обиленъ, а дыни уступаютъ только бухарскимъ.

Чрезъ два дни послѣ нашего прибытія въ Чаракъ, когда мы уже нѣсколько разъ поздравляли себя съ близкимъ и счастливымъ окончаніемъ путешествія, намъ привелось испытать

тревогу, которая если и не имѣла худыхъ послѣдствій, то, по крайней мѣрѣ, показала, что поздравленія наши были слишкомъ преждевременны. Какой-то Чаракскій начальникъ явился въ ту часть стана, гдѣ мы расположились, и вызвавъ одного изъ нашихъ служителей, Хаджи, на нѣсколько словъ, сталъ съ нимъ разговаривать въ такомъ недалекомъ отъ меня разстояніи что я могъ слышать почти каждое слово. Начальникъ, сдѣлавъ множество вопросовъ на нашъ счетъ, сказалъ, что одинъ изъ членовъ каравана говорилъ ему, будто бы мы съ несмѣтными богатствами ѣдемъ въ отдаленнѣйшія области Туркестана. „Въ слѣдствіе этого," продолжалъ онъ „я не могу дозволить имъ ѣхать далѣе, пока не получу особливыхъ, до нихъ относящихся приказаній отъ Аллахъ Кули, хана Органджа." Слова эти показались бы для меня менѣе ужасными, если бы Туркманъ, уходя, не прибавилъ, что Аксакалы, его товарищи, ничего не знаютъ о нашемъ пребываніи въ караванѣ и что по этой причинѣ намъ не мѣшало бы упрочить за собою его благосклонность. Для насъ это дѣло

было весьма важное, ибо оно открыло, что въ караванѣ находились люди, дурно къ намъ расположенные, и что Туркманы могли вполнѣ осуществить угрозы Аксакала. Нужно было взять безотлагательныя мѣры къ отвращенію опасности, и я тотчасъ же принялся за нихъ: такъ какъ въ караванѣ было съ полдюжины богатыхъ купцовъ, то я тотчасъ же отправился къ двумъ главнѣйшимъ, о которыхъ уже упомянулъ, и разсказалъ имъ все, ничего не скрывая. Я могъ бы прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ Эрназзару; но этотъ Туркманъ хотя и жилъ прежде въ Чаракѣ, однако же, сдѣлавшись въ послѣдствіи горожаниномъ, утратилъ довѣріе, которымъ онъ когда-то пользовался между своими соотечественниками, а потому я ничего не говорилъ ему объ этомъ обстоятельствѣ до тѣхъ поръ, пока мы не пріѣхали въ Мешедъ. Мой разсказъ произвелъ живое безпокойство въ купцахъ и я тутъ снова увѣрился, что эти люди заподлинно принимали участіе въ нашей безопасности. Они выразили гнѣвъ противъ доносщика и ясно высказали опасеніе навлечь на

себя гнѣвъ бухарскаго визиря съ одной стороны, и неудовольствіе Персидскаго принца крови съ другой. Одинъ изъ нихъ совѣтовалъ мнѣ тотчасъ же предъявить фирманъ бухарскаго государя; я, однако же, въ этомъ не соглашался съ нимъ, тѣмъ болѣе, что мнѣніе его товарища болѣе согласовалось съ моими мыслями. Абдулъ взялся договориться на счетъ *подачки Туркманской собакѣ.* Легко себѣ представить, что это обстоятельство было не слишкомъ-то для насъ утѣшительно; но при всемъ этомъ мы не смѣли казаться унылыми, чтобы успѣшнѣе преодолѣть затрудненіе и, если возможно, разрушить надежды негодяя, насъ предававшаго.

На другое утро, первая новость, которую мы узнали, состояла въ объявленіи объ утратѣ небольшой, но прекрасной вороной моей лошадки (pony), которая была сведена ночью, не смотря на то, что она была привязана къ *палаточной* жерди. Въ этой странѣ есть обыкновеніе сковывать лошадей желѣзною путою, запираемою висячимъ замкомъ: мы не приняли этой предосторожности. Я сожалѣлъ объ этой потерѣ.

какъ о величайшемъ бѣдствіи, ибо животное слѣдовало за мной изъ Пунаха, города, стоящаго во внутренности Индостана, и служило мнѣ во многихъ трудныхъ переходахъ. Я не нахожу словъ выразить грусти, которая тяготѣла надо мною въ то время при мысли, что я оставлялъ его въ варварской землѣ и въ варварскихъ рукахъ. Весь караванъ собрался ко мнѣ съ выраженіемъ сожалѣнія о случившейся покражѣ и увѣрялъ, что я получу или лошадь обратно, или то, что она стоитъ: эти люди не понимали, что для меня она была безцѣнна. Вскорѣ, однако же, я нѣсколько развлекся другими предметами и съ радостью узналъ, что мы удовлетворили требованіе и прекратили угрозы Туркманскаго начальника самымъ умѣреннымъ пожертвованіемъ: мы отдали ему весь свой чай и охотно присоединили бы къ этому свой запасъ сахару, если бы онъ только стоилъ быть поднесеннымъ. Такой даръ примиренія, завершенный двумя золотыми *тиллами* (цѣною каждая въ шесть съ половиною рупій), совершенно задобрилъ начальника, имѣвшаго насъ въ пол-

ной своей власти. Онъ назывался Дункмасъ, былъ Аксакаломъ 300 семействъ и принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые участвовали въ грабежахъ чаракскихъ. Въ этомъ затруднительномъ обстоятельствѣ мы были много обязаны Абдулу, который какъ будто бы нарочно былъ знакомъ съ этимъ Туркманомъ и который сблизился съ нами въ слѣдствіе нашего почтительнаго съ нимъ обращенія. Изъ когтей всякаго другаго начальника намъ, можетъ быть, не пришлось бы такъ легко ускользнуть; но тутъ, по странному стеченію обстоятельствъ, негодяй, желавшій извлечь выгоду изъ нашего кармана, былъ пріятель купцу, съ которымъ мы сдружились болѣе, чѣмъ съ другими.

Избѣгнувъ опасности, мы спокойнѣе принялись за изученіе Туркмановъ, и я успѣлъ собрать объ нихъ нѣсколько характеристическихъ подробностей. Брачные обряды ихъ не отличаются простотою свойственною въ этомъ отношеніи музульманамъ: у нихъ вообще предоставлено женщинамъ болѣе свободы, въ слѣдствіе

чего бракъ обыкновенно совершается по любви. Впрочемъ дочь Туркмана всегда несетъ высокую цѣну, и потому, если любовникъ не имѣетъ средствъ, чтобъ законнымъ образомъ купить себѣ невѣсту, то сажаетъ свою возлюбленную позади себя на лошадь и скрывается въ ближайшемъ станѣ, гдѣ вступаетъ съ нею въ союзъ, и тогда уже разводъ дѣлается невозможнымъ. Родители и родственники хотя и преслѣдуютъ влюбленныхъ, однако же почти всегда улаживаютъ дѣло второю свадьбою кого нибудь изъ нихъ съ родственницею похитителя, который между тѣмъ обязывается уплатить извѣстное число верблюдовъ и лошадей за свою жену. Если онъ успѣлъ разбогатѣть, то договоръ приводится въ исполненіе безъ дальнѣйшей проволочки. Если же онъ ничего не имѣетъ, что̀ случается гораздо чаще, то даетъ обѣщаніе при первой возможности расквитаться съ долгомъ, который считается долгомъ чести. За этимъ онъ начинаетъ набѣги на Персію и продолжаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока пріобрѣтетъ все, что ему нужно для выполненія сво-

его обязательства. Успѣхи въ этихъ предпріятіяхъ обыкновенно дѣлаютъ его разбойникомъ на всю остальную жизнь: такимъ образомъ плѣненіе Киззильбашей сдѣлалось теперь необходимостью для устройства семейнаго счастія Туркмановъ. Увезенная женщина, послѣ примиренія ея мужа съ ея родственниками, возвращается въ родительскій домъ и проводитъ тамъ цѣлый годъ въ приготовленіи ковровъ и одеждъ, составляющихъ главную потребность каждой Туркманской палатки. Въ годовщину своего побѣга она уже навсегда переводится въ домъ и въ объятія своего отважнаго обожателя.

Жители Чарака разсказывали намъ одно недавно случившееся у нихъ произшествіе, которое представляетъ рѣзкій примѣръ любви человѣка къ свободѣ, и то ожесточеніе, которое рождаетъ утрата оной. Одинъ захваченный Туркманами молодой Персіянинъ, влача бѣдственную жизнь невольника въ Чаракѣ, рѣшился возстановить свою свободу, и избралъ

для исполненія своего замысла день, въ который хозяинъ его отлучился на какое-то праздество. Онъ осѣдлалъ лучшую лошадь изъ всей конюшни своего господина и уже готовъ былъ ускакать, какъ дочь хозяина догадалась о его намѣреніи и ударила тревогу: Персіянинъ обнажилъ саблю и убилъ ее. На крикъ несчастной прибѣжала мать, онъ срубилъ и ее и выѣхалъ изъ Чарака въ ту самую минуту, какъ его хозяинъ возвратился домой. Быстрота лошади, столько разъ служившая въ похищеніи его соотечественниковъ, выручила на этотъ разъ бѣглеца: за нимъ гнались, но не схватили. Такимъ образомъ отчаянностью своего поступка, онъ купилъ себѣ свободу, оставивъ своего господина оплакивать потерю жены, дочери, лошади и невольника.

Выше я сказалъ, что станъ нашъ въ Чаракѣ былъ расположенъ близъ гробницы какого-то музульманскаго святаго, который жилъ за 824 года до нашего времени и назывался Абдулъ Фазилъ Гузцъ, какъ гласитъ гробничная надпись.

Память его глубоко уважается Туркманами: кому случается быть больнымъ, тотъ испрашиваетъ помощи у этого святаго; у кого заболѣваетъ лошадь, или верблюдъ, тотъ обводитъ ихъ вокругъ гробницы въ надеждѣ и увѣренности, что они получатъ желаемое облегченіе. Мечетей у Туркмановъ нѣтъ: они читаютъ свои молитвы въ палаткахъ, или на открытомъ воздухѣ въ степяхъ, не дѣлая омовеній и не разстилая ковра. Число муллъ у нихъ не велико и духовенство вообще мало уважается, ибо они не принадлежатъ къ числу ревностныхъ послѣдователей пророка. Лишенные должнаго воспитанія, которое хотя сколько нибудь служило бы къ обузданію ихъ страстей, они не знаютъ сострадания, а женщины мало цѣнятъ цѣломудріе. Мужчины отправляютъ всѣ внѣшнія, а женщины всѣ внутреннія домашныя работы. Туркманы составляютъ народъ, попеременно вдающійся то въ дѣятельность, то въ бездѣйствіе: внѣ своихъ становъ они проявляютъ необыкновенную живость; вокругъ же домашнихъ очаговъ своихъ слоняются какъ безпечные

лѣнивцы. Они очень любятъ своихъ лошадей и охотно поютъ пѣсни въ честь этихъ животныхъ. По вечерамъ я часто вслушивался въ панигирики лошади *Чапрасли* и лошади *Каругли*: это два предмета нескончаемаго прославленія. Слово *каругли* означаетъ и воина и лошадь; но собственно же относится къ извѣстной конской породѣ, которая теперь, какъ увѣряютъ, совершенно вывелась. Слово *чапрасли*, хотя собственно и означаетъ только проворнаго, однако же, примѣняется также къ одной славной лошади, прославившейся быстротою. Мнѣ хотѣлось бы привесть здѣсь нѣсколько подобныхъ туркманскихъ пѣсенъ, но въ Чаракѣ мы только могли собрать слѣдующія строфы:

Я берегу арабскаго коня на день битвы,
Въ этотъ день, я живу подъ его тѣнью,
Съ нимъ я убиваю въ схваткѣ героя.
Береги арабскаго коня, вооружайся желѣзнымъ щитомъ.

Каругли!

Въ день битвы я натягиваю желѣзный лукъ,
Сижу прямо на конѣ, ничто меня не сброситъ съ него.

Я одинъ сынъ у родителей; нѣтъ у меня ни брата, ни сестры.
Береги арабскаго коня, вооружайся желѣзнымъ щитомъ.

Каругли!

Я вздохну, и таютъ нагорные льды,
Ручьи глазъ моихъ повернули бы колесо мѣльничное,
Такъ говорилъ Іонасъ Пари.
Береги арабскаго коня, вооружайся желѣзнымъ щитомъ.

Каругли!

Послѣ тревоги, которую мы испытали въ Чаракѣ, намъ не слѣдовало бы желать большихъ сношеній съ жителями; но я чрезвычайно любопытствовалъ ихъ видѣть, и потому когда Эрназзаръ объявилъ мнѣ, что меня приглашалъ одинъ изъ его пріятелей, то безъ долгаго раздумыванія отправился съ нимъ и былъ пріятно изумленъ, найдя, что эти кочевые люди живутъ здѣсь съ нѣкоторою роскошью. Хиргахъ или палатка, высокая и просторная, имѣла двадцать пять футовъ въ діаметрѣ; стѣнки ея состояли изъ рѣшетки, а крыша изъ тонкихъ тесинъ, опускавшихся отъ круглаго отверстія въ три фута въ діаметрѣ, чрезъ которое проходитъ свѣтъ сверху. Полъ былъ устланъ войлоками и ковра-

ми самой богатой работы, походившими на бархатъ. Ковры съ бахрамами висѣли вокругъ палатки, чтó необыкновенно хорошо украшало ее; красота этихъ ковровъ имѣла еще ту цѣнность, что они были произведеніемъ женъ и дочерей нашего хозяина. Въ одной сторонѣ палатки находился небольшой гардеробъ, въ которомъ женщины семейства хранили свои наряды, а сверху лежали одѣяла, на которыхъ онѣ спали; одѣяла эти состояли изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей. Съ верхняго круглаго отверстія висѣли три большія шелковыя кисти, искусно сплѣтенныя какою-нибудь молоденькою и хорошенькою ручкою, изъ нитей разныхъ цвѣтовъ. Короче сказать, все жилище убранствомъ ни сколько не походило на жилище кочующаго народа. Хозяинъ разсказывалъ мнѣ какимъ образомъ весь его домъ можно разобрать и перевести на одномъ верблюдѣ, а всѣ пожитки на другомъ. По возвращеніи въ караванъ, я говорилъ своимъ товарищамъ, какъ меня удивили удобство и роскошь, видѣнныя мною въ палаткѣ; но они

отвѣчали, что этой роскоши ни сколько не должно удивляться, ибо Туркманы ничто иное, какъ людоѣды (*Адамъ хоръ*), и что пропитаніе имъ ничего не стоитъ. Сколько народовъ было названо людоѣдами на ложныхъ основаніяхъ: купцы хотѣли только сказать, что Туркманы пріобрѣтали средства къ существованію продажею людей. Прежде нежели я вышелъ изъ палатки, хозяинъ предложилъ намъ, по принятому здѣсь обычаю, дыни и хлѣбъ, и мы лакомились ими въ обществѣ пятнадцати Туркмановъ къ нему пришедшихъ. Туземцы рѣжутъ дыни съ большею ловкостью и опрятностью: однимъ оборотомъ ножа они отдѣляютъ внутренность отъ корки, которая не толще апельсинной корки, и потомъ разрѣзываютъ плодъ обыкновенно на двѣнадцать ломтей. Около получаса я вслушивался въ разговоръ этихъ Туркмановъ, относившійся, сколько я могъ понять, преимущественно къ невольникамъ и лошадямъ; а они всѣ принимали меня за жителя Кабула, потому, что у меня на головѣ была свернута ткань въ видѣ чалмы. Я не выводилъ ихъ изъ этого

заблужденія. Когда я уходилъ, они всѣ встали и простились со мною со всею почтительностью, свойственною каждому доброму мусульманину. Если бы они знали истину моего званія, то, навѣрное, закидали бы меня безконечными вопросами: вотъ почему я счелъ за лучшее маскировать себя и примѣняться къ ихъ обычаямъ. Никогда физіономія этого народа такъ не поражала меня, какъ во время этого посѣщенія: Туркманъ имѣетъ лобъ такой же, какъ у Китайца, лице плоское, скулы выдавшіяся, овалъ лица съуженный къ подбородку и рѣдкую бороду; онъ ни сколько не безобразенъ; видъ и осанка его мужественны. Женщины отличаются необыкновенною бѣлизною лица и нерѣдко бываютъ очень хороши собою.

Я могъ бы еще лучше ознакомиться съ Туркманами, если бы остался обѣдать въ гостяхъ. Впрочемъ, хотя я и не воспользовался этимъ, однако же опишу ихъ столъ такъ, какъ мнѣ объ немъ разсказывали. Туркманы приглашая къ обѣду гостей, посылаютъ имъ сказать, что для

нихъ заколотъ баранъ. Поваренное искусство здѣсь не отличается чистотою: лѣпешки ихъ, имѣющія около двухъ футовъ въ діаметрѣ и одинъ дюймъ въ толщину, приготовляются изъ самой грубой муки, обыкновенно смѣшанной съ ломтями тыквы, которую они иногда ѣдятъ и сырую. Когда собираются гости, то разстилаютъ скатерть, и каждый изъ собесѣдниковъ разламываетъ на части положенную предъ нимъ лѣпешку; потòмъ приносятъ мясо, которое состоитъ изъ цѣлаго барана, свареннаго въ большомъ русскомъ котлѣ. Мясо отдѣляютъ отъ костей на столько же кусковъ, на сколько разрѣзаны лѣпешки, съ которыми его и смѣшиваютъ. За этимъ, изрубивъ около двѣнадцати луковицъ, все это бросаютъ снова въ котелъ, въ которомъ варилось мясо и смѣшиваютъ съ наваромъ. Кушанье раскладывается потомъ въ деревянныя чашки, которыя ставятся по одной между каждыми собесѣдниками. Туркманы съѣдаютъ свою пищу также странно, какъ и приготовляютъ ее: они берутъ ее пригоршнями и, начиная лизать, подобно собакамъ, съ за-

пястья, наклоняють голову надъ чашкою, куда сваливается все, что ни попадаетъ въ ротъ. Каждый по-очередно запускаетъ въ чашку руку и наклоняетъ надъ нею голову. Въ заключеніе подаютъ дыни, и пиръ оканчивается трубкою табаку. Женщины никогда не ѣдятъ съ мужчинами.

Въ седьмой день послѣ нашего пріѣзда въ Чаракъ въ то время, какъ каждый изъ насъ освѣдомлялся объ Алламанахъ, прежде насъ выступившихъ, мы увидѣли ихъ возвращающихся по двое и по трое на хромыхъ и измученныхъ лошадяхъ. Къ вечеру ихъ набралось около сотни; они остановились возлѣ нашего каравана и съ большимъ одушевленіемъ разсказывали о своемъ набѣгѣ, въ напыщенныхъ выраженіяхъ хвастаясь своимъ успѣхомъ. Они сдѣлали нападеніе близъ Мешеда за четыре дня до этого, часовъ въ десять утра, доѣзжали до самыхъ стѣнъ города и угнали множество людей и животныхъ. Ни одна душа не посмѣла возпрепятствовать ихъ уходу, и они, пройдя нѣсколько

миль отъ Мешеда и пересчитавъ свою добычу, нашли, что она состояла изъ 115 человѣкъ, 200 верблюдовъ и столькихъ же головъ скота. Послѣ этого они продолжали путь медленнѣе и теперь остановились въ Чаракѣ, чтобъ собраться съ силами. Раздѣлъ всего пріобрѣтеннаго они сдѣлали еще на дорогѣ: пятая часть добычи назначалась оргенджскому хану. Шайка радовалась, что успѣла захватить много сильныхъ мужчинъ и что между плѣнными находилось только нѣсколько стариковъ. Пробираясь чрезъ горы, она встрѣтилась съ ведетами небольшаго отряда конницы, размѣщеннаго тамъ для охраненія жителей Дербенда, лежащаго между Чаракомъ и Мешедомъ. Въ произшедшей съ ними схваткѣ одинъ изъ Туркмановъ былъ раненъ, а они успѣли захватить Персіянина и пятнадцать лошадей. Несчастный плѣнный былъ въ послѣдствіи зарѣзанъ какъ жертва Богу въ возблагодареніе за счастливое окончаніе предпріятія: по ихъ понятіямъ убіеніе эретика, Киззильбаша, всегда угодно предъ Всемогущимъ. Точно также они убиваютъ большую часть стариковъ, попа-

дающихъ имъ въ руки, считая такое дѣло умилостивительною жертвою Творцу. Туркманы въ оправданіе производимаго ими плѣненія несчастныхъ Персіянъ, говорятъ, что они дѣлаютъ это съ тою цѣлью, чтобы обратить ихъ къ истинной вѣрѣ и, слѣдовательно, для ихъ же собственнаго спасенія. Къ несчастію родъ человѣческій представляетъ намъ слишкомъ много примѣровъ такого ошибочнаго религіознаго рвенія. Такъ Испанцы, завоевывая Новый Свѣтъ, подъ особеннымъ предлогомъ распространенія въ немъ Христіанства, опустошали имперіи мексиканскую и перуанскую, и вырѣзали въ нихъ множество безвинныхъ жителей, между тѣмъ какъ духовенство дерзостно благословляло ихъ безчеловѣчныя неистовства. * Подобно Туркманамъ, они снискивали благорасположеніе своего государя принесеніемъ ему въ даръ пятой части своей добычи. Люди, какъ подъ управленіемъ королей, такъ и подъ управленіемъ хановъ, являются одними и тѣми же повсюду, и мы

* Робертсонъ, Исторія Америки. кн. 5 и 6.

видимъ то же изступленіе и ту же алчность у Испанцевъ въ Америкѣ, какія и у кочующихъ Туркмановъ въ степяхъ Скиѳіи.

Представившійся намъ случай видѣть этихъ хищниковъ, далъ хорошее понятіе объ ихъ отвагѣ и тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ были довольно худо вооружены. У всѣхъ у нихъ были сабли, многіе имѣли легкія пики, совершенно отличныя отъ употребляемыхъ Узбеками и только нѣкоторые везли при себѣ короткія ружья. Лошади ихъ казались совершенно изнуренными: онѣ едва передвигали ноги и ступали какъ будто бы по грязи. Причина этому была очевидна: онѣ тринадцать дней находились въ непрерывномъ походѣ и при скудной пищѣ вынесли трудъ огромный. Дивясь такимъ образомъ храбрости этихъ людей, что̀ можно было подумать о Персіянахъ, стоявшихъ лагеремъ на разстояніи двухъ-дневнаго перехода отъ Мешеда подъ начальствомъ наслѣдника престола, въ арміи котораго считалось до двадцати тысячь человѣкъ.

Возвращеніе оргенджскихъ Аламановъ могло бы побудить насъ пуститься тотчасъ же въ

путь, если бы боязливые люди не распустили слуха, что половинное число этихъ хищниковъ ожидаетъ нашъ караванъ на границахъ Персіи. По этому отъѣздъ нашъ былъ еще разъ отложенъ къ моему крайнему прискорбію, ибо въ этихъ мѣстахъ я чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойнымъ. Въ продолженіе десяти дней мы не имѣли ни палатки, ни какого другаго убѣжища кромѣ полу-развалившихся стѣнъ какой-то старой гробницы, наполненной насѣкомыми. Хотя голая земля долго была нашею постелью и хотя мы давно уже отвыкли отъ неудобствъ, которыя ощущаетъ образованный человѣкъ на временномъ бивакѣ, однако же здѣсь мы пожалѣли, что не могли разстилать себѣ ковра изъ боязни показаться слишкомъ богатыми въ глазахъ Туркмановъ, которые не переставали пристально слѣдить за нами, и безпрестанно обращаться къ намъ съ безчисленными вопросами. Хлѣбъ нашъ былъ также черствъ какъ и лѣпешки изъ ячменной муки, употребляемыя англійскими простолюдинами, и нерѣдко вдвое хуже ихъ вкусомъ. Во все это время мы могли читать и писать только

съ большимъ опасенiемъ и то въ продолженiе какого нибудь однаго часа, а потому время тянулось необыкновенно скучно: наше терпѣнiе почти истощилось. Во время такого вынужденнаго пребыванiя въ этихъ мѣстахъ мы узнали, что одинъ изъ нашихъ верблюдовъ взбѣсился, можетъ быть отъ скуки, а можетъ быть и отъ другой какой нибудь болѣе дѣйствительной причины, мнѣ неизвѣстной. Бѣдное животное изрыгало пѣну и дрожало всѣмъ тѣломъ; по этому всѣ единогласно заключили, что оно одержимо бѣсомъ и, слѣдовательно, средствъ къ излеченiю ни какихъ не было. Наконецъ спутники наши прибѣгли къ слѣдующему способу: они вздумали испугать животное, махая предъ его глазами горящею головней и сожигая тростникъ и шильникъ подъ самыми его ноздрями. Они также прикладывали ему раскаленное желѣзо на голову, какъ бы желая выкурить и выжечь дьявола, поселившагося въ животномъ и безъ того уже неуклюжемъ.

Наконецъ, 11 Сентября, послѣ десяти-дневной задержки въ Чаракѣ, мы радостно высту-

пили изъ него съ восходомъ солнца. Туркманы до послѣдней минуты остались вѣрными своему характеру: они дали намъ позволеніе отправиться, условившись взять съ насъ пошлину на первомъ привалѣ; но въ то время, какъ мы были уже на походѣ, послали приказъ остановить караванъ и требовали по одной съ половиною тиллы съ каждаго верблюда, что̀ составляетъ обыкновенную транзитную пошлину за конвой до границъ Персіи. Отрядъ сопровождалъ насъ только на разстояніе немногихъ миль, потомъ, соскучившись, повернулъ и уѣхалъ назадъ: мы не слишкомъ горевали объ этомъ, ибо довольно легко отъ него отдѣлались. Караванъ нашъ во время пребыванія въ Чаракѣ увеличился въ числѣ отъ присоединенія къ нему еще двухъ другихъ каравановъ, такъ что мы составляли теперь значительную партію; впрочемъ это не усиливало насъ, ибо мнѣ казалось, что между нами было гораздо больше робкихъ, чѣмъ отважныхъ. Съ этихъ поръ въ караванѣ можно было видѣть мужчинъ, женщинъ, дѣтей, купцовъ, богомольцевъ, освобож-

денныхъ невольниковъ, Узбековъ, Арабовъ, Персіянъ, Афгановъ, Индусовъ, Евреевъ, Белучей, Кашмирцевъ, Турковъ, Туркмановъ, Нагайцевъ, кочующаго Киргиза Памирскаго и, наконецъ, насъ Европейцевъ. Кромѣ того съ нами была еще молодая Персіянка, лѣтъ пятнадцати, которую мы взяли въ Чаракѣ и которая, какъ говорили, была красоты несравненной. Она была похищена Туркманами во время одного изъ ихъ набѣговъ. Человѣкъ, ее захватившій, хотѣлъ ее удержать за собою; но съ прибытіемъ каравана, богатство принадлежавшихъ къ нему купцевъ искусило его жадность, и онъ предложилъ въ продажу свою невольницу. Одинъ торговецъ изъ Теграна купилъ ее за семдесять семь золотыхъ тиллъ и запаковалъ, во всемъ смыслѣ этого слова, въ корзину эту бѣдную дѣвушку, за нѣсколько времени пользовавшуюся совершенною свободою. Правда, она переставала быть невольницею и дѣлалась женою, но это не измѣняло ея положенія — по собственному выбору она, можетъ быть, избрала бы себѣ въ мужья другаго человѣка.

Красавица не хотѣла упустить перваго представившагося ей покупщика и объявила, вѣроятно изъ желанія ускорить перепродажу, что она приметъ ту вѣру, которую угодно будетъ назначить ея новому хозяину. Эта молодая Персіянка не первая изъ своего пола, согласившаяся перемѣнить вѣру вмѣстѣ съ своимъ именемъ.

Послѣ полудня мы остановились у водоема, отстоявшаго на восемнадцать миль отъ Чарака, коего укрѣпленіе было еще видно, ибо страна, по которой мы шли, совершенно ровна и перерѣзывается только хрящеватыми возвышенностями. На третьей мили мы перешли черезъ каменистое и теперь высохшее русло рѣчки Тедженда, берущей начало въ сосѣднихъ горахъ и потомъ теряющейся въ пескахъ. Теджендъ не должно принимать ни за рѣку Гератъ, ни за рѣку Охъ, ибо тутъ нѣтъ такой значительной рѣки, какую обыкновенно означаютъ на нашихъ картахъ. Въ лужахъ, стоявшихъ въ пересохшемъ руслѣ Тедженда, вода была соленоватая, также какъ и большая часть окружающей поч-

вы. По берегамъ кой-гдѣ видны остатки прежняго народонаселенія, но не видать ни жителей, ни воздѣланныхъ полей. Около восьми часовъ вечера, при свѣтѣ полной луны, мы снова пустились въ дорогу и, пройдя семь, или восемь миль, вступили въ ущелье между горъ, а около времени солнечнаго восхода увидѣли себя въ Муздеранѣ или Дербендѣ, пограничномъ персидскомъ постѣ, въ сорока пяти миляхъ отъ Чарака. Послѣднюю половину нашего перехода, мы шли съ большею торопливостью и осторожностью, слѣдуя глубокимъ ущельемъ, гдѣ путешественники подвергаются большой опасности со стороны Алламанновъ: все наше оружіе было на-готовѣ, фители зажжены, всадники останавливались при каждомъ малѣйшемъ шумѣ, и мы каждую минуту ожидали встрѣчи съ Туркманами. Проведя ночь въ безпрерывномъ безпокойствѣ, мы съ восторгомъ завидѣли башни Дербенда: ихъ было одиннадцать; онѣ вѣнчали вершину горъ и повелѣвали горнымъ проходомъ. Въ этомъ фортѣ находилось нѣсколько солдатъ, принадлежавшихъ къ

иррегулярнымъ войскамъ *Великаго Государя*: это были первые изъ его подданныхъ, которыхъ мы увидѣли въ его владѣніяхъ. Нападеніе Туркмановъ лишило этихъ воиновъ бодрости, ибо они принадлежали къ тѣмъ самымъ ведетамъ, которые утратили лошадей и нѣсколькихъ товарищей.

Выступивъ изъ дербендскаго ущелья, караванъ нашъ остановился на поляхъ за фортомъ Муздерана, построеннымъ на окраинѣ столовой земли при спускѣ въ ущелье. Мѣсто это было когда-то заселено; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ оргенджскій ханъ захватилъ всѣхъ его несчастныхъ жителей и увелъ въ неволю, разрушивъ всѣ укрѣпленія. Если бы этотъ фортъ возстановить, то онъ могъ бы охранять дорогу въ Персію. Подъ самымъ Муздераномъ вытекаетъ прекрасный источникъ тепловатой воды, который, подобно водамъ другихъ источниковъ, промываетъ себѣ русло въ долинѣ, гдѣ еще и по-сіе время видны сады и фруктовыя деревья прежнихъ жителей. Мѣсто это

показалось намъ необыкновенно живописнымъ послѣ столь долгаго пребыванія посреди запустѣнья. Въ ущельи намъ указывали на одну пещеру, о которой разсказывали множество баснословныхъ преданій, увѣряя, что она безконечна, и между прочимъ говорили, что во время послѣдней войны она была сценою ужасной рѣзни. Вотъ какъ это было: жители Музерана, тѣснимые оргенджскимъ ханомъ, бѣжали и укрылись въ пещерѣ; но скоро недостатки принудили ихъ разстаться съ нею, и когда они высыпали изъ нее какъ пчелы изъ улья, то были частью перерѣзаны, а частью уведены въ вѣчную неволю по ту сторону пустыни.

Вступленіе наше въ персидскія владѣнія произвело живую радость во многихъ людяхъ, принадлежавшихъ къ каравану, ибо нѣкоторые изъ нихъ, не смотря на то, что родились въ Бухарѣ, принадлежали къ шіитскому толку. Я по выходѣ изъ священнаго города Бухары полагалъ, что мы навсегда разстались съ подобными ему освященными мѣстами; но значительный городъ,

къ которому мы приближались, Мешедъ-и-Мукаддасъ (Мешедъ освященный), судя по тому, что объ немъ разсказывали, казалось, превосходилъ своею святостью и самую Бухару. Наши сопутники говорили намъ, что какъ скоро мы завидимъ его золотые куполы, то всѣ падутъ на колѣна для молитвы; Персіяне же начали смѣло говорить о своей вѣрѣ, которую столь долго скрывали. О святости мѣста мы могли еще получить понятіе изъ разсказа одного нашего товарища, человѣка не совсѣмъ безграмотнаго: онъ говорилъ, что какой-то купецъ, недавно прибывшій въ Мешедъ, слишкомъ тяжело нагрузилъ одного изъ своихъ верблюдовъ: бѣдное животное, пришедши въ городъ, тотчасъ же кинулось къ гробницѣ святаго Имама Реза и тамъ высказало свои жалобы. Безъ сомнѣнія, оно умѣло внушить непритворное къ себѣ уваженіе въ служителяхъ гробницы, ибо они тотчасъ же причислили его къ своимъ стадамъ, украсили чепраками, колокольчиками и дали ему первенство предъ всѣми другими верблюдами. Купецъ, терзаемый раскаяніемъ, сознался въ

своей жестокости, началъ испрашивать прощенія и получилъ его только тогда, когда отказался отъ своего верблюда. Здѣсь Европейцу необходимо выслушивать подобныя сказки, ибо, не смотря на всѣ увѣренія, основанныя на самомъ Коранѣ, что религія Магоммеда не опирается на чудесахъ, правовѣрные приводятъ вамъ тысячи примѣровъ уклоненій отъ законовъ природы, совершающихся въ пользу музульманскаго вѣрованія. Однажды, говоря съ Узбеками о Коранѣ и его содержаніи, я сказалъ, что читалъ его только въ переводѣ: „Неразумный же ты человѣкъ,“ отвѣчали они мнѣ, „возможно ли перевесть эту священную книгу на какой нибудь сторонній языкъ, когда въ ней каждая буква каждаго слова имѣетъ свой особенный смыслъ, понятный только въ подлинникѣ?“ Послѣ этого я уже не рѣшался высказывать предъ ними своего богословскаго знанія, ибо они по своему опровергали всѣ мои доводы. Конечно между муллами есть много умныхъ и свѣдущихъ людей, но за то большая часть остальныхъ принадлежитъ къ самому грубому классу народа. Эти

послѣдніе ни сколько не скрываютъ своего невѣжества и оправдываются только тѣмъ, что уже одно чтеніе Корана, по ихъ мнѣнію, составляетъ занятіе высокое, извиняющее имъ самыя тяжкія прегрѣшенія.

Такъ какъ мы еще не могли считать себя подъ защитою священнаго Мешеда, отстоящаго на тридцать восемь миль отъ Муздерана, то и выступили въ путь не прежде, какъ съ наступленіемъ ночи. Во время сборовъ къ отъѣзду, мнѣ удалось убить тарантула, родъ большаго паука, ползавшаго по моему ковру: ноги его походили на ноги скорпіона, а туловище было какъ у паука. Мнѣ говорили, что тарантулы имѣютъ ядовитое свойство, и увѣряли, что они никогда не кусаютъ своихъ жертвъ, а обрызгиваютъ ихъ ядомъ. Собравшись со всевозможною поспѣшностью, мы отправились въ путь и вступили въ извилистую долину рѣки Теджен-да, протекающей тутъ прекраснымъ ручьемъ. Скоро намъ встрѣтилось такое обстоятельство, которое заставило насъ ускорить свое путеше-

ствіе: около полуночи мычаніе осла дало всѣмъ намъ и въ особенности робкимъ, почувствовать, что мы находимся въ сосѣдствѣ съ людьми въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ, имъ быть не слѣдовало. — Раздался крикъ: Алламаны! Алламаны! и разнесся съ быстротою молніи по всѣмъ направленіямъ: караванъ въ одну минуту принялъ оборонительное положеніе, сомкнувшись въ каре. Передовые верблюды прилегли на землю, а остальные размѣстились позади ихъ. Наши купцы, запаливъ фитили, обнаживъ сабли и зарядивъ пистолеты, стали предъ тюками своихъ товаровъ, вполовину обезумленные гнѣвомъ и страхомъ. Безоружные члены нашего общества притаились между верблюдами, которые въ числѣ ста двадцати головъ представляли довольно прочное укрѣпленіе. Безпокойство въ высшей степени тревожило всѣхъ и въ особенности невольниковъ: они изъ горькаго опыта знали участь плѣнныхъ, попадающихся Туркманамъ. Чрезъ четверть часа одинъ изъ нашихъ спутниковъ узналъ, что мнимые Алламаны, столько насъ напугавшіе,

были никто другой, какъ бѣдные кочевые Эймаки, собиравшіе въ горахъ *бузгумъ*, красильное растеніе. Бѣдняки эти напугались болѣе насъ самихъ, потому что незначительность ихъ числа неминуемо рѣшила бы ихъ участь, если бы вмѣсто насъ они встрѣтили Туркмановъ. Какъ скоро открыта была наша ошибка, крикъ радости поднялъ на ноги верблюдовъ и весь караванъ пустился въ путь удвоеннымъ шагомъ, стѣснивъ животныхъ по семи и по восьми въ рядъ. Миновавъ мѣсто прежде-предположеннаго привала, мы прошли миль на двѣнадцать далѣе и остановились только тогда, какъ начало разсвѣтать. Какъ скорѣ мы подкрѣпили себя немного пищею, то снова пустились въ дорогу и около полудня достигли Гускана, первой населенной деревни въ Персіи, отстоящей на четырнадцать миль отъ Мешеда.

Въ Гусканѣ мы остановились только на нѣсколько часовъ, какъ будто для того собственно, чтобъ быть свидѣтелями восторга освобожденныхъ невольниковъ, которые наконецъ здраво и невредимо достигли своей отчизны. Мно-

гіе изъ купцовъ снабдили ихъ одеждою и деньгами, чтобы дать имъ возможность добраться до родимыхъ очаговъ своихъ; мы съ своей стороны радостно приняли участіе въ общей благотворительности каравана. Въ Гусканѣ живетъ около 1000 Теймуровъ, принадлежащихъ къ племени Эймака. Это люди бѣдные, употребляющіе вмѣсто чулокъ онучи и покрывающіе голову шапками изъ коричневой овчины. Всѣ они вышли посмотрѣть на нашъ поѣздъ и многіе изъ нихъ печально спрашивали: не привезли-ли мы имъ писемъ отъ ихъ друзей и родственниковъ, находившихся въ плѣну въ Туркестанѣ. Туркманы рѣдко щадятъ Гускановъ въ своихъ наѣздахъ: такъ, во время послѣдняго, они убили здѣсь четырехъ человѣкъ и похитили шестерыхъ дѣтей. Нельзя не удивляться, какимъ образомъ люди могутъ жить въ подобномъ мѣстѣ. Кругъ деревень около Мешеда съ каждымъ годомъ съуживается все болѣе и болѣе. Въ первой изъ этихъ деревень мы на всѣхъ поляхъ видѣли башни, построенныя земледѣльцами для того, чтобы онѣ могли служить имъ

убѣжищемъ при появленіи Туркмановъ. Какова должна быть жизнь тѣхъ, которые принуждены въ одно и то же время употреблять на поляхъ своихъ и плугъ и сабли? Съ наступленіемъ ночи мы снова навьючили верблюдовъ и за долго до восхода солнечнаго подошли къ вратамъ Мешеда, къ общей радости всѣхъ и въ особенности несчастныхъ персидскихъ невольниковъ, сердце которыхъ сильно трепетало съ каждымъ шагомъ, приближавшимъ ихъ къ родинѣ.

ГЛАВА XIV.

ХОРАЗАНЪ.

На разсвѣтѣ 14 Сентября, караванъ нашъ нетерпѣливо стѣснился подъ стѣнами Мешеда. Съ восходомъ солнца принесены были ключи отъ городскихъ воротъ, и едва они растворились, какъ намъ представилась новая картина съ такою же быстротою, какую мы видимъ въ перемѣнѣ театральныхъ декорацій. Оставивъ за собою степи и скитающихся въ ней Туркмановъ, мы въѣхали въ многолюдный городъ и обратили на себя вниманіе всѣхъ его жителей. Тутъ вмѣсто широколицыхъ Туркмановъ и покрытыхъ огромными чалмами Узбековъ, намъ предстали Каззильбаши, худощавые, длинноличые, въ овчинныхъ шапкахъ, изъ подъ которыхъ волосы куд-

рями опускались назадъ: они смотрѣли на насъ, разинувъ ротъ и всунувъ руки въ карманы. Улица, въ которую мы вступили, была широка и красива; по ней проходилъ водопроводъ, коего берега обсажены деревьями, а на заднемъ планѣ высились куполы и позлащенные минареты гробницы Имама Реза. Сто двадцать верблюдовъ нашихъ, пройдя по этой улицѣ, вступили въ обширный каравансарай Узбековъ. Мы, конечно, не отставали и, помѣстившись на балконѣ, любовались живою картиною, открывшеюся на дворѣ предъ нами; скоро, однако же, нахлынувшая толпа народа до того стѣснилась въ этомъ обширномъ зданіи, что принудила насъ искать себѣ болѣе спокойной квартиры, которую мы и нашли въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ.

Персидскій принцъ Аббасъ находился въ это время въ окрестностяхъ Мешеда. Хотя страна эта была рѣдко посѣщаема Европейцами; однако же, мы знали, что нѣсколько англійскихъ офицеровъ находилось въ службѣ его высочества, что̀ и побудило меня отправить нарочнаго

въ лагерь, отстоявшій отъ насъ миль на сто. Между тѣмъ мы были пріятно удивлены учтивымъ извѣщеніемъ со стороны г-жи Ши, супруги капитана Ши, находившейся въ это время въ Мешедѣ и доставившей намъ письмомъ своимъ тѣмъ болѣе удовольствія, что оно было принесено человѣкомъ, говорившимъ на родномъ нашемъ языкѣ и служившимъ въ чинѣ сержанта въ арміи Аббаса. Со времени нашего отъѣзда изъ Индіи, мы нигдѣ не были такъ безопасны какъ въ Мешедѣ: тутъ насъ осыпали знаками вниманія и учтивости; тутъ мы отбросили варварскій обычай ѣсть пальцами. Прекрасная хозяйка наша была Грузинка; она не говорила ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ персидскаго, но это не препятствовало намъ воображать себя въ обществѣ нашего отечества.

Вскорѣ я отправился погулять по городу и направилъ свои шаги къ цитадели, гдѣ неожиданно встрѣтилъ Хузру Мирзу, сына наслѣдника престола, ѣздившаго по порученію своего дѣда въ С. Петербургъ, по случаю убіенія

русскаго посланника въ Персіи. Этотъ молодой человѣкъ правилъ Мешедомъ на время отсутствія своего отца въ компаніи и, какъ мнѣ казалось, умѣлъ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Европѣ. Онъ, разговаривая со мною около часу, предложилъ мнѣ множество вопросовъ о нашемъ путешествіи, шутилъ надъ моею бородою и одеждою, увѣряя, что въ Англіи это было бы большою рѣдкостью; освѣдомлялся о томъ, католикъ ли я, или протестантъ; потомъ выразилъ свое удивленіе тому, что мы здраво и невредимо добрались до Персіи и, наконецъ, пригласилъ меня навѣстить его на слѣдующій день. Я, конечно, не преминулъ воспользоваться этою милостью тѣмъ охотнѣе, что впечатлѣніе, произведенное на меня нечаяннымъ свиданіемъ съ этимъ членомъ царскаго семейства, было самое благопріятное. На другой день я отправился въ цитадель и нашелъ молодаго принца за дѣлами: церемонія представленія къ этой отрасли царскаго дома исполняется здѣсь съ такою же строгостью, какъ будто бы онъ былъ самъ государь Персіи. Будучи

отъ природы словоохотливъ, онъ подробно описывалъ мнѣ свое путешествіе по Россіи и отзывался съ большею похвалою о вѣжливомъ обращеніи и образованіи дамъ этой страны, при чемъ одинъ изъ его придворныхъ, пользовавшійся, какъ мнѣ казалось, особливою милостью принца, замѣтилъ, что его высочество сдѣлалъ непростительную ошибку, не захвативъ съ собою одного изъ этихъ ангеловъ. Принцъ отвѣчалъ, что сдѣлать этого не было никакой возможности и сослался на меня; я уклонился отъ прямаго отвѣта, сказавъ, что лице его сана всегда могло бы жениться на знатнѣйшей изъ женщинъ. Хузру Мирза, по видимому, имѣлъ около двадцати трехъ лѣтъ отъ-роду; умственныя способности его даютъ ему большой перевѣсъ надъ всѣми его соотечественниками: его замѣчанія поражали меня въ высшей степени. Онъ спрашивалъ меня, возстановлено ли древнее искусство рисованія на стеклѣ, могло ли новѣйшее ваяніе поставить насъ на степень соперничества съ Греками и найденъ ли гдѣ нибудь единорогъ. Потомъ предложилъ мнѣ нѣ-

сколько вопросовъ о томъ, что̀ было труднѣе: ввести ли дисциплину между иррегулярными войсками, или установить новую систему законовъ и правленія въ какой-нибудь странѣ. „У Европейцевъ", говорилъ онъ, „все основано на исторіи и опытѣ; у насъ же нѣтъ такихъ руководителей. Персія, стоявшая на степени преобладанія до временъ Магоммеда, теперь погружена въ состояніе бездѣйствія и ханжества, и кромѣ Корана не имѣетъ никакой другой литературы, между тѣмъ, какъ въ Европѣ есть люди или изучающіе Библію, или посвятившіе себя наукамъ." Разумная бесѣда молодаго человѣка доставила мнѣ много удовольствія: кто сознается въ своемъ невѣдѣніи, тотъ дѣлаетъ переходный шагъ къ улучшенію.

Излишне было бы съ моей стороны входить въ подробности о Мешедѣ, ибо прекрасное и очень вѣрное описаніе его можно найти въ превосходной книгѣ Фрéзера о Хоразанѣ. * Свя-

* Путешествіе въ Хоразанъ Д. Б. Фрéзера.

щенный городъ Мешедъ построенъ вокругъ гробницы Имана Реза, пятаго потомка Али; три улицы, начинаясь при этой гробницѣ, разходятся въ разныя стороны; двѣ изъ нихъ, широкія и просторныя, осѣнены прекрасными деревьями и оживлены проточною водою. Протянутыя поперегъ этихъ улицъ цѣпи во сто ярдахъ отъ гробницы заключаютъ въ средѣ своей базаръ и всѣ богатства Мешеда и преграждаютъ скоту и другимъ животнымъ входъ въ это священное мѣсто, вокругъ котораго тѣснится все народонаселеніе города, ибо другія части его стоятъ въ развалинахъ. Не смотря на то, что окружность Мешеда равняется семи милямъ, я не думаю, чтобъ въ немъ было болѣе 40.000 жителей. Большая частъ обведеннаго цѣпями пространства обращена въ кладбище, ибо здѣсь вѣруютъ, что умершіе спокойнѣе лежатъ близъ Имама. Тутъ также есть сады для отдохновенія и живыхъ людей. Жители Мешеда, какъ кажется, находятъ особенное удовольствіе въ копаніи земли, ибо для входа въ ихъ жилища всегда нужно спускаться внизъ: они увѣра-

ютъ, что вынутая изъ-подъ домовъ земля употребляется на ихъ же постройку и поправку. Городъ хорошо снабженъ водою посредствомъ водопроводовъ и огромныхъ водоемовъ. Туземцы Туркестана разсказываютъ, что Имамъ Реза избралъ Мешедъ своимъ жилищемъ въ слѣдствіе разврата его жителей и съ тою цѣлью, чтобы обратить ихъ на путь истины. У Узбековъ есть пѣсня, въ которой говорится: „если бы Мешедъ не имѣлъ своего лазуреваго купола, то онъ былъ бы помойною ямою всего міра.“ * Персіяне же, напротивъ, въ поэтическихъ выраженіяхъ описываютъ этотъ городъ, какъ „самое просвѣтленное мѣсто на всей поверхности земнаго шара, ибо въ немъ отражаются лучи Создателя міра.“ ** Кому быть судьею между этими двумя партіями? Въ Бухарѣ Шіитъ выдаетъ себя за Сунита, а въ Мешедѣ Сунитъ старается показать себя Шіитомъ.

---

* Мешедъ ра гумбазъ и забзашъ набашадъ
Хауаришъ хана и руа заминъ гастъ

** Мешедъ афзалъ и руи заминъ астъ
Ки анджа нуръ и рабъ уль аламинъ астъ.

Я спѣшилъ посѣтить гробницу Имама Реза, ибо во время прогулокъ по Мешеду не встрѣчалъ тѣхъ затрудненій, которыя были противопоставлены Г. Фрéзеру на каждомъ шагу презрѣніемъ и изувѣрствомъ. Гробница стоитъ почти въ центрѣ города подъ вызолоченнымъ куполомъ, великолѣпію котораго соотвѣтствуютъ еще два минарета, также покрытые блестящимъ золотомъ, которое, отражая въ себѣ лучи солнца, разливаетъ блескъ ослѣпительный. Обширная мечеть лазурнаго цвѣта, еще выше, чѣмъ самая гробница поднимающая свой куполъ и свои минареты, стоитъ близъ этого мѣста — она, какъ говорятъ, построена Гохаръ Шахомъ, потомкомъ знаменитаго Тимура. Богомольцы, посѣщающіе гробницу, должны прежде пройдти чрезъ всѣ базары и перешагнуть чрезъ растянутую вокругъ нее цѣпь, чтобъ достигнуть своей цѣли, т. е. вступить въ святилище, которое ненарушимо ни въ какомъ случаѣ, даже и въ случаѣ укрывательства въ немъ преступниковъ. За этимъ богомолецъ вступаетъ подъ высокую арку и входитъ въ обширное четвероугольное

зданіе, воздвигнутое великимъ Аббасомъ, назначавшимъ его мѣстомъ отдохновенія какъ для живыхъ, такъ и для мертвыхъ. Все это зданіе окружено небольшими покоями наподобіе каравансарая: это *мадрисса*, т. е. коллегіи. Весь помостъ состоитъ изъ надгробныхъ камней, положенныхъ надъ могилами тѣхъ людей, которымъ благочестіе внушило желаніе быть здѣсь погребенными. Всѣ арки и стѣны во внутренности этого зданія украшены цвѣтными черепицами, походящими на эмаль, что̀ придаетъ ему видъ богатства и опрятности. На западной сторонѣ квадрата находится входъ въ гробницу, ведущій подъ высокую готическую арку, великолѣпно вызолоченную и украшенную зеркалами, вдѣланными въ стѣны, и освѣщаемую послѣ захожденія солнца лампадами, спущенными съ потолка. За порогъ этого входа ни одинъ невѣрный не можетъ переступить иначе, какъ украдкою, переодѣвшись, и потому разсудокъ мой подавилъ во мнѣ любопытство. Конечно, я могъ бы проскользнуть въ толпѣ народа; но я точно также могъ быть узнанъ и потому удержал-

ся отъ искушенія, хотя по разсказамъ великолѣпіе этой святыни заслуживаетъ такой попытки. Заключающіяся въ ней богатства увеличиваютъ изступленіе набожности въ богомольцахъ, входящихъ въ нее чрезъ серебряныя врата, за которыми стоитъ самая гробница, окруженная рѣшеткою, сдѣланною изъ стали и бронзы и ограждающею ее отъ нечистаго прикосновенія. Вокругъ всего этого висятъ серебряныя и деревянныя дощечки съ вырѣзанными на нихъ молитвами. Надъ гробницею повѣшено множество лампадъ изъ чистаго золота, зажигаемыхъ во время *ида* и празднествъ въ честь святыхъ. Это дѣлается какъ для ознаменованія торжества, такъ и для того, чтобъ дать возможность мулламъ выказать въ бо́льшемъ блескѣ богатства и драгоцѣнности, пожертвованныя въ пользу гробницы набожными людьми. На сторонѣ квадрата, противоположной входу въ гробницу, находится прекрасная мечеть Гохаръ Шаха: въ нее я могъ вступить безъ опасенія. Это зданіе замѣчательно превосходной архитектурою: арка, подъ которою устроенъ *миграбъ*, т. е. нишь об-

ращенная къ сторонѣ Мекки, украшена превосходно и отличается изяществомъ работы. Кромѣ этого, оно замѣчательно еще двумя высокими синими минаретами, величественно поднимающимися по обѣ его стороны.

Въ Мешедѣ кромѣ гробницы Имама нѣтъ другихъ замѣчательныхъ зданій. Но въ немъ есть нѣсколько коллегій и одинъ обширный, неоконченный каравансарай; меньшихъ каравансараевъ въ различныхъ частяхъ города считается до двадцати одного. Главная знаменитость Мешеда заключается въ томъ, что тутъ погребенъ Надиръ Шахъ. Въ настоящее время могила этого великаго человѣка обезславлена и обозначена одною только развалиною того зданія, которое когда-то защищало ее отъ вліянія стихій. Для путешественника мѣсто это есть самое знаменитое въ городѣ, и сколько размышленій рождаетъ оно! Фонтаны и цвѣтники, украшавшіе въ былые дни могилу, теперь исчезли; персиковыя деревья, прежде разцвѣтавшія надъ нею съ каждымъ возвратомъ весны,

теперь пали подъ сѣкирою, и даже плакучія ивы и кипарисы вырваны съ корнемъ и уничтожены: на ихъ мѣстѣ трудолюбивые жители воздѣлываютъ рѣпу. Надиръ Шахъ, какую перемѣну вижу я на мѣстѣ этомъ! Тебѣ, потрясавшему царства Востока, потомство отказало даже и въ томъ небольшомъ садѣ, который посвятили тебѣ какъ отцу твои признательные дѣти. Вотъ награда тому, кто спасъ свое отечество отъ иноземнаго хищника, кто такъ радѣлъ о благѣ своей родины! Но благоденствіе государства не включаетъ въ себѣ благоденствіе *всѣхъ* его сочленовъ: Надиръ громилъ ударами своего деспотизма семейство, которое наслѣдовало его имперіи, и изувѣчилъ того счастливца, который потомъ захватилъ его царство и изгналъ дѣтей его. Ага Магоммедъ Ханъ Ходжа, обезображенный Надиромъ, сберегъ въ себѣ чувства человѣка и въ отмщеніе за свое безчестіе выбросилъ изъ могилы кости великаго завоевателя. Молва гласитъ, что въ послѣдствіи онъ перевезъ *ихъ* въ Тегранъ и *положилъ* подъ ступенями аудіенцъ-залы, дабы онѣ были

попраны ногами его придворныхъ и подданныхъ. Потомки Надира и по сіе время живутъ въ Мешедѣ; но они лишены зрѣнія и бѣдствуютъ въ бѣдности. Человѣкъ, разсказывавшій мнѣ эти подробности, говорилъ, что они нерѣдко просятъ у него хлѣба какъ милостыни.

Мы скоро получили отвѣтъ на наше письмо, отправленное къ Аббасу Мирзѣ въ лагерь: насъ приглашали представиться къ принцу, только-что овладѣвшему крѣпостью Кучаномъ, считавшеюся одною изъ главнѣйшихъ твердынь Персіи. Извѣстіе о ея покореніи было принято въ Мешедѣ съ великою радостью, выразившеюся иллюминованіемъ всего города въ продолженіе трехъ ночей сряду, ибо со временъ Надира ни одинъ монархъ не могъ покорить своей власти начальниковъ Хоразана. Пообѣдавъ à la Perse съ Абдуломъ, нашимъ другомъ-попутчикомъ, купцомъ Мешедскимъ, мы пошли посмотрѣть на иллюминацію. Изъ всего, что мы видѣли въ это время на улицахъ, меня больше всего удивляла иллюминовка лавки одного мясника,

который освѣтилъ восемь, или десять барановъ, помѣстивъ огни подъ жиръ и сало, вздутые на нихъ тонкими пластинками. Я готовъ былъ отдать всю должную ему хвалу, если только онъ успѣлъ предохранить свою баранину отъ поджаренія. Въ одной изъ улицъ мы встрѣтили какое-то человѣческое изображеніе качавшееся въ воздухѣ и естественнымъ образомъ сочли его за изображеніе курдскаго предводителя; но ошиблись — это было ни что иное какъ изображеніе проклятаго Омара. Такой видъ Калифа, качавшагося между небомъ и землею, конечно, былъбы зрѣлищемъ позорнымъ для Сунитовъ; но съ нами не было ни одного изъ нашихъ бухарскихъ знакомцевъ, который могъ бы мнѣ объяснить значеніе такого позорища. Кромѣ этого изображенія, повѣшеннаго на висилицѣ, мы видѣли еще живаго человѣка, висѣвшаго на перекладинѣ, положенной на домахъ чрезъ улицу и также освѣщеннаго самыми яркими огнями. Какимъ образомъ все это было устроено, я не могъ разсмотрѣть, а только видѣлъ, что у него на шеи была веревка и что

онъ дрягалъ ногами какъ настоящій висѣльникъ. Въ то время какъ любопытная толпа смотрѣла на это странное представленіе, какой-то проказникъ привязалъ около десяти свѣчей къ рогамъ барана и пустилъ его въ народъ: поднялась страшная суматоха — животное бодало и подпаливало встрѣчныхъ и поперечныхъ. Все это зрѣлище, столь неожиданно встрѣченное нами въ Азіи, живо напомнило мнѣ иллюминаціи, бывающія въ Англіи.

Послѣ этого мы начали приготовляться къ путешествію въ лагерь и потому простились съ нашими бухарскими знакомцами, посѣтивъ ихъ въ караванcараѣ и выпивъ съ ними прощальную чашку чаю. Многіе изъ возвратившихся съ нами Туркманскихъ рабовъ приходили повидаться съ нами и намъ пріятно было привѣтствовать ихъ какъ людей свободныхъ. Съ Туркманомъ Эрназаромъ мнѣ было жаль разстаться: я далъ ему письмо къ бухарскому визирю; а онъ, зная, что въ немъ заключались всѣ новости хоразанскія, гордился этимъ порученіемъ и даже изъ-

явилъ сильное желаніе скорѣе отправиться въ обратный путь. Мы же, не боясь теперь казаться богатыми, подарили ему хорошую одежду и щедро наградили за услуги. При прощаньи я заткнулъ ему за поясъ пистолетъ, который, не взирая на грубую работу, казался дивнымъ подаркомъ въ глазахъ Туркмана. Мнѣ также необходимо было прибавить нѣсколько писемъ къ нашимъ друзьямъ въ Туркестанѣ, которымъ я обѣщалъ писать. Впрочемъ это обѣщаніе было такъ сказать излишнее, потому что я и безъ него не могъ бы забыть, не смотря на отдаленность, друзей своихъ по сю сторону Инда, отъ которыхъ видѣлъ такъ много радушія, содѣйствовавшаго нашему счастію и удобству въ путешествіи. Но можетъ быть мы нигдѣ не ощущали столько удовольствія какъ въ Мешедѣ, ибо надѣялись скоро увидиться съ нашими соотечественниками, почему и переѣздъ къ мѣсту ихъ пребыванія казался намъ ничтожнымъ. Тутъ мы могли уже одѣться въ приличное и чистое платье, ни сколько не платя за это наслажденіе.

Проживъ недѣлю въ Мешедѣ, мы выѣхали изъ него 23 Сентября и направились вверхъ по долинѣ Мешедской рѣки къ Эмирабаду, отстоявшему на сорокъ миль. Прежде нежели мы добрались до этой станціи, наступила ночь и насъ застигла тьма: поэтому, разстѣливъ войлоки мы пролежали до самаго утра подъ открытымъ небомъ. Тутъ мы скоро увидѣли огни какихъ-то странниковъ, также расположившихся неподалеку отъ насъ и приносившихъ намъ на продажу пшеницу, которою мы накормили своихъ лошадей. Въ двѣнадцати миляхъ отъ Мешеда мы прошли мимо развалинъ Тузи, бывшаго въ древнія времена столицею Хоразана и опустѣвшаго въ слѣдствіе переселенія его жителей въ Мешедъ. Долина рѣки Мешеда необыкновенно богата и мы въ этой сухой странѣ съ удовольствіемъ смотрѣли на обширныя поля, питаемыя искуственнымъ орошеніемъ. Эмирабадъ, котораго впрочемъ мы не видали, есть сильная крѣпость, покоренная послѣ пяти-недѣльной осады Аббасъ Мирзою, за недѣлю до нашего пріѣзда. Она стоитъ въ округѣ Чинарана.

Около шестидесяти миль мы шли вверхъ по долинѣ и на третій день по выѣздѣ изъ Мешеда достигли Кучана. Мѣсто это считается самымъ холоднымъ во всемъ Хоразанѣ, чему, кажется, можно повѣрить, ибо термометръ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ понижался до 29° при солнечномъ восходѣ. Вода тутъ закипала при 206°, а это доказывало, что мы были почти на 4000 футовъ выше моря. Эта долина имѣетъ въ ширину отъ двѣнадцати до двадцати миль; въ ней мѣстами видны при подошвѣ горъ зеленѣющія рощи, дающія прекраснѣйшія плоды. Въ другихъ отношеніяхъ страна бѣдна и пустынна. По горамъ, поднимающимся отъ трехъ до четырехъ тысячь футовъ надъ долиною, не видно ни лѣсовъ, ни кустарниковъ. На дорогѣ мы прошли много деревень, совершенно покинутыхъ жителями въ слѣдствіе войны съ Курдами. Дороги здѣсь тверды и потому очень хороши. Такъ какъ война была уже окончана, то мы встрѣтили на пути множество солдатъ, возвращавшихся по домамъ. Они дали намъ хорошее понятіе о хоразанскихъ войскахъ, ибо всѣ были

вооружены ружьями съ кремневыми замками, чего мы не видали съ тѣхъ поръ какъ выѣхали изъ Кабула. Всѣ эти воины были невысоки ростомъ: они принадлежали къ *Ильджари*, т. е. здѣшней милиціи

Около полудня мы прибыли въ лагерь Аббаса Мирзы и снова очутились въ Европейскомъ обществѣ. Нашъ нарядъ и вообще все приноровленіе къ обычаямъ Востока были до того совершенны, что не смотря на то, что насъ поджидали въ лагерѣ, мы принуждены были объявить о себѣ, ибо безъ этого насъ никто не узнавалъ. Мы позавтракали съ капитаномъ Ши, г. Боровскимъ и г. Бикомъ, принадлежавшими къ числу офицеровъ, служившихъ при Аббасѣ, и съ удовольствіемъ прислушивались при этомъ къ звукамъ роднаго языка своего и къ разсказу о разныхъ происшествіяхъ, совершившихся во время нашего странствованія вдали отъ образованнаго міра. Мы прибыли къ войску, такъ сказать, въ моментъ торжества его, ибо крѣпость пала только за нѣсколько дней предъ этимъ и мы на каждомъ шагу встрѣчали фа-

шины, туры, сапы, мины, батареи, крытыя пути и другія осадныя работы. Стѣны города представляли самое мрачное зрѣлище: парапетъ былъ разрушенъ, нѣкоторыя изъ башенъ взорваны, все разбито и разбросано. Персидскіе солдаты, какъ бы забывъ опасности войны, безпечно засыпали землею ровъ, составлявшій самую грозную защиту крѣпости, ибо онъ имѣлъ около тридцати пяти футовъ глубины и двадцать футовъ ширины, но суживался ко дну. Осаждавшіе успѣли устроить чрезъ него ложементъ, который въ нѣсколько часовъ рѣшилъ бы участь крѣпости, ежели бы комендантъ ея не сдался безусловно. Вообще Кучанъ есть крѣпость весьма сильная: она имѣетъ около полуторы мили въ окружности и защищалась восьми-тысячнымъ гарнизономъ. Такъ какъ штурмованіе ея стоило бы страшнаго кровопролитія, то оно не входило въ планы осаждавшихъ и ея паденіе должно вполнѣ приписать Европейскимъ офицерамъ, управлявшимъ при помощи науки и искусства работами и усиліями Персіянъ.

Вечеромъ капитанъ Ши представилъ насъ Аббасу. Его высочество ѣхалъ осматривать артиллерійскій паркъ и въ это время мы встрѣтили его на дорогѣ. Онъ принялъ насъ самымъ милостивымъ и радушнымъ образомъ и поздравлялъ съ успѣшнымъ окончаніемъ путешествія по странамъ, которыя, по его мнѣнію, доселѣ не были доступны Европейцамъ. Потомъ онъ началъ увѣрять, что всѣ наши труды и опасенія теперь окончились, ибо мы достигли страны, въ которой наша нація пользовалась уваженіемъ. Я отблагодарилъ принца за его благорасположеніе и началъ въ короткихъ словахъ отвѣчать на разспросы о пройденныхъ нами земляхъ. Въ это время мы были предъ самымъ фронтомъ артиллеріи, а весь дворъ Аббаса стоялъ ярдахъ въ пятидесяти позади. Принцъ подалъ знакъ и около шести, или восьми человѣкъ придворныхъ, подъѣхали къ нему; изъ нихъ онъ представилъ намъ двоихъ какъ своихъ сыновей и познакомилъ съ Раза Коли Ханомъ, побѣжденнымъ начальникомъ павшей крѣпости. Въ числѣ этихъ лицъ находился еще какой-то курдскій началь-

никъ и гератскій министръ Яръ Магоммедъ Ханъ. Какое зрѣлище представлялъ намъ Раза Коли, стоявшій съ почтеніемъ предъ своимъ побѣдителемъ и предъ артиллеріею, принудившею его къ сдачѣ! Кажется, смотръ назначенъ былъ именно съ тою цѣлью, чтобъ показать ему паркъ и мы явились, такъ сказать, во время, чтобъ быть свидѣтелями парада. Принцъ обратившись ко мнѣ сказалъ: „тебѣ нужно посмотрѣть мою артиллерію,“—и мы пошли вдоль по линіи вслѣдъ за его высочествомъ, разсматривая по порядку каждое орудіе. Аббасъ Мирза описывалъ подробно все до нихъ относившееся, при чемъ вопросы и печальные взоры несчастнаго Раза Коли Хана вызвали съ его стороны нѣсколько шутливыхъ замѣчаній. Начальникъ же, по видимому, заговаривался и, какъ мнѣ казалось, прикидывался сумазбродомъ. Онъ просилъ Принца подарить ему одну большую мортиру, которою мы въ это время любовались: Аббасъ Мирза отвѣчалъ, что теперь ему не для чего было заботиться о подобныхъ предметахъ. Всѣ орудія, доставшіяся побѣдителю вмѣстѣ съ

крѣпостью, стояли въ линію съ прочею артиллеріею; всѣ они были русской работы, отлитыя въ 1784 году и потомъ отбитыя у персидскаго государя. Курдскій начальникъ показывалъ видъ, что онъ не узнаетъ ихъ; но когда ему разсказали ихъ исторію, то сдѣлалъ довольно справедливое замѣчаніе, что они были *хороши* для Кучана. На мѣстѣ этого начальника я не счелъ бы за безчестіе быть побѣжденнымъ тридцатью пятью орудіями отъ четырехъ до тридцати двухъ фунтоваго колибра, и притомъ находившимися въ самомъ отличномъ состояніи. Послѣ этого принцъ смотрѣлъ маниврировку всей бригады и отдалъ полную справедливость заслугамъ капитану Ли́ндзей, англійскому офицеру, устроившему этотъ паркъ, и говорилъ намъ объ немъ съ большею милостью· Церемонія за этимъ окончилась, и мы уѣхали съ поля совершенно довольные свиданіемъ съ этимъ Карломъ Вторымъ Персіи. Воображеніе обмануло меня наружнымъ видомъ Аббасъ Мирзы: онъ, по всѣмъ признакамъ, былъ когда-то хорошъ собою, теперь же чрезмѣрно истощенъ

и кажется совершеннымъ старикомъ, ибо утратилъ свою прямую осанку, изъ глазъ его течетъ слеза, все лице покрыто морщинами. Одѣтъ онъ былъ чрезвычайно просто и ходилъ съ тростью въ рукѣ. На смотру присутствовалъ старшій сынъ Аббаса, Магоммедъ Мирза, который, будучи столько же пріятнымъ человѣкомъ, не имѣетъ ни того обращенія, ни той важности, которыя отличаютъ его отца.

На слѣдующее утро мы представлялись къ наслѣдному принцу въ его палаткѣ и нашли его занятымъ дѣлами съ министромъ Каимъ Макамомъ и другими лицами, вокругъ него стоявшими. Ни какое великолѣпіе, ни какая роскошь не отличали Аббаса. Окончивъ дѣла, которыми онъ былъ занятъ, онъ обратился къ намъ и началъ разговоръ о политикѣ: говорилъ, что для Англіи предстоятъ огромныя выгоды отъ поддержанія Персіи и просилъ меня по возвращеніи въ отечество объяснить его настоящее положеніе, которое, не взирая на то, что онъ предводительствовалъ побѣдоносною арміею, было

чрезвычайно затруднительно, потому что онъ не имѣлъ денегъ на жалованье войску. Я въ отвѣтъ сказалъ, что крайне сожалѣлъ о его затрудненіяхъ и выразилъ надежду на скорое ихъ устраненіе. Конечно, я при этомъ ни сказалъ ему ни слова о томъ, что всегда смотрѣлъ на снабженіе Персидскаго двора деньгами какъ на самое унизительное дѣло для имени и чести Британіи, ибо оно столько же способствовало къ уменьшенію нашей славы въ Азіи, сколько наши воинскія дѣйствія въ Индіи возвеличили ее. Въ словахъ Аббаса было, впрочемъ нѣкотораго рода уловка: онъ съ важностью увѣрялъ меня, что предпринялъ походъ собственно для прекращенія продажи и плѣненія его подданныхъ Узбеками. Причина, безъ сомнѣнія, уважительная; но вотъ какимъ образомъ онъ заключилъ рѣчь свою: »въ слѣдствіе этого,« говорилъ Аббасъ, „я имѣю нѣкоторое право на вспомоществованіе Британіи: ибо если вы ежегодно истрачиваете тысячи фунтовъ стерлинговъ на подавленіи африканской невольничей торговли, то я заслуживаю вашего содѣйствія въ этихъ

странахъ, гдѣ существуютъ точно такія же причины для возбужденія вашей филантропіи» Я былъ очень доволенъ такимъ сужденіемъ его высочества: оно, кажется, почерпнуто было изъ англійскихъ газетъ, или внушено ему англійскими его друзьями. Послѣ этого принцъ перешелъ къ другимъ предметамъ: онъ разспрашивалъ о моемъ воспитаніи и о запискахъ, которыя я велъ во время путешествія по неизвѣстнымъ странамъ, мною пройденнымъ. »Я знаю,« сказалъ онъ, »что у васъ, Англичанъ, принято за правило, вести записки и что слѣдуя этому правилу вы достигли высокой степени образованія.« Онъ спрашивалъ меня—встрѣчалъ ли я въ своемъ странствованіи кортофель и, выслушавъ мой отрицательный отвѣтъ, приказалъ принесть карзину картофелю и съ видимымъ самодовольствіемъ сказалъ, что онъ возращенъ имъ самимъ. Картофель этотъ, дѣйствительно, былъ очень хорошъ и давалъ его высочеству полное право быть избраннымъ въ почетные члены общества садоводства. Послѣ этого принцъ со всею тонкостью придворнаго опять началъ рѣчь о Узбе-

кахъ и о другихъ племенахъ Туркестана, съ которыми, по его мнѣнію, я былъ хорошо ознакомленъ. Онъ желалъ знать случалось ли мнѣ слыхать какъ объясняются нѣкоторыя мѣста въ исторіи Тимура, гдѣ упоминается о подкапываніи башень и о разрушеніи ихъ посредствомъ огня. Я не былъ приготовленъ къ подобному вопросу, однакожe сказалъ, что при осадѣ Константинополя употреблялся греческій огонь, и прибавилъ, что Тимуръ бывалъ въ сосѣдствѣ Китая, гдѣ, какъ думаютъ, въ то время былъ извѣстенъ порохъ. Древніе, подрывая башни, обыкновенно подставляли подъ нихъ деревянныя подпорки, потомъ, окончивъ земляную работу, поджигали ихъ и тогда башни, лишаясь поддержки, падали и разрушались. За этимъ принцъ сталъ разспрашивать меня о обычаяхъ Узбековъ и улыбнулся при моемъ замѣчаніи объ отвращеніи ихъ къ табаку, ибо зналъ, что онъ продается у нихъ всенародно и даже сказалъ, что служители одного посла, пріѣзжавшаго къ нему недавно изъ Органджа, ловили и вдыхали въ себя дымъ, выходившій изъ рта

ихъ господина. Я, однако же, не видалъ такого дикаго обычая въ Бухарѣ. Когда я разсказывалъ Аббасу о нравственныхъ понятіяхъ Узбековъ и привелъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ преступники являлись своими собственными обвинителями, то онъ разсказалъ мнѣ подобный же случай изъ жизни Али, гдѣ одна женщина, *беременная*, требовала, чтобы ее казнили смертью во искупленіе отъ грѣховъ. Калифъ повелѣлъ ей явиться послѣ родовъ ея. Она исполнила повелѣніе и снова обвиняла себя. Государь приговорилъ ее къ избіенію камнями, но при этомъ запретилъ поднимать на нее камень всякому, кто былъ хоть сколько нибудь грѣшенъ. Калифъ самъ предалъ эту женшину смерти. Я объявилъ его высочеству свое сожалѣніе о томъ, что не слыхалъ этой повѣсти прежде и потому не могъ передать ее Узбекамъ. Послѣ этого принцъ просилъ меня сообщить ему свои замѣчанія о средствахъ къ продовольствію въ странѣ, лежащей вокругъ Чарака, въ которую онъ намѣревался идти въ скоромъ времени. Я исполнинъ его желаніе безъ малѣйшаго земедленія. Аббасъ Мирза во

время этого свиданія говорилъ о географіи и математикѣ, называя эти науки ихъ собственными именами, и выказалъ достаточныя свѣдѣнія въ первой изъ нихъ. Онъ говорилъ о Новой Голландіи, но не проронилъ ни одного слова о своемъ любимомъ планѣ, т. е. о намѣреніи выпроводить на этотъ островъ всѣхъ своихъ братьевъ и племянниковъ при своемъ возшествіи на престолъ.* По моему, ничего нѣтъ несбыточнѣе такого замысла! По окончаніи этого я выразилъ ему свое желаніе продолжить путешествіе между Туркманскими племенами до Каспійскаго моря: Аббасъ со всевозможною учтивостью объявилъ мнѣ, что я могу безопасно ѣхать въ любыя владѣнія Персіи, и, распространяясь объ опасностяхъ странствованія между Туркманами, приказалъ своему секретарю приготовить *ракамъ* или приказъ, который могъ упрочить мнѣ покровительство, и совѣтовалъ примкнуть къ свитѣ какого-то хана, который

* Въ то время, какъ эта книга была въ печати, получено въ Англіи извѣстіе о смерти Аббаса Мирзы.

отправлялся въ эти страны. Онъ также далъ мнѣ письмо къ правителю Мазандерана и извѣщалъ своего сына, тамъ же находившагося, о моемъ отправленіи въ эту провинцію. Тутъ мы простились съ Аббасомъ, вполнѣ довольные свиданіемъ съ нимъ. Не скажу, чтобъ умственныя способности его сдѣлали на меня глубокое впечатлѣніе; впрочемъ онъ стоитъ выше посредственности. Говорятъ, что въ своихъ сужденіяхъ онъ всегда находится подъ вліяніемъ людей его окружающихъ.

Во время нашего пребыванія въ Персидскомъ лагерѣ у насъ было очень много посѣтителей; живая картина войска, насъ окружавшая, представляла намъ много любопытнаго. Тутъ мы часто встрѣчали двухъ Персіянъ, ѣздившихъ въ Англію — Хакима Баши Мирзу Бабу и Мирзу Джаффира. Послѣдній изъ нихъ еще и по сіе время жаждетъ возврата въ Англію и вздыхаетъ о дняхъ, которые онъ провелъ въ ней. Причину его тоски понять не трудно: въ нашемъ отечествѣ онъ былъ въ числѣ *львовъ*; въ Персіи же онъ незамѣтенъ между своими

соотечественниками. Мирза Баба — человѣкъ умный и любезный; мнѣ не случалось встрѣчать Азіятца, который бы по языку и по обращенію такъ близко подходилъ къ англійскому джентельмену. Я шутилъ съ нимъ на счетъ *Хаджи Бабы*; но онъ сказалъ, что это сочиненіе было съ негодованіемъ принято въ Персіи, и увѣрялъ, что въ немъ Англичане не поняли Персіянъ. Я, однако же, не могъ съ нимъ согласиться, ибо своими глазами видѣлъ много хаджи-бабаизма въ его отечествѣ.

Со времени нашего въѣзда въ Хоразанъ товарищъ и спутникъ мой Др. Жéрардъ принялъ намѣреніе отправиться въ Гератъ и чрезъ Кандагаръ пробраться въ Кабулъ, вмѣсто того, чтобъ идти къ берегамъ Каспійскаго моря. Онъ рѣшился на эту поѣздку тѣмъ охотнѣе, что главная цѣль наша была достигнута, и что путь на Гератъ, представляя ему много любопытнаго, былъ безопасно пройденъ лейтенантомъ Артуромъ Конóлли *, предпріимчивымъ офицеромъ

* Лейтенантъ Конолли издалъ свое путешествіе подъ заглавіемъ *Путешествіе въ Сѣверную Индію сухимъ путемъ изъ Англіи.* 2 т. 8-vo Лондонъ.

бенгальской кавалеріи, и нѣкоторыми французскими офицерами Ранджитъ Синга. Въ слѣдствіе этого мы приготовились къ разлукѣ послѣ труднаго девяти-мѣсячнаго странствованія, совершеннаго нами въ товариществѣ. Не трудно вообразить наши чувствованія при разлукѣ; но мы разставались съ полнымъ сознаніемъ, что привели къ окончанію первоначальный планъ нашего предпріятія и что ни на востокѣ, ни на западѣ намъ болѣе не предстояло никакихъ опасностей. Въ Кучанѣ я позволилъ Индусу, Моганъ Лалу, также возвратиться въ Индію вмѣстѣ съ Др. Жéрардомъ и отпустилъ съ ними въ Лодіану своего вѣрнаго афганскаго прислужника, Солимана, уступивъ его собственному желанію. Этотъ уроженецъ Пешауара былъ человѣкъ совершенно безграмотный, но онъ умѣлъ беречь и мои тайны и мои деньги при такихъ обстоятельствахъ гдѣ представлялось множество искушеній къ измѣнѣ. Онъ явилъ себя достойнымъ моего довѣрія и потому чувства, съ которыми я простился съ нимъ, были чувства признательности и уваженія. Отъ-

ѣздъ друзей доставилъ мнѣ случай написать письма ко всѣмъ своимъ туземнымъ друзьямъ въ Кабулѣ и даже къ самому Ранджитъ Сингу. Съ моей стороны было бы слишкомъ самонадѣянно, если бы я сталъ увѣрять, что всѣ знатныя лица, къ которымъ я писалъ, были моими друзьями, не взирая на ихъ собственныя увѣренія въ ихъ расположеніи ко мнѣ; но, выключая правителей и начальниковъ странъ и городовъ, у меня оставался еще длинный списокъ достойныхъ людей, принадлежавшихъ къ числу моихъ корреспондентовъ, и я прямо скажу, что всегда желалъ и старался упрочить за собою ихъ дружелюбное вниманіе. По этому я считаю не излишнимъ поименовать здѣсь всѣ лица, къ которымъ я приготовилъ письма по случаю отъѣзда Др. Жéрарда, ибо всѣ они были къ намъ въ высшей степени благосклонны и гостепріимны. Вотъ эти лица:

Кушъ Биги, въ Бухарѣ.

Сердаръ Достъ Магоммедъ Ханъ, въ Кабулѣ.

Науабъ Джабаръ Ханъ, въ Кабулѣ.

Сердаръ Ханъ Логани Кабульскій, въ Бухарѣ.

Сердаръ Султанъ Магоммедъ Ханъ, въ Пешауарѣ.

Пиръ Магоммедъ Ханъ Сеидъ Магоммедъ Ханъ	его братья.

Мурадъ Али Ханъ Назиръ, въ Пешауарѣ.

Гуламъ Кадиръ Ханъ Миръ Аламъ	Сыновья Кази Муллы Гозна.

Тоги Гознъ Кабули, въ Лодіанѣ.

Ширъ Магоммедъ Ханъ (сынъ его), въ Бухарѣ.

Мулла Рахимъ Шахъ Кашмири, въ Кабулѣ.

Наибъ Магоммедъ Шарифъ, въ Кабулѣ.

Міанъ Физиль-гакъ Сагибзада, въ Пешауарѣ.

Міанъ Садо Динъ, въ Пешауарѣ.

Магараджа Ранджитъ Сингъ, въ Лагорѣ.

Сердаръ Лена Сингъ, въ Маджитіи.

Сердаръ Гари Сингатъ, въ Аттокѣ.

Мирза Саидъ ибнъ Яръ Магоммедъ Балхи, въ Бухарѣ.

ГЛАВА XV.

ПУТЕШЕСТВІЕ МЕЖДУ ТУРКМАНАМИ, ЖИВУЩИМИ ПО КАСПІЙСКОМУ МОРЮ.

Двадцать девятаго Сентября я простился съ своимъ товарищемъ и съ офицерами Аббаса Мирзы и выступилъ въ путь къ берегамъ Каспійскаго моря, присоединившись къ Гамза Хану, недавно-назначенному правителемъ Туркмановъ, обитающихъ на востокѣ отъ моря. Посреди свиты этого сановника, состоявшей изъ трехъ сотъ человѣкъ Курдовъ, Персіянъ и Туркмановъ, я былъ совершенно спокоенъ и чувствовалъ, что меня покинула боязнь за мою *личную* безопасность, столь долго тревожившая меня въ минувшіе дни: теперь на всѣхъ окружавшихъ меня людей я смотрѣлъ

какъ на друзей своихъ. Моя одежда привела въ заблужденіе почти весь отрядъ: никто не узнавалъ истиннаго моего значенія. Удостовѣривъ Хана, что я былъ тотъ самый *Фириндджисъ*, о которомъ говорилъ ему Принцъ, поручая меня его попеченіямъ, я объ остальныхъ не заботился, ибо видѣлъ, что чрезъ это мнѣ было легче сблизиться съ своими сопутниками и удобнѣе составить себѣ понятіе объ этомъ народѣ. Пройдя двадцать шесть миль, мы остановились бивакомъ за Шируаномъ, сильною крѣпостью, обведенною мокрымъ рвомъ, но предназначенною къ обезоруженію по повелѣнію Принца Аббаса. Небольшое число людей, трудившихся надъ этимъ обезоруженіемъ, подало мнѣ поводъ думать, что такая разрушительная работа скоро будетъ покинута и что современемъ крѣпость снова послужитъ одною изъ главныхъ твердынь Хоразана.

Все это время мы ѣхали по теченію рѣки Атрака, берущей начало близъ Кучана, и только въ десяти миляхъ отъ Буджнурда разстались

съ нею: она въ видѣ небольшой рѣчьки пошла на западъ, а мы начали перебираться чрезъ нѣсколько горныхъ хребтовъ. Совершивъ въ этомъ переходѣ тридцать восемь миль, мы достигли Буджнурда, довольно значительнаго мѣстечка, стоящаго въ обширной равнинѣ и служащаго мѣстопребываніемъ одному курдскому начальнику, который, узнавъ о приближеніи Аббаса Мирзы, изъявилъ ему свою покорность и тѣмъ спасъ свою крѣпость. Здѣсь мы въ первый разъ увидѣли кочующихъ жителей Хоразана — Иліатовъ, черныя палатки которыхъ въ числѣ, можетъ быть, тысячи были разбиты вокругъ города. Эти люди съ виду не много отличались отъ кабульскихъ Гильджисовъ. На пути къ Буджнурду мы встрѣтили многочисленныя толпы поселянъ, возвращавшихся въ свои родныя жилища: покинувъ ихъ при началѣ войны, они спѣшили снова вступить въ нихъ въ слѣдствіе успѣховъ персидскаго оружія. При встрѣчѣ съ нами они останавливались и подробно распрашивали о походѣ Аббаса; женщины же и дѣти съ трудомъ вѣрили, что мы не принадлежимъ

къ числу грабителей - Курдовъ. Отъ удаленія жителей поля оставались невоздѣланными въ теченіе цѣлаго года; но, не смотря на это, благоденствіе страны возстановится скоро, если только воспослѣдуютъ миръ и спокойствіе. Война всегда и всюду разорительна: въ Персіи же она ужаснѣе, нежели гдѣ нибудь, ибо солдаты шаха поѣдаютъ всѣ пожитки его покорныхъ подданныхъ.

Въ четырехъ миляхъ отъ Буджнурда мы вышли изъ долины, гдѣ онъ расположенъ, и вступили въ горы, которыя, проходя въ южномъ отъ насъ направленіи, были покрыты сосновыми деревьями. Климатъ тутъ сыръ, но пріятенъ; между горами намъ встрѣчалось много богатыхъ и прекрасно-воздѣланныхъ мѣстъ. Виноградники Серуана, разведенные въ глубокой долинѣ, очаровательны. Не взирая на горы, дорога здѣсь превосходна; пройдя по ней тридцать шесть миль, мы добрались до Кила Хана, въ округѣ Сималганѣ, обильно орошаемомъ горными потоками. Тутъ мы достигли грани на-

бѣговъ Така-Туркмановъ, постоянно занятыхъ наѣздами между Мешедомъ и Теграномъ: они обыкновенно ходятъ тою же дорогою и тѣми же горами, чрезъ которыя шли и мы. Намъ впрочемъ нечего было опасаться ихъ, ибо наша партія состояла изъ двухъ сотъ человѣкъ Туркмановъ племени Гохлана и Ямуда, служившихъ въ арміи Аббаса и теперь отпущенныхъ по домамъ. Во время втораго перехода по выѣздѣ изъ лагеря, эти спутники наши вполнѣ выказали свои хищническія наклонности при встрѣчѣ съ толпою поселянъ, шедшихъ продавать свой виноградъ: Туркманы напали на нихъ, били безъ всякой пощады и, разграбивъ большую часть корзинъ съ товаромъ, раздѣлили добычу по-ровну, такъ что виноградъ достался и тѣмъ, кто билъ поселянъ, и тѣмъ, кто не билъ ихъ; даже и мнѣ принесена была часть расхищеннаго имущества. Гамза Ханъ тщетно старался возстановить порядокъ: онъ не имѣлъ надъ грабителями никакой власти. Наконецъ, въ Серуанѣ они встрѣтили значительный отпоръ со стороны поселянъ, которые, возставъ всѣмъ міромъ, такъ

отколотили одного хищника, что навели страхъ и на остальныхъ. Я внутренно порадовался, что имъ дали такую острастку.

»Какой длинный фарсахъ, фарсахъ хоразанскій!« говоритъ здѣсь путешественникъ, истомленный безпрерывною ѣздою съ утра до вечера, до того, что онъ едва сидитъ на заморенной лошади своей, ухватившись за сѣдельную луку. Европейцу, привыкшему только къ легкимъ переѣздамъ, невозможно составить себѣ ни малѣйшаго понятія о трудностяхъ сороко-мильной станціи въ Хоразанѣ, гдѣ все пространство переходятъ не иначе, какъ шагомъ и гдѣ на мѣстахъ привала нѣтъ гостинницъ и ничего такого, чтобы хотя сколько нибудь способствовало къ возстановленію истощенныхъ силъ путешественника. »Клянусь главою пророка!« воскликнулъ одинъ изъ нашихъ попутчиковъ въ то время, какъ мы приблизились къ мѣсту отдохновенія, «клянусь, что эта дорога длиннѣе кишки Омаровой: моя спина и мои колѣна совершенно онѣмѣли.“ Я отъ-души захохоталъ при такомъ смѣш-

номъ сравненіи, ибо вполнѣ постигалъ усталость говорившаго. „*Педръ сохта!* Сожги отца его!" продолжалъ болтливый Персіянинъ, „я никогда не былъ измученъ до такой степени." Въ нашемъ поѣздѣ было нѣсколько человѣкъ самаго веселаго характера, и я, ознакомившись съ ними въ теченіи немногихъ дней, убѣдился, что Персіяне въ своей собственной отчизнѣ являются существами лучшими, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ ихъ тщеславіе истощаетъ всякое терпѣніе.

Пройдя тридцать восемь миль, мы добрались до деревни, называемой Шахбазъ, и за нею утратили всѣ слѣды народонаселенія, не взирая на то, что страна была все также богата. Въ минувшихъ годахъ племя Гирейли воздѣлывало тутъ землю и разводило скотъ; но въ здѣшнихъ краяхъ люди считаются такою же собственностью какъ и лошади, и потому Ага Магоммедъ Ханъ перевелъ все это племя въ Мазендеранъ. Богатыя пастбища этой страны лежатъ въ небреженіи: да и какой поселянинъ

рѣшится поселиться въ сосѣдствѣ съ Така-Туркманами, коихъ палатки видны на разстояніи нѣсколькихъ миль за горами? Даже мы, окруженные двумя стами человѣкъ этого народа, не считали себя вполнѣ безопасными. Какъ заботливо ни хлопоталъ я до сихъ поръ о томъ, чтобы не спать на мокрой землѣ, тутъ я проснулся утромъ съ онѣмѣніемъ почти всего тѣла и съ ломотою въ костяхъ отъ росы и сырости. Къ счастію солнце скоро высушило мое платье, а хорошее расположеніе духа устранило всѣ худыя послѣдствія. Путешествуя по этимъ горамъ, мы попеременно поднимались на высоты и опускались въ долины, окруженныя со всѣхъ сторонъ дикою, но прекрасною природою. По горамъ кой-гдѣ виднѣлись тощія сосны, но скалы чаще всего представлялись совершенно обнаженными и только слегка покрытыми травою. Всѣ наши попутчики были разговорчивы и внимательны къ намъ, а при такихъ обстоятельствахъ человѣку нужно немногое даже и въ палящихъ странахъ Хоразана.

Одинъ Туркманъ, ознакомившійся со мною болѣе прочихъ, какъ-то подъѣхалъ ко мнѣ и неожиданно попросилъ меня сообщить ему бухарскія новости: вѣроятно моя одежда внушила ему мысль о томъ, что я ѣду изъ этой страны. Онъ обратился ко мнѣ съ персидскою рѣчью, которая была для него столько же несродною, сколько и для меня. „Я Фиринджисъ!" отвѣчалъ я ему. Туркманъ пріостановилъ свою лошадь и сказалъ: „Полно! Не уже ли ты хочешь сдѣлать изъ меня дурака? Фиринджисы не носятъ бороды; притомъ же твоя бритая голова и твоя одежда опровергаютъ твое показаніе." Я напрасно старался убѣдить его въ справедливости своихъ словъ. „Кто ты — сунитъ, или шіитъ?" продолжалъ онъ. „Будь по твоему," сказалъ я ему, „если ты непремѣнно хочешь сдѣлать изъ меня Магоммеданина," и за этимъ я произнесъ имена первыхъ четырехъ Калифовъ, служащихъ лозунгомъ между сунитами, къ числу которыхъ принадлежатъ всѣ Туркманы. „Прекрасно!" воскликнулъ мой новый знакомецъ, „я зналъ, что я былъ правъ." Мы весело про-

должали путь, а я невольно разыгрывалъ роль, которую, такъ сказать насильно, на меня навязывали. Туркманъ не довольствовался тѣмъ, что опредѣлилъ мое исповѣданіе: онъ точно также назначилъ мнѣ отечествомъ Кабулъ. Я, конечно, не упустилъ случая, представленнаго этимъ знакомствомъ, для увеличенія моихъ свѣдѣній о Туркманахъ, въ страну которыхъ мы теперь снова вступали.

Во время этого разговора вдругъ близъ дороги поднялась *кабка* или куропатка: мой пріятель вмѣстѣ съ толпою своихъ соотечественниковъ кинулся за нею и успѣлъ убить ее. Здѣсь бьютъ эту птицу легче, чѣмъ можно себѣ представить: число добытыхъ въ настоящемъ случаѣ вполнѣ убѣдило меня въ этомъ; куропатки, взлетѣвъ разъ или два, много три, падали отъ изнеможенія и были подбираемы охотниками. Туркмановъ эта охота занимала въ высшей степени: я хотя и не участвовалъ въ ней, однако же вполнѣ сочувствовалъ удовольствію туземцевъ. Длинныя пики, которыми были воо-

ружены Туркманы, ихъ необыкновенная ловкость и наѣздничество, давали — такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось — вѣрное понятіе о ихъ *чапаосахъ* или наѣздахъ, когда они, такъ сказать, ѣздятъ на охоту за людьми. Туркманскій всадникъ, пуская лошадь во весь опоръ, обыкновенно склоняется на сѣдлѣ впередъ, что̀ придаетъ ему видъ неукротимости, въ высшей степени увлекательный. Вся картина этой охоты была достойна древней Парѳіи, той самой страны, чрезъ которую мы теперь переходили.

Между сопутствовавшими намъ Туркманами я замѣтилъ одного, который, безпрестанно отдѣляясь отъ толпы, что-то пѣлъ въ полголоса, махая въ тактъ руками и ногами. Всѣ эти дѣйствія, равно какъ и *ситаръ*, инструментъ походящій на лютню, убѣдили меня, что я наконецъ встрѣтился съ человѣкомъ, котораго давно искалъ, т. е. съ туркманскимъ пѣвцомъ. „Саламъ алейкумъ!“ сказалъ я барду; онъ отвѣтилъ мнѣ такимъ же привѣтствіемъ. Но увы! этимъ ограничился весь разговоръ нашъ; онъ

не зналъ другаго языка кромѣ туркійскаго, а мой пріятель могъ объяснить ему только то, что я этого языка не понимаю. Однако же инстинктъ барда объяснилъ ему то, чего я желалъ, не будучи въ состояніи выразить: онъ началъ-было наигрывать какую-то пѣсню своего племени, но шаги лошади не допустили употребленіе инструмента. Такъ какъ музыка во всѣхъ странахъ составляетъ удовольствіе недешевое, то и здѣсь пѣвецъ началъ разспрашивать меня о вознагражденіи, намѣкая, что ему не изъ чего выказывать своихъ талантовъ даромъ. Мой переводчикъ передалъ ему, что за это онъ получитъ вечеромъ превосходнаго пилаву; выслушавъ обѣщаніе, Туркманъ посмотрѣлъ вокругъ себя и потомъ спросилъ, кто же будетъ варить пилавъ человѣку, у котораго нѣтъ даже и простаго слуги. Вскорѣ пѣвецъ немного поотсталъ отъ меня и началъ добиваться, что я за человѣкъ. Вечеромъ я угощалъ его пилавомъ, чтобъ устранить сомнѣніе на счетъ моей состоятельности, а онъ обѣщалъ познакомить меня съ поэтами своего племени.

Въ шести миляхъ отъ Шахбаза мы простились съ горами и долинами, чрезъ которыя такъ долго ѣхали, и спустились въ ложбину, гдѣ протекаетъ рѣка Гурганъ. Слѣдуя за ея теченіемъ почти на протяженіи двадцати миль, мы не встрѣтили ни малѣйшихъ слѣдовъ осѣдлости и образованности жителей, а вечеромъ достигли какого-то кочевья Туркмановъ, съ которыми я радъ былъ снова встрѣтиться. Жители этого селенія принадлежали къ племени Гоклана, въ которомъ считается до девяти тысячъ семействъ. Ничто не можетъ сравниться съ прелестью мѣстъ, въ которыя мы въ то время вступили: горы были покрыты лѣсомъ до самой вершины; оттѣнки зелени различныхъ деревъ были до того разнообразны, что съ трудомъ можно было повѣрить ихъ естественности. Смоковницы, виноградныя лозы, гранаты, малина, черная смородина, орѣшникъ подымались повсюду, а по мѣрѣ нашего приближенія къ туркманскому стану, со всѣхъ сторонъ представлялись намъ обширныя плантаціи тутовыхъ деревъ. Множество разнообразныхъ палатокъ бы-

ло разбито въ живописномъ порядкѣ по обширной луговинѣ не въ далекомъ разстояніи отъ рѣки. Наша партія остановилась близъ одного отдѣла этого селенія, на прекрасномъ зеленомъ лугу, у подошвы горы, вѣнчанной облаками и убранной самымъ роскошнымъ лѣсомъ. Туркманы встрѣтили своего новаго правителя со всевозможнымъ почетомъ и отвели нѣсколько палатокъ для его помѣщенія, изъ которыхъ одну предоставили мнѣ, такъ что здѣсь я въ первый разъ со времени отъѣзда изъ Индіи (за исключеніемъ лагеря Аббаса Мирзы) находился подъ кровомъ шатра и еще въ добавокъ между Туркманами. Кромѣ этого, мнѣ какъ гостю принесены были сдобныя лѣпешки и дыни: я ѣлъ ихъ съ удовольствіемъ.

Слѣдуя вверхъ по долинѣ, мы имѣли случай видѣть любопытную встрѣчу, которая была сдѣлана какому-то Аксакалу, ѣхавшему вмѣстѣ съ нами изъ Кучана. Вначалѣ всѣ принимали его за простаго дикаго Туркмана; я даже едва замѣтилъ его. Но за то здѣсь онъ явился намъ

вельможею и — что́ еще болѣе — патріархомъ. Онъ ѣздилъ представляться къ наслѣднику престола по особому его повелѣнію и теперь возвращался домой. За нѣсколько миль до нашего вступленія въ лагерь Туркманы вышли къ нему на встрѣчу съ привѣтствіями: всѣ они были верхомъ, какъ мужчины и женщины, такъ и дѣти. Многіе плакали, цалуя его руки. Наконецъ, въ одной осѣненной деревьями и необыкновенно живописной части долины показалось нѣсколько человѣкъ, болѣе знатныхъ по наружности, чѣмъ другіе Туркманы; они слѣзли съ лошадей и стали въ-рядъ: это было семейство начальника. При видѣ родныхъ онъ спрыгнулъ съ сѣдла, съ юношескимъ восторгомъ кинулся къ нимъ и перецѣловалъ одного за другимъ четырехъ мальчиковъ — сыновей своихъ. Вся эта сцена была до того увлекательна, что даже насмѣшливые Персіяне, доселѣ безпрестанно передразнивавшіе всѣ движенія и возгласы Туркмановъ, тутъ вдругъ примолкли при видѣ такого порыва чувства. Трое изъ упомянутыхъ мальчиковъ не имѣли и десяти лѣтъ отъ рож-

денія; но, не взирая на это, они смѣло сѣли на лошадей и присоединились къ нашему поѣзду Цѣлый день радость господствовала между гохландскими Туркманами и все свидѣтельствовало объ искренности ихъ чувства: ихъ соотечественники возвращались съ театра войны въ совершенной безопасности, поэтому они со всѣхъ сторонъ спѣшили имъ на встрѣчу и присоединялись къ арріергарду. Проѣзжая мимо насъ — равнодушныхъ странниковъ — они привѣтствовали насъ самыми дружескими выраженіями: женщины говорили „хушъ гильди!" (добро пожаловать) и складывали на груди руки въ знакъ искренности. Мнѣ никогда не случалось видѣть картины такой единодушной радости. Вскорѣ явился одинъ всадникъ, по видимому, обрадованный болѣе прочихъ; онъ привезъ огромный запасъ хлѣба и началъ раздавать его ломтями каждому, кто попадался ему на встрѣчу, приговаривая „Возьми: это дѣло доброе предъ лицемъ Господа! возьми какъ гость и какъ странникъ." Хладнокровно смотрѣть на все это не было возможности: если бы я могъ

точными словами передать все, чтó въ этотъ день видѣлъ между Туркманами, то, безъ сомнѣнія, возбудилъ бы самое теплое сочувствіе къ нимъ, не взирая на то, что сталъ бы говорить о народѣ, незнающемъ закона, живущемъ грабежемъ и опустошающемъ смежныя съ ними страны. Послѣ всего этого какъ не сказать, что характеръ человѣчества состоитъ изъ самыхъ рѣзкихъ несовмѣстностей и противорѣчій?

Ханъ, которому я сопутствовалъ, вскорѣ занялся отправленіемъ обязанностей по своему новому званію. Онъ везъ хорошія новости Туркманамъ: они, разграбляя всѣхъ, на этотъ разъ сами были разграблены мазендеранскими войсками, которыя проходили чрезъ ихъ земли, когда присоединялись къ дѣйствующей арміи. Ханъ же объявлялъ, что наслѣдникъ престола приказалъ составить списокъ всѣхъ ихъ потерь и представить ему; по этому, переѣзжая изъ лагеря въ лагерь, онъ находилъ повсюду радостную встрѣчу. Въ продолженіе четырехъ дней я былъ неразлученъ съ Туркманами и провелъ

это время въ пріятномъ наблюденіи ихъ нравовъ и обычаевъ. Для этого мнѣ, конечно, не могло представиться случая болѣе удобнаго, ибо насъ вездѣ встрѣчали съ радушіемъ и, кромѣ того, меня всюду принимали за принадлежащаго къ свитѣ знатнаго человѣка. Племя гокланскихъ Туркмановъ подвластно Персіи, господствующей надъ ними въ теченіи послѣднихъ тридцати шести лѣтъ. Хотя покорность ихъ и нельзя назвать добровольною; однако же она упрочена совершенно, и они уже успѣли въ нѣкоторой степени отказаться отъ своихъ хищническихъ обычаевъ и отчасти замѣнить ихъ земледѣліемъ. Впрочемъ, у нихъ еще нѣтъ того довольства и той уютности, какія замѣчены мною между Туркманами Чарака. Племя Ямудъ, живущее между Гокланами и Каспійскимъ моремъ, также покорено Персіею; но многочисленность этого племени, простирающагося до двадцати тысячь семействъ, даетъ ему возможность часто бунтовать и противиться господствующей власти. Гокланы, напротивъ, не имѣютъ никакой политической силы. Така-Туркманы,

обитающіе на сѣверъ отъ двухъ племенъ, сейчасъ-поименованныхъ, сохраняютъ свою независимость отъ Персіи. Обычаи всѣхъ этихъ Туркмановъ не отличаются отъ обычаевъ тѣхъ соплеменниковъ ихъ, которые живутъ ближе къ Бухарѣ, за исключеніемъ только того, что эти послѣдніе походятъ болѣе на горожанъ. Женщины ихъ обыкновенно закрываютъ лице ниже рта — не смотря на то, что во время моего пребыванія въ этихъ мѣстахъ я не встрѣтилъ ни одной, личная красота которой могла бы возбудить даже и въ самомъ пылкомъ юношѣ желаніе насладиться поцѣлуемъ, или вздохомъ розовыхъ губокъ. Нарядъ ихъ приближается болѣе къ персидскому, нежели къ степному наряду.

Во время переѣзда изъ одного стана въ другой, вниманіе мое нерѣдко привлекалъ на себя одинъ старикъ, имѣвшій по видимому лѣтъ шестьдесятъ отъ-роду: по мѣрѣ его приближенія Туркманы сходили съ лошадей и, приступая къ нему, цѣловали его руќу, въ замѣнъ, что онъ благословлялъ ихъ. Это былъ туркманскій Сеидъ.

Одинъ Персіянинъ, замѣтивъ, съ какимъ вниманіемъ я наблюдалъ этого почтеннаго человѣка, объявилъ ему, что я Европеецъ, и мы въ слѣдствіе этого скоро сблизились и вступили въ разговоръ. Онъ носилъ грозное наименованіе Магоммеда Гилиха или „Меча Магоммеда"; но всеобщее уваженіе, которымъ онъ пользовался, смягчило его нравы, лѣта же придавали мягкость голосу, а потому и обращеніе его было весьма пріятное. Онъ спрашивалъ, всѣ ли Франки исповѣдаютъ христіанскую вѣру, и когда я отвѣчалъ ему утвердительно, то сказалъ: „Хорошо, что всѣ мы слѣдуемъ каждый своей вѣрѣ: и Еврей и Христіанинъ и Магоммеданинъ будутъ одно и то же по смерти." Послѣ этого нашъ разговоръ перешелъ къ Туркманамъ, и онъ, изъявилъ сожалѣніе, что они торгуютъ людьми, сказавъ, что различіе вѣры не представляетъ справедливыхъ причинъ для такой жестокости. „Это врожденная наклонность ихъ племени," говорилъ онъ, „они злобны по характеру и не хотятъ слушать моихъ совѣтовъ. Но съ Фиринджисомъ ли говорю я?" продолжалъ

старикъ, какъ бы вдругъ прерывая самаго себя, „мнѣ доселѣ еще не случалось встрѣчать Фиринджиса — да и возможно ли это было въ такой отдаленной странѣ? Гдѣ земля Франковъ и гдѣ родина Туркмановъ? Въ нашей судьбѣ есть что нибудь особенное," продолжалъ онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою, „что свело насъ вмѣстѣ: вѣроятно наши духи (*рохъ*) имѣли одинъ съ другимъ сношеніе въ иномъ мірѣ, почему и встрѣтились въ этомъ." Странное разсужденіе! — Проѣхавъ вмѣстѣ около трехъ миль, мы остановились близъ земляной насыпи, на верху которой воткнутъ былъ шестъ: на пути мы встрѣтили нѣсколько такихъ же насыпей. „Что это такое?" спросилъ я. — „Это называется *Юзка* и означаетъ мѣсто, гдѣ кто нибудь умеръ, или лежалъ мертвый. Туркманы обыкновенно произносятъ благословеніе, когда проходятъ мимо подобныхъ мѣстъ, и вѣруютъ, что это облегчитъ участь умершаго. Таковъ обычай у насъ, и ты увидишь много такихъ насыпей на пути своемъ." Насыпи эти не есть могилы, а просто насыпи, сдѣланныя въ честь умершихъ. Мнѣ

кажется, что это татарскій обычай; но я не имѣлъ случая сдѣлать дальнѣйшихъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ. Почтенный Сеидъ вскорѣ послѣ разстался съ нами; онъ отправился чрезъ сосѣднія горы домой, гдѣ жили шесть сыновей его. Прощаясь со мною, онъ взялъ мою руку и произнесъ благословеніе, потомъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути на родину и, поручивъ меня Богу по обычаю своихъ соплѣменниковъ, уѣхалъ.

По выходѣ изъ долины рѣки Гургана, мы вступили въ равнину, лежащую на востокъ отъ Каспійскаго моря. Ландшафтъ, открывшійся предъ нами, былъ величественный: налѣво отъ насъ проходилъ хребетъ горъ, поднимавшихся до значительной высоты и одѣтыхъ до самыхъ вершинъ лѣсомъ и зеленью; направо — пространныя равнины, орошаемыя рѣками Атракомъ и Гурганомъ и покрытыя богатою зеленью, были уставлены многочисленными станами Туркмановъ, вокругъ которыхъ бродили стада овецъ и рогатаго скота. Впереди, на значительномъ

разстояніи, замѣтны были высокія горы Элбруса, заканчивавшія эту съ перваго взгляда безпредѣльную равнину. Такая картина могла привесть въ восторгъ всякаго человѣка, не говоря уже о скитальцахъ въ степяхъ скиѳскихъ.

Нашъ Ханъ, предъ моею разлукою съ нимъ, удовлетворилъ мое любопытство относительно туркманской поэзіи: онъ прислалъ ко мнѣ двухъ *бахши* или пѣвцовъ, чтобъ они дали мнѣ понятіе о своихъ пѣсняхъ и о своей музыкѣ. Инструменты этихъ людей состояли изъ двухъ-струнныхъ *ситаровъ*, подъ звукъ которыхъ они пѣли мнѣ народныя пѣсни на туркманскомъ языкѣ. Для образца они пропѣли мнѣ пѣснь: „Нападенія Така-Туркмановъ на Персіянъ."

Слѣдующій подстрочный переводъ дастъ читателю нѣкоторое понятіе объ этой воинской пѣснѣ Туркмановъ:

Пѣсня Така-Туркмановъ, обращаемая къ Курдамъ.

Лутфъ Али Ханъ! Твое величіе миновало: время вести тебя въ неволю, Беглеръ!*

Время собрать ночью наши силы и изготовиться къ утру въ *чапаосъ.***

Прахъ луговъ твоихъ развѣется изъ подъ копытъ туркманскихъ коней.

Таки увезутъ дочерей твоихъ, одѣтыхъ въ бархатъ.

Благодареніе Богу — имя мое вознесется до небесъ!

Если ты знаешь годъ козла ***, то вѣдай, что тогда я разграблю Мешедъ.

Падутъ всѣ твои надежды въ Хоразанѣ. Ты побѣжишь въ Тегранъ, Беглеръ!

У меня есть сотня благородныхъ юношей, которые стерегутъ тебя.

Неусыпна ихъ бдительность — они поставятъ тебя предо мною, Беглеръ.

О, Беглеръ! я увезу пушки твои въ Хиву — миновала власть твоя.

Я въ равнинѣ соберу всѣхъ своихъ ратниковъ.

Если въ тебѣ есть еще разсудокъ, то не забудь моего совѣта:

Пришли мнѣ въ дань юношу и красную дѣвицу.

О! Бай Магомедъ, **** — настала пора моего счастія.

* Господинъ или начальникъ.

** Набѣгъ. *** Эпоха лѣтосчисленія. **** Имя пѣвца.

Курды хотя и принадлежатъ къ персидскому племени, однако столько же причастны грабежамъ, сколько и Туркманы: въ ихъ пѣсни, которую мы сейчасъ приведемъ, и которую они поютъ въ отвѣтъ Така-Туркманамъ, болѣе отваги и болѣе энергіи: —

Пѣсня Курдовъ, обращаемая къ Така-Туркманамъ.

Беглеръ! Поклонись отъ меня Такамъ. Есть мѣсто, называемое Ургаджъ * — ты долго наслаждался тамъ.
Много лѣтъ сидѣлъ ты въ Уркаджѣ. Настало время, Беглеръ — пора тебѣ выселиться:
Мы теперь разобьемъ свои шатры на луговинахъ Нисіи. *
Когда ты оборотишь тылъ, мы на трубахъ прозвучимъ твое отступленіе.
Наши всадники захватятъ всѣхъ, кто захочетъ ускользнуть.
Они растопчутъ подъ ногами всѣхъ отставшихъ.
Мы посмотримъ на прекрасныхъ дочерей твоихъ.
Наши отважные воины, въ кольчугахъ, объѣдутъ твои равнины.
Наши воины зайдутъ далеко за твое укрѣпленіе, Беглеръ!
Стѣны Аккала * дрогнутъ отъ выстрѣловъ нашихъ орудій.
Я приведу съ собою могучее войско.
И пройду за грань равнинъ кипчакскихъ.**
Мои передовые отряды спѣшатся въ поляхъ Маймана.
Твой народъ будетъ истребленъ въ пескахъ пустыни.
Когда тебя погонятъ между песчаными холмами,

* Мѣста на рѣкѣ Гурганѣ ** Равнина на С. отъ Сира.

То ноги твои покроются пузырями и во рту пересохнетъ отъ жажды.
Гдѣ бы ты ни былъ, мои проводники выслѣдятъ тебя повсюду.
Когда они укажутъ тебя, мы захватимъ тебя съ семействами.
О Душкунъ! * я говорю — и ручаюсь за себя —
Эта равнина, столь прекрасная, скоро покажется тебѣ терновымъ путемъ.

Этими народными пѣснями я заключу свое знакомство съ Туркманами. По равнинамъ я добрался до Астрабада, избѣгая по возможности сношенiй съ Ямудами, которые, какъ разсказываютъ, не столь миролюбивы, какъ Гокланы. Впрочемъ я встрѣтилъ нѣсколько отрядовъ ихъ, и они не причинили мнѣ ни какой обиды, не смотря на то, что я, отставъ отъ свиты хана, путешествовалъ одинъ. Проѣхавъ восемь миль, мы достигли Астрабада, изъ котораго видъ на окрестности поразителенъ. При подошвѣ горъ, изъ коихъ одна служитъ подножiемъ недоступной крѣпости Гамауарана, — мѣсту дѣйствiя одного персидскаго романа — лежитъ обширная равнина туркманская. Вдали едва замѣтно Каспiй-

* Имя пѣвца.

ское море, находящееся отсюда болѣе, чѣмъ въ двадцати миляхъ. На пути изъ страны Гоклановъ мы проѣхали мимо высокаго, куполомъ покрытаго зданія — Гумбазъ Кауза, стоящаго, какъ полагаютъ, на развалинахъ древняго Гургана. Говорятъ, что онъ когда-то былъ связанъ съ Каспіемъ пограничною линіею фортовъ, называвшеюся *Ланатъ Нума*, или *указательницею проклятья*, ибо каждый человѣкъ, рѣшавшійся переходить за эту грань въ страну Туркмановъ, считался проклятымъ. Туземцы много говорили мнѣ о войнахъ и битвахъ минувшихъ лѣтъ, когда рѣки Гурганъ и Атракъ были обогрены кровью. Мнѣ кажется, что въ существѣ это только метафорическое выраженіе поэтовъ.

Въ Астрабадѣ мы остановились въ какомъ-то каравансараѣ и провели два чрезвычайно скучные дня въ этомъ *Городѣ Язвы*. Моровое повѣтріе опустошило его въ минувшемъ году, и потому я безъ удовольствія бродилъ по его улицамъ. Половина домовъ и лавокъ были заперты, въ полномъ смыслѣ слова за неимѣніемъ

хозяевъ: все его теперешнее народонаселенiе не превышаетъ 4000 душъ. Чума свирѣпствовала здѣсь ужасно, такъ что въ семействахъ, состоявшихъ изъ десяти и двѣнадцати человѣкъ, осталось не болѣе двухъ, или трехъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ чирьи прорывались, больные по большей части выздоравливали; но за то на нихъ оставались страшные шрамы, свидѣтельствовавшiе о жестокости болѣзни: они походили болѣе на раны пулею. Теперь бѣдствiе это миновало. Жители, по видимому, свыклись со смертью, и я самъ видѣлъ, какъ они, выставивъ похоронныя носилки на улицу, обмывали на нихъ тѣло покойника близъ городскаго колодца, возлѣ какой-то фруктовой лавки.

Астрабадъ — мѣсто незначительное. Сухой ровъ и полуразрушенная земляная стѣна, имѣющая около двухъ миль въ окружности, идутъ вокругъ всего города. Внутри этой черты есть много такихъ мѣстъ, которыя напоминаютъ болѣе деревню, чѣмъ городъ. Астрабадъ есть мѣсторожденiе Каджаровъ — царствующаго дома Пер-

сіи. Гáнуей говоритъ, что въ началѣ минувшаго столѣтія это былъ довольно важный торговый пунктъ; но съ того времени благосостояніе его исчезло: теперь въ немъ только четыре караван-сарая и не болѣе двѣнадцати лавокъ для продажи тканей. Впрочемъ географическое положеніе его весьма выгодно: онъ только въ двадцати пяти миляхъ отъ Каспійскаго моря. Превосходная мощеная дорога Шаха Аббаса, существующая понынѣ, поддерживаетъ его сообщенія съ провинціями, лежащими на югъ отъ этого моря. Его торговля съ Оргенджемъ или Хивою, сравнительно говоря, не значительна, ибо въ него приходитъ въ годъ не болѣе одного, или двухъ хивинскихъ каравановъ въ восемьдесятъ, или во сто верблюдовъ каждый. Торговля эта затруднена тѣмъ, что страны между Астрабадомъ и Хивою постоянно неспокойны, а потому товары обыкновенно идутъ вдоль восточнаго берега Каспія до самыхъ тѣхъ мѣстъ, которыя лежатъ подъ одною широтою съ Хивою. Между Астрабадомъ и Россіею теперь почти нѣтъ ни какой торговли.

Климатъ Астрабада сыръ и непріятенъ: дожди въ немъ такъ обильны, что едва можно укрѣпить его земляныя стѣны. Впрочемъ, для этого жители придумали здѣсь довольно замысловатый способъ: они обыкновенно покрываютъ стѣну тростниковыми плетенками, накладываютъ на нихъ земли и обсаживаютъ лиліями, которыя, разцвѣтая роскошно, предохраняютъ насыпь и не допускаютъ дождямъ размывать ее. Хотя Астрабадъ лежитъ подъ одною параллелью съ Кучаномъ, однако же въ Октябрѣ термометръ стоялъ въ немъ на 60°, между тѣмъ какъ въ послѣднемъ мѣстѣ онъ спускался до точки замерзанія при восходѣ солнца. Это обстоятельство объясняется разницею въ высотѣ надъ моремъ. Въ Астрабадѣ созрѣваютъ апельсины, винная ягода, лимоны и другіе плоды жаркаго климата.

Изъ Астрабада я отправился на берега Каспійскаго моря, въ Ноканду — разбросанную деревню, лежащую почти въ тридцати миляхъ отъ этого города. Мы, можетъ быть, скорѣе достигли бы ее, если бы я не представлялся къ ха-

ну этого мѣста и не захотѣлъ посмотрѣть мощеной дороги великаго Шаха Аббаса. Дорога эта и до нынѣ находится въ хорошемъ состоянiи: она, по видимому, имѣла около двѣнадцати футовъ ширины и была вымощена круглыми камнями. Она проходитъ густыми лѣсами, гдѣ обильно растутъ фиги, виноградныя лозы и гранатовыя яблоки. Можно сказать, что эта дорога, подобно дорогамъ Кесарей, останется самымъ долговѣчнымъ памятникомъ доброжелательства Аббаса. Безъ нее область Мазендерана была бы недоступна въ теченiе многихъ мѣсяцевъ. Нокандскiй ханъ принялъ меня весьма ласково и много со мною разговаривалъ. Онъ былъ родственникъ того хана, съ которымъ я путешествовалъ между Туркманами. Онъ угостилъ меня персидскимъ обѣдомъ и многими персидскими комплиментами; я въ отвѣтъ увѣрялъ его, что за одну ночь гостепрiимства можно заплатить только столѣтнею дружбою.

Мазендеранскiе лѣса все еще скрывали отъ насъ Каспiйское море: я не прежде увидѣлъ

его, какъ на другое утро и то не ближе какъ подъѣхавъ на разстояніе полумили къ берегу. Какое превосходное зрѣлище представило оно мнѣ, столь долго желавшему взглянуть на него; я отъ самаго Делли пробирался къ берегамъ его: теперь оно волновалось предо мною подобно океану. Предъ нами, подлѣ берега, стояли пять, или шесть небольшихъ судовъ, называемыхъ здѣсь *гумми*. Ханъ вмѣстѣ со мною сѣлъ въ одно изъ нихъ, и мы выплыли въ море на нѣкоторое разстояніе, откуда долго любовались прекрасными берегами. Потомъ взошли на одно небольшое русское судно, гдѣ поѣздка наша была вознаграждена радушнымъ пріемомъ капитана, который, узнавъ, что я Европеецъ, снялъ предо мною свою мѣховую шапку и приказалъ поджарить для меня кусокъ осетрины. Признаюсь, рыба эта была мнѣ не-повкусу; но за то я давно не видалъ такого поклона и такого общества. Почти всѣ здѣшніе суда русской постройки: они имѣютъ двѣ мачты, несутъ четвероугольные паруса и отличаются очень хорошею оснасткою; но въ гавани нѣтъ судовъ,

поднимающихъ большой грузъ. Здѣсь говорятъ, что вода отступаетъ отъ южныхъ береговъ Каспійскаго моря, и что въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ она отошла отъ нихъ почти на триста ярдовъ: въ этомъ я убѣдился своими собственными глазами. За рифомъ, образующимъ астрабадскій заливъ, вода въ морѣ, по увѣренію жителей, прѣсная, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ она соленовата. Это явленіе объяснить не трудно: тутъ находятся устья Атрака и Гургана. Прежде нежели я разстался съ моремъ, мнѣ хотѣлось повѣрить мнѣніе, господствующее относительно его уровня: я дѣйствительно нашелъ, что онъ ниже уровня океана: вода на поверхности послѣдняго кипитъ при $212\frac{1}{3}^{\circ}$ термометра; здѣсь же она закипала при 213°, что̀, по расчисленію Гумбольдта, понижаетъ Каспійское море на 800 футовъ. Это, мнѣ кажется, слишкомъ много. Впрочемъ, употребивъ для опыта воду не такую, какую бы слѣдовало, я ограничусь только простымъ заключеніемъ, что мой опытъ подтвердилъ об-

ще-принятое мнѣніе относительно пониженности уровня этого средоземнаго моря.

Простившись съ накандскимъ ханомъ, я отправился въ Ашрафъ, въ Мазендеранѣ, — любимую резиденцію Шаха Аббаса и Надира, столь хорошо описанную Гáнуеемъ лѣтъ девяносто тому назадъ. Всѣ упомянутыя у него прекрасныя зданія теперь разрушены, не смотря на то, что по архитектурѣ своей, они относились къ такому роду построекъ, которыя переживаютъ столѣтія. Впрочемъ здѣсь осталось еще многое, чтó можетъ дать хорошее понятіе о вкусѣ Шаха Аббаса: руины показываютъ, что эти зданія принадлежали къ архитектурѣ легкой и изящной, къ той именно, которая характеризуетъ садовыя бесѣдки Востока. Превосходный басейнъ и водопроводы сохранились въ цѣлости; вдоль нихъ растутъ кипарисы, достигшіе въ продолженіе многихъ лѣтъ высоты огромной. Мѣстоположеніе здѣшнихъ садовъ необыкновенно прекрасно: изъ нихъ открывается картина на Каспійское море.

Въ Ашрафѣ мы съѣхались въ каравансараѣ съ партіею богомольцевъ, шедшихъ изъ Бухары и Хивы, и отъ нихъ узнали, что русскій караванъ, отправившійся изъ Бухары въ Мангашлакъ, былъ разграбленъ Киргизами, на десятый день послѣ выхода изъ Хивы. Такъ какъ въ Бухарѣ мы собирались ѣхать съ этимъ караваномъ и отложили своё намѣреніе только въ слѣдствіе совѣта тамошняго визиря, то я не могъ не порадоваться, что повѣрилъ доброжелательству этого вельможи, ибо мы навѣрное подверглись бы такому же несчастію, если бы даже и успѣли благополучно миновать Хиву. Богомольцы разсказывали намъ о необыкновенныхъ трудахъ и опасностяхъ, встрѣченныхъ ими на пути изъ Хивы къ Астрабаду, на всемъ пространствѣ котораго они были страшно тѣснимы туркманскими племенами.

Пройдя около мили отъ Ашрафа, мы нашли, что большая дорога была загорождена; подлѣ заставы сидѣлъ селянинъ съ дубинкою и никого не пускалъ ѣхать далѣе: это былъ, такъ

сказать, ашрафскій чиновникъ *департамента публичнаго здравія.* Здѣсь мы въ первый разъ услышали, что чума свирѣпствовала въ Сари, главномъ городѣ Мазендерана, т. е. въ томъ самомъ мѣстѣ, въ которомъ мы намѣревались въ этотъ день остановиться. Однако же, это насъ не удержало — мы продолжали ѣхать далѣе; но въ двухъ миляхъ отъ Сари остановились въ деревнѣ, ибо здѣсь слухъ о страшной болѣзни подтвердился. До того времени я ѣхалъ по направленію къ Балфарошу, довольно значительному мѣстечку, и къ его гавани на Каспійскомъ морѣ, гдѣ надѣялся снова увидѣть Русскихъ съ ихъ судами и лучше ознакомиться какъ съ ними, такъ и съ моремъ. Узнавъ о чумѣ, я немедленно измѣнилъ свои планы и поспѣшилъ удалиться отъ береговъ Каспійскаго моря и отъ Мазендерана. На другое утро, я отправился по большой дорогѣ на Тегранъ и на пути, проѣзжая Сари внѣ стѣнъ его, наткнулся на страшную картину: на кладбищѣ, мимо котораго пролегала наша дорога, два мальчика рыли могилу для двухъ труповъ, подлѣ нихъ лежав-

шихъ. Это зрѣлище наполнило мнѣ сердце невольнымъ ужасомъ: покойники были зачумленные. Чувство боязни увеличилось еще болѣе, когда могильщики, обратившись къ намъ, начали просить насъ, какъ добрыхъ Магоммеданъ, пособить имъ при обычномъ омовеніи умершихъ. „Вы получите пять *сахибъ карановъ* (около трехъ рупій) за трудъ вашъ!" кричали они. Никто изъ насъ не далъ отвѣта: мы проѣхали молча, безсознательно прибавивъ рыси, такъ, что Сари вскорѣ скрылся изъ-виду. Въ предыдущемъ году этотъ городъ до того пострадалъ отъ чумы, что въ настоящее время въ немъ не оставалось болѣе трехъ сотъ человѣкъ жителей, и то большею частью такихъ, которымъ удалось оправиться отъ болѣзни. У Персіянъ есть повѣрье, что чума никогда не поражаетъ человѣка болѣе одного раза. Малочисленность народонаселенія въ Сари хотя и возпрепятствовала дальнѣйшему распространенію болѣзни въ его окрестностяхъ, однако же это не помѣшало ей свирѣпствовать въ самомъ городѣ. Такъ какъ мнѣ между прочимъ говорили, что она была за-

везена въ минувшемъ году и въ Балфарошъ изъ Астрахани, то я принужденъ былъ отказаться отъ любопытства взглянуть на первое изъ этихъ двухъ мѣстъ.

Во время нашего дальнѣйшаго слѣдованія, къ намъ присоединился одинъ уроженецъ изъ Теграна и сообщилъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о чумѣ, свирѣпствовавшей въ минувшемъ году, въ періодъ которой онъ потерялъ сына и заразился отъ него самъ съ своею женою. Послѣдняя кормила тогда ребенка, который избѣжалъ смерти, не взирая на то, что во время болѣзни матери сосалъ грудь ея. Болѣзнь достигала своей высшей степени не прежде десятаго дня и почти неизмѣнно сопровождалась помѣшательствомъ. Этотъ попутчикъ увѣрялъ меня, что онъ своими собственными глазами видѣлъ, какъ умершаго малютку его до самыхъ дверей дома нѣсколько разъ вытаскивали кошки, которыхъ онъ могъ отгонять отъ трупа только съ большими усиліями. Въ заключеніе онъ говорилъ, что въ подобное время кошки, собаки

и голодъ истребляли людей гораздо болѣе, чѣмъ самая болѣзнь, ибо никто не рѣшался приближаться къ зараженнымъ домамъ и потому больные всегда оставались безъ помощи. Чума и человѣческая природа одинаковы во всѣхъ странахъ: сердечная привязанность и чувство нигдѣ не подвергаются такому испытанію, какъ въ краяхъ, опустошаемыхъ этою болѣзнію.

Наше пребываніе въ Мазендеранѣ приближалось къ концу. Вся эта страна непріятна въ высшей степени: она имѣетъ климатъ столь сырой, что жители безпрестанно подвергаются горячкамъ, лихорадкамъ, водянкамъ, параличамъ и другимъ болѣзнямъ. Взрослые люди здѣсь вообще хилы, а дѣти слабы и хворы. Весь край преисполненъ змѣй и лягушекъ; но змѣи не ядовиты, ибо принадлежатъ къ водянымъ породамъ этихъ животныхъ. Онѣ ползаютъ повсюду и обвиваются вокругъ каждаго предмета: толщиною онѣ равняются довольно толстому кнуту. Лошадь путника почти на каждомъ шагу спугиваетъ тутъ лягушекъ, которыя прыгаютъ

по всѣмъ направленіямъ, стараясь укрыться въ кустарникахъ и кочкахъ. Сырость здѣсь такъ велика, что рисъ никогда не жнутъ, какъ это дѣлается въ другихъ странахъ, а подрѣзываютъ колосья немного пониже ихъ основанія и оставляютъ висѣть на стеблѣ, пока высохнутъ; иначе они сгниваютъ. Мазендеранъ есть округъ весьма богатый: тутъ даже растетъ сахарный тростникъ; но жители воздѣлываютъ его только до извѣстной степени, для выработки сахарной патоки. Хлопчатая бумага также растетъ превосходно. Шелковые черви воспитываются повсюду. Плоды вообще хороши и по большей части растутъ въ дикомъ состояніи. Тутъ можно встрѣтить цѣлые лѣса гранатовыхъ яблокъ; жители собираютъ ихъ, высушиваютъ сѣмячки на солнцѣ и вывозятъ въ другія страны какъ рѣдкость.

Сельскіе жители, не взирая на болѣзненность, показываютъ видъ довольства. Они обматываютъ себѣ ноги тканями и потомъ, надѣвъ низкіе башмаки, прикрѣпляютъ ихъ веревками. Эту обувь они не перемѣняютъ даже и на самыхъ гряз-

ныхъ дорогахъ, увѣряя, что она лучше всякихъ сапоговъ, ибо легко просыхаетъ въ одинъ вечеръ. Мужчины обыкновенно носятъ темную одежду, а женщины предпочитаютъ красныя ткани — вѣроятно потому, что эти два цвѣта самые легкіе для выработки. Многіе изъ жителей носятъ мѣховыя шапки вмѣсто овчинныхъ. Жилища въ этой странѣ по большей части покрыты зеленью: стелющіяся растенія, дыни и тыквы повсюду покоятся на крышахъ. При каждомъ домѣ есть садъ, окруженный живымъ изгородомъ изъ тутовыхъ деревьевъ. Почти всѣ строенія подняты на столбахъ до значительной высоты, для предохраненія ихъ отъ худыхъ дѣйствій сырости. Жители проводятъ лѣтніе и осенніе мѣсяцы въ горахъ, гдѣ обработываютъ рисъ. Тамъ они живутъ во временныхъ хижинахъ, которыя называются *яйлакъ*, въ отличіе отъ *кишлака*, что̀ собственно означаетъ жилище постоянное.

ГЛАВА XVI.

ПОѢЗДКА ЧРЕЗЪ ПЕРСІЮ. — ОКОНЧАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ.

Въ селеніи Алиабадѣ, стоящемъ въ двадцати миляхъ отъ Балфароша, мы своротили съ мощеной дороги Шаха Аббаса и, направившись на югъ отъ горъ, вступили въ прекрасную долину, орошаемую рѣкою Тиларомъ. Прежде нежели мы оставили равнинную страну, намъ были уже видны высокія, снѣгомъ вѣнчанныя горы Дамавенда. Долина, въ которую мы вступили, имѣетъ около шестидесяти миль протяженія и считается самымъ большимъ горнымъ проходомъ, ведущимъ въ Мазендеранъ. Тутъ Шахъ Аббасъ прорубилъ въ скалахъ дорогу на пространствѣ десяти миль, которая и по сю пору еще удобна для проѣзда, не смотря на то, что

его наслѣдники считали поправку и поддержку ея несовмѣстными съ ихъ политикою. Должно, однако же, сказать, что въ настоящее время лошади нерѣдко вязнутъ на ней по-брюхо въ грязи. Если бы теперешній шахъ зналъ хотя половину тѣхъ проклятій, которыя посылаютъ на его главу погоньщики муловъ, то, вѣроятно, давно бы исправилъ эту дорогу для спокойствія своей собственной души. Природа въ этой долинѣ необыкновенно живописна: горы покрыты густыми лѣсами; шумъ клокочущей воды, протекавшей на нѣсколько сотъ футовъ ниже дороги, рождалъ въ насъ какое-то пріятное чувство. На половинѣ пути въ этой долинѣ мы перешли чрезъ небольшую рѣчку по мосту, называющемуся *Пуль-и-сафаедъ*, и оставили за собою богатыя рощи Мазендерана.

Окончательно мы вышли изъ упомянутой долины чрезъ ущелье Гадукъ, ведущее на столовую землю Персіи. Слово *гадукъ* на туркскомъ языкѣ означаетъ ущелье. По выходѣ изъ долины, мы начали подыматься выше и

выше: поднятіе это было постепенное, но продолжительное и, наконецъ, при Фирозкохѣ мы снова была на шесть тысячь футовъ надъ поверхностью моря. По мѣрѣ нашего углубленія въ ущелье, скалы поднимались почти перпендикулярно по обѣ стороны дороги, которая до того узка, что прежде была укрѣплена. Мѣста эти прославлены поэзіею знаменитаго Фердузи — персидскаго Гомера. Тутъ намъ указывали на пещеру *Дивъ-и-сафаедъ* или *Пещеру бѣлаго демона*, также какъ и на мѣсто, гдѣ онъ былъ убитъ отважнымъ Рустамомъ. По поводу этого нѣкоторые изъ нашихъ сопутниковъ, присоединившихся къ намъ на дорогѣ, стали намъ читать стихи изъ Шахнаме: я, признаюсь, не разъ смѣялся ихъ декламаціи. Они хотя и не увлекались живостью воображенія народнаго своего поэта, однако же сожалѣли о бѣдности настоящаго вѣка, въ которомъ не являлось ни великановъ, ни Рустамовъ какъ во времена минувшія. На вершинѣ ущелья было чрезвычайно холодно; увѣряютъ, что зимою холодъ усиливается до того, что дѣлается пагуб-

нымъ для путешественниковъ. Шахъ Аббасъ устроилъ здѣсь баню и каравансарай, но теперь оба эти строенія въ развалинахъ.

Мнѣ кажется, что ущелье Гадукъ можно признать за *Pylae Caspiae* или *Врата Каспія*, чрезъ которыя Александръ Великій преслѣдовалъ Дарія. Говорятъ, что они отстояли отъ Рагеса или Реи, лежащаго близъ новаго города Теграна, только на два дни перехода, что̀ равняется девяносто милямъ. Выше я уже сказалъ, что это самый большой изъ всѣхъ горныхъ проходовъ въ Мазендеранѣ и что онъ освященъ поэзіею величайшаго изъ персидскихъ поэтовъ. Этою дорогою Александръ достигъ Гекатомпилоса, изъ котораго онъ потомъ пошелъ на Парѳію и на пути напалъ на *Табури*. Замѣчательно, что на новыхъ монетахъ Мазендерана эта область и понынѣ называется *Табуристанъ*.

Изъ ущелья Гадука мы поѣхали какою-то скучною долиною, обставленною обнаженными горами, въ концѣ которой стоитъ деревня Фи-

разкохѣ, подъ защитою укрѣпленія, построеннаго на голой скалѣ въ 300 *футовъ высотою.* Это мѣсто напомнило мнѣ Баміанъ, ибо здѣсь въ горахъ вырыто множество пещеръ, въ которыхъ зимою жители содержатъ свои стада. Климатъ тутъ суровый: снѣгъ лежитъ ежегодно въ продолженіе пяти мѣсяцевъ. Въ наружномъ видѣ жителей я здѣсь нашелъ большую разницу: они имѣютъ цвѣтъ здоровья и румяныя щеки. Не знаю, высота ли надъ равнинами Мазендерана имѣла вліяніе на вареніе нашей пищи, только въ Фирозкохѣ намъ нужно было вдвое болѣе времени для приготовленія своего пилава: почти вся вода въ сосудѣ выкипѣла, прежде нежели поспѣло кушанье. Впрочемъ, можетъ статься мясо было слишкомъ твердо, ибо немудрено, что подъ ножъ мясника попалъ какой нибудь старый баранъ.

Увѣряютъ, что жители Мазендерана принадлежатъ къ самымъ недальновиднымъ изъ всѣхъ Персіянъ. Мы, дѣйствительно, имѣли случай посмѣяться надъ простотою одного изъ такихъ

сопутниковъ нашихъ, которому я какъ-то далъ лекарства противъ перемежающейся лихорадки. Снабдивъ его хининомъ, я въ послѣдствіи къ-слову спрашивалъ его, какъ ему понравился горькій вкусъ снадобья. »Онъ не имѣлъ ни какого вкуса«, отвѣчалъ Персіянинъ, ибо проглотилъ лекарство вмѣстѣ съ бумажкою, въ которой оно было завернуто.

Мы сдѣлали три перехода до Теграна на пространствѣ девяносто миль, останавливаясь на пути въ чрезвычайно дурныхъ каравансараяхъ, представляющихся путешественнику въ этой части Персіи: въ нихъ и человѣкъ и его лошадь помѣщаются въ одномъ и томъ же покоѣ. Весь здѣшній край необыкновенно пустыненъ, безплоденъ и вообще бѣденъ; число селеній въ немъ весьма ограничено; тутъ ничто не свидѣтельствовало намъ, что мы приближались къ столицѣ государства. Близъ Бомейна, послѣдней станціи на пути къ Теграну, со мною случилось происшествіе, о которомъ не льзя не упомянуть: одна изъ моихъ *абу* или лошадей стала подъ

вьюкомъ и я принужденъ былъ отправиться въ ближайшую деревню, чтобъ нанять себѣ другую. Вскорѣ я успѣлъ въ этомъ и, заплативъ деньги за новое животное какому-то Курду, съ которымъ сторговался, готовъ былъ отправиться въ путь, какъ онъ сказалъ мнѣ: »не возмешь ли ты у меня мула въ обмѣнъ на свою лошадь, давъ сколько нибудь придачи?« Я началъ съ нимъ договариваться и вскорѣ убѣдился, что онъ принималъ меня за Курда, родомъ изъ Хоразана. Не имѣя надобности увѣрять его, что я Европеецъ и желая пріобрѣсть мула, я началъ разсматривать животное: тутъ продавецъ съ особенною торжественностью сказалъ мнѣ: »такъ какъ мы оба *добрые* Магоммедане, то кончимъ дѣло, не обманывая другъ друга.« Я отвѣчалъ: »хорошо!« и послѣ немногихъ словъ окончилъ сдѣлку. Въ послѣдствіи, однако же, я нашелъ, что мулъ его имѣлъ надломленную спину и былъ также неизлечимъ, какъ и моя лошадь, съ тою только разницею, что недостатки послѣдней были видны всякому. Вотъ каково совершаются дѣла между *добрыми* Магоммеданами, рѣшающимися

дѣйствовать одинъ съ другимъ по чести. Впрочемъ это случается не въ одной Персіи.

Двадцать перваго Октября я поднялся вскорѣ послѣ полуночи, дабы какъ можно скорѣе добраться до столицы царя царей; но поспѣшность ни къ чему не послужила. Едва мы отошли нѣсколько ярдовъ отъ каравансарая, какъ одинъ изъ вьюковъ свалился съ моего новокупленнаго мула; мы занялись поправкою, но тутъ свалился еще тюкъ съ лошади. Уладивъ все это снова въ темнотѣ, можно сказать, адской, мы вдругъ узнали, что отвязалась и ушла одна изъ нашихъ лошадей и притомъ та самая, на которой находился вьюкъ со всѣми моими записками, картами и бумагами. Мой языкъ прилипъ къ гортани при извѣстіи объ этомъ несчастіи, случившемся въ странѣ, наполненной ворами - Курдами, и въ такое время, когда мы были готовы поздравить себя съ окончаніемъ всѣхъ затрудненій нашего долгаго странствованія. Проведя около получаса въ поискахъ, мы, наконецъ, нашли отбившагося коня и бойкою рысью по-

ѣхали къ Теграну, котораго и достигли около полудня. Я немедленно отправился къ дому британскаго посольства и у входной двери его смѣло объявилъ себя *Фиринджисомъ*. Вскорѣ меня встрѣтилъ Сэръ Джонъ Кембеллъ, нашъ посолъ при персидскомъ дворѣ, и я въ его любезномъ семействѣ провелъ нѣсколько счастливыхъ и прекрасныхъ дней, запечатлѣнныхъ гостепріимствомъ и внимательностію въ высшей степени.

Послѣ представленія чрезъ нашего посланника къ *столпамъ государства*, т. е. къ министрамъ Персіи, я имѣлъ честь представляться и къ его величеству Шаху, 26 числа Октября. Мнѣ, имѣвшему случай видѣть Великаго Могола и монарховъ Кабула и Бухары, было весьма пріятно побывать и при персидскомъ дворѣ. *Киблехъ-аламъ* или средоточіе вселенной (такъ величаютъ здѣсь государя) сидѣлъ въ зеркальномъ чертогѣ; а мы, находясь еще внѣ свѣта лица его, уже начали на каждомъ шагу останавливаться и привѣтствовать его. Когда же приблизились и еще

разъ повторили привѣтствіе, то его величество громко сказалъ намъ: „*хушъ амадидъ*—добро пожаловать.“ Послѣ этого мы взошли на нѣсколько ступенекъ и очутились въ присутствіи государя. »*Дамагъ - и - шума чакъ астъ*—просвѣтлены ли умы ваши?« воскликнулъ его величество звонкимъ голосомъ. Мы при этихъ словахъ прижались въ уголъ противъ Шаха и отвѣчали ему поклономъ. Со мною были Сэръ Джонъ Ке́мбеллъ и Капитанъ Макъ-До́нальдъ; министры стояли по обѣ стороны отъ насъ; царь царей сидѣлъ на разстояніи сорока футовъ. Предъ нимъ стояло множество хрусталю, размѣщеннаго съ такимъ же безвкусіемъ, какъ въ какомъ нибудь хрустальномъ магазинѣ; хрустальныя люстры висѣли на потолкѣ въ такомъ множествѣ, что еще болѣе довершали мое сравненіе. Прежде нежели началась бесѣда, намъ нѣсколько разъ говорили, чтобъ мы придержали свои сабли и не разбили ими зеркалъ, вдѣланныхъ позади насъ въ стѣны. »Понимаетъ ли онъ по-персидски?« спросилъ его величество одного изъ министровъ. »*Беле, беле*, понимаетъ, понимаетъ!« — былъ отвѣтъ—»онъ

говоритъ по-турски, афгански, индуски, персидски и проч. и проч.«, Я впрочемъ скоро бы затруднился, если бы Шахъ заговорилъ со мною на своемъ нарѣчіи. »Ты совершилъ долгое и трудное путешествіе,« такъ началъ разговоръ его величество и продолжалъ его съ такою милостью, что я скоро забылъ всю свою принужденность и совершенно увлекся бесѣдою съ этимъ *убѣжищемъ міра*. Онъ просилъ меня назвать ему города, чрезъ которые я проѣхалъ: я исполнилъ его желаніе и въ заключеніе сказалъ, что, по милости Божіей, наконецъ прибылъ въ его великую столицу. На это онъ голосомъ удивленія воскликнулъ: »признаюсь, даже *Персіянинъ* не въ состояніи былъ бы совершить подобнаго дѣла. Но скажи, что заставило тебя предпринять путешествіе, исполненное столькихъ трудовъ и опасностей?« Я отвѣчалъ, что единственною причиною этого было любопытство. »Неужели ты странствовалъ подъ именемъ Европейца?« продолжалъ Шахъ. Я отвѣчалъ утвердительно. »Въ такомъ случаѣ тебѣ стоило это много денегъ.« Когда же я увѣрилъ

его величество, что отдѣлался отъ Туркмановъ двумя червонцами и ничтожнымъ количествомъ чая, то онъ много этому смѣялся и потомъ спросилъ, велъ ли я записки во время путешествія. Я отвѣчалъ ему, что велъ, измѣряя горы и рѣки и изслѣдывая дороги. Казалось, мои слова сильно изумили Шаха — онъ воскликнулъ: »этотъ народъ настоящіе львы!« — »*Беле, беле,*« подхватили его министры, »они настоящіе тигры, они Рустамы!« — »Дай мнѣ понятіе о дѣлахъ Кабула« продолжалъ государь; »опиши силы кабульскаго правителя и его братьевъ.« Я исполнилъ его требованіе и какъ ловкій придворный прибавилъ, что Достъ Магоммедъ обязанъ своимъ могуществомъ Персіянамъ, живущимъ при его дворѣ. На это его величество спросилъ — какъ велико было число этихъ Персіянъ и къ какому племени они принадлежали. Потомъ Шахъ разспрашивалъ подробно о всѣхъ владѣтеляхъ, живущихъ между Индіею и Персіею, о дорогахъ чрезъ Гинду Кушъ и въ особенности объ Оксѣ, который онъ называлъ Джигуномъ и считалъ величайшею рѣкою въ мірѣ, и при этомъ, вы-

числяя всѣ степи, чрезъ которыя онъ протекаетъ, спросилъ — можно ли чрезъ него переправиться съ войскомъ. Потомъ его величество говорилъ о Бухарцахъ и спрашивалъ — опасаются ли они приближенія Аббаса Мирзы къ ихъ границамъ. Нужно ли повторять моего отвѣта? я сказалъ государю, что они трепещутъ при одной мысли объ этомъ. Онъ улыбнулся при моемъ описаніи бухарскихъ муллъ и на лицѣ его выразилось презрѣніе, когда я сказалъ, что бухарскій владѣтель именуетъ себя *Эмиръ улъ Момининъ*, т. е. повелителемъ правовѣрныхъ. »Отвѣдывалъ ли ты лошадиное мясо, живя между Узбеками?« былъ слѣдующій вопросъ. Я отвѣчалъ, что отвѣдывалъ и что оно было довольно вкусно. »А какъ ты пробрался между Туркманами?« спросилъ еще разъ его величество. »Я бросилъ псу кусокъ мяса,« отвѣчалъ я, »и тѣмъ избавился его пасти.«

Помолчавъ нѣсколько времени, Шахъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ спросилъ, какое величайшее чудо видѣлъ я во время своего стран-

ствованія. Этотъ вопросъ представилъ мнѣ удобный случай польстить тщеславному двору и я громкимъ голосомъ воскликнулъ: »средоточіе вселенной! какое зрѣлище можетъ сравниться съ тѣмъ, которое я теперь созерцаю—съ лицемъ твоимъ, о государь, о убѣжище всего міра!« Шахъ кивнулъ головою въ знакъ одобренія, а шопотъ между столпами царства засвидѣтельствовалъ удовольствіе всѣхъ министровъ. »Но«, продолжалъ государь, »какой городъ больше всего удивилъ тебя?« Послѣ моего предыдущаго возгласа мнѣ слѣдовало дать отвѣтъ положительный и потому я сказалъ, что Кабулъ явился намъ раемъ во время путешествія. За этимъ Шахъ подробно разспрашивалъ о Балкѣ и теперешнемъ состояніи этой *Амъ улъ баладъ*, т. е. матери городовъ.

»Ты представлялся къ нашему наслѣднику, Аббасу Мирзѣ?« спросилъ государь.—»И получилъ много милости отъ его высочества,« отвѣчалъ я, »ибо онъ въ свитѣ одного хана дозволилъ мнѣ проѣхать чрезъ страну Туркмановъ.« — »Скажи

мнѣ, что ты видѣлъ въ Кучанѣ?« продолжалъ Шахъ. Такой вопросъ представилъ мнѣ случай порадовать старика-государя подробнымъ разсказомъ объ успѣхахъ его сына, увеличенныхъ страшнымъ описаніемъ могущества павшей крѣпости. »А будетъ ли въ состояніи мой *Наибъ Салтанатъ*«—такъ онъ называетъ Аббаса Мирзу — »взять Чаракъ и покорить Туркмановъ, близъ него живущихъ?« — »Безъ сомнѣнія,« отвѣчалъ я, »они падутъ къ ногамъ его.«—»Но можетъ ли эта страна прокормить его войско?« На это я исчислилъ ему источники продовольствія того края. Тутъ одинъ изъ придворныхъ, какъ бы въ дополненіе къ свѣдѣніямъ потребнымъ для его величества, сказалъ, что Чаракъ былъ садомъ Адама, который ежедневно приходилъ изъ Цейлона (Серендиба) его обработывать. Я хотя и прежде слышалъ это преданіе, однако же, при этомъ случаѣ не включилъ его въ число статистическихъ свѣдѣній, переданныхъ мною Шаху. »Какого ты мнѣнія о войскахъ моего сына,« спросилъ государь, »сильны ли они? Я отвѣчалъ утвердительно. »Но скажи мнѣ чи-

стосердечно свое мнѣніе о ихъ достоинствахъ.« Я продолжалъ на это, что обмундировка и вооруженіе войскъ много поизношены и поизбиты; но что ни одинъ изъ сосѣднихъ азіятскихъ народовъ не будетъ въ состояніи имъ противостать и что они въ настоящую пору одушевлены своими успѣхами. Послѣ этого его величество снова перешелъ къ моимъ собственнымъ дѣламъ и спросилъ, куда я намѣренъ направить путь свой. Я сказалъ, что ѣду въ Индію. Дальнѣйшихъ распросовъ о цѣли моего странствованія Шахъ не дѣлалъ, а только спросилъ: »какимъ образомъ ты ѣхалъ въ Туркестанѣ?« Я отвѣчалъ ему, что ѣхалъ на верблюдѣ: онъ улыбнулся. За этимъ, послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ рѣчей между Шахомъ и нашимъ посланникомъ, мы вышли изъ присутствія царя царей, точно съ такими же поклонами и церемоніями, съ какими вошли къ нему.

Фаттигъ Али Шахъ съ виду ни сколько не кажется старикомъ, хотя ему въ дѣйствительности лѣтъ за семдесятъ: голосъ у него полный

и громкій; онъ всегда сидитъ прямо и чрезвычайно величественно. Одежда его была необыкновенно проста: она сшита изъ чернаго сукна и не льзя сказать, что была ему къ лицу, тѣмъ болѣе, что ни сколько не выказывала бороды его — этого дива всего Востока. Я не буду удивленъ, если этотъ государь переживетъ своего сына Аббаса.* Говорятъ, что онъ часто прибѣгаетъ къ *эссенціи изъ жемчуга* и драгоцѣнныхъ камней, которую употребляетъ какъ крѣпительное средство для поддержанія своихъ слабѣющихъ силъ и въ которую восточная медицина полагаетъ столько вѣры.

Хотя я и говорилъ его величеству, Шаху, что намѣревался ѣхать въ Индію, однако же, находясь между Европою и Азіею, я ощущалъ въ себѣ сильное желаніе проѣхать въ Константинополь, отстоящій отсюда только на двадцать дней пути. Въ послѣдствіи я узналъ, что на-

* Не считаю нужнымъ говорить, что это было написано прежде нежели извѣстіе о смерти Аббаса Мирзы достигло Англіи.

прасно не послѣдовалъ этому желанію, ибо изъ этого города сдѣланъ былъ мнѣ вызовъ возвратиться въ Европу. Впрочемъ, я тогда сознавалъ, что, достигнувъ цѣли своего путешествія, мнѣ оставалось еще возвратиться въ Индію и привесть въ порядокъ всѣ собранныя мною свѣдѣнія. По этому я выѣхалъ изъ Теграна перваго Ноября и, скажу откровенно, оставилъ эту столицу съ сожалѣніемъ, ибо провелъ въ ней десять дней въ самомъ дружескомъ обществѣ.

Къ берегамъ Персидскаго Залива я ѣхалъ по дорогѣ на Исфаганъ и Ширазъ до Башира, осмотрѣвъ на пути гробницу Кира и несокрушимые остатки древности — развалины Персеполиса. Этотъ путь и вся страна, къ нему примыкающая, были такъ часто описаны, что не требуютъ съ моей стороны даже самаго краткаго описанія. Я не стану говорить о здѣшнихъ жителяхъ, ибо превосходная картина, которую мы находимъ въ Гаджи Бабѣ, за устраненіемъ нити романа, всегда казалась мнѣ совершенно справедливою и вѣрною. Возвратившись изъ Персіи,

я вторично прочиталъ путешествіе г. Фре́зера и рѣшаюсь сказать, на основаніи своихъ собственныхъ заключеній, что оно содержитъ въ себѣ самое точное описаніе этого края, какое только было сдѣлано въ новѣйшія времена. Если бы факты и мнѣнія, изложенные въ книгѣ этого достойнаго и умнаго путешественника, были приняты съ бо́льшимъ довѣріемъ, то мы давно уже составили бы себѣ точное понятіе о слабомъ положеніи и колеблющемся состояніи Персіи, вѣрнѣе оцѣнивъ незначительность ея вѣса и вліянія въ кругу народовъ.

Въ Баширѣ я узалъ, что г. Бленъ, нашъ резидентъ при Персидскомъ Заливѣ, обязательнымъ для меня образомъ задержалъ остъ-индскій компанейскій корабль, *Клейвъ*, до моего пріѣзда. Я, не теряя времени, сѣлъ на него и 10 Декабря окончательно оставилъ Персію. Переѣздъ въ Индію былъ для насъ самый пріятный, ибо капитанъ Макдо́налдъ, командиръ корабля, не упускалъ ни чего, что́ могло способствовать къ нашему развлеченію и удовольствію во время

плаванія. Если темно-синее море Омана съ своими безплодными берегами и было предметомъ преувеличеннаго прославленія въ воображеніи поэта, то все таки мы съ удовольствіемъ взглянули на знаменитую пристань Ормаза, на утесистыя скалы береговъ Аравіи, на любопытный заливъ Маската и на пустынные берега Мекрана. Восемнадцатаго Января мы бросили якорь въ гавани Бомбея; а остальное время этого мѣсяца провели въ карантинѣ, послѣ чего я поѣхалъ въ Калкутту, дабы представить генералъ-губернатору Индіи, лорду Уилльяму Бе́нтинку, отчетъ о своемъ путешествіи.

Не стану говорить о тѣхъ ощущеніяхъ, съ которыми я снова вступилъ въ Индію послѣ столь долгаго и утомительнаго странствованія; скажу только, что мы видѣли все, что́ въ древнихъ и новыхъ временахъ можетъ увлечь и воспламенить воображеніе: мы видѣли — Бактрію, Трансоксіану, Скиѳію, Парѳію, Харесмъ, Хоразанъ и Иранъ. Посѣтивъ всѣ эти страны, мы прошли большую часть пути Македонянъ,

переѣхали царства Пора и Таксиловъ, плыли по Гидаспу, перебрались чрезъ Индійскій Кавказъ и жили въ знаменитомъ городѣ Балкѣ, изъ котораго греческіе монархи, вдали отъ академій Коринѳа и Аѳинъ, нѣкогда распространяли между человѣчествомъ свѣдѣнія наукъ и искусствъ. Мы собственными глазами обозрѣли мѣстность Александровыхъ войнъ и дикихъ набѣговъ Чингиса и Тимура, а равно и мѣста битвъ и празднествъ Бабера, столь превосходно и роскошно обрисованныхъ въ его запискахъ. На пути къ берегамъ Персидскаго Залива мы ѣхали по дорогѣ, которою Александръ преслѣдовалъ Дарія; а во время плаванія въ Индію вдоль Мекрана шли по линіи плаванія адмирала его Неарха.

ОБЩІЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ

ЗАПИСКИ

О НѢКОТОРОЙ ЧАСТИ

СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Окончивъ разсказъ о путешествіи, я приступлю къ описанію тѣхъ предметовъ, которые заслуживаютъ вниманія по своему отношенію къ состоянію и географіи пройденныхъ мною странъ. Изъ предыдущаго видно, что линія моего пути проходитъ частью чрезъ Индію, Кабулъ, Татарію (Туркестанъ) и Персію; а потому я буду слѣдовать этому же порядку въ послѣдующихъ описаніяхъ. Не имѣя намѣренія повторять изслѣдованія другихъ путешественниковъ, или говорить о томъ, что̀ уже всѣмъ извѣстно, я ограничусь только тѣмъ, что̀ ново и хоть сколько нибудь любопытно. На моихъ картахъ точнѣе опредѣлены многія географическія положенія въ этихъ странахъ и даже передвинуты съ одного мѣста на другое значительные хребты горъ. Такъ какъ общій обзоръ провинцій кабульскаго государства вѣрно представленъ

въ превосходной книгѣ г. Эльфинстона, описывавшаго эту страну, то я считаю нужнымъ сказать, что мое собственное поприще лежитъ на непройденныхъ доселѣ путяхъ по ту сторону Гинду Куша, между кочующими Татарами, посреди степей, оживленныхъ прекрасными и плодоносными оазисами. Читатели, положивъ предъ собою карту моего путешествія, увидятъ, что я пишу только о тѣхъ странахъ, которыя были посѣщены мною лично: единственное исключеніе изъ этого они найдутъ въ пятой главѣ первой книги, относительно внѣшнихъ сношеній Китая; но и тутъ—я увѣренъ—занимательность предмета меня оправдаетъ. Въ двухъ послѣднихъ книгахъ, предлагаемыя мною замѣчанія остаются почти въ томъ же видѣ, въ какомъ они были представлены отъ меня высшему Правительству Индіи: полагаю, что этотъ видъ оффиціальности дастъ имъ бóльшее право на вниманіе. Впрочемъ этотъ отдѣлъ моего сочиненія, также какъ и другіе сокращены въ слѣдствіе причинъ, объяснять которыя я не считаю нужнымъ.

ЗАМѢЧАНІЕ О КАРТѢ.

Результаты моего обозрѣнія странъ, лежащихъ между Индіею и Каспійскимъ моремъ, представлены на прилагаемой картѣ: данныя, на которыхъ основаны эти результаты, требуютъ поясненія, дабы читатели могли судить о достовѣрности этого документа.

Инструменты, употреблявшіеся во время моего путешествія, состояли изъ Гильбертова секстанта, девяти-дюймоваго радіуса и компаса Шмалькалдера, раздѣленнаго на 360 градусовъ. При помощи секстанта опредѣлялись градусы

широты или по полуденной высотѣ солнца, когда представлялась этому возможность, или по возвышенію полярной звѣзды; при помощи компаса были наблюдаемы относительныя положенія различныхъ урочищъ, т. е. углы мѣстностей, чрезъ которыя мы проходили. Время переходовъ записывалось на самомъ мѣстѣ по превосходному хронометру Арнольда.

Скорость переходовъ, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, сдѣланныхъ по астрономическимъ наблюденіямъ, найдена была слѣдующая:

1. Если ѣдутъ верхомъ на *лошади*, по плоской странѣ, каковъ на примѣръ Панджабъ или страны, лежащія на востокъ отъ Каспійскаго моря, и притомъ безъ сопровожденія *каравана*, то проходятъ 30 фурлонговъ, или $3\frac{3}{4}$ мили въ часъ.

2. Верхомъ на *лошади*, по неровной или гористой странѣ, на примѣръ между Индомъ и Кабуломъ, въ сопровожденіи легко навьюченныхъ муловъ, 3 мили въ часъ.

3. Верхомъ на верблюдахъ, по ровной странѣ, каковъ Туркестанъ, около 3800 ярдовъ, или 2 мили 300 ярдовъ въ часъ.

Во время пути обозначились при всякомъ возможномъ случаѣ всѣ значительные извороты дороги и потомъ повѣрялись по вершинамъ горъ, или по другимъ урочищамъ, впереди и позади насъ находившимся.

Скорость хода верблюда требуетъ еще дальнѣйшихъ поясненій: я тщательно старался опредѣлить ее и надѣюсь, что это послужитъ въ пользу другимъ путешественникамъ. Двадцать три верблюда, идущіе *киттаромъ* или цѣпью, т. е. привязанные одинъ къ другому и слѣдующіе гуськомъ, покрываютъ пространство 115 шаговъ въ $2\frac{1}{2}$ фута каждый, чтò равняется 94 ярдамъ. Для перехода этого пространства потребно 90 секундъ времени, т. е. верблюды переходятъ $76\frac{2}{3}$ шаговъ въ минуту, или 3833 ярда въ часъ: такимъ образомъ —

$$
\begin{array}{r l}
76\frac{2}{3} & \text{шаговъ въ минуту} \\
60 & \text{минутъ} \\
\hline
4560 & \\
40 & \\
\hline
4600 & \text{шаговъ} \\
2\frac{1}{2} & \text{фута} \\
\hline
3)\ 11{,}500 & \text{футовъ} \\
\hline
3833 & \text{ярда.}
\end{array}
$$

Ночью, или утромъ, т. е. во время прохлады, верблюды идутъ скорѣе; пройдя двадцать пять миль, они уже выбиваются изъ силъ. Въ слѣдствіе этого я принялъ круглое число 3800 ярдовъ за основаніе при опредѣленіи переходовъ. Я не могу согласиться съ г. Мáкартней, утверждающимъ, что верблюды идутъ $2\frac{1}{2}$, или $2\frac{3}{4}$ мили въ часъ. Вóльней пишетъ, что сирійскій верблюдъ проходитъ въ часъ только 3600 ярдовъ, т. е. менѣе того, что принято мною. Кажется, этотъ великій путешественникъ недалекъ отъ истины. Для опредѣленія въ *песчаныхъ странахъ* скорости верблюжьяго хода, я употреблялъ слѣдующую методу, всегда представлявшую довольно удовлетворительные выводы.

Киттаръ въ 7 верблюдовъ проходитъ пространство, имъ самимъ занимаемое, въ 26 секундъ.

	10	42.
	7	28.
	8	35.
	8	37.
	12	50.
Въ	52 верблюда	218.

Каждый верблюдъ занимаетъ въ киттарѣ 13 футовъ, такимъ образомъ 52 верблюда покрываютъ пространство 676 футовъ, чтó даетъ имъ скорость перехода почти 3700 ярдовъ въ часъ *по мягкому грунту*: такимъ образомъ —

сек.	фут.	сек.	ярд.
218 :	676 : :	3600 :	3700.

Что способъ моего опредѣленія переходовъ близко подходитъ къ истинѣ, то подтверждаетъ линія дороги къ Бухарѣ, которую я налагалъ на карту по мѣрѣ путешествія: она пришлась въ 30 миляхъ на западъ отъ 64° 55′ восточной долготы, подъ которымъ столица эта бы-

ла обозначена русскою миссіею. На Макартнеевой картѣ Бухара стоитъ подъ 69° 10′, а у г. Эльфинстона подъ 62° 45′: послѣдній путешественникъ сознается, что онъ несовершенно доволенъ своимъ опредѣленіемъ этого положенія. Географическая широта Бухары по моему вычисленію равняется 39° 43′ 41″ с. ш.; но это положеніе ея другіе путешественники показываютъ нѣсколько различно, именно: —

Лейтенантъ Макартней	37°45′ с. ш.
Г. Эльфинстонъ	39 27
Маіоръ Реннéлль	39 25
Антоній Джéнкинсонъ	39 10

Я точно такъ же нашелъ весьма замѣчательную соотвѣтственность относительно истинной широты въ моемъ начертаніи пути отъ Мешеда до Каспійскаго моря. Дорога отъ Лодіаны, въ Индіи, стоящей подъ 75° 54′ восточной долготы и 30° 55′ 30″ сѣверной широты, будучи проведена на картѣ до Пешауара, почти совпала съ географическимъ положеніемъ этого города, опредѣленнымъ кабульскою миссіею. По выво-

дамъ миссіи, Пешауаръ находится подъ 71° 45′ долготы, а по моему вычисленію, подъ 71° 33.′ Широта его 34° 9′ 30″ С. Относительное положеніе Кабула и Пешауара измѣнено мною, точно такъ же какъ и нѣкоторые горные хребты. Впрочемъ здѣсь было бы излишне входить въ подробности всѣхъ сдѣланныхъ мною перемѣнъ, которыя лучше и яснѣе можно видѣть при разсмотрѣніи моей карты и при сличеніи ея съ другими. При помощи г. Арроусмита, уже прославившагося своими изданіями *, всѣ матеріалы, собранные во время моихъ изслѣдованій, въ совокупности съ новѣйшими географическими свѣдѣніями вошли въ составъ этой карты, начерченной самимъ г. Арроусмитомъ и тщательно отгравированной собственно для этой книги подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, что̀ безъ всякаго сомнѣнія увеличиваетъ ея достоинство. На ней обозначена линія моего пути въ отличіе отъ путей другихъ путешественниковъ.

* Смотри изданный имъ атласъ.

Считаю полезнымъ представить здѣсь мои наблюденія надъ географическою широтою. Звѣздочка обозначаетъ тѣ изъ нихъ, которыя сдѣланы ночью:

	Географическая широта.		
Лодіана, на Сатледжѣ	30°	55'	30"
Сліяніе Сатледжа и Біаса при Гари	31	9	50
Городъ Лагоръ (южныя врата)	31	34	52
Рамнаггаръ, на Ченабѣ	32	19	33
Пиндъ Даданъ Ханъ, на Джеламѣ	32	34	53
Ротасъ, въ Панджабѣ	32	58	2
Дженъ ка Сангъ, въ Панджабѣ	31	41	8
Аттокъ, на Индѣ	33	54	46
Пешауаръ (по опредѣленію Макартнея)	34	9	30
Кабулъ (южная сторона)	*34	24	5
Балкъ (наблюденіе сдѣлано въ 17 миляхъ отъ него)	*36	48	0
Оксъ, при Ходжа Сала	*37	27	45
Карши, въ Туркестанѣ	*38	51	50
Бухара (среднее изъ трехъ наблюденій).	*39	43	41
Мирабадъ, близъ Каракула	39	21	51
Чарджуи (южный берегъ Окса)	39	0	30

Балгуи, въ степи	*38	39	21
Ходжа Абдула, на Мургабѣ	*37	36	15
Чаракъ (по солнцу)	36	31	0
Чаракъ (по полярной звѣздѣ)	*36	32	10
Мешедъ (западная его сторона)	36	15	44
Станъ гокланскихъ Туркмановъ	37	21	57
Курдъ малла, на Каспійскомъ морѣ	36	46	25
Тегранъ (столица Персіи)	35	40	0

ОБЩІЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

КНИГА 1.

ГЛАВА I.

ОТЧЕТЪ О БУХАРСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Самаркандъ и Бухара служили предметомъ блестящихъ описаній какъ для историковъ, такъ и для поэтовъ всѣхъ временъ. Страна, въ которой они стоятъ, составляетъ часть Туркестана или земли Турковъ, называемой этимъ именемъ самими туземцами. Бухара составляетъ изолированное государство, небольшаго пространства, окруженное пустынею. Это страна открытая, луговая, неодинаково плодородная. Въ сосѣдствѣ немногихъ рѣкъ, ее орошающихъ, почва богата;

вдали отъ нихъ она бѣдна и безплодна. Своею важностью она обязана центральности своего положенія между Европою и богатѣйшими областями Азіи. Съ сѣвера она граничитъ Аральскимъ моремъ, Сиромъ или Яксартомъ древнихъ и Коканомъ или землею Фергана. На востокъ она простирается до горъ, отвѣтвляющихся отъ возвышенныхъ плоскостей Памира. На югѣ протекаетъ Оксъ, чрезъ который, однако же, она переходитъ на юго-восточной границѣ и тамъ господствуетъ надъ Балкомъ и областями Андхо и Меймана. На западѣ она отдѣляется отъ Оргенджа или Хивы пустынею Харесма, начинающеюся на разстояніи одного перехода отъ города Бухары. Этимъ ограниченіемъ я опредѣляю самые отдаленные предѣлы государства, внутри которыхъ есть нѣсколько областей, состоящихъ въ сомнительной зависимости отъ Бухары. Отличительную черту этой страны составляетъ Оксъ, пересѣкающій пустыню и дѣлающій ее обитаемою. Рѣка Самаркандъ, въ своемъ нижнемъ теченіи, проходитъ подъ прямымъ угломъ къ Оксу; но изсякаетъ, не успѣвъ достигнуть

до него. Третья рѣка, текущая ниже Самарканда и орошающая область Карши, подвергается такой же участи. По берегамъ этихъ трехъ рѣкъ распредѣляется вся способная къ обработыванію почва государства, которое все вообще заключено между 36° и 45° сѣверной широты и между 61° и 67° восточной долготы. Только весьма небольшая часть этого обширнаго пространства заселена жителями. Начиная отъ Эльджика на Оксѣ, на западной границѣ, и вплоть до Джаззака, на восточныхъ предѣлахъ, проходитъ чрезъ всю страну линія воздѣлыванія, имѣющая 240 миль протяженія. Пространство же между Балкомъ и Бухарою, равняющееся 260 милямъ, совершенно пустынно: степь начинается миляхъ въ пятнадцати отъ столицы.

Естественные и политическіе отдѣлы государства, принятые туземцами, суть слѣдующіе: 1. Каракулъ; 2. Бухара съ семью *томанами* или округами, вокругъ нея лежащими; 3. Кермина; 4. Міанкалъ, или Катта Курганъ; 5. Самаркандъ съ пятью томанами; 6. Джаззакъ;

7. Карши; 8. Лабіабъ или берега Окса и 9. Балхъ съ областями, лежащими на югъ отъ этой рѣки. Первые шесть изъ этихъ отдѣловъ занимаютъ долину рѣки Самарканда, извѣстной подъ именемъ Кохика и *Зарафшана*, т. е. золотоносной рѣки. Это есть древняя долина Согда, вызывавшая похвалы всѣхъ вѣковъ, начиная отъ временъ Александра. Аравійскіе завоеватели считали ее земнымъ раемъ. Впрочемъ, слава ея зависитъ болѣе отъ окружающаго запустѣнія: она естественнымъ образомъ очаровываетъ взоры тѣхъ, которые долгое время ѣдутъ по океану песковъ. Однако же, нельзя не сказать, что сама по себѣ она есть долина прекрасная. Карши, лежащій въ шестидесяти миляхъ къ югу отъ Самарканда, есть оазисъ, образованный рѣкою, текущею изъ сосѣдней области Шаръ-Сабза и истощающеюся отъ оплодотворенія этого округа. Земли по берегамъ Окса такъ же въ высшей степени облагодѣтельствованы природою; но полоса воздѣлываемой почвы узка и притомъ значительная часть ея лежитъ въ небреженіи. Балхъ и области на югъ отъ Окса такъ же обязаны сво-

имъ плодородіемъ достаточности воды, съ избыткомъ распредѣлявшейся въ прежнія времена между множествомъ селеній: теперь все опустошено набѣгами грабительскихъ ордъ. Эти области хотя и считаютъ себя данницами Бухары, однако же ограничиваютъ свое подданство только тѣмъ, что ежегодно отправляютъ къ бухарскому государю нѣсколько лошадей въ видѣ подати. Названія этихъ областей суть слѣдующія: Акча, Шиббергаумъ, Андхои, Маймана и Сайрипулъ. Всѣ онѣ, за исключеніемъ послѣдней, лежатъ на сѣверъ отъ горъ.

Хотя геологическое строеніе и общій обликъ какой нибудь обширной равнины столько же любопытны, сколько и характеръ высокихъ горныхъ хребтовъ, однако же здѣсь намъ предстоитъ весьма не многое для наблюденія и для описанія. Великая туркестанская равнина имѣетъ 2000 футовъ вызвышенія. Она постепенно склоняется къ западу отъ Балка, что̀ доказываютъ наклонъ и направленіе рѣкъ, и продолжаетъ опускаться до Аральскаго и Каспійскаго

морей. Мнѣ болѣе извѣстны страны простирающіяся на сѣверъ отъ Окса и отъ подошвы горъ до Бухары. Тутъ намъ въ послѣдовательномъ порядкѣ встрѣчаются невысокіе округленные хребты известковаго, оолитнаго и хрящеватаго строенія, слегка поросшіе зеленью и раздѣленные обширными равнинами отвердѣлой глины, образующей въ здѣшнемъ сухомъ климатѣ превосходныя дороги, удобныя даже для самой тяжелой артиллеріи. Здѣсь есть нѣсколько пространствъ, покрытыхъ песчаными холмами, хотя и небольшими, однако же достаточными для поглощенія воды всѣхъ рѣчекъ, текущихъ къ Оксу. Они тянутся узкою полосою параллельно Оксу. Самая большая ширина занимаемаго ими пространства, между этою рѣкою и Каракуломъ, не превышаетъ двѣнадцати миль; далѣе къ востоку, она равняется половинѣ этого числа; а между Карши и Оксомъ встрѣчается только нѣсколько отдѣльныхъ холмовъ. На западъ отъ Бухары песчаные холмы увеличиваются въ объемѣ, близко подходятъ къ рѣкѣ Кохику съ обоихъ береговъ и остав-

ляютъ только малое пространство для обрабо-тыванія почвы; потомъ они тянутся на сѣверъ и на западъ въ пустыни Кипчака и Харесма. Объ ихъ протяженіи на югъ отъ Окса я уже говорилъ выше, и упомяну еще разъ въ главѣ о Туркманіи. Всѣ эти песчаные холмы имѣютъ въ своемъ основаніи самый твердый грунтъ, и потому съ перваго взгляда можно рѣшить, что они навѣяны сюда съ другой почвы. Въ долинахъ по временамъ встрѣчаются осадки соли и соленые ручьи. Всѣ колодцы въ этомъ краѣ горькаго, или соленоватаго свойства; глубина ихъ никогда не превышаетъ тридцати шести футовъ; во многихъ вода встрѣчается гораздо ближе — футахъ на пятнадцати. Между Бухарою и Оксомъ вода просачивается на поверхность песковъ. Мы нашли, что въ Августѣ температура ея равнялась 60°, въ то время, какъ температура воздуха превышала 100°. Вода эта была пріятна на вкусъ, какъ будто бы охлажденная льдомъ. Въ холодное время года, колодцы, по увѣренію жителей, совершенно теплы: это доказываетъ, что они подлежатъ довольно одинаковой

температурѣ въ продолженіе всего года. Страна на сѣверъ отъ Окса населена пастушескими племенами и ни сколько невоздѣлана; но остатки водопроводовъ и другихъ строеній, особливо между Карши и Бухарою, свидѣтельствуютъ о болѣе счастливомъ вѣкѣ въ этихъ нынѣ-заброшенныхъ земляхъ.

Климатъ Бухары здоровый и пріятный; онъ сухъ, а зимою весьма холоденъ, что́ всегда бываетъ въ странахъ песчанныхъ. Это ничѣмъ такъ хорошо ни подтверждается какъ замерзаніемъ Окса. Лѣтомъ термометръ рѣдко поднимается выше 90°; ночи же обыкновенно прохладны. Но это относится только до города Бухары, ибо, путешествуя къ нему чрезъ пустыню въ Іюнѣ мѣсяцѣ, мы нашли, что жаръ превышалъ 100° Фаренгейта. Сильная растительность близъ этой столицы, безъ сомнѣнія, понижаетъ температуру и объясняетъ разницу между окружающимъ ее палящимъ жаромъ и умѣренностью ея климата. Бухара имѣетъ почти 1200 футовъ возвышенія надъ моремъ. Атмосфера

ея постоянно прозрачна; небо, всегда чистое, имѣетъ цвѣтъ свѣтло-лазурный; облаковъ почти никогда не бываетъ. По ночамъ млечный путь ярко горитъ на тверди; звѣзды издаютъ необыкновенный блескъ, такъ что даже при лунномъ свѣтѣ звѣзду можно разсмотрѣть почти на самомъ краю горизонта на высотѣ какихъ нибудь трехъ, или четырехъ градусовъ. Кромѣ этого безпрерывно являются самые блестящіе метеоры, летающіе по небу подобно ракетамъ: не рѣдко можно насчитать ихъ отъ десяти до двѣнадцати въ часъ и при томъ разныхъ цвѣтовъ: огненно-краснаго, синяго, бѣлаго и желтаго. Это дивная страна для астрономическихъ наблюденій и, вѣроятно, знаменитая обсерваторія Самарканда имѣла въ этомъ отношеніи большія выгоды. Въ половинѣ Іюня, послѣ нѣсколькихъ необыкновенно жаркихъ дней, мы испытали сильный ураганъ пыли, сопровождаемый жаркимъ вѣтромъ. Онъ начался на С. З. и скоро набѣжалъ на насъ. Въ нѣсколько часовъ онъ миновалъ, освѣживъ и очистивъ воздухъ; послѣ него жаръ не возвращался. Подобный феноменъ я встрѣ-

тилъ въ Мултанѣ, на Индѣ, почти около этого же времени въ предшествовавшемъ году. Увѣряютъ, что подобныя пыльныя облака случаются только близъ пустынь; но тогда каждый сильный вѣтеръ непремѣнно поднималъ бы такое же облако, чего впрочемъ не бываетъ. Зимою снѣгъ въ Бухарѣ лежитъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; весною бываютъ сильные ливни при большихъ жарахъ. Вода испаряется здѣсь такъ быстро, что послѣ дождей дороги тотчасъ же просыхаютъ. Судя по глубокой старости многихъ жителей, я заключаю, что климатъ тутъ весьма благопріятствуетъ здоровью. Все это я говорю о Бухарѣ и о странахъ на сѣверъ отъ Окса. Въ Балкѣ жаръ чрезвычайно утомителенъ и климатъ вообще нездоровъ, что́ приписывается худому качеству воды, имѣющей бѣловатый цвѣтъ отъ примѣси земли, походящей на трубочную глину. Впрочемъ, причину болотъ нельзя приписывать избыточности влаги; водопроводы большею частью засорены; страна даже и во время засухъ продолжаетъ оставаться вредною для здоровья. Въ Балкѣ

жатва поспѣваетъ пятидесятью днями позднѣе, чѣмъ въ Пешаурѣ: тамъ пшеницу жнутъ въ половинѣ Іюня, а въ Бухарѣ двумя недѣлями позднѣе.

Въ Бухарѣ, рѣки имѣютъ высшую степень важности, ибо онѣ дѣлаютъ негостепріимныя ея земли способными къ заселенію. Въ Бухарѣ пять рѣкъ: Аму или Оксъ, Сиръ или Яксартъ, Кохикъ, Карши и Балкъ. Слѣдующую главу я посвятилъ описанію Окса. Рѣку Сиръ почти нельзя включить въ бухарскія владѣнія: она беретъ начало изъ тѣхъ же самыхъ горъ, изъ которыхъ вытекаетъ Оксъ, проходитъ чрезъ Коканъ и Ходжендъ, потомъ чрезъ пустыню и впадаетъ въ Аральское море почти подъ 46° сѣверной широты. Она гораздо менѣе Окса, но, какъ увѣряютъ, быстрѣе его. Лѣтомъ чрезъ нея ходятъ въ бродъ; зимою она покрывается льдомъ иногда въ два ярда толщиною, такъ что по немъ переходятъ караваны. Вторая по важности за Сиромъ рѣка есть Кохикъ или Зарафшанъ. Она беретъ начало въ возвышенныхъ

земляхъ на востокъ отъ Самарканда и, пройдя на сѣверъ какъ отъ этого города, такъ и отъ Бухары, образуетъ озеро въ области Каракулъ, но не впадаетъ въ Оксъ, какъ обыкновенно обозначается на нашихъ картахъ. Въ своемъ верхнемъ теченіи она оплодотворяетъ богатую провинцію Самарканда; потомъ ниже этого города, въ Міанкалѣ, воды ея разводятся каналами, что̀ споспѣшествуетъ воздѣлыванію риса. Ежегодно въ теченіе трехъ, или четырехъ мѣсяцевъ русло ея совершенно высыхаетъ въ Бухарѣ: тогда этотъ городъ, ровно и страна ниже его лежащая, находятся въ большомъ затрудненіи, ибо относительно снабженія водою они совершенно зависятъ отъ этой рѣки. При этомъ не льзя не замѣтить весьма замѣчательнаго пристрастія здѣшнихъ жителей къ воздѣлыванію въ столь сухой странѣ риса, постоянно требующаго обилія въ водѣ. Озеро, принимающее въ себя Кохикъ и извѣстное подъ названіемъ *Денгиза* или *Моря*, имѣетъ двадцать пять миль въ длину и со всѣхъ сторонъ окружено песчаными холмами. Оно чрезвычайно глубоко и если до-

пустить разсказы туземцевъ, то не уменьшается въ своемъ объемѣ ни въ какое время года. Во время таянія снѣговъ лѣтомъ вода течетъ въ него также постоянно какъ и зимою. Вода его соленая, не смотря на то, что единственный питатель его, Кохикъ, имѣетъ воду прѣсную. Впрочемъ, это такъ и быть должно по законамъ природы, ибо она не имѣетъ ни какого истока. Слѣдующая рѣка есть Карши, берущая начало изъ тѣхъ же возвышенныхъ земель, гдѣ начинается Кохикъ и текущая чрезъ Шаръ-Сабзъ и Карши, ниже которыхъ она теряется въ пустынѣ. Благодѣтельныя слѣдствія воды видны повсюду въ сосѣдствѣ этой рѣки: поля Шаръ-Сабза даютъ обильные урожаи риса, а Карши представляетъ сплошную поверхность садовъ и огородовъ. На пространствѣ шести миль на одномъ берегу и шестнадцати на другомъ воды этой рѣки разведены по каналамъ; тамъ, гдѣ оканчиваются эти отводы, мы опять видимъ безплодную пустыню, рѣзко-противоположную превосходной зелени прибрежья. Рѣка Карши питается тающими снѣгами, въ слѣдствіе чего

начальникъ Шаръ-Сабза почти во всякое время можетъ пресѣчь притокъ воды въ низовые округи. Обыкновенно какъ изъ этой рѣки, такъ и изъ Кохика вода пускается въ извѣстные каналы только въ опредѣленный срокъ, такъ что каждое селеніе пользуется его единожды въ каждые десять дней. Такова здѣсь цѣнность влаги и такова заботливость земледѣльца въ этомъ краѣ. Послѣдняя изъ здѣшнихъ рѣкъ, Балкъ, беретъ начало на югѣ Гинду Куша, миляхъ въ двадцати отъ Баміана, близъ *Бандъ-и-Барбара*, знаменитой плотины, приписываемой силѣ Али, въ дѣйствительности же происшедшей отъ обвала горы, упавшей въ долину. Отсюда рѣка течетъ на сѣверъ между горами и вступаетъ въ равнины Туркестана почти въ шести миляхъ отъ Балка. Тутъ вода ея подраздѣляется на множество каналовъ (которыхъ, какъ говорятъ, восемьнадцать) и доведена до самаго Балка, также какъ до Мазара и Акча по обѣ стороны рѣки. Акча лежитъ почти въ пятнадцати миляхъ отъ Балка; ни одинъ каналъ не проведенъ далѣе этого мѣста, хотя вода отъ

нѣкоторыхъ изъ нихъ пробирается почти на половину пространства до Окса и тамъ служитъ потребленію кочующихъ Туркмановъ. Дать начертаніе балкскихъ каналовъ почти нѣтъ возможности, ибо они перерѣзываютъ всю страну, и , кромѣ того , слѣды прежнихъ попадаются на глаза повсюду. Небольшой наклонъ страны къ Оксу много облегчаетъ искуственное орошеніе полей Балка, и потому почва тутъ богата и плодородна, а это объясняетъ и огромность народонаселенія и хлѣбородіе, когда-то являвшіяся въ этомъ краѣ.

Горы Бухары проходятъ по ея границамъ и образуютъ ея восточные и западные предѣлы. Во внутренности страны ихъ нѣтъ , за исключеніемъ немногихъ невысокихъ хребтовъ близъ Шаръ-Сабза и Самарканда. На картахъ сѣверная линія Гинду Куша обозначается близъ Балка неправильно: этотъ городъ стоитъ въ равнинѣ; на пространствѣ шести миль отъ него нѣтъ никакихъ горъ , а хребетъ Хинду Куша тянется въ западномъ направленіи и нигдѣ не дости-

гаетъ того градуса широты, подъ которымъ стоитъ этотъ городъ. На картахъ же Балкъ обыкновенно показанъ стоящимъ на этомъ хребтѣ, а самый хребетъ выведенъ къ сѣверо-востоку отъ Окса. Въ послѣдствіи я представлю особливыя замѣчанія объ этомъ великомъ горномъ хребтѣ, отроги котораго проходятъ и близъ Балка въ двадцати миляхъ, гдѣ добывается снѣгъ въ долинахъ даже и посреди лѣта. Приближаясь къ Карши, мы видѣли высокій снѣгами вѣнчанный хребетъ горъ, проходящій, какъ намъ казалось, отъ сѣвера къ югу. Туземцы, называя его Баитунъ по имени какого-то селенія, увѣряли меня, что онъ отстоялъ отъ Карши на шесть дней ѣзды, или почти на 150 миль. Въ Іюлѣ эти горы были совершенно покрыты снѣгомъ, а это обстоятельство даетъ имъ высоту, по крайней мѣрѣ, въ 18,000 футовъ, если судить по Гинду Кушу. Въ нихъ не было видно ни одной замѣчательной вершины; горы тянулись непрерывною цѣпью подобно горамъ траповой формаціи. Нѣсколько меньшихъ боковыхъ отраслей проходило между нами и этимъ хреб-

томъ, но онъ высоко поднимался надъ всѣми ими и давалъ намъ выгодное понятіе о значительной высотѣ своей. На другой день при солнечномъ восходѣ онъ снова предсталъ намъ во всемъ своемъ величіи и скрылся только тогда, какъ мы поѣхали къ западу отъ Карши. Я затрудняюсь, какъ опредѣлить этотъ хребтъ: императоръ Баберъ упоминаетъ о Кара Тагѣ или Черныхъ Горахъ, въ Каратагинѣ, но въ настоящее время это названіе неизвѣстно. По видимому, горы эти заканчиваютъ возвышенныя земли Памира. Онѣ проходятъ подъ прямымъ угломъ къ Гинду Кушу и почти подъ однимъ и тѣмъ же меридіаномъ; а это подтверждаетъ мнѣніе, что они составляютъ только отрасль гинду-кушскаго хребта. На сѣверъ отъ Окса, горы въ первый разъ встрѣчаются въ независимой области Гиссара; описанныя же выше суть ничто иное какъ ихъ продолженіе. Гиссарскія горы покрываются снѣгомъ только зимою, не взирая на то, что имѣютъ такую значительную высоту, какой, по видимому, нельзя было бы ожидать въ этой

части Азіи. Страна, лежащая у ихъ подножія, заселена Конградъ-Узбеками.

Золотыхъ розсыпей въ бухарскомъ государствѣ нѣтъ; но золото находится въ пескахъ Окса въ бо́льшомъ количествѣ, нежели въ другихъ рѣкахъ, текущихъ изъ Гинду Куша. Начиная отъ его истоковъ вплоть до Аральскаго моря, жители моютъ пески послѣ полноводія съ большимъ успѣхомъ, и часто находятъ такіе самородки золота, которые по величинѣ своей превышаютъ попадающіеся въ Индѣ. Въ прошломъ году на берегахъ Окса найденъ самородокъ величиною въ голубиное яйцо: онъ теперь принадлежитъ одному кулумскому купцу. Въ окрестностяхъ Даруаза лежатъ самые богатые пески. Лаписъ-лазуревыя скалы, стоящія надъ рѣкою Бадакшаномъ, также, какъ говорятъ, содержатъ въ себѣ золото; но, судя по видѣннымъ мною образцамъ, кажется, что это должна быть слюда. Всѣ прочіе металлы — серебро, желѣзо и мѣдь вывозятся изъ Россіи. Нашатырь (*нушадаръ*) встрѣчается въ естественномъ

состоянiи между горами близъ Джаззака. Другiя ископаемыя произведенiя въ государствѣ, кромѣ соляныхъ осадковъ, мнѣ неизвѣстны. Въ Гиссарѣ, въ горахъ находятъ соль похожую на ту, которую ломаютъ въ соляныхъ горахъ Панджаба. Въ равнинахъ она выкапывается глыбами и по промывкѣ идетъ въ продажу. Ниже Чарджуи, въ двухъ миляхъ отъ Окса, на правомъ его берегу, есть ложе соли, имѣющее около пяти миль въ окружности и называющееся Хуаджа Ганфи. Соль эта неправильно кристаллизована, черна и низка по качеству. Верблюжiй вьюкъ въ 500 фунтовъ вѣсомъ стоитъ въ Бухарѣ четверть тиллы. *

Растительныя произведенiя этой страны гораздо обильнѣе. Различныя деревья, здѣсь растущiя, извѣстны болѣе по названiямъ своихъ плодовъ, которые будутъ описаны ниже. Дерево, употребляемое на постройку домовъ, есть тополь: оно растетъ повсюду. Хлопчатобумажное дерево

* Около трехъ шиллинговъ.

разведено въ большомъ множествѣ; бумага вывозится какъ въ сыромъ видѣ, такъ и въ мануфактурныхъ произведенiяхъ. Пенька также растетъ здѣсь; но жители не знакомы съ ея употребленiемъ. Изъ сѣмянъ этого растенiя они бьютъ масло и приготовляютъ хмѣльный напитокъ—*бангъ*, а стебель отдаютъ на кормъ скоту. Мнѣ говорили, что чайное деревцо преуспѣваетъ между Самаркандомъ и Коканомъ; но я сомнѣваюсь въ этомъ, ибо мнѣ не доставлено доказательствъ. Въ невысокихъ горахъ близъ Карши и Балка растетъ небольшой желтый цвѣтокъ называемый *эсбаракъ*: онъ употребляется въ крашенiи и даетъ краску, лучше, чѣмъ кожа гранатовъ. Крапъ, называемый здѣсь *баякъ*, также производится; коренья его обыкновенно оставляются въ продолженiе восемьнадцати мѣсяцевъ въ землѣ. Впрочемъ точно такую же хорошую и удобную краску добываютъ изъ кореньевъ виноградныхъ лозъ: получаемый цвѣтъ — темно-красный. Индиго и сахарный тростникъ не растутъ въ Бухарѣ. Они составляютъ предметъ огромнаго ввоза изъ Индiи и моглибы быть во-

дворены въ этомъ краѣ. Здѣсь есть любопытное вещество, очень часто замѣняющее сахаръ—это сахаристая смола, называемая *таранджабинъ* и вытекающая изъ куста, извѣстнаго подъ названіемъ верблюжьяго терновника или *хари-шутара*. Въ концѣ Августа, во время цвѣтенія, этотъ кустъ каждое утро покрывается каплями, походящими на росу; ихъ обыкновенно стряхаютъ на ткани, разстилаемыя подъ кустомъ, и они-то составляютъ такъ называемый *таранджибинъ*. Нѣсколько сотенъ ма́ундовъ этого вещества собирается ежегодно: оно идетъ почти во всѣ сласти и варенья, употребляемыя въ здѣшнемъ краѣ; кромѣ этого оно еще вывозится. Хотя *хари-шутаръ* есть растеніе свойственное почти всѣмъ странамъ Азіи, однако же оно не вездѣ, какъ въ Бухарѣ, производитъ *таранджабинъ*. Смола эта неизвѣстна ни въ Индіи, ни въ Кабулѣ и не встрѣчается на западъ отъ бухарской столицы, или даже въ ея окрестностяхъ; но за то собирается въ большомъ количествѣ близъ Карши и Самарканда. Кажется, она свойственна только извѣстнаго рода почвамъ и, пре-

имущественно изобилуя въ сухихъ пустыняхъ, вѣроятно, есть ни что иное какъ избыточный сокъ растенія, пробивающійся наружу и застывающій въ видѣ мелкихъ зеренъ. Жители думаютъ, что это есть дѣйствительная роса; но чтобъ она была, какъ увѣряютъ нѣкоторые, произведеніемъ насѣкомыхъ, этого мнѣ слышать здѣсь не случалось. Нѣтъ почти ни какого сомнѣнія, что изъ этой смолы можно вырабатывать сахаръ: такое открытіе было бы весьма важно для Бухарцевъ, ибо по причинѣ дороговизны сахара они обыкновенно вмѣсто его употребляютъ сиропы изъ винограда и тутовыхъ ягодъ. Сахаръ можно бы было здѣсь добывать изъ джауари, свеклы и дынь. Тутъ есть еще другой важный кустъ, называемый Узбеками *азлъсузъ* или *ачикъ-буи*, нѣчто въ родѣ индиго; оно роскошно растетъ по берегамъ Окса и по другимъ рѣкамъ этого края. Корни этого растенія глубоко опускаются въ землю, гдѣ въ извѣстныя времена года къ нимъ присасывается шаровидный червячокъ, доставляющій пурпуровую краску, походящую на кошениль (кирмизъ).

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ купцовъ спрашивали о ней моего мнѣнія. Насѣкомое, будучи выставлено на солнце, оживаетъ; если же засушивается въ печи, то сморщивается, но сохраняетъ свою краску, впрочемъ уступающую кошенилевой. Я сравнивалъ ее съ американскою кошенилью и мнѣ казалось, что онѣ весьма сходны, съ тою только разницею, что здѣшняя не такъ ярка. Если это насѣкомое въ состояніи хоть отчасти замѣнять кошениль, то оно весьма важно въ странѣ, *изобилующей шелками*; а убивать его, безъ всякаго сомнѣнія, можно парами кипятка. Здѣсь одинъ предпріимчивый Кашмирецъ пытался запекать его въ хлѣбъ; но оказалось, что это почти тоже самое, что и простое поджариваніе въ печи въ разсыпанномъ состояніи. Зерновые хлѣба этой страны суть: рисъ, пшеница, ячмень, джауари, называемые здѣсь *джуганъ сезамамъ* и *арджанъ*, потомъ индійское просо, грамъ, мунгъ и бобы. Довольно замѣчательно, что въ облостяхъ, на югъ отъ Окса лежащихъ, пшеница съ одного посѣва даетъ жатву въ продолженіе трехъ лѣтъ послѣдовательно: по

снятіи первой жатвы на сжатыя поля выгоняютъ скотъ, а въ слѣдующемъ году отава подростаетъ и снова колосится. Первая жатва хороша, вторая же менѣе обильна; но ее снимаютъ и *въ третій разъ*. Въ Собственной Бухарѣ почва не такъ плодородна: хлѣбъ близъ Каракула родится только самъ-сёмъ. Клеверъ (трифоль), здѣсь также воздѣлывается и скашивается разъ семь, или восемь въ годъ. Луцернъ требуетъ слишкомъ много воды. Каршійскій табакъ превосходенъ. Дикій ревень или *рауашъ*, подобный тому, какой мы видѣли въ Кабулѣ, растетъ въ горахъ этого округа. Огородныя растенія: рѣпа, морковь, лукъ, рѣдька, бринджали здѣсь изобилуютъ, также какъ и разнаго рода зелень. Свеклою засѣеваются обширныя поля, но картофель не вошелъ еще въ употребленіе. Впрочемъ, хотя Бухара и славится своимъ плодородіемъ, однако же жизненные припасы несутъ здѣсь высокую цѣну, что̀ въ отношеніи къ столицѣ можно отчасти приписать многочисленности ея жителей. Слѣдующая таблица даетъ болѣе точное понятіе объ этомъ предметѣ.

51 фунтъ пшеницы продается за одну сикаскую рупію, равную почти 2 шиллингамъ.

За эту же цѣну $75\frac{1}{2}$ ф. ячменю.

$18\frac{1}{2}$ ф. лучшаго рису.

$22\frac{1}{2}$ ф. рису низшаго сорта.

$36\frac{1}{2}$ ф. пшеничной муки.

64 ф. джауари.

48 ф. мунга.

$36\frac{1}{3}$ ф. грама.

43 ф. бобовъ.

10 ф. баранины.

24 ф. говядины.

8 ф. деревяннаго масла.

140 ф. соли.

1 ф. сахару.

$4\frac{2}{3}$ ф. топленаго коровьяго масла.

Бухарскіе плоды пользуются большою славою; но это, какъ кажется, скорѣе въ слѣдствіе ихъ количества, нежели качества. Они суть слѣдующіе: персики, сливы, абрикосы, вишни, кислыя вишни, яблоки, тутовыя ягоды и виноградъ, ровно арбузы, тыквы и огурцы. Большая часть плодовъ, имѣю

щихъ косточки, уступаютъ плодамъ этого же рода, растущимъ въ Персіи; но изъ этого должно исключить абрикосы Балка, которые необыкновенно вкусны и величиною равняются яблокамъ. Они называются *бакаръ хани* и продаются по 2000 штукъ за одну рупію. Винограду есть много сортовъ; лучшими считаются сахиби и гузейни: первый красный, а второй желтый и продолговатый; вкусъ того и другаго необыкновенно пріятный. Виноградныхъ лозъ здѣсь не подрѣзываютъ, какъ это обыкновенно дѣлютъ въ Европѣ. Изюмъ, приготовляемый изъ бухарскаго винограда, превосходитъ всякій другой по величинѣ и по вкусу. Лучшій обыкновенно обваривается кипяткомъ и потомъ уже засушивается, отъ чего онъ и получаетъ названіе *аб-джошъ*, что́ значитъ кипяткомъ-обваренный: онъ необыкновенно мягокъ и почти прозраченъ. Бухарскія вина подъ европейскій вкусъ не подходятъ: они почти не имѣютъ букета, такъ что нѣкоторыя можно почесть за пиво. Они не сохраняются долѣе года, что́ свидѣтельствуетъ о несовершенствѣ ихъ выдѣлки,

Тутовыя ягоды превосходны: онѣ высушиваются подобно изюму. Изъ нихъ, также какъ и изъ винограда, приготовляется сиропъ называемый *шира*. Яблоки тутъ посредственныя. Бухарскія сливы, столь хорошо извѣстныя въ Индіи, не вывозятся собственно изъ этой страны, но растутъ вокругъ Газни въ Кабулѣ: онѣ въ большемъ почетѣ. Дыни составляютъ лучшій плодъ Бухары. Императоръ Баберъ говоритъ, что онъ, разрѣзывая туркестанскую дыню, послѣ своихъ завоеваній въ Индіи, проливалъ слезы, ибо пріятный запахъ ея напомнилъ ему родину и другія обстоятельства драгоцѣнныя его памяти. Дыни тутъ двухъ сортовъ и извѣстны у туземцевъ подъ названіемъ теплыхъ и холодныхъ: первая, составляющая низшій сортъ, созрѣваетъ въ Іюнѣ и есть обыкновенная мускусовая или благовонная дыня индійская; вторая созрѣваетъ въ Іюлѣ и есть настоящая туркестанская дыня; послѣдняя съ виду нѣсколько походитъ на арбузъ и дозрѣваетъ вполнѣ только тогда, какъ пролежитъ на землѣ семь мѣсяцевъ. Значительно превосходя величиною обыкновенную дыню, она имѣетъ овальную

форму и болѣе двухъ, а иногда трехъ футовъ въ діаметрѣ. Дозрѣвающія осенью имѣютъ болѣе четырехъ футовъ. Съ перваго взгляда кажется, что плодъ такой величины не можетъ быть ни пріятенъ, ни вкусенъ; а между тѣмъ ничто не сравняется съ бухарскою дынею. До моего пріѣзда въ Бухару я всегда считалъ дыню плодомъ самымъ ничтожнымъ: не отвѣдовавъ ее здѣсь, никто не повѣритъ, чтобы она была такъ превосходна. Индійскія, кабульскія и персидскія дыни не имѣютъ ни какого сравненія съ нею; ей уступаютъ даже и знаменитыя дыни Исфагана. Мясо ея, нѣсколько твердое, имѣетъ около двухъ дюймовъ толщины и сладко до самой кожи, что́, по мнѣнію жителей, составляетъ лучшее доказательство ея превосходства. Здѣсь изъ дынь извлекаютъ патоку, которую легко можно было бы передѣлывать въ сахаръ. Есть разныя сорта дынь: лучшія называются *Кокеча* и имѣютъ зеленую и желтую кожу; другія носятъ названіе *акъ-набатъ*, что́ значитъ бѣлый сахарный песокъ: онѣ желтоваты и необыкновенно сочны. Зимняя дыня имѣетъ темно-зеленый

цвѣтъ, называется *кара-кубакъ* и, какъ увѣряютъ, превосходитъ всѣ прочія. Кажется, Бухара есть первоначальная родина дынь, ибо при сухости климата и песчаной почвѣ она имѣетъ всѣ средства къ искуственному орошенію земли. Дыни можно купить въ Бухарѣ въ продолженіе всего года; ихъ сохраняютъ просто, развѣшивая такъ, чтобъ онѣ не соприкасались одна съ другою: въ прокъ болѣе пригодны тѣ, которыя дозрѣваютъ зимою. Бухарскіе арбузы хороши и достигаютъ огромной величины, такъ что однимъ могутъ довольствоваться человѣкъ двадцать; два здѣшнихъ арбуза, какъ увѣряютъ, составляютъ иногда полный ослиный вьюкъ. Огурцы также превосходны. *

* Я привезъ изъ Туркестана дынныя сѣмяна всѣхъ сортовъ и разослалъ ихъ по разнымъ частямъ Англіи и Индіи въ надеждѣ, что этотъ прекрасный плодъ будетъ введенъ въ наше отечество и наши владѣнія на Востокѣ. Онѣ были съ успѣхомъ выращены на моей родинѣ въ Форфарѣ, въ Шотландіи, Лордомъ Панмюръ, и въ Лондонскомъ Обществѣ Садоводства. Др. Линдлей пишетъ мнѣ, что »плодъ »много походитъ на такъ называемую въ Англіи исфа»ганскую дыню и былъ превосходенъ относительно вкуса. »Выдержано было только одно растеніе, но оно дало

Въ царствѣ животныхъ, овцы и козы бухарскія заслуживаютъ первое мѣсто, ибо однѣ доставляютъ знаменитыя шкуры, а другія шалевый пухъ, уступающій одному только пуху, употребляемому въ Кашмирѣ. Стада этихъ животныхъ питаются колючими растеніями и сухою травою: мясо ихъ сладко и пріятно. Всѣ овцы принадлежатъ къ породѣ *думба*, съ большими курдюками, изъ которыхъ нѣкоторые въ одно лѣто даютъ до пятнадцати фунтовъ сала. Отъ величины этого хвоста животное кажется обезображеннымъ, такъ, что оно ходитъ съ видимымъ неудобствомъ. Порода овецъ, доставляющая курчавое, черное какъ смоль руно, изъ котораго въ Персіи дѣлаютъ шапки и которое

»плодъ, вѣсившій семь съ половиною фунтовъ, и, по всѣмъ »вѣроятностямъ, доставило бы нѣсколько плодовъ, еслибы не »было убито по неосторожности.« Мой другъ, полковникъ Гулль, изъ Уимбльдона, также выростилъ изъ этихъ сѣмянъ дыни, которыя, достигнувъ полной величины своей, были лишены запаху, что̀ весьма странно. Самъ я не видалъ ни одного изъ этихъ образцовъ, и не слыхалъ объ успѣхѣ насажденія тѣхъ сѣмянъ, которыя были розданы мною въ Индіи.

такъ дорого цѣнится въ другихъ странахъ, разведена въ Каракулѣ, небольшомъ округѣ между Бухарою и Оксомъ. Она не способна къ разведенію ни въ какой другой странѣ и хотя была нѣсколько разъ вывозима въ Персію и другія земли, однако же безъ успѣха: во всякомъ другомъ мѣстѣ она утрачиваетъ отличительную черту своего руна и перерождается въ обыкновенную породу овецъ. Туземцы приписываютъ кудреватость шерсти особенному качеству пастьбищъ и увѣряютъ, что трава, называемая *боякъ*, а по-персидски *ронассъ* и принадлежащая къ породѣ длинныхъ ситниковъ, измѣняетъ свойства этихъ животныхъ. Говорятъ, что если каракульская овца какимъ нибудь образомъ попадетъ на берега Окса, гдѣ прозябаетъ это растеніе, то утрачиваетъ курчавость шерсти. Шкура молодыхъ барашковъ цѣнится очень высоко: ихъ обыкновенно бьютъ на пятый, или на шестой день отъ рожденія и никогда позднѣе двухъ недѣль; господствующее же мнѣніе о томъ, будто бы ихъ вырѣзываютъ изъ утробы матери, несправедливо. Небольшое количество шкуръ, по-

лучаемыхъ съ ягнятъ, рожденныхъ преждевременно, имѣютъ шерсть тонкую и мягкую какъ бархатъ, но не курчавую. Эти послѣднія шкуры называются *карпакъ* и вывозятся преимущественно въ Константинополь, гдѣ несутъ высокую цѣну по незначительности своего количества. Другой же сортъ, курчавый, называется *денадаръ* и вывозится въ Персію, Турцію и Китай. Всѣ эти шкуры имѣютъ различную степень мягкости, смотря по возрасту, на которомъ убиваются ягнята: нѣкоторыя изъ нихъ необыкновенно красиво закудрявлены, другіе же грубѣе. Чѣмъ мельче кудреватость, тѣмъ выше онѣ цѣнятся. Въ Персіи иногда выкраиваютъ изъ десяти, или пятнадцати шкуръ только одну шапку, отъ чего и происходитъ дороговизна этого наряда. Въ Бухарѣ одна шкурка никогда не стоитъ болѣе трехъ, или четырехъ сиккаскихъ рупій. Ежегодный вывозъ шкуръ простирается почти до двухъ сотъ тысячь штукъ; грубые сорта отправляются въ Оргенджъ. Выдѣлываютъ ихъ натираніемъ ячменной муки, смѣшанной съ солью.

Бухарскія козы, доставляющія упомянутый выше пухъ, разводятся у кочевыхъ Киргизовъ, которые, однако же, не знали цѣнности этого матеріала до самыхъ позднихъ временъ и употребляли его на дѣланіе веревокъ, служащихъ для спутыванія лошадей. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ вывозится въ Кабулъ и Индію. Впрочемъ, вырабатываемыя изъ него матеріи далеко уступаютъ кашмирскимъ, для которыхъ употребляется шерсть тибетская. Этотъ пухъ имѣетъ сѣрый цвѣтъ и растетъ подлѣ самой кожи животнаго, съ которой его вычесываютъ гребнемъ: если не снимать его такимъ образомъ, то онъ скомкивается между волосомъ. Бухарскія козы величиною бываютъ почти съ обыкновенную козу, цвѣту темнаго и отличаются отъ тибетскихъ тѣмъ, что эти послѣднія менѣе ростомъ и необыкновенно красивы. Мнѣ неизвѣстно, во всѣхъ ли странахъ козы производятъ пухъ; но между туркестанскими и тибетскими въ этомъ отношеніи есть сходство. Меня увѣряли, что даже собаки послѣдней страны также даютъ пухъ, изъ котораго въ

Кашмирѣ вырабатывается небольшое число шалей. Бухарскія собаки этимъ не отличаются. Въ странѣ, окруженной пустынями, верблюды занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ между животными. Въ Бухарѣ они весьма многочисленны: посредствомъ ихъ производится почти вся бухарская торговля. Они продаются здѣсь довольно дорого: хорошаго верблюда нельзя купить дешевле шестидесяти, или семидесяти рупій. По наружности они много отличаются отъ верблюдовъ индійскихъ и кабульскихъ, нерѣдко покрытыхъ коростами и совершенно лишенныхъ волосъ. Въ Бухарѣ, напротивъ, они покрыты, какъ лошадь, блестящимъ волосомъ и линяютъ каждое лѣто. Изъ этого волоса здѣсь выдѣлывается особенная матерія довольно грубая, но непроницаемая для воды. Матерія эта называется *урмакъ* и имѣетъ естественный цвѣтъ верблюда. Я полагаю, что такимъ превосходствомъ своимъ верблюды обязаны климату и питательной для нихъ колючей пищѣ, весьма здѣсь обильной. Въ сухомъ климатѣ эти животныя всегда бываютъ лучше; но большаго жара не терпятъ.

Они могутъ легко идти почти безостановочно въ продолженіе четырнадцати часовъ; но ихъ погоньщики никогда не путешествуютъ въ періодъ дня, если только есть къ тому возможность. Несправедливо думаютъ, что верблюды могутъ существовать долгое время безъ воды: лѣтомъ по прошествіи втораго дня они уже сильно страдаютъ отъ жажды; зимою же могутъ обойтись безъ питья только вдвое больше этого времени. Пищу они любятъ чистую, опрятную; но за то ничто не можетъ сравниться съ зловоніемъ слюны, изрыгаемой ими изъ желудка. Продолжительность переходовъ даже нашего каравана свидѣтельствуетъ о необыкновенной силѣ этихъ животныхъ: одинъ разъ мы прошли семьдесятъ миль въ сорокъ четыре часа, со включеніемъ въ это число всѣхъ приваловъ. Обыкновенные же переходы наши были въ тридцать миль: верблюдъ почти никогда не проходитъ болѣе двухъ миль въ часъ. Бактрійскіе верблюды, имѣющіе два горба, существуютъ въ большомъ множествѣ въ Туркестанѣ: они разводятся Кайсаками въ степи, на сѣверъ отъ Бухары. У нихъ подъ ше-

ею идетъ опушка длинныхъ черныхъ волосъ, также какъ и по обѣимъ ляжкамъ: это придаетъ имъ, какъ верблюдамъ, значительную красоту. Ростомъ они ниже обыкновенныхъ верблюдовъ или дромадеровъ; но, не взирая на это, поднимаютъ грузу сто сорока фунтами болѣе: одни несутъ 640, а другіе только 500 фунтовъ англійскихъ. Меня увѣряли, что самые сильные и *сносные верблюды происходятъ отъ помѣси* этихъ двухъ породъ. Такіе ублюдки имѣютъ только одинъ горбъ. Замѣчанія о лошадяхъ этого края я помѣщу въ особой главѣ. Изъ всѣхъ домашнихъ бухарскихъ животныхъ нѣтъ полезнѣе ословъ: здѣсь они вообще крѣпки и высоки ростомъ и въ большомъ употребленіи какъ для верховой ѣзды, такъ и для перевозки тяжестей. Ѣзда на нихъ здѣсь не считается предосудительною, какъ въ Индіи. Муловъ тутъ нѣтъ, въ слѣдствіе существующаго противъ нихъ религіознаго предразсудка. Рогатый скотъ въ Бухарѣ отличается величиною, хотя много уступаетъ въ этомъ англійскому. Буйволовъ нѣтъ.

Дикія животныя весьма немногочисленны. Тигры мелкорослой породы встрѣчаются въ долинѣ Окса. Дикіе кабаны, стада оленей и ланей и дикіе ослы бродятъ по равнинамъ. Есть лисицы, волки, шакалы и дикія кошки. Въ восточныхъ горахъ попадаются медвѣди. Крысы, черепахи и ящерицы находятся въ пустынѣ. Скорпіоны очень обыкновенны; но ихъ уязвленіе не имѣетъ своей обычной пагубности: я говорю это по опыту. Увѣряютъ, что на сѣверъ отъ Окса нѣтъ змѣй, и мы дѣйствительно тамъ не видали ихъ. Саранча иногда опустошаетъ эти страны, въ особенности около Балка. Есть орлы и соколы. Всѣ роды дичи весьма рѣдки. Пигалицы и дикіе голуби очень обыкновенны. Водяныхъ птицъ въ извѣстное время года чрезвычайно много. Аистъ или такъ называемый здѣсь *лагъ-лага* свиваетъ себѣ гнѣзда на городскихъ мечетяхъ: эта птица мимолетная и считается здѣсь священною. Рыба въ Оксѣ почти такая же, какую находятъ въ бо́льшей части азіятскихъ рѣкъ. Есть порода акулъ, называемая *лаха*, неимѣющая чешуи

и не рѣдко попадающаяся въ 600 фунтовъ англійскихъ вѣсомъ. Узбеки ѣдятъ ее. Въ Каракульскомъ озерѣ рыба на вкусъ также хороша, какъ и морская. Чудовищъ въ Оксѣ нѣтъ: мы ничего не слыхали объ аллигаторахъ. Насѣкомыхъ въ этой сухой странѣ очень не много. Я замѣтилъ нѣкоторую особенность въ пищѣ пчелъ и осъ, что́ для меня было новостью: однажды при мнѣ онѣ напали на кусокъ баранины и выѣли въ ней очень большія дыры. Здѣсь зимою для кормленія ихъ иногда употребляютъ мясо вмѣсто сахару. Мясо которое онѣ ѣли на моихъ глазахъ, было не тухлое, но свѣжее. Онѣ также ѣдятъ сухую рыбу.

Самое драгоцѣнное изъ всѣхъ насѣкомыхъ есть шелковый червь, который разводится во всѣхъ частяхъ этой страны, гдѣ только есть вода. Всѣ ручейки и рѣчьки обсажены шелковицами. Болѣе же всего этимъ дѣломъ занимаются по берегамъ Окса, гдѣ всѣ кочующія племена разводятъ червей. Шелкъ *лабъ-и-абъ* (*береговой*, т. е. съ береговъ Окса),

какъ его здѣсь называютъ считается самымъ драгоцѣннымъ по мягкости и по тонинѣ своихъ нитей. Шелковичныя деревья начинаютъ развертывать свои листья около весенняго равноденствія; въ это время выводится червь и оканчиваетъ весь періодъ своего существованія съ исходомъ Іюня мѣсяца. Червя убиваютъ погружая коконъ въ кипятокъ; а шелкъ разматываютъ на колесѣ, за-разъ изъ нѣсколькихъ коконовъ. Этотъ шелкъ вывозится въ Индію и Кабулъ, и по причинѣ большаго количества продается довольно дешево. Шелкъ производится также въ странѣ, прилегающей къ Кокану; но тамъ онъ болѣе отличается количествомъ, чѣмъ качествомъ. Сырецъ окрашивается кошенилью и упомянутыми выше произведеніями—крапомъ и *эсбаракомъ*. Черная краска добывается изъ желѣзныхъ опилковъ, опускаемыхъ на цѣлый мѣсяцъ въ воду, въ которой варился рисъ.

Изъ числа болѣзней въ Бухарѣ самая мучительная есть гвинейскій червь или *Dracunculus*, здѣсь называемая *ришта*: она преимущественно

преобладаетъ въ городѣ Бухарѣ. Туземцы полагаютъ, что эта болѣзнь происходитъ отъ употребленія въ лѣтнее время воды изъ фонтановъ, которые наполняются зловоніемъ и насѣкомыми. Путешественники страдаютъ отъ этого столько же, сколько и туземцы; но болѣзнь проявляется не ранѣе какъ чрезъ годъ послѣ употребленія воды. Многіе изъ Афгановъ подвергаются ей уже по возвращеніи въ Кабулъ. Какова бы ни была причина этой болѣзни, но она, безъ всякаго сомнѣнія, заключается въ чемъ нибудь собственно принадлежащемъ Бухарѣ, ибо другія части страны ей не подвержены. Полагаютъ, что одна четвертая часть всего народонаселенія Бухары ежегодно страдаетъ отъ гвинейскаго червя. Свирѣпствованіе этой болѣзни научило жителей излечивать ее средствами совершенно неизвѣстными въ другихъ земляхъ. Какъ скоро замѣтятъ, что образовался червь, то прежде нежели произойдетъ опухоль, продѣваютъ подъ самую средину его иглу и, потирая пораженное мѣсто, вдругъ его вытаскиваютъ. Операція обыкновенно бываетъ успѣшна. Если червь оборвется,

то рана разбаливается, боль дѣлается невыносимою и рѣдкій больной оправляется ранѣе трехъ мѣсяцевъ. Когда онъ свертывается клубкомъ въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, то вынуть его очень легко; но трудно, когда залегаетъ глубоко въ тѣлѣ. Въ тѣхъ случаяхъ когда уже образовалась опухоль, то, не дѣлая операціи, оставляютъ ее идти своимъ чередомъ и стараются вытащить червя постепенно, какъ это дѣлаютъ въ Индіи. Величиною червь этотъ бываетъ отъ трехъ до четырехъ пяденей. Здѣсь говорятъ, что гвинейскій червь болѣе свойственъ людямъ холоднаго темперамента; впрочемъ нападенія его не ограничиваются однимъ какимъ нибудь классомъ народа. Зажиточные люди, приписывая эту болѣзнь водѣ, посылаютъ за нею на Оксъ и никогда не пьютъ фонтанной воды, не вскипятивъ ее предварительно. Я съ своей стороны не могу представить ни какихъ причинъ этой болѣзни: туркманскіе же врачи полагаютъ, что червь зараждается отъ вышеупомянутой причины. Впрочемъ я не вѣрю, чтобъ она могла проистекать отъ наливчатыхъ животныхъ. Дру-

гая болѣзнь, преобладающая въ этомъ краѣ, называется *маккомъ* или *коли*, нѣчто въ родѣ проказы. Всѣ поражаемые этимъ недугомъ считаются нечистыми. Тутъ тѣло хотя и не покрывается пятнами, какъ мы это видимъ въ обыкновенной проказѣ, однако же вся кожа высыхаетъ и покрывается морщинами, волоса, ногти и зубы выпадаютъ и человѣкъ получаетъ видъ страшный и обезображенный. Болѣзнь эту считаютъ здѣсь наслѣдственною, имѣющею начало въ пищѣ. Она ужасно господствуетъ въ округахъ Самарканда и Міанкала, также какъ и сосѣднихъ съ ними странахъ Шаръ Сабза и Гиссара, т. е. въ областяхъ изобилующихъ рисомъ. Увѣряютъ также, что причина ея заключается въ употребленіи хмѣльнаго напитка—*бузы*, добываемаго изъ чернаго ячменя; но какъ буза, такъ и кобылье молоко не употребляются въ Бухарѣ. Болѣзнь эта дѣйствуетъ на весь организмъ человѣка и считается неизлѣчимою. Здѣсь даже самые человѣколюбивые люди говорятъ, что болѣзнь эта есть проклятіе Божіе и безжалостно отгоняютъ отъ себя несчастливца по-

раженнаго ею. Для всѣхъ прокаженныхъ въ Бухарѣ отведенъ особый кварталъ точно также, какъ это было у Евреевъ. Холера — cholera morbus — этотъ страшный бичъ, также появлялась въ этихъ странахъ. По видимому, она шла путемъ каравановъ, постепенно пробираясь изъ Индіи въ восточную Европу. Въ продолженіе цѣлаго года она свирѣпствовала въ Кабулѣ; потомъ въ послѣдующемъ году перешла чрезъ Гинду Кушъ и опустошила Балкъ и Кундузъ. Около года она бродила между долиною Окса и Гератомъ, потомъ кинулась на Бухару, Коканъ и на другія узбекскія владѣнія и опустошивъ ихъ, перешла въ Хиву, Оренбургъ и Астрахань. До нынѣ медики еще не отыскали средствъ противъ холеры.

Жители Туркестана подвержены постоянной сухости кожи: многіе изъ нихъ теряютъ совершенно рѣсницы и брови; кожа ихъ дѣлается желтою и морщиноватою. Свойство ли пищи, или сухость климата этому причиною, я не знаю. Узбеки рѣдко употребляютъ въ пищу лошади-

ное мясо, хотя вообще думаютъ, что они имъ питаются. Здѣсь оно считается пищею горячительною и притомъ дорогою. Преимущество обыкновенно дается баранинѣ; говядину же ѣдятъ только нисшіе классы жителей. Когда здѣсь варятъ баранину, то, заколовъ овцу, вытапливаютъ изъ хвоста ея, какъ бы онъ великъ ни былъ, все сало и кипятятъ съ нимъ мясо въ одномъ и томъ же котлѣ — до такой степени жители любятъ жирную пищу. Они также много употребляютъ сыру и кислаго молока. Ophthalmia есть весьма обыкновенная болѣзнь въ Туркестанѣ. Лихорадки рѣдки. Въ Балкѣ преобладаютъ ревматизмы. Въ городѣ Бухарѣ англійская болѣзнь весьма обыкновенна, и потому дѣти, вообще говоря, слабы и болѣзненны, что́ впрочемъ, незамѣтно во взрослыхъ людяхъ этого края. Въ числѣ лекарствъ мнѣ упоминали о маслѣ, извлекаемомъ изъ овечьяго навоза и считающемся весьма дѣйствительнымъ въ вывихахъ, переломахъ и ушибахъ домашнихъ животныхъ: оно чрезвычайно остро, такъ что мухи не садятся на мѣста имъ натертыя. Меня увѣряли, что бы-

вали случаи, гдѣ костяные наросты (шпатъ) въ лошадяхъ, были сгоняемы употребленіемъ этого масла. Оно добывается посредствомъ перегонки.

Въ бухарскомъ государствѣ нѣтъ большихъ городовъ кромѣ столицы, имѣющей около 150,000 жителей. Самаркандъ и Балкъ уже давно сошли на степень незначительныхъ провинціальныхъ городовъ. Карши превзошелъ ихъ обоихъ онъ имѣетъ 10,000 жителей. Это единственные города во всемъ государствѣ. Есть нѣсколько большихъ селеній, каковы напримѣръ: Джиззакъ, Кермина и Каткурганъ; но ни одно изъ нихъ не имѣетъ болѣе 2500 жителей. Впрочемъ и селеній здѣсь весьма немного; притомъ же они весьма отдалены одно отъ другаго; число ихъ простирается до четырехъ сотъ, а потому я полагаю, что народонаселеніе всего бухарскаго государства равняется одному милліону, половина котораго состоитъ изъ кочевыхъ племенъ блуждающихъ въ пустынѣ. Всѣ селенія укрѣплены земляными стѣнами, необходимыми для ихъ за-

щиты. Въ воздѣланныхъ частяхъ края, отдѣльныя жилища, называемыя *робаты*, разбросаны повсюду и точно также окружены стѣнами. Я не стану говорить о городахъ Бухарѣ и Балкѣ, ибо они уже описаны въ моемъ путешествіи.

ГЛАВА II.

РѢКА ОКСЪ ИЛИ АМУ И НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ОБЪ АРАЛЬСКОМЪ МОРѢ.

Оксъ или Аму есть рѣка величины значительной и знаменитости исторической. У Грековъ она была извѣстна подъ названіемъ Окса; Азіятцы же называютъ ее Джигунъ или Аму. Слово *джигунъ* значитъ *потокъ* и *употребляется* во всѣхъ турецкихъ и персидскихъ сочиненіяхъ, описывающихъ здѣшнія страны; но туземцы, живущіе по берегамъ этой рѣки, называютъ ее Аму или *Дарія-и-Аму*, чтó значитъ Рѣка или, точнѣе, Море Аму. Оксъ беретъ начало въ столовыхъ земляхъ Памира и образуется *изъ слiянiя* различныхъ рѣчекъ, *накопляющихся* въ этой возвышенной странѣ Азіи. Согласно съ полученны-

ми мною свѣдѣніями, истокъ его находится на одинъ градусъ къ сѣверу и къ востоку далѣе, чѣмъ показано на картѣ Ма́картнея. Увѣряютъ, что изъ окрестностей озера Сайрикола вытекаютъ въ разныя стороны четыре большія рѣки: Оксъ, Сиръ или Яксартъ, одно изъ верховій Инда и часть водъ Тибета. Оксъ, орошая богатую долину Бодахшана, принимаетъ въ себя рѣку этого имени, самую большую изъ своихъ данницъ; далѣе съ нимъ сливается множество малыхъ притоковъ, выходящихъ изъ Кундуза и Гиссара и описанныхъ г. Ма́картнеемъ. Извиваясь въ горахъ, онъ течетъ въ двадцати миляхъ отъ города Куллума, т. е. гораздо ближе, чѣмъ показывается на картахъ, и потомъ проходитъ въ разстояніи почти полуградуса къ сѣверу отъ Балка. Между нимъ и этимъ древнимъ городомъ нѣтъ горъ, обыкновенно изображаемыхъ на картахъ. Въ степь онъ входитъ почти въ с.-з. направленіи, оплодотворяетъ небольшую полосу земли не болѣе какъ въ одну милю шириною съ каждаго берега, потомъ вступаетъ во владѣнія Оргенджа или Хивы — древняго Харес-

ма, гдѣ предѣлы орошенія раздвинуты искусствомъ нѣсколько далѣе, и, наконецъ, теряется въ Аральскомъ морѣ. Въ нижней части его теченія количество отводимой воды для искуственнаго орошенія такъ велико, а число его рукавовъ такъ значительно, что при устьѣ онъ образуетъ болотистую дельту, поросшую тростниками и другими водяными растеніями, недоступную для земледѣльца и неспособную сдѣлаться полезною для человѣка по причинѣ своей неизмѣнной сырости. Не имѣя намѣренія входить въ разборъ спорнаго вопроса о томъ — вливался ли Оксъ въ прежнія времена вмѣсто Аральскаго въ Каспійское море, я только скажу, что, изслѣдовавъ этотъ предметъ и сообразивъ собранныя о немъ преданія, я думаю, едва ли Оксъ протекалъ когда нибудь не въ томъ направленіи, въ которомъ онъ течетъ нынѣ. Это подтверждается и розысканіями самихъ туземцевъ. Его паденію въ Каспійское море препятствуютъ горы, поднимающіяся на сѣверъ и на западъ отъ Балканскаго залива. Самый естественный резервуаръ его, судя по наклону

страны, есть Аральское море. Я думаю, что такъ называемыя высохшія рѣчныя русла между Астрабадомъ и Хивою суть ничто иное, какъ остатки какихъ нибудь каналовъ, существовавшихъ въ харезмскомъ царствѣ. Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что близъ нихъ находятся развалины жилищь, распадавшихся по мѣрѣ упадка благосостоянія этого государства. Принимая подобное толкованіе, мы будемъ по крайней мѣрѣ въ состояніи объяснить эти явленія причинами очевидными, не прибѣгая къ помощи землетрясеній, или другихъ переворотовъ земнаго шара.

Татары говорятъ, что слово Аралъ значитъ *между* и что это море, или озеро названо такъ потому, что лежитъ между Сиромъ и Аму или Яксартомъ и Оксомъ. Здѣсь господствуетъ общее мнѣніе, что воды Аральскаго моря переливаются подземнымъ протокомъ въ Каспійское море. Нѣкоторые увѣряютъ, что въ мѣстечкѣ, Кара Гумбазѣ, лежащемъ между обоими морями и служащемъ для привала каравановъ,

слышно, какъ вода съ шумомъ течетъ подъ землею. Говорятъ даже, что шумъ этотъ походитъ на слова *кара думъ*, т. е. *я пить хочу*: вѣроятно шумъ этотъ существуетъ только въ воображенiи. Необходимость какого нибудь подобнаго подземнаго сообщенiя естественна въ глазахъ простолюдиновъ; ибо Аральское море, принимающее въ себя двѣ большiя рѣки, не имѣетъ ни одного истока. Впрочемъ, они не берутъ въ расчетъ силы испаренiя, которая превосходитъ всякое понятiе въ этихъ сухихъ странахъ *, гдѣ кромѣ того еще господствуетъ постоянный вѣтеръ. Должно, однако же, замѣтить весьма любопытное явленiе, что въ упомянутомъ мѣстечкѣ, Кара Гумбазѣ, расположенномъ на песчанной возвышенности, вода стоитъ почти подъ самою земною поверхностью, между тѣмъ какъ далѣе къ югу, она находится на глубинѣ не менѣе 100 футовъ. Мѣстами вода Аральскаго моря годна для питья. Зимою озеро это

* Наблюденiя моего товарища Др. Жерарда подтверждаютъ это самымъ удовлетворительнымъ образомъ: вода, въ край налитая въ сосудъ, испарилась совершенно въ два дни.

рѣдко замерзаетъ. Объ одномъ изъ многочисленныхъ острововъ его здѣсь есть преданіе: разсказываютъ, будто бы какая-то орда со всѣмъ рогатымъ скотомъ своимъ и со всѣми овцами однажды перешла на него по льду и съ тѣхъ поръ не имѣетъ возможности перейдти обратно. Берега Аральскаго моря заселены кочующими племенами, воздѣлывающими въ большемъ количествѣ пшеницу и другой хлѣбъ, который вмѣстѣ съ рыбою, ловимою въ большемъ обиліи, составляетъ ихъ главную пищу. Окрестности Аральскаго моря не посѣщаются караванами.

Оксъ судоходенъ въ большей части своего теченія. Русло его необыкновенно прямо и не имѣетъ ни пороговъ, ни быстринъ, ни водоворотовъ; въ немъ также нѣтъ песчанныхъ отмелей. Можно даже сказать, что если бы устье его не было замкнуто иловатыми болотами, то по немъ можно было бы плавать отъ самаго моря почти до Кундуза, т. е. на протяженіи 600 миль. Впрочемъ, если исключить протяженіе

этой дельты, начинающейся немного пониже Органджа и простирающейся не болѣе какъ на пятьдесятъ миль, то и тогда мы будемъ имѣть 550 миль для судоходства. Объемъ воды, изливаемой этою рѣкою, кажется съ перваго взгляда слишкомъ большимъ въ сравненіи съ короткимъ протяженіемъ ея русла; но это объясняется тѣмъ, что Оксъ есть единственный каналъ, служащій для стока всей воды, скопляющейся въ странѣ обширной и гористой. Онъ не представляетъ ни одного брода послѣ принятія въ себя рѣки Кундуза и рѣки Талигана, изъ коихъ послѣдняя вливается въ него подъ именемъ Аксарая, ниже Газратъ Имама. Обѣ эти рѣки питаются снѣгами, тающими на сѣверной сторонѣ великаго Гинду Куша. Ниже Газратъ Имама чрезъ Оксъ можно ходить въ бродъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, такъ что даже переправа артиллеріи не затруднительна, что́ и было нѣсколько разъ доказано правителемъ Кундуза. Оксъ, по выходѣ своемъ изъ горныхъ округовъ ниже Килефа, почти въ шестидесяти миляхъ на сѣверо-западъ отъ Балка, представляетъ русло

не болѣе какъ въ 350 ярдовъ ширины. Въ равнинахъ ширина его увеличивается такъ, что при Хаджи Сала, въ тридцати миляхъ ниже Килефа, на мѣстѣ нашей переправы, онъ имѣлъ русло въ 823 ярда ширины по измѣренію секстантомъ; а при Чарджуи, 200 миль ниже, въ разстояніи двадцати лиговъ отъ Бухары, русло его имѣло 650 ярдовъ. Подробное описаніе этой рѣки при двухъ упомянутыхъ мѣстахъ, даетъ лучшее понятіе о представляемыхъ ею выгодахъ, какъ въ отношеніи военномъ, такъ и торговомъ.

При Ходжа Сала, семнадцатаго Іюня, за мѣсяцъ до той поры, какъ періодическое полноводіе достигаетъ своей высшей точки, Оксъ состоялъ изъ трехъ особыхъ рукавовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго песчаными отмелями. Ширина этихъ руковов были слѣдующая: 295, 113 и 415 ярдовъ, что въ сложности составляетъ 823 ярда ширины рѣки. Глубина была не равномѣрная; въ самомъ глубокомъ мѣстѣ она не превосходила двадцати футовъ. Числа глубины стоятъ въ такомъ порядкѣ:—6. 9. 12;

6 футовъ въ первомъ рукавѣ, 6 футовъ чрезъ весь второй и 6. 9. 15. 19. 6 въ третьемъ. По этому средняя глубина этой рѣки никогда не будетъ менѣе девяти футовъ; ибо это есть частное 828 ярдовъ, раздѣленныхъ на 92, т. е. на итогъ всѣхъ футовъ измѣренной глубины. Большой ошибки въ этомъ приблизительномъ исчисленіи быть не можетъ, ибо 17 Августа, т. е. ровно мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ рѣка достигала своего высшаго поднятія, мы нашли почти такой же объемъ воды при Чарджуи, близъ Бухары. Ширина рѣки была меньше, но за то глубина больше. Пять разъ заброшенный лотъ далъ слѣдующія цифры: 12. 18. 29. 20 и 18 футовъ. Оксъ течетъ съ быстротою 6000 ярдовъ, или почти три съ половиною мили въ часъ; по наблюденію же точки кипѣнія воды въ Ходжа Сала и Чарджуи найдено, что между этими двумя мѣстами разница простирается до $1\frac{1}{3}$ градуса, что̀ даетъ 800 футовъ паденія рѣки на пространствѣ 200 миль. Это паденіе весьма значительное для такой рѣки и въ такой плоской странѣ. Впрочемъ мое вычисленіе должно при-

нимать не иначе, какъ за приблизительное, ибо точка закипанія воды, будучи въ постоянной зависимости отъ состоянія атмосферы, подлежитъ нѣкоторымъ измѣненіямъ даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Малѣйшая перемѣна въ этомъ естественномъ снарядѣ, я разумѣю атмосферу, при опытахъ требующимъ строжайшей точности, производитъ огромныя ошибки: по этому, за всѣмъ отчисленіемъ на случай неправильности вывода, я не могу не принять этого паденія рѣки менѣе, чѣмъ въ 600 футовъ, или около одного ярда на каждую милю: рѣка не излучиста, а это всегда свидѣтельствуетъ быстроту паденія.

Оксъ подверженъ періодическому полноводію, подобно всѣмъ большимъ рѣкамъ, вытекающимъ съ южной стороны того гигантскаго горнаго хребта, изъ котораго и онъ беретъ свое начало. Причина полноводія одна и таже — таяніе горныхъ снѣговъ. Полноводіе начинается въ Маѣ и оканчивается въ Октябрѣ; но Оксъ подлежитъ еще второму, меньшему разлитію въ періодъ ве-

сеннихъ дождей. Воды въ немъ подымаются и понижаются смотря по состоянію погоды: подъ безоблачнымъ небомъ при ясномъ солнцѣ онѣ поднимаются, при атмосферѣ густой понижаются. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ, когда мы были на берегахъ Окса, вода въ немъ понизилась на одинъ футъ съ половиною въ продолженіе тридцати шести часовъ, хотя полноводіе тогда еще и не достигало своей высшей точки. Вліяніе воды замѣтно не болѣе какъ на полумилю отъ ложа рѣки, не взирая на то, что берега рѣки низменны и отлоги. Причиною этого то, что по обѣ ея стороны, на разстояніи одной мили съ половиною или двухъ миль, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и болѣе, тянутся вторые, такъ сказать внѣшніе берега, образующіе въ своемъ промежуткѣ долину одѣтую зеленью и хотя рѣдко затопляемую полноводіемъ, однако же, все таки имъ увлаживаемую. Въ этой-то долинѣ жители воздѣлываютъ землю, орошая ее при помощи своего искусства и трудолюбія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ водопроводы идутъ во внутренность края мили на четыре и тамъ уже посредствомъ персидскаго колеса вода

изъ нихъ распредѣляется по полямъ. За гранью прибрежья раскидывается картина безплодія и запустѣнія. Но и самая долина рѣки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежитъ въ небреженіи, заростая дикимъ индиго, тамарискомъ и водяными травами. Во время зимы, при вступленіи воды въ свое ложе, рѣка суживается; но хотя въ эту пору она имѣетъ только 400 ярдовъ поперекъ, однако же переправы въ бродъ нигдѣ не представляетъ. Въ періодъ полноводія воды Окса окрашиваются горною почвою и принимаютъ красноватый цвѣтъ. Я нашелъ, что тогда одна сороковая часть ихъ объема состояла изъ растворенной въ нихъ посторонней примѣси, и что отъ вліянія снѣговой воды температура рѣки равнялась 73° въ пору лѣтняго солнцестоянія, между тѣмъ какъ температура воздуха восходила до 103°. *

Трудно вообразить, чтобъ такая большая рѣка, каковъ Оксъ могла когда либо замерзать зимою и при томъ подъ широтою 38°; а между

* При дѣйствіи кислоты примѣсь эта кипѣла съ шипѣніемъ; а это свидѣтельствуетъ, что почва, чрезъ которую протекаетъ Оксъ имѣетъ известковое свойство.

тѣмъ здѣсь это явленіе совсѣмъ нерѣдкость. Въ верхней части теченія, выше Кундуза, Оксъ замерзаетъ ежегодно такъ, что люди и даже вьючныя животныя ходятъ чрезъ него по льду по дорогѣ въ Яркандъ; но тамъ онъ течетъ чрезъ страну возвышенную. Однако же, и въ степяхъ онъ замерзаетъ въ жестокія зимы. Ниже Хивы онъ покрывается льдомъ постоянно; а въ минувшемъ году замерзъ отъ берега до берега и въ Чарджуи, отстоящей миляхъ въ семидесяти отъ Бухары, такъ что караваны переходили по льду: впрочемъ надо замѣтить, что зима тогда была необыкновенно холодная. Въ Кэрки, на половинѣ пути къ Балку, онъ также замерзалъ; но при перевозѣ Килефа, почти противъ послѣдняго города, на самой срединѣ рѣки оставалось незамерзавшее пространство, препятствовавшее въ теченіе цѣлаго мѣсяца ходу парома и каравановъ. Хотя пространство это было не велико, такъ что чрезъ него легко можно было перебросить камень, однако же вода не замерзала въ этомъ узкомъ промежуткѣ, чему причиною, безъ сомнѣнія, была быстрота

потока, съ обѣихъ сторонъ сжатаго. Въ пустыняхъ температура обыкновенно или холоднѣе или жарче, чѣмъ въ странахъ болѣе облагодѣтельствованныхъ природою: это фактъ доказанный. Въ жгучихъ степяхъ Туркестана зимою свирѣпствуетъ страшный холодъ, объясняющій замерзаніе Окса; а между тѣмъ Дунай, текущій почти параллельно съ этою рѣкою, только на семь градусовъ широты выше ея, никогда льдомъ не покрывается. Это явленіе замѣчательное въ физической географіи. Если случается, что Оксъ зимою не замерзаетъ, то и тогда переправа затрудняется глыбами льда, плывущими изъ верхнихъ частей его теченія. Бывали примѣры, что они потопляли суда, и потому переправа при такихъ обстоятельствахъ требуетъ постояннаго вниманія перевозчиковъ.

Суда, употребляемыя на Оксѣ, вообще превосходны, хотя не несутъ ни мачтъ, ни парусовъ. Они строются наподобіе кораблей, съ носомъ по обоимъ концамъ, съ плоскимъ дномъ и обыкновенно имѣютъ около пятидесяти футовъ

длины, восемнадцати ширины и четырехъ глубины. Тяжести они подымаютъ около двадцати английскихъ тоннъ. При полномъ грузѣ борты стоятъ отъ двухъ съ половиною до трехъ футовъ надъ поверхностью рѣки: суда эти никогда не сидятъ въ водѣ глубже одного фута. Они строются изъ четвероугольныхъ брусьевъ, футовъ въ шесть длиною каждый, вытесанныхъ изъ невысокорастущаго дерева, называемаго *паки* или *шишамъ*, растущаго въ большомъ обиліи по берегамъ, но не достигающаго значительной высоты. Деревья, будучи свалены съ корня, очищаются отъ коры, обтесываются въ четырехугольную форму и въ такомъ видѣ поступаютъ уже въ дѣло. Брусья обыкновенно связываются желѣзомъ; а потому суда хотя и грубы на взглядъ, однако же, въ постройкѣ ихъ заключается такая прочность, которая необыкновенно хорошо приспособляетъ ихъ къ плаванію по Оксу. Въ верхнихъ частяхъ этой рѣки, выше Чарджуи, судовъ не много. Отъ этого городка вплоть до того мѣста, гдѣ чрезъ рѣку можно ходить въ бродъ, близъ Кундуза, считается

около пятнадцати перевозовъ; а такъ какъ на каждомъ изъ нихъ обыкновенно находится два судна, то все число ихъ равняется только тридцати на пространствѣ трехсотъ миль. Причина понятна: жители ни сколько не пользуются судоходными свойствами Окса. Ниже Бухары число судовъ увеличивается: между этою столицею и дельтою ихъ считается до 150. Тутъ они большею частью принадлежатъ Оргенджу и уже не служатъ для переправы, а употребляются для перевоза товаровъ какъ въ Бухару, такъ и обратно. Нагрузка товаровъ совершается въ Эльджикѣ, на сѣверномъ берегу рѣки въ шестидесяти пяти миляхъ отъ города. Ниже Дельты судовъ нѣтъ совершенно; меня даже увѣряли, что и на Аральскомъ морѣ рѣшительно нѣтъ ни какихъ судовъ, кромѣ небольшихъ лодокъ. Вверхъ рѣки противъ теченія, суда взводятся бичевою; при сходѣ же внизъ всегда держатся средины русла, гдѣ теченіе быстрѣе и обыкновенно спускаются ребромъ къ потоку. Плоты и кожанные мѣха на Оксѣ не употребляются.

Образъ переправы съ одного берега на другой отличается особенностію и, какъ мнѣ кажется, свойственъ только этой рѣкѣ: паромы перетаскиваются лошадьми, какъ я уже подробно описалъ выше. Этотъ способъ не долженъ быть выпущенъ изъ виду, если представится возможность завести судоходство по Оксу.

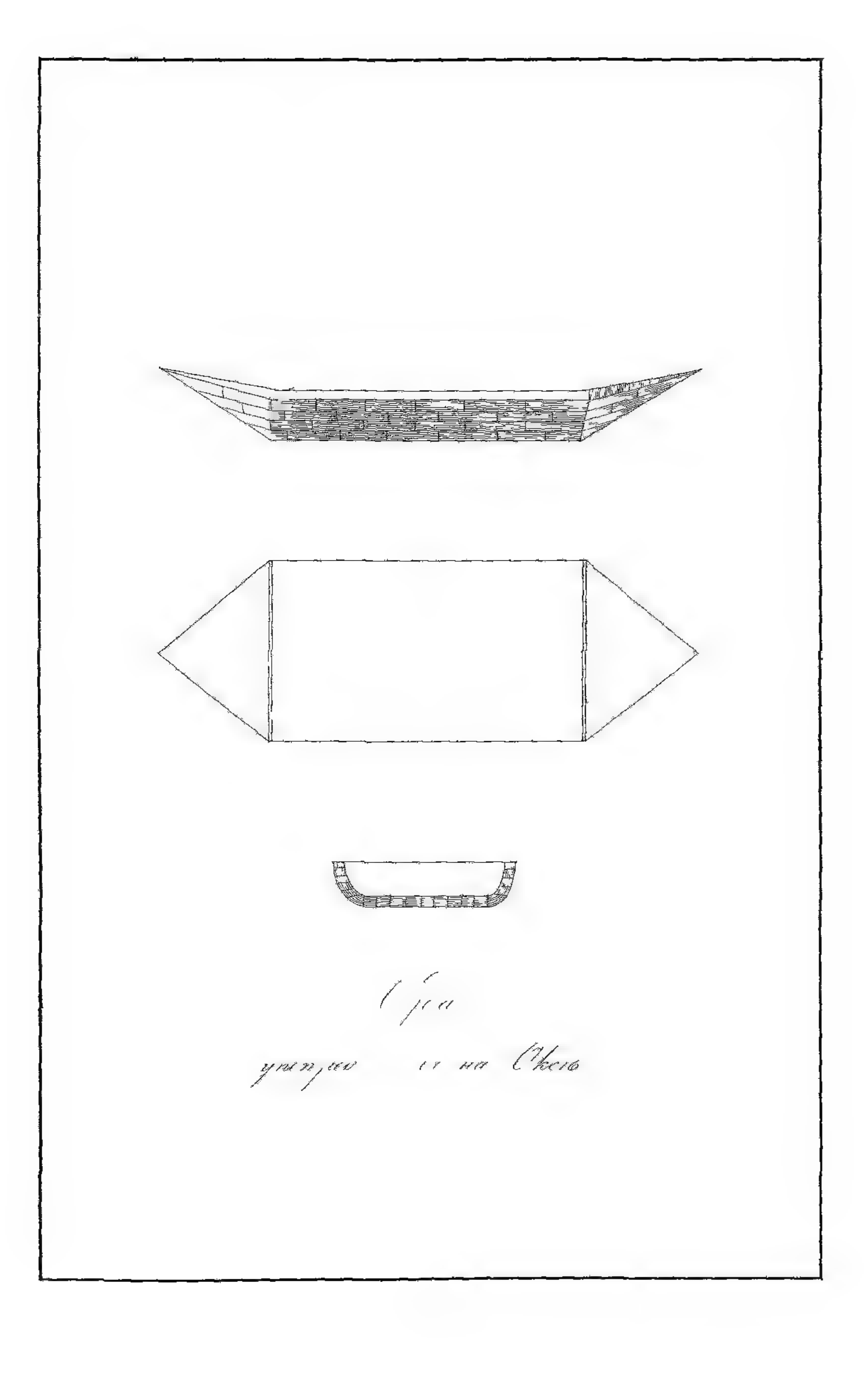
Судоходство по какой бы то ни было рѣкѣ много зависитъ отъ средствъ, представляемыхъ страною, чрезъ которую она протекаетъ, т. е. отъ разнаго рода матеріаловъ и преимущественно отъ лѣса. Число судовъ на Оксѣ, конечно, не велико, ибо простирается только до двухъ сотъ; но не смотря на это, здѣсь можно строить цѣлые флоты: лѣсу много, деревья ростутъ вдоль всей рѣки, такъ сказать, по одиночькѣ, а не отдѣльными лѣсами въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ. Полноводіе никогда не приноситъ съ собою ни кедровъ, ни сосенъ: это служитъ яснымъ доказательствомъ, что горы, изъ которыхъ вытекаетъ Оксъ и его данницы, совершенно не имѣютъ лѣсовъ. Другія деревья, ви-

дѣнныя мною по берегамъ рѣки, были шелковица и бѣлый тополь: послѣднее сплавляется въ большомъ количествѣ изъ Гиссара до Чарджуи на постройку домовъ. Въ случаѣ усиленія судоходства по этой рѣкѣ, средства, заключающіяся въ прилегающихъ къ ней странахъ окажутъ этому дѣлу великую услугу, ибо они въ высшей степени важны. Постройка здѣшнихъ судовъ почти не требуетъ ни какого знанія судовой архитектуры: лѣсъ не разпиливается и не просушивается, а потому въ самый короткій срокъ здѣсь могутъ быть выстроены цѣлыя флотиліи для какого бы то ни было назначенія, будетъ ли это для судоходства внизъ и вверхъ по рѣкѣ, для переправы съ одного берега на другой, или для устройства понтоновъ. Мнѣ кажется, что судно такой величины, какое упомянуто выше, въ состояніи поднять до 150 человѣкъ. Мостъ чрезъ Оксъ можетъ быть устроенъ не иначе какъ на судахъ, ибо для всякаго другаго моста лѣсъ здѣсь слишкомъ малъ. Притомъ же тамарискъ и другія кустарныя растенія, изобилующія по берегамъ, могутъ за-

мѣнять досчатую настилку. Все это даетъ возможность къ быстрому устройству переправъ, что̀ мы и видимъ изъ исторіи Тимура и Надира, устроивавшихъ понтонные мосты чрезъ Оксъ. Остатки временныхъ построекъ, сдѣланныхъ *для* этого послѣднимъ императоромъ и до нынѣ показываются при перевозѣ близъ Килефа на сѣверъ отъ Балка, гдѣ рѣка представляетъ всѣ удобства для переправы, ибо, имѣя невысокіе холмы по обѣ стороны, она тутъ не широка и *не всегда* быстра. При этомъ перевозѣ путешественники не рѣдко переправляются чрезъ нее вплавь. Ниже горъ Оксъ имѣетъ твердое, песчаное дно, и потому суда можно устанавливать и укрѣплять на мѣстѣ посредствомъ древесныхъ сучьевъ, удобно замѣняющихъ якори во всѣхъ частяхъ его русла.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что выгоды, представляемыя Оксомъ, какъ въ отношеніи политическомъ, такъ и торговомъ, весьма важны: исчисленныя мною удобства показываютъ, что онъ можетъ служить какъ путемъ для торговли,

такъ и для военныхъ экспедицій. Это заключеніе я вывожу не изъ одного собственнаго характера рѣки, но также и изъ того, что берега ея заселены жителями и обработаны. Потому она является намъ не только какъ простая судоходная рѣка, но и какъ заключающая въ себѣ всѣ средства къ усиленію судоходства. Это фактъ весьма важный какъ въ политическимъ отношеніи — если бы какой нибудь воинственный народъ вздумалъ воспользоваться имъ для удовлетворенія своего честолюбія, такъ и въ отношеніи торговомъ — если бы какое либо миролюбивое правительство вознамѣрилось увеличить и улучшить торговлю этого края. Въ обоихъ случаяхъ Оксъ представляетъ самые приманчивые виды, ибо онъ служитъ, за исключеніемъ узкой степи, самымъ прямымъ путемъ и удобнѣйшей связью между народами Европы и отдаленнѣйшими странами Средней Азіи.

ГЛАВА III.

ДОЛИНА ВЕРХНЯГО ТЕЧЕНІЯ ОКСА. ЗАПИСКА О КУНДУЗѢ, БАДАХШАНѢ, СТРАНѢ КАФФИРОВЪ И О ПРИЛЕГАЮЩИХЪ КЪ НИМЪ ЗЕМЛЯХЪ.

Страны, лежащія на сѣверъ отъ Гинду Куша, по долинамъ Окса и его данницъ, вверхъ отъ Балка, не имѣютъ одного общаго названія. На востокъ отъ этого города лежитъ Кундузъ, къ которому принадлежатъ всѣ меньшія области, ибо Миръ или правитель этого государства покорилъ ихъ своей власти. Далѣе на востокъ, находится область Бадахшанъ, также подвластная Кундузу. Къ сѣверу отъ Бадахшана слѣдуютъ горные округи, замѣчательные тѣмъ, что въ нихъ живутъ племена, считающія себя потомками Александра Великаго. На востокъ отъ Бадахшана ле-

житъ равнина Памира, обитаемая Киргизами; а по другую сторону Белутъ Тага мы находимъ Читралъ, Гильджитъ и Искардо, простирающіеся до Кашмира и населенные племенами, также приписывающими себѣ македонское начало. На югъ отъ Бадахшана находится страна Сіагпошъ-Каффировъ *—народа чрезвычайно любопытнаго, живущаго въ горахъ Гунду Куша. Всѣ эти области я намѣренъ теперь описать, оставляя, впрочемъ, до слѣдующей главы всѣ свѣдѣнія, собранныя мною о потомкахъ Александра, и ограничиваясь здѣсь только тѣмъ, что собственно относится до страны и до ея произведеній.

Кундузъ, лежащій въ долинѣ между невысокихъ холмовъ, простирается почти на тридцать миль отъ востока къ западу и почти на сорокъ отъ сѣвера къ югу, гдѣ ограничивается Оксомъ. Онъ орошенъ двумя рѣками, сливающимися въ одну на сѣверѣ отъ Кундуза и не представляющими бродовъ въ періодъ таянія снѣговъ въ лѣтнее время. Климатъ этой страны

* Въ переводѣ: »черно-одеждные язычники.«

самый нездоровый: жаръ здѣсь чрезвычайный, а между тѣмъ снѣгъ лежитъ зимою въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Большая часть долины до того болотиста, что дороги проложены въ ней по сваямъ, вбитымъ по зловонно-гніющимъ тростникамъ и другимъ болотнымъ травамъ. Рисъ воздѣлывается только въ такихъ мѣстахъ, которыя не совсѣмъ подвержены затопленію; на почвѣ же болѣе сухой растетъ пшеница и ячмень. Плоды состоятъ изъ абрикосовъ, сливъ, вишенъ и тутовыхъ ягодъ, которые всѣ вообще созрѣваютъ въ Балкѣ и Кулумѣ двумя недѣлями ранѣе, чѣмъ въ Кундузѣ. Великій хребетъ Гинду Куша видѣнъ изъ Кундуза, ибо горы, между которыми лежитъ долина, не выше тысячи футовъ. Онѣ представляютъ продолговатыя возвышенности, лишенныя деревъ и кустарниковъ, но покрытыя цвѣтами и травою, составляющею превосходныя пастбища. Народонаселеніе города Кундуза не превышаетъ 1500 душъ, ибо и правитель и его подданные стараются избѣгать его. Сосѣднія области ни сколько не раздѣляютъ зловредности кундузскаго климата. Вассальные ок-

руги—Кулумъ, Гейбакъ, Гори, Индерабъ, Талиганъ и Газратъ Имамъ, всѣ вообще, за исключеніемъ послѣдняго, лежащаго на Оксѣ, имѣютъ пріятный климатъ и богатую, плодородную почву. Эти округи орошаются небольшими рѣчками, текущими въ Оксъ, а потому и цѣнность земли въ нихъ состоитъ въ тѣсной связи съ средствами, которыя эти рѣчки представляютъ къ орошенію полей. Гейбакъ и Кулумъ стоятъ на одной и той же рѣкѣ, воды которой въ извѣстные дни запружаются, а въ остальные текутъ обычнымъ русломъ. Въ слѣдствіе этого сады по берегамъ ея богаты и прекрасны: въ нихъ между плодами мы снова видѣли фигу, не растущую въ Кабулѣ.

Страны, лежащія выше по Оксу, не имѣютъ ни одного изъ тѣхъ недостатковъ, которые свойственны климату Кундуза: туземцы и чужестранцы съ восторгомъ отзываются о Бадахшанѣ, о его рѣчкахъ и живописныхъ долинахъ, о плодахъ, цвѣтахъ и соловьяхъ. Эта послѣдняя область лежитъ по долинѣ Окса, а столица ея

далѣе къ югу, на востокъ отъ Кундуза. Иногда эту столицу называютъ Физабадомъ; но Бадахшанъ есть ея обычное общепринятое названіе. Весь этотъ край, когда-то столь знаменитый, почти не имѣетъ въ настоящее время обитателей, ибо двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ покоренъ начальникомъ Кундуза, правитель его свергнутъ съ престола и замѣненъ человѣкомъ съ пустымъ титуломъ; а сельскіе жители по большей части выселены изъ страны и замѣщены необузданнымъ войскомъ, расположеннымъ въ различныхъ частяхъ ея. Кромѣ этого она страшно пострадала отъ землетрясенія въ Январѣ 1832 года: тогда погибло множество селеній и большая часть ихъ жителей; дороги во многихъ мѣстахъ были совершенно завалены оторвавшимися скалами, а рѣка Бадахшанъ запружена на цѣлые пять дней опрокинувшеюся въ нее горою. Это гибельное явленіе природы случилось въ полночь, и потому во всей странѣ не осталось почти ни одного семейства, которое не оплакивало бы потери нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ. Землетрясеніе

это чувствовали въ Мултанѣ и Лагорѣ; но центромъ его силы, какъ кажется, была долина Окса. Природные жители Бадахшана суть Таджики, до того склонные къ общежитію и слѣдовательно къ гостепріимству, что во всей странѣ ихъ хлѣбъ, какъ разсказываютъ, не продается. Говорятъ они по-персидски, слѣдуя грубому произношенію жителей Ирана. Увѣряютъ, что Бадахшанъ былъ первоначально заселенъ выходцами изъ персидскаго города Балка, и что по этому большая часть жителей принадлижатъ къ шіитскому толку. Въ этой странѣ никогда не водворялись ни Узбеки, ни какое другое колѣно туркійскаго племени, и потому жители до сихъ поръ сохраняютъ тѣ же нравы и обычаи, которые господствовали на сѣверъ отъ Гинду Куша до нашествія Татаръ.

Бадахшанъ *пріобрѣлъ* большую знаменитость своими рубиновыми копями, прославившимися съ давняго времени и извѣстными деллійскимъ императорамъ. Говорятъ, что они находятся на берегу Окса, близъ Шагнана, при мѣстечкѣ, на-

зываемомъ Гаранъ. * Онѣ разработываются въ невысокихъ горахъ и, если вѣрить словамъ одного человѣка, мнѣ ихъ описывавшаго, то галлереи подведены даже подъ самый Оксъ; я, однако же, не вѣрю этому разсказу. Нѣкоторые полагаютъ, что въ настоящее время онѣ не разработываются; но это ошибочно, ибо теперешній правитель Кундуза употребляетъ въ нихъ рабочихъ съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ онъ овладѣлъ этою страною. Въ началѣ работники передавали свое ремесло изъ рода въ родъ; но въ послѣдствіи, когда по причинѣ уменьшенія добычи, кундузскій тиранъ потребовалъ отъ нихъ безплатнаго труда, они совершенно отказались отъ работы, за что́ и были имъ выселены въ кундузскія болота, гдѣ поколѣніе ихъ почти совершенно вымерло. Здѣсь господствуетъ мнѣніе, что при разработкѣ большіе рубины всегда попадаются па́рами, т. е. по два вмѣстѣ: это заставляетъ работниковъ всякій разъ или скрывать найденную ими значительную драгоцѣн-

* Гаранъ, какъ должно думать, означаетъ пещеры, или копи, ибо таково значеніе этого слова по-персидски.

ность до тѣхъ поръ, пока не пріищется другая ей подъ пару, или разбивать большой рубинъ на два куска. Говорятъ, что гаранскіе рубины залегаютъ въ известнякѣ, подобно голышамъ, или кремнямъ, встрѣчаемымъ въ этой же породѣ. Въ сосѣдствѣ съ копями находятся также на берегахъ Окса огромныя массы лапись-лазури. Способъ отдѣленія ихъ отъ скалъ довольно замысловатъ, но употребляется, если я не ошибаюсь, и въ другихъ странахъ при выломкѣ камня: онъ состоитъ въ томъ, что надъ кускомъ лапись-лазури, предназначеннымъ къ отвалу, разкладываютъ огонь, и когда камень достаточно раскалится, то бросаютъ на него холодную воду и такимъ образомъ отдѣляютъ. Въ прежніе годы лапись-лазури, добываемый на Оксѣ, вывозился въ Китай; но требованіе съ недавняго времени уменшилось. Я видѣлъ множество обращиковъ этого камня и нѣкоторые съ жилками золотыми, какъ меня увѣряли; я же думаю, что это была просто слюда. Разработка лапись-лазури и рубиновъ производится только зимою.

На сѣверъ отъ Кундуза и Бадахшана, за Оксомъ, мы находимъ небольшіе горные округи — Гиссаръ, Кулабъ, Даруазъ, Шагнанъ и Уаханъ; всѣ онѣ покрыты горами. Гиссаръ хорошо орошенъ и производитъ много рису. Онъ не зависитъ ни отъ Бухары, ни отъ Кундуза, а управляется четырмя узбекскими начальниками, раздѣлившими его между собою по смерти своего отца. Главный городъ его стоитъ на возвышенности въ сорока миляхъ на востокъ отъ Дигнау. Чрезъ весь этотъ округъ проходитъ отъ сѣвера къ югу хребетъ горъ, достигающій почти 4000 футовъ высоты и называющійся Кохитаномъ: въ немъ есть обширныя ложа красной каменной соли, вывозимой въ другія земли. Сѣдла, употребляемыя жителями Гиссара, отличаются отъ туркестанскихъ сѣделъ: арчакъ или сѣдалище выдалбливается изъ дерева въ видѣ чашки и обтягивается кожею, а спереди придѣлывается лука въ видѣ шара. Перевозъ Тирмецъ, на Оксѣ, составляетъ западный предѣлъ Гиссара, который съ востока примыкаетъ къ Кулабу, небольшему округу, иногда называемому Балджиуанъ

и недавно покоренному кундузскимъ правителемъ, переправившимся черезъ Оксъ въ бродъ. Слѣдующій округъ есть Даруазъ, управляемый независимымъ таджикскимъ начальникомъ. Здѣсь пески Окса промываются для золота съ большимъ успѣхомъ, нежели гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ. Два слѣдующіе за этимъ округа суть Шагнанъ и Уаханъ, подвластные Кундузу: въ каждомъ изъ нихъ находится не болѣе трехъ, или четырехъ селеній. Уаханъ есть страна, упоминаемая у Марко Поло. Вотъ нѣсколько собранныхъ мною образцовъ употребляемаго въ ней языка:

Отецъ	Фетъ
Мать	Нянъ
Сынъ	Кашъ
Дочь	Нурчадъ
Огонь	Рехна
Вода	Юбкъ

Начальникъ Уахана носитъ имя Миръ Магоммедъ Рахимъ Хаха и не позволяетъ ни одному изъ своихъ сыновей оставлять горъ своихъ. Жи-

тели Шагнана имѣютъ свое собственное нарѣчіе; для образца предлагаю три слова:

Хлѣбъ	Гарда
Сынъ	Гадикъ
Дочь	Гадсъ.

Жители въ этихъ областяхъ всѣ магоммедане: о ихъ древней вѣрѣ я ничего не слыхалъ. Божество они обозначаютъ персидскимъ словомъ—Худа. Мнѣ разсказывали о довольно странномъ обычаѣ этихъ горцевъ ковать лошадей оленьимъ рогомъ, который они обдѣлываютъ въ потребную форму и, прикрѣпляя къ копыту роговыми костыльками, не смѣняютъ до тѣхъ поръ, пока такая подкова не изобьется совершенно. Говорятъ, что этотъ обычай перешелъ къ нимъ отъ Киргизовъ.

Возвышенная плоскость Памира лежитъ между Бадахшаномъ и Яркандомъ: на ней живетъ кочевое племя Киргизовъ. Центромъ этой столовой земли служитъ озеро Сайрикулъ, изъ котораго, какъ говорятъ, вытекаютъ Яксартъ, Оксъ и одинъ источникъ Инда. Возвышенная

равнина эта простирается во всѣ стороны отъ озера на разстояніе шестидневнаго пути; если вѣрить молвѣ, то всѣ горные хребты видны съ этой великой возвышенности какъ бы стоящими подъ ея подошвою. Это страна плоская, перерѣзанная неглубокими впадинами и покрытая короткою, но сочною травою. Климатъ въ ней холодный, такъ что даже лѣтомъ въ углубленныхъ мѣстахъ снѣгъ не таетъ. По причинѣ жестокости холода, жители укрываютъ овчинами все свое тѣло, даже руки и лицо. Зерноваго хлѣба въ этой странѣ нѣтъ ни какого: Киргизы питаются только мясомъ и молокомъ. Употребленіе муки имъ почти неизвѣстно: если она когда нибудь попадается къ нимъ, то они только подмѣшиваютъ ее въ свой супъ; но хлѣбовъ никогда не пекутъ. Живутъ они въ круглыхъ *хиргахахъ*, подобно туркманскимъ племенамъ, и перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто

Здѣсь я слышалъ объ одномъ любопытномъ животномъ, именуемомъ у Киргизовъ *рассъ*, а у жителей низменныхъ странъ *кушгаръ*. Увѣ-

ряютъ, что оно свойственно только Памиру. Величиною оно нѣсколько болѣе коровы и нѣсколько менѣе лошади, цвѣтомъ бѣлое, имѣетъ клокъ висячихъ волосъ на подбородкѣ, огромнаго размѣра рога, которые, по разсказамъ, такъ велики, что никакой человѣкъ не въ состоянiи поднять одной пары ихъ, и что небольшiя лисицы того края, находя ихъ на поляхъ, выводятъ въ нихъ своихъ дѣтей. Мясо расса высоко цѣнится между Киргизами, которые ходятъ на это животное охотою и стрѣляютъ стрѣлами. Говорятъ, что это животное любитъ холодный климатъ. Оно, судя по бородѣ, принадлежитъ къ породѣ козъ, или, можетъ статься, къ породѣ бизоновъ. *Для* перевоза туши расса обыкновенной величины потребны двѣ лошади.

Страна, лежащая за Белутскими горами и за Бадахшаномъ, т. е. между этимъ послѣднимъ и Кашмиромъ, *занята областями* Читраломъ, *Гильджитомъ* и Искардó, которыя всѣ вообще заселены шiитскими магоммеданами. На сѣверо-вос-

токъ отъ Читрала есть область, называемая Гунджутъ, въ слѣдствіе находимаго въ ней золота. Страны, о которыхъ я теперь говорю, названы у г. Эльфинстона общимъ именемъ Кашгара и отдѣлены отъ Бадахшана хребтомъ Белута. Собственно Кашгаръ есть небольшой округъ близъ Дира, на сѣверѣ отъ Пешауара, и мнѣ никогда не случалось слыхать, чтобъ жители Бадахшана и Ярканда называли упомянутыя выше области этимъ общимъ именемъ. Они даже и сами никогда не слыхивали о какомъ нибудь другомъ Кашгарѣ, кромѣ того, который находится въ смежности съ Яркандомъ. Читралъ лежитъ въ долинѣ рѣки Кабула и подвластенъ кундузскому правителю, который нѣсколько разъ вступалъ въ эту область и теперь взимаетъ съ нея ежегодную подать невольниками, которыхъ отправляетъ на продажу въ Бухару. Начальникъ Читрала носитъ титулъ Шаха - Катторе и хвастается своимъ македонскимъ происхожденіемъ. Нарѣчіе Читрала отличается отъ нарѣчій сосѣднихъ областей, и я, имѣвъ случай встрѣтиться

съ человѣкомъ понимавшимъ его, представляю здѣсь нѣсколько словъ:

Мать	Нанянъ
Сынъ	Дэркъ
Дочь	Джаоръ
Человѣкъ	Мачъ
Женщина	Камуръ
Вода	Угъ
Огонь	Ангаръ
Вверху	Ача
Внизу	Ай
Гора	Кохъ
Укрѣпленіе	Ногаръ
Я иду	Бугдо
Куда ты идешъ?	Кура рубасъ?

Слѣдующій за этимъ округъ есть Гильджитъ или Гильджитти, гдѣ также нарѣчіе отлично отъ читральскаго. Это страна сильная мѣстностью и независящая отъ Кундуза. Остальной округъ лежитъ еще далѣе на востокъ: онъ сосѣдствуетъ съ Балти или Малымъ Тибетомъ и носитъ названіе Искардо. Главное мѣстечько этого же име-

ни состоитъ изъ большаго укрѣпленія неправильной постройки, стоящаго на берегахъ Инда, въ восьми переходахъ къ сѣверо-востоку отъ города Кашмира. Страна эта независима.

На юго-восточномъ углу Бадакшана, въ горахъ между имъ и Пешауаромъ, мы находимъ упомянутый уже любопытный народъ Сіагпошъ-Каффировъ или черно-одежныхъ язычниковъ, такъ называемыхъ магоммеданскими ихъ сосѣдями въ слѣдствіе того, что они носятъ платье изъ черныхъ овчинъ. Этотъ народъ живетъ совершенно въ горахъ: его преслѣдуютъ и тѣснятъ всѣ сосѣдніе народы и стараются хватать въ неволю. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ кундузскій правитель сдѣлалъ на Каффировъ набѣгъ; но при этомъ потерялъ половину своего войска. Относительно ихъ религіи и отечества я не могу ничего прибавить къ тому, что находится въ книгѣ г. Эльфинстона, не смотря на то, что имѣлъ случай встрѣтить одного достойнаго и достовѣрнаго человѣка, Муллу Наджиба, ѣздившаго въ Каффиристанъ съ цѣлью изслѣдо-

ванія. Впрочемъ мнѣ удалось много говорить съ людьми, имѣвшими съ ними сношеніе; а въ Кабулѣ случилось даже видѣть каффирскаго мальчика лѣтъ десяти отъ-роду, за два года до этого вывезеннаго изъ своего отечества. Черты лица, цвѣтъ тѣла и волосы его ни сколько не походили на азіятскіе: глаза у него были свѣтло-голубые. Этотъ малютка могъ отвѣчать на многіе вопросы, относившіеся до его родины, и приводилъ въ примѣръ слова своего языка, походившія на слова нѣкоторыхъ индійскихъ нарѣчій. Каффиры, какъ кажется, народъ чрезвычайно грубый, употребляющій въ пищу медвѣдей и обезьянъ, сражающійся стрѣлами и сдирающій кожу съ череповъ своихъ непріятелей. Самыя большія сношенія между ими и магоммеданами производятся изъ Лагмана — области, лежащей между Кабуломъ и Пешауаромъ, гдѣ живетъ племя, называемое *Намча-Мусалманъ,* т. е. полумагоммеданами. Страна Каффировъ весьма гориста и въ слѣдствіе этого чрезвычайно сильна. Жители ея очень склонны къ вину. Между ихъ горами находится золото въ самородномъ видѣ:

они дѣлаютъ изъ него свою посуду и разныя украшенія. Наружный видъ и цвѣтъ тѣла Каффировъ подали поводъ думать, что будто бы они потомки Грековъ. Объ этомъ предположеніи упоминаетъ Баберъ и Абулъ Фаззалъ, которые, однако же, смѣшавъ права начальниковъ, живущихъ по Оксу на македонское происхожденіе, передали ихъ Каффирамъ, не имѣющимъ никакого преданія о такомъ происхожденіи. Мнѣ кажется, что огромная высота страны, въ которой они живутъ, можетъ вполнѣ объяснить всѣ физическія качества, ихъ отличающія. Я даже думаю, что этотъ народъ есть ни кто другой, какъ первобытные жители равнинъ, бѣжавшіе въ ихъ теперешнее мѣстожительство въ то время, какъ низменныя страны были обращены въ магоммеданство: такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываютъ Афганы; да и самое слово Каффиры, т. е. язычники, сильно подкрѣпляетъ это мнѣніе. Каффиры составляютъ племя дикарей: ни вѣра, ни обычаи ихъ не представляютъ ничего такого, что хоть сколько нибудь могло бы отличить ихъ отъ другихъ народовъ, находящихся на низкой сте-

пени образованности. Горныя племена Индіи исповѣдуютъ вѣру, которая столько же отличается отъ индуизма, сколько вѣра Каффировъ; причина этому очевидна и заключается въ томъ, что они живутъ въ такихъ отдаленныхъ странахъ, которыя недоступны ни для обычаевъ, ни для улучшеній, распространившихся въ равнинахъ болѣе благодатныхъ. Каффирскія женщины отправляютъ всѣ надворныя работы и пашутъ землю: мнѣ разсказывали, что ихъ даже запрягаютъ въ плугъ вмѣстѣ съ волами.

ГЛАВА IV.

О ПРЕДПОЛАГАЕМЫХЪ ПОТОМКАХЪ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО ВЪ ДОЛИНѢ ОКСА И ИНДА.

Говоря о существованіи въ отдаленныхъ странахъ Азіи греческихъ колоній, происшедшихъ будто бы отъ Александра Великаго, необходимо предварительно сказать, что я не намѣренъ пускаться въ предположенія; а хочу только представить происхожденіе различныхъ племенъ такъ, какъ они сами себѣ его приписываютъ. Этотъ предметъ заслуживаетъ вниманія. Марко Поло первый упоминаетъ о существованіи такого преданія: онъ пишетъ, что Миръ Бадахшана производилъ свой родъ отъ Грековъ. Императоръ Баберъ подтверждаетъ это сказаніе; а историкъ внука его Акбара, Абулъ Фаззалъ,

указываетъ на страну Каффировъ, лежащую на сѣверъ отъ Пешауара, какъ на жилище этихъ Македонянъ. Г. Эльфинстонъ, мнѣ кажется, достаточно опровергъ предположеніе этого историка, ибо Каффиры, будучи дикимъ, горнымъ племенемъ, не имѣютъ объ этомъ ни какого преданія, какъ уже и было сказано въ предыдущей главѣ. Впрочемъ, г. Эльфинстонъ подтверждаетъ сказаніе Марко Поло тѣмъ, что самъ говоритъ, будто бы начальникъ Даруаза, въ долинѣ Окса, приписываетъ себѣ происхожденіе отъ Александра Великаго, что́ и допущено всѣми его сосѣдями. Вотъ все, что́ я зналъ по этому предмету, вступая въ здѣшнія страны; но этого было уже достаточно, чтобъ возбудить все мое любопытство. Далѣе, читатель увидитъ, что я нашелъ много другихъ побудительныхъ причинъ къ изслѣдованію этихъ преданій какъ въ долинѣ Окса, такъ и на самыхъ мѣстахъ ихъ существованія.

Если до сихъ поръ думали, что только одни начальники Бэдахшана и Даруаза присвоивали себѣ честь такого происхожденія, то можно во-

образить мое удивленіе, когда я узналъ, что въ то же время было еще *шесть другихъ* начальствующихъ лицъ, которыя приписывали себѣ эту же почесть. Начальники, живущіе на востокъ отъ Даруаза и занимающіе области Кулаба, Шагнана и Уахана, на сѣверѣ отъ Окса, присвоиваютъ себѣ македонское происхожденіе. Въ новѣйшія времена начальники Бадахшана присвоивали себѣ ту же честь, какую приписывалъ имъ венеціянскій путешественникъ. Они носили титулъ Шаха и Малика или государя; а дѣти ихъ титулъ Шахзада. Но двѣнадцать лѣтъ тому назадъ этотъ домъ былъ низпровергнутъ Миромъ кундузскимъ и теперь Бадахшанъ управляется туркійскою фамиліею. На востокъ отъ Бадахшана, вплоть до Кашмира, лежатъ горныя области Читрала, Гильджита и Искардо, правители коихъ также приписываютъ себѣ греческое произхожденіе. Первый изъ этихъ правителей имѣетъ титулъ Шаха-Катторе. Господствующій теперь малъ ростомъ и въ здѣшнихъ краяхъ также славится своею бородою, какъ и Фаттихъ Али, шахъ Персіи. Правитель Искардо живетъ въ

уединенной крѣпости на Индѣ, которая, какъ онъ утверждаетъ, построена во дни Александра. Послѣдняя страна примыкаетъ къ Малому Тибету или Балти. Впрочемъ, предѣлъ преданія тутъ не оканчивается, ибо воины тунганійскаго племени, высылаемые съ западныхъ границъ Китайской Татаріи для содержанія гарнизона въ Яркандѣ и другихъ сосѣднихъ ему городахъ, также приписываютъ себѣ греческое происхожденіе. Они, однако же, съ большею скромностью выводятъ себя отъ воиновъ Александрова войска, а не отъ самого завоевателя.

Таковъ списокъ знаменитыхъ потомковъ Александра. Сказанія и домогательство ихъ отчасти подтверждаются тѣмъ, что всѣ эти правители суть Таджики, обитавшіе въ этой странѣ до нашествія туркійскихъ, или татарскихъ племенъ. Но какимъ образомъ согласить эти сказанія съ дошедшими до насъ извѣстіями древнихъ историковъ, изъ которыхъ мы знаемъ, что сынъ Филиппа не оставилъ ни одного наслѣдника, которому могъ бы передать свои гигантскія завоеванія, не говорю уже о многочисленномъ рядѣ

колоній, переживших болѣе 2000 лѣтъ въ отдаленныхъ частяхъ Азіи? Впрочемъ, какъ бы мы ни смотрѣли на это происхожденіе, истинное или баснословное, все таки должно замѣтить, что туземные народы признаютъ такое начало своихъ государей; а эти послѣдніе въ свою очередь требуютъ себѣ всѣхъ царскихъ почестей и и не выдаютъ въ замужество дочерей своихъ ни въ какое иное племя. Теперь эти Таджики, будучи обращены въ исламизмъ, почитаютъ Александра пророкомъ и къ его воинской славѣ присоединяютъ еще честь родства его съ однимъ изъ вдохновенныхъ посланниковъ божества. Я имѣлъ случай говорить съ нѣкоторыми членами бодахшанскаго правительствующаго дома: ни наружный видъ ихъ, ни черты лица не проявляли въ нихъ греческаго происхожденія. Всѣ они имѣли свѣтлый цвѣтъ кожи и отчасти походили на Персіянъ новаго времени; но вмѣстѣ съ этимъ составляли самую рѣзкую противоположность съ Турками и Узбеками.

Изъ историковъ Александра мы знаемъ, что онъ воевалъ въ Бактріи. Городъ Балкъ, лежащій

въ сосѣдствѣ съ этими странами, единогласно признанъ Бактріею греческихъ монарховъ. Устраняя всю мѣстную тожественность, должно сказать (какъ уже было упомянуто выше), что и сами новѣйшіе жители этого края утверждаютъ, будто бы страна между Балкомъ и Кабуломъ носила названіе *Бахтаръ Заминъ* или страны Бахтара, въ чемъ мы узнаемъ Бактрію. Это такой фактъ, который дѣлаетъ весьма правдоподобнымъ то, что когда-то здѣсь существовала греческая колонія. Слѣдовательно, можно предположить, что греческая династія, наслѣдовавшая имперію Александра, пошла вверхъ по долинѣ Окса, привлеченная ея плодородіемъ. Отсюда она могла пройдти при Искардо въ Балти или Малый Тибетъ и въ сосѣдство Кашмира: такое переселеніе греческихъ колонистовъ, можетъ статься, объяснитъ раннюю образованность этой прекрасной долины. Магометанская вѣра была пагубна всякому историческому сказанію въ странахъ, гдѣ она нынѣ господствуетъ, а потому я не сомнѣваюсь, что всѣ слѣды Македонянъ, или Селевкидовъ, ихъ наслѣдниковъ, если только они

когда либо существовали здѣсь, были изглажены во время этого великаго переворота. Я уже замѣтилъ выше, что страны, лежащія по верхнему теченію Окса, по видимому, находились внѣ предѣловъ татарскаго нашествія, и, принимая во вниманіе ихъ языкъ и связи съ Персіею, полагаю, что они слѣдовали судьбамъ этой имперіи и, слѣдовательно могли быть покорены Александромъ. Если и нельзя вполнѣ предоставить новѣйшимъ правителямъ этихъ странъ знаменитое происхожденіе отъ Александра Македонскаго, то мы все таки должны принять ихъ преданія за ясное доказательство того, что онъ проходилъ этими землями. Пока не будетъ представлено какихъ либо основательныхъ доказательствъ къ опроверженію этихъ преданій, я съ своей стороны не могу отказать имъ въ почести, которую они себѣ приписываютъ. Всѣ свѣдѣнія по этому предмету сообщены мнѣ туземцами. Никто изъ нихъ не выражалъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ подложности или неправильности преданій, а потому я и привожу здѣсь все, что можетъ содѣйствовать другимъ писателямъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

ГЛАВА V.

ЗАПИСКА О ЯРКАНДѢ И О ЕГО СНОШЕНІЯХЪ СЪ ПЕКИНОМЪ, БУХАРОЮ И ТИБЕТОМЪ.

Яркандъ есть одинъ изъ пограничныхъ городовъ Китайской Имперіи на западъ. Онъ отстоитъ отъ центра правительства, Пекина, на разстояніе пяти-мѣсячнаго караваннаго перехода. Китайцы вывозятъ свои произведенія въ яркандскую область и тамъ распродаютъ ихъ жителямъ Бухары и Тибета, которымъ дозволено посѣщать нѣкоторые опредѣленные для этого рынки, изъ коихъ самый большой есть Яркандъ. Такъ какъ самимъ Китайцамъ не дозволено выѣзжать за предѣлы ихъ отечества, то вся торговля съ Бухарою производится Магоммеданами, пріѣзжающими въ Яркандъ съ этою цѣлію. Тутъ китайское правительство также бдитель-

14*

но препятствуетъ прівзду иностранцевъ въ свои земли, какъ и со стороны моря. Во время моего сближенія съ бухарскими Узбеками, я слышалъ много подробностей о Китайцахъ. Кромѣ того, я имѣлъ еще случай путешествовать съ чайнымъ карваномъ, шедшимъ изъ Ярканда, и потому думаю, что записка о странѣ, носящей названіе этого города, при всей своей неполнотѣ, будетъ любопытна для читателей.

Земли Ярканда съ прилегающимъ къ нимъ округомъ Кажгаромъ прежде составляли владѣніе какого-то магомеданскаго правителя, извѣстнаго подъименемъ Ходжа Кажгарскаго, принадлежавшаго къ фамиліи, когда-то имѣвшей здѣсь большое религіозное вліяніе и пользовавшейся сильною властью. Жители здѣшнихъ мѣстъ сувѣрно почитали членовъ этой фамиліи невредимыми въ битвахъ и обладавшими сверхъестественными силами къ пораженію своихъ непріятелей. Они и до сихъ поръ еще увѣрены, что тотъ не можетъ быть счастливъ, кто осмѣлится оскорбить кого либо изъ дома Ходжа. Около восьмидесяти лѣтъ тому назадъ, въ нѣд-

рахъ этой фамиліи возникли несогласія; въ посредничество было призвано китайское правительство, которое, воспользовавшись случаемъ, разыграло роль завоевателя, что́ нерѣдко случается въ дѣлахъ подобнаго рода. Съ того времени Китайцы удержали за собою всѣ земли, принадлежавшія этой династіи, которая, однако же, нѣсколько разъ пыталась возвратить ихъ, дѣйствуя какъ открытою войною, такъ и заговорами. Послѣдняя изъ такихъ попытокъ сдѣлана была лѣтъ пять тому назадъ при содѣйствіи Коканскихъ Узбековъ; но Китайцы, собравъ войско изъ своихъ отдаленнѣйшихъ восточныхъ провинцій и отправивъ его въ эту страну, захватили въ плѣнъ мятежнаго Ходжу и отправили въ Пекинъ въ клѣткѣ, или въ крытой телѣгѣ. Коканскій Ханъ, не взирая на свое пораженіе, придалъ себѣ титулъ *Гази* (побѣдителя) за борьбу съ язычниками. По низпроверженіи фамиліи Ходжа, нѣкоторые изъ членовъ ея бѣжали въ Бадахшанъ и были преданы смерти тамошнимъ правителемъ, который за такое *доброе дѣло* получалъ въ послѣдствіи

отъ Китайцевъ ежегодные подарки. Лѣтъ пять тому назадъ присылка такихъ подарковъ была прекращена, въ слѣдствіе того, что Бадахшанъ былъ захваченъ кундузскимъ Миромъ. Суевѣрные Магоммедане приписываютъ всѣ несчастія, постигшія бадахшанскій домъ, тѣмъ оскорбленіямъ, которыя онъ причинилъ кажгарскимъ Ходжамъ. Пока здѣсь будетъ существовать подобное мнѣніе въ пользу фамиліи Ходжа, члены ея останутся опасными сосѣдями для Китайцевъ.

Не смотря на продолжительность времени, протекшаго со дня покоренія Ярканда, китайское правительство ни сколько не ослабило въ отношеніи къ нему своей предосторожности. Городъ Яркандъ донынѣ считается постомъ пограничнымъ и состоитъ въ постоянныхъ сообщеніяхъ съ Пекиномъ. Управленіе во всѣхъ городахъ остается въ рукахъ Магоммеданъ, и только въ Яркандѣ считается не болѣе 5000 Китайцевъ. Гарнизоны пополняются четырнадцати, или пятнадцати-лѣтними рекрутами, которые, по выслугѣ почти столькихъ же лѣтъ, получаютъ отставку. Солдаты эти набираются изъ племени Тунгани,

приписывающаго себѣ честь родства съ воинами Александра; всѣ они Магоммедане изъ сосѣднихъ областей, но въ одеждѣ слѣдуютъ Китайцамъ. Пока они находятся въ Яркандѣ, имъ никогда не позволяется вступать въ бракъ, или привозить свои семейства ближе пятнадцати переходовъ отъ этой страны. Они считаются войсками, состоящими въ заграничной службѣ. Страною управляютъ туземцы, но подъ наблюденіемъ китайскихъ офицеровъ. Губернаторъ Ярканда носитъ титулъ Гакимъ Бега и подчиненъ губернатору кажгарскому, который въ свою очередь состоитъ подъ началомъ Джанъ-Джума большаго города Илла, отстоящаго на сорокъ переходовъ къ сѣверу отъ Ярканда. Главнѣйшія мѣста на этихъ границахъ суть: Илла, Яркандъ, Кажгаръ, Аксу, Карасу, Энджи, Гиссаръ и другіе. Илла, какъ говорятъ, имѣетъ 75,000 жителей; за нею слѣдуетъ Яркандъ съ 50,000 жителей. Кажгаръ меньше ихъ обоихъ. Яркандъ стоитъ на рѣкѣ въ плодоносной равнинѣ, богатой плодами и хлѣбомъ. Онъ окруженъ горами со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной, гдѣ протекаетъ рѣка.

Климатъ его сухой и пріятный, снѣгъ выпадаетъ рѣдко и даже дождь есть явленіе необыкновенное.

Способъ сообщенія съ Пекиномъ или съ такъ-называемымъ здѣсь Баджиномъ и съ другими восточными провинціями совершается съ быстротою чисто-китайскою. Обыкновенное путешествіе требуетъ болѣе пяти мѣсяцевъ; эстафета же можетъ пройдти въ тридцать пять дней, а въ случаяхъ великой важности доставляется въ двадцать и даже пятнадцать дней. *Уртанги*, или станціи, гдѣ стоятъ лошади, выстроены на каждой восьмой, или десятой милѣ, гдѣ гонцы отъ быстрой перемѣны лошадей не имѣютъ даже времени сказать нѣсколькихъ словъ одинъ другому. Кромѣ этого, на всѣхъ станціяхъ заготовлены костры, которые поджигаются въ случаѣ возстанія, или нашествія Магоммеданъ, и такимъ образомъ подобныя извѣстія сообщаются изъ Ярканда въ Пекинъ въ шесть дней. Мнѣ разсказывали, что вмѣсто поджиганія костровъ употребляются огненные аэростаты; но, кажется, первое сказаніе подходитъ болѣе къ истинѣ.

Послѣдняя китайская армія, собранная во всѣхъ городахъ имперіи въ числѣ 70,000 человѣкъ, двинута была въ Коканъ въ слѣдствіе точно такого же извѣщенія. Говорятъ, что видъ этой арміи былъ чрезвычайно странный, ибо она была вооружена такими огромными фитильными ружьями, изъ коихъ каждое несли два человѣка.

Китайцы, живущіе въ Яркандѣ, почти не вмѣшиваются въ дѣла этой страны. Правительственныя власти оставляютъ всю торговлю и промышленность магометанской части здѣшняго народонаселенія, и, собирая въ подать одну единицу изъ каждыхъ тридцати, заботятся только объ установленіи правильной и безобманчивой торговли. Здѣсь никогда не сомнѣваются въ словѣ Китайца: чай, высылаемый изъ Китая, никогда качествомъ своимъ не бываетъ ниже предъявленныхъ образцовъ. Магометанъ въ Яркандѣ считается до 12,000 семействъ. Всѣ они Турки и говорятъ туркійскимъ языкомъ, который совершенно понятенъ для жителей Бухары. Здѣшніе городскіе жители иногда назы-

ваютъ жителей сельскимъ словомъ Могалъ, отъ чего можетъ быть и произошло сбивчивое названіе Монголіи. Вокругъ Иллы и Ярканда живутъ Калмыки-Татары, между которыми господствуетъ довольно странный обычай отличать своихъ начальниковъ и старшинъ оленьими рогами, которые они прикрѣпляютъ имъ на ермолки. Это у Калмыковъ-Татаръ все то же, что̀ *цвѣтныя* ленты у насъ; величина и красота рогъ показываетъ степень достоинства. Меня увѣряли, что безпутство ихъ женъ даетъ имъ полное право украшать себя такимъ образомъ. Китайцы употребляютъ этихъ Калмыковъ для охраненія своихъ границъ. Ярканскіе Магагомедане отличаются отъ своихъ собратій, живущихъ въ другихъ странахъ, тѣмъ, что у нихъ прекрасный полъ пользуется такими правами и такимъ вліяніемъ, которыя не извѣстны въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь женщины всегда занимаютъ почетное мѣсто въ домѣ, свободно вступаютъ въ общество мужчинъ, не употребляютъ покрывалъ и носятъ богато-украшенные сапоги на высокихъ каблукахъ; головной уборъ ихъ,

по разсказамъ, необыкновенно красивъ и состоитъ изъ высокой суконной тіары. Черты лица этихъ красавицъ, если вѣрить разсказамъ, прекрасны въ высшей степени. Бухарскіе купцы, пріѣзжая въ Яркандъ, часто женятся тамъ только на періодъ своего пребыванія въ городѣ и потомъ разводятся для взаимнаго удобства, когда мужьямъ предстанетъ надобность выѣхать изъ страны. Такія жены также дешевы, какъ и прекрасны и покупаются за двѣ, или за три тиллы (двѣнадцать, или восьмнадцать рупій). Бухарскіе купцы, выѣхавъ изъ Ярканда, не перестаютъ долгое время воспѣвать его красавицъ. Я хотя и не могъ открыть причины, которая дала здѣшнимъ женщинамъ право не носить покрывалъ и оказывать такое вліяніе на мужчинъ; однако же, тѣмъ не менѣе порадовался этимъ двумъ побѣдамъ ихъ надъ магоммеданскими обычаями. Меня увѣряли, что, кромѣ природныхъ Китайцевъ, посѣщаютъ Яркандъ и христіанскіе купцы, приходящіе съ востока, вѣроятно Армяне: они также одѣваются по-китайски.

Сношенія со стороны Тибета и Китая совершаются на основаніи такихъ постановленій, которыя можно счесть истинно-энергическими. Туземцамъ этихъ двухъ странъ ни какимъ образомъ не позволяется ѣздить далѣе Ярканда и сосѣднихъ съ нимъ городовъ. Кромѣ того, какъ только что они вступятъ въ китайскія владѣнія, то тотчасъ же отдаются подъ надзоръ извѣстныхъ лицъ, которымъ знакома ихъ родина и которые отвѣчаютъ за ихъ поведеніе. Увѣряютъ, что система подобнаго полицейскаго надзора такъ совершенна, что нѣтъ возможности избѣжать ея бдительности. Одинъ туземецъ, подпавшій подозрѣнію въ этихъ странахъ и въ послѣдствіи находившійся въ моемъ услуженіи, содержался тамъ въ тюрьмѣ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ и наконецъ, освобожденный, выпровожденъ былъ по той же дорогѣ, по которой пришелъ. При этомъ съ него былъ снятъ портретъ и въ нѣсколькихъ копіяхъ разосланъ во всѣ пограничные города съ слѣдующею надписью: »если этотъ человѣкъ вступитъ въ нашу землю, то голова его принадлежитъ императору, а все

имущество — вамъ.« Я не считаю нужнымъ прибавлять, что съ того времени онъ уже не старался возобновлять своего знакомства съ китайскими провинціями Ярканда.

О странѣ, лежащей между Яркандомъ и Ладакомъ, въ Тибетѣ, я имѣлъ случай слышать весьма любопытный разсказъ одного туземца, въ ней путешествовавшаго. Его разсказъ даетъ весьма неблагопріятное понятіе объ этомъ торговомъ пути, который, однако же, весьма много посѣщается. Мой разсказчикъ выѣхалъ съ караваномъ изъ Ладака въ Мартѣ и прибылъ въ Яркандъ въ шестьдесятъ дней, встрѣтивъ на дорогѣ цѣлый рядъ бѣдствій и затрудненій, происшедшихъ отъ бури, которая застигла его въ горахъ Кара-Корумскихъ. Изъ двадцати восьми дней, потребныхъ для переѣзда этого пространства, восемь было употреблено на переходъ чрезъ Кара-Корумъ, отстоящаго на восемь дней отъ Ладака. Снѣжный ураганъ, причиненный сѣвернымъ вѣтромъ, былъ до такой степени силенъ, что путешественники въ теченіи нѣсколь-

кихъ дней могли подвинуться впередъ только на нѣсколько сотъ ярдовъ. Кара-Корумъ хотя самъ по себѣ и есть хребетъ невысокій, однако же высота его надъ моремъ должна быть весьма значительна, ибо при перевалѣ чрезъ него путешественники испытываютъ затруднительность въ дыханіи и подвергаются рвотѣ, головокруженію и совершенной потери аппетита. Лучшимъ лекарствомъ противъ всего этого считается чай. Когда буря миновала и дала возможность путешественникамъ ѣхать далѣе, то восемь изъ ихъ лошадей пали; да и весь караванъ былъ близокъ къ погибели, ибо ихъ вьючныя животныя, за неимѣніемъ фуража, съѣли всю солому изъ-подъ сѣделъ и сѣдельныя подушки, прежде нежели достигли обитаемой страны, которая начинается на восьмнадцатомъ переходѣ отъ Ладака. Тутъ они нашли нѣсколько хижинъ, обитаемыхъ Уаханійцами, о которыхъ я упоминалъ выше и которые доставили все нужное какъ для нихъ самихъ, такъ и для лошадей. На семнадцатомъ переходѣ путешественники вступили въ дефилей,

называемый Энги-Даббанъ и простирающійся миль на пять, или на шесть. Тутъ дорога шла совершенно по льду, который нужно было высѣкать уступами, прежде нежели можно было ѣхать по немъ. На обратномъ пути въ Ладакъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ тѣ же путешественники нашли, что ледъ совершенно изчезъ; даже и на Кара-Корумѣ снѣгу не было. Такое явленіе замѣчательно, ибо Кара-Корумъ долженъ быть выше Гинду-Куша, покрытаго вѣчными снѣгами. На югъ отъ Кара-Корума всѣ рѣки соединяются съ Шіукомъ, изъ чего должно заключить, что этотъ пунктъ хотя и кажется низкимъ, однако же въ дѣйствительности составляетъ самую высшую часть хребта. На сѣверъ всѣ воды текутъ въ рѣку Яркандъ, а дорога идетъ въ проложенныхъ ими дефилеяхъ, гдѣ, какъ увѣряютъ, она на извѣстномъ небольшомъ разстояніи пересѣкаетъ какую-то рѣчку триста шестьдесятъ разъ. Послѣдняя изъ переправъ называется *Хиластанъ*, въ слѣдствіе того, что за нею оканчиваются всѣ затрудненія. Бóльшая часть этой страны не имѣетъ осѣдлыхъ жителей; но

за то ее посѣщаютъ кочевые Киргизы, приходящіе сюда съ стадами въ лѣтнее время, когда всю дорогу можно пройдти въ двадцать дней. Число вьючныхъ животныхъ, погибающихъ на линіи этого пути, чрезвычайно велико: здѣсь часто случается, что хозяинъ павшей лошади оставляетъ свои товары вмѣстѣ съ нею на дорогѣ и подбираетъ ихъ на томъ же мѣстѣ въ слѣдующемъ году. Разбойниковъ здѣсь нѣтъ: дикая лошадь есть единственный обитатель этой пустыни.

Сношенія между Бухарою и Яркандомъ производятся двумя дорогами, изъ коихъ одна идетъ по долинѣ Сира или Яксарта, а другая по долинѣ Окса. Первая изъ этихъ дорогъ пролегаетъ чрезъ Коканъ, древній Фергана, и всегда удобна для проѣзда, за исключеніемъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда ее затопляютъ тающіе снѣга. На ней есть два мѣста, гдѣ путешественники испытываютъ трудность дыханія. Смуты, произведенныя изгнанникомъ Ходжею и коканскими Узбеками въ послѣдніе годы, преградили этотъ караванный путь, считавшійся удобнѣйшимъ для

сообщенія между Яркандомъ и Туркестаномъ. Другая дорога чрезъ равнину Памира и долину Окса, чрезъ Бадахшанъ и Балкъ не столь пряма и не столь доступна. Я описалъ оба эти пути, когда говорилъ о торговлѣ Бухары. Теперь только остается сказать нѣсколько словъ о Коканѣ, родномъ государствѣ Бабера. Въ Коканѣ правитъ узбекскій ханъ изъ племени Юзъ, считающій себя потомкомъ этого императора. Это владѣніе гораздо меньше Бухары; сила его приходитъ теперь въ упадокъ; оно славится своимъ шелкомъ. Главный городъ страны, Коканъ, есть мѣсто незащищенное на Сирѣ, величиною равняющееся половинѣ Бухары, но за всѣмъ тѣмъ считающееся самымъ большимъ во всемъ этомъ краѣ. Древняя столица есть Маргиланъ. Индеджанъ также считается значительнымъ городомъ. Яркандскіе Китайцы именуютъ всѣхъ туземцевъ, живущихъ на западъ отъ нихъ, Индеджанами. Жители Кокана носятъ ермолки вмѣсто чалмы. Кокандскій ханъ ведетъ сношенія съ Россіею и Константинополемъ, но не питаетъ дружбы къ правителямъ Ярканда.

ГЛАВА VI.

О ГОРАХЪ ГИНДУ КУША.

Великій Гималайскій хребетъ, составляющій сѣверный предѣлъ Индустана, утрачиваетъ при переходѣ чрезъ Индъ это названіе, подъ которымъ онъ извѣстенъ отъ самыхъ предѣловъ Китая. Тутъ онъ также измѣняетъ свое направленіе и, проходя къ западу, достигаетъ самой большей высоты своей въ громадномъ пикѣ Гинду Куша, отъ котораго потомъ постепенно понижается, говоря сравнительно, до величины незначительной. Высота пика по справедливости придаетъ названіе Гинду Куша всему этому отдѣлу горнаго хребта; впрочемъ туземцамъ это общее наименованіе не извѣстно. Дорога, пролегающая чрезъ одно плечо этой горы, называется

Гиндукушскимъ Ущельемъ. Часть горъ, которую я намѣренъ теперь описывать, проходитъ между Кабуломъ и Балкомъ и есть та самая, чрезъ которую мы проѣзжали на пути въ Бухару. Въ равнинахъ Панджаба мы любовались великолѣпнымъ видомъ гигантскихъ горъ, отдѣляющихъ Кашмиръ отъ равнинъ: у тамошнихъ жителей, эти горы также извѣстны подъ общимъ названіемъ Гималаевъ, которое они не ограничиваютъ горами, проходящими за знаменитою кашмирскою долиною. Переправившись чрезъ Индъ, мы увидѣли себя гораздо ближе къ этому великому хребту, здѣсь уже именуемому Гинду Кушемъ, нежели какъ это представляется на нашихъ картахъ, гдѣ долина рѣки Кабула и дорога по ней проходящая представлены совершенно сдавленными этимъ хребтомъ. Ошибка происходитъ отъ того, что городъ Кабулъ означенъ пятнадцатью минутами ниже своего истиннаго градуса широты. Я былъ также удивленъ, что въ противность показаніямъ этихъ же самыхъ картъ мы миновали *вѣковые снѣга* Гинду Куша, прежде нежели достигли Баміана: на картахъ эти снѣга

лежали впереди насъ еще на полградуса. Какъ бы то ни было, но на дѣлѣ мы убѣдились, что рѣчка Баміанъ есть данница Окса и что отсюда страна начинаетъ склоняться къ сѣверу. Правда, за Баміаномъ есть горы, но онѣ далеко не достигаютъ высотъ Гималайскихъ. Одинъ широкій низменный поясъ простирается къ Балку: это тотъ самый, который у арабскихъ географовъ именуется *каменнымъ поясомъ* земли. Единственная часть этихъ горъ, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ, есть Кохъ-и-Баба, лежащая между Кабуломъ и Баміаномъ. Эта цѣпь въ послѣдствіи теряется въ купѣ низшихъ горъ на сторонѣ Герата.

Мы перебрались чрезъ гигантскій хребетъ Гинду Куша шестью перевалами, слѣдовавшими одинъ за другимъ, и, совершивъ около 260 миль въ тринадцать дней, вышли въ долину Окса при Кулумѣ, который стоитъ въ сорока миляхъ на востокъ отъ древняго города Балка. Три первые перевала лежатъ между Кабуломъ и Баміаномъ: два изъ нихъ были такъ глубоко по-

крыты снѣгомъ въ концѣ Мая мѣсяца, что мы имѣли возможность путешествовать только по утрамъ, когда подмерзшій снѣгъ былъ въ состояніи поднимать лошадей. Три остальныя ущелья на сѣверъ отъ Баміана не были столь высоки и не имѣли снѣгу. Мы начали это путешествіе отъ высоты 6,600 футовъ,* т. е. отъ высоты города Кабула надъ моремъ. Отсюда мы слѣдовали по руслу рѣки Кабула, имѣющей пятьдесятъ футовъ паденія на милю, а на высотѣ 8,600 футовъ достигли ея верховья, гдѣ и встрѣтили первый снѣгъ въ долинѣ. Самой большей высоты мы достигали на перевалахъ, называемыхъ Гаджигакъ и Калу, имѣющихъ одинъ 12,400, а другой 13,000 футовъ и покрытыхъ снѣгомъ. Изъ остальныхъ перевaловъ ни одинъ не превышаетъ 9,000 футовъ; чрезъ послѣдній, называемый Кара Куттлъ, мы спускались по ложу рѣки, имѣющей 60 футовъ паденія на милю, пока не достигли равнинъ

* Всѣ эти высоты были опредѣлены точкою кипѣнія воды въ термометрахъ, тщательно сдѣланныхъ и вывѣренныхъ. Каждый градусъ кипѣнія примѣрно соотвѣтствовалъ 600 футамъ.

Туркестана, гдѣ, въ Балкѣ, все еще были на высотѣ 2,000 футовъ надъ поверхностью моря. По выходѣ изъ горъ, мы оставили ихъ позади себя поднимающимися надъ равниною смѣлыми, крутыми уступами, почти въ 2,500 футовъ высотою. Окраины ихъ, обнаженныя, черныя, и какъ-бы вышлифованныя, представляли видъ ужасающій, не смотря на то, что сами горы значительно утратили свое величіе и свою громадность. Онѣ скрылись за горизонтомъ за долго до того времени, когда мы достигли береговъ Окса. Меня увѣряли, что всѣ перевалы Гинду Куша бываютъ свободны отъ снѣговъ прежде конца Іюня: слѣдовательно, мы, переходя чрезъ нихъ, не достигали высоты постояннаго замерзанія, т. е. снѣжной линіи. Зная важность, которой заслуживаетъ предметъ этотъ, я почти съ достовѣрностью могу сказать, что здѣсь по крайней мѣрѣ эта линія выше 13,000 футовъ. Пики Кохъ-и-Баба покрыты вѣчнымъ снѣгомъ на значительное разстояніе внизъ отъ своихъ верхушекъ, которыя по моему предположенію — я говорю только по предположенію — не выше 18,000

футовъ, судя по высотѣ, съ которой мы наблюдали ихъ. Климатъ въ этомъ возвышенномъ поясѣ измѣнчивый: термометръ въ Маѣ мѣсяцѣ стоялъ ниже точки замерзанія при восходѣ солнца; между тѣмъ какъ въ полдень жаръ и отраженіе отъ снѣга были невыносимы. Увѣряютъ, что на извѣстныхъ высотахъ подъ низшими градусами широты нерѣдко господствуетъ климатъ странъ умѣренныхъ; хотя въ этомъ нельзя ни сколько сомнѣваться, однако же слѣдуетъ сказать, что на подобныхъ высотахъ дѣйствіе солнечныхъ лучей иногда достигаетъ самой высокой степени. На высотѣ десяти тысячь футовъ мы нашли, что жители пахали землю, какъ только что снѣгъ сошелъ съ горъ, и что растительность здѣсь была такъ быстра въ слѣдствіе палящаго зноя, что хлѣбà, посѣянные въ концѣ Мая, созрѣвали и убирались въ началѣ Октября.

Эта часть Гинду-Куша совершенно лишена лѣса и во многихъ мѣстахъ не представляетъ ни какой зелени. Хребетъ Кохъ-и-Баба подымается острыми вершинами; во всѣхъ же другихъ

мѣстахъ горы являются округленными и голыми. Въ ущельяхъ дорога часто проходитъ у подошвы громадныхъ скалъ, отвѣсно подымающихся до 2,000 и 3,000 футовъ и представляющихся въ такомъ дикомъ величіи, которое трудно описать. Лѣтъ семь тому назадъ, близъ Сарбага ударъ землетрясенія ниспровергъ огромную массу скалъ въ долину и запрудилъ на четыре дня рѣку такъ, что дорота долгое время оставалась непроходимою. Между горами въ теченіе многихъ вѣковъ воды проточили себѣ ложа. Судя по уступамъ и слоевидности горныхъ породъ по обѣимъ сторонамъ долинъ, можно заключить, что эти уступы въ извѣстные періоды составляли, начиная съ вершины скалъ до подошвы, берега рѣчекъ, которыя теперь протекаютъ на глубинѣ въ нѣсколько тысячь футовъ. Эти скалы представляютъ видъ стѣнъ изъ тесанныхъ камней, или кирпичей, сложенныхъ горизонтальными слоями, возвышающимися одинъ надъ другимъ. Дефилей, которымъ мы проходили, состоялъ изъ такого множества поворотовъ, что на каждой полумилѣ имѣлъ

отдѣлы, походившіе на укрѣпленія, ограничивавшія со всѣхъ сторонъ взоръ наблюдателя. Одна часть долины, до которой въ особенности можетъ относиться это замѣчаніе, носитъ названіе *Дара-и-занданъ*, или Долины Темницы: здѣсь во многихъ мѣстахъ высота скалъ такова, что даже и въ полдень лучи солнечные сюда не проникаютъ. Ни на одномъ изъ нашихъ приваловъ, начиная отъ Баміана и до тридцати миль не доходя до долинъ Туркестана, я не могъ сдѣлать наблюденія по полярной звѣздѣ.

Ни кедръ, ни сосна не украшаютъ Гинду Куша; топливо, употребляемое жителями, состоитъ изъ сухой невысокой колючей травы, плотно-стелющейся по землѣ и имѣющей иглы, торчащія наподобіе ежевой щетины. Здѣсь эта трава извѣстна подъ именемъ *куллахъ-и-газара*, или газарской шапки. На высотѣ семи тысячъ футовъ мы нашли ассафетиду, растущую необыкновенно роскошно. Это растеніе одногоднее, достигающее до восьми, или десяти футовъ высоты, потомъ увядающее и засыхающее.

Млечный сокъ этого растенія, вытекающій изъ ствола, имѣетъ цвѣтъ бѣлый, потомъ превращающійся въ желтый и, застывающій въ этомъ видѣ, онъ *собирается въ волосяные мѣшки и вывозится*. Въ свѣжемъ состояніи онъ имѣетъ тотже невыносимый запахъ; не смотря на это, наши сопутники ѣли его съ жадностью. Если запахъ ассафетиды и невыносимъ, то здѣшніе жители вполнѣ вознаграждены изобиліемъ ароматическихъ травъ, растущихъ въ горахъ и разливающихъ благовоніе въ воздухѣ. Скалы хотя и обнажены, однако же небольшое количество травъ, пробивающихся между камнями, издаютъ по большей части душистый запахъ. Пастбища, въ слѣдствіе такого ароматическаго свойства травы, въ особенности благопріятствуютъ разведенію овецъ. Мы сами видѣли какъ эти животныя ѣли молодые отростки ассафетиды, которая, какъ здѣсь увѣряютъ, для нихъ необыкновенно питательна. Въ этой возвышенной странѣ воздѣлывается ячмень, не имѣющій усовъ, но растущій подобно пшеницѣ. Долины Гинду Куша болѣе облагодѣтельствованы приро-

дою: въ нихъ растутъ превосходнѣйшія фруктовыя деревья. Намъ нерѣдко случалось ѣхать на пространствѣ нѣсколькихъ миль по садамъ абрикосовъ, хотя и растущихъ здѣсь на высотѣ значительной, однако же достигающихъ превосходнаго качества. Спускаясь въ Кулумъ, мы встрѣчали вишни, груши, винныя ягоды, гранатовыя яблоки, персики, тутовыя ягоды, яблоки и померанцы. Всѣ они расли по окраинамъ рѣчки, ибо ширина ущелья нигдѣ не превосходила 200 ярдовъ и по большей части была еще у́же. У самаго урѣза воды я видѣлъ ежевику, душистый шиповникъ и боярышникъ. Трава здѣсь самая обильная; въ ней я замѣчалъ мяту и укропъ.

Теперь я постараюсь дать нѣкоторое понятіе о геологическомъ строеніи этихъ великихъ горъ, между которыми характеръ долинъ въ высшей степени благопріятствуетъ изслѣдованіямъ геологовъ. Предварительно, однако же, я долженъ просить у читателей снисходительности въ дѣлѣ столь любопытномъ, но (для меня по край-

ней мѣрѣ) весьма трудномъ. Я начну подробнымъ описаніемъ дефилея, которымъ мы спускались съ перевала Калу въ Баміанъ. Этотъ дефилей лежитъ между двумя великими снѣжными перевалами, упомянутыми выше, на высотѣ восьми тысячь футовъ. Разрѣзъ горныхъ породъ, представляющійся здѣсь глазамъ, тянется въ длину почти на двадцать миль, на пространствѣ которыхъ мы спустились на 3000 футовъ. Самыя высокія горы между Кабуломъ и Гаджигакомъ, по видимому, состоятъ или изъ гнейса, или изъ гранита; по переходѣ же чрезъ этотъ перевалъ, онѣ являются сильно-пропитанными желѣзомъ вплоть до самыхъ вершинъ своихъ. За этими горами слѣдовали голубой сланецъ и кварцъ. Обѣ стороны ущелья подымались крутыми откосами слюдоваго шиста; вершины же представляли неправильныя округленныя массы. Съ самыхъ верхнихъ частей этихъ горъ огромные осколки зеленаго гранита и другихъ камней были сброшены въ долину, какъ говорятъ, дѣйствіемъ мороза и разрыхленія. Спускаясь ниже, мы видѣли конгломерованный из-

вестнякъ, въ которомъ примѣшано множество другихъ камней, походящихъ на гравель, или хрящъ. Изъ различныхъ мѣстъ этихъ горъ выходятъ восемь, или десять источниковъ, имѣющихъ цвѣтъ самой густой ржавчины. Вода ихъ окрашиваетъ берега по мѣрѣ своего теченія и имѣетъ свойство слабительное, а вкусъ металлическій, въ слѣдствіе того, что течетъ, какъ мнѣ кажется, по желѣзнымъ осадкамъ. Въ долинѣ, ведущей къ перевалу Гаджигакъ, есть большой источникъ точно такого же свойства. Далѣе слѣдуютъ огромныя ложа глины красноватаго и лиловаго цвѣта; а за ними массы отвердѣлой глины, смѣшанной съ болѣе твердыми камнями, тянутся вплоть до Баміана. Въ этомъ-то хребтѣ изсѣчены баміанскіе идолы и пещеры, ибо горная порода его мягка въ работѣ. Окрестности Баміана замѣчательны богатствомъ минеральнаго царства. При Фуладатѣ находятъ золото и лаписъ-лазури, также какъ и въ горахъ Исталифа, на сѣверъ отъ Кабула. Недалеко отъ Баміана есть дефилей, въ которомъ находятся десять, или двѣнадцать свинцовыхъ ко-

пей, разработываемыхъ въ настоящее время. Есть также мѣдныя, оловянныя и сурманыя руды, потомъ сѣра и сѣрнокислая мѣдь (*книлтота, мурдарсангъ*). Азбестъ (*санга-и-пумба* или каменная хлопчатая бумага) находится въ Джадра́унѣ на сѣверо-востокъ отъ Кабула. Желѣзо существуетъ въ Баджурѣ, на сѣверъ отъ Пешауара. На сѣверъ отъ Баміана тотъ же видъ горъ представлялся намъ до тѣхъ поръ, пока мы не стустились съ перваго перевала, гдѣ гранитные утесы, зачернѣнные стихіями, подымаются темными и величественными колоннами, походящими на базальтовыя. Однако же, судя по образцамъ, свалившимся съ высотъ, мы аключили, что они также принадлежатъ къ упомянутой породѣ. Два остальные перевала Гинду Куша представляли видъ совершенно отличный отъ того, который здѣсь описанъ: они состояли изъ свѣтло-коричневаго известняка, принадлежащаго, какъ мнѣ казалось, къ первичной формаціи и имѣвшаго большую твердость, ибо онъ при изломѣ представлялъ самые острые углы. Камень этотъ принимаетъ такую полировку, что одинъ изъ пере-

валовъ, изъ него состоящихъ, получилъ въ слѣдствіе своей скользкой поверхности названіе *Сокрушителя зубовъ* *. Этой же фармаціи принадлежатъ тѣ крутыя и глубокія пропасти, которыя мы видѣли висящими надъ долиною во время нашего схода. Прежде нежели мы достигли равнинъ, известковыя породы смѣнились песчанникомъ. Близъ Гейбака, въ одномъ мѣстѣ я замѣтилъ круглые камни изъ чистаго кремня, отдѣльно залегавшіе въ равныхъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ и въ такой прямой линіи, что казалось они были помѣщены съ намѣреніемъ. Кремень этотъ здѣсь вырываютъ для военнаго употребленія. Между послѣдними перевалами и Гинду-Кушемъ есть пространныя ложа сѣры.

До сихъ поръ я говорилъ о характерѣ только той страны, которую наблюдалъ лично, но еще не сказалъ ни слова о горахъ собственно Гинду-Кушскихъ, проходившихъ почти на одинъ градусъ къ востоку отъ нашей дороги. Гигантскій пикъ Гинду Куша виденъ изъ Кабула· онъ весь

* Данданъ-шиканъ.

покрытъ млечно-бѣлымъ снѣгомъ. Я также видѣлъ его изъ Кундуза, съ сѣвера, на разстояніи ста пятидесяти миль. Высота его должна быть значительная, ибо путешественники жалуются на трудность дыханія, для облегченія котораго обыкновенно запасаются сахаромъ и винными ягодами. Тамъ самые сильные люди подвергаются головокруженію и рвотѣ. Тысячи птицъ встрѣчаются мертвыми на снѣгахъ Гинду Куша, ибо, по увѣренію туземцевъ, онѣ не въ состояніи перелетать чрезъ него, по причинѣ сильныхъ вѣтровъ; вѣроятнѣе же всего они издыхаютъ отъ разряженности атмосферы, не взирая на то, что къ высшимъ слоямъ ея птицы привычнѣе, чѣмъ люди и четвероногія. Эти послѣднія нерѣдко пытаются переходить чрезъ него; но большая часть падаетъ жертвою попытки.* Вьючныя животныя страдаютъ столько же, сколько и человѣкъ, часто падаютъ и издыхаютъ. При переходахъ чрезъ Кинду Кушъ обыкновенно наблюдаютъ самое строгое молчаніе; никто не смѣетъ говорить громко, или вы-

* Этотъ фактъ упоминается у императора Бабера.

стрѣлить изъ ружья, дабы сотрясеніе воздуха не причинило снѣжнаго обвала. Такъ, по крайней мѣрѣ, здѣсь говорятъ и, кажется, не безъ основанія. Самымъ любопытнымъ явленіемъ природы на Гинду Кушѣ представляется снѣжный червь, который въ совершенномъ своемъ развитіи походитъ, какъ увѣряютъ, на шелковичнаго червя. Это животное встрѣчается только въ странахъ постояннаго замерзанія и умираетъ, будучи лишено снѣга. Хотя я самъ и не видалъ этого червя, однако же не сомнѣваюсь въ его существованіи, ибо слышалъ объ немъ отъ многихъ людей, дѣйствительно совершавшихъ переходы чрезъ Гинду Кушъ.

ГЛАВА VII.

ТУРКМАНІЯ ИЛИ СТРАНА ТУРКМАНОВЪ.

Говоря о Туркманахъ и ихъ странѣ, я буду употреблять слово Туркманія, ибо оно совмѣщаетъ въ себѣ родовыя названія этого народа, невполнѣ извѣстныя въ Европѣ и потому часто вводящія въ ошибки. Туркманія есть та страна, которая лежитъ на югѣ отъ Окса, или Туркестана, и простирается отъ Балка до береговъ Каспія, занимая все пространство между этимъ моремъ и моремъ Аральскимъ. На югѣ она ограничена горами, составляющими продолженіе Гинду Куша и Паропамиза древнихъ. Линія, проведенная отъ Балка до Астрабада на Каспійскомъ морѣ (эти два города лежатъ почти подъ однимъ и тѣмъ же градусомъ широты), отдѣляетъ страну Туркмановъ отъ страны Аф-

гановъ и Персіянъ. На юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ Туркманія примыкаетъ къ Персіи, страна эта покрыта горами и орошена рѣками Гурганомъ и Аттракомъ, впадающими въ это море. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ она является плоскою и песчаною степью, скудно-снабженною водою. Ручьи, текущіе изъ горъ, быстро поглощаются пескомъ и никогда не достигаютъ Окса. Самые большіе изъ нихъ суть Маргабъ или рѣка Мервъ и Теджендъ, протекающій чрезъ Чаракъ. Въ этой странѣ нѣтъ ни городовъ, ни селеній, ибо Туркманы составляютъ племя кочевое, блуждающее въ поискахъ воды и пастбищъ изъ одного мѣста въ другое съ своими стадами рогатаго скота и овецъ и перевозящее съ собою свои коническіе *хиргахи* или хижины.

Туркманская пустыня представляетъ обширный океанъ песку, въ однихъ мѣстахъ плоскій, а въ другихъ покрытый возвышенностями, подобными тѣмъ, какія мы видимъ на морскихъ берегахъ. Возвышенности эти увеличиваются въ

объемѣ по мѣрѣ приближенія къ Каспійскому морю, въ сосѣдствѣ котораго песчанные холмы достигають высоты шестидесяти и восмидесяти футовъ. Въ основаніи ихъ, какъ кажется, лежитъ отвердѣлая глина, которая въ нѣсколькихъ мѣстахъ видна на поверхности. При переѣздѣ чрезъ эти песчаные холмы встрѣчается мало затрудненій; ибо между ними колодцы — хотя число ихъ и не велико — представляютъ воду на небольшомъ разстояніи отъ поверхности, рѣдко превосходящемъ глубину сорока футовъ. Такова Туркманская пустыня, обитаемая племенемъ, хвастающимся тѣмъ, что оно никогда не покоится ни подъ тѣнью дерева, ни подъ сѣнью какой либо власти. Въ этомъ отношеніи слова ихъ не преувеличены, ибо не только сады неизвѣстны между ними, но даже вся степь не оживлена ни однимъ деревомъ, и они живутъ не подчиняясь ни какому постоянному правленію. Признаютъ они только патріархальное правленіе своихъ *аксакаловъ* или старшинъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и подлежатъ небольшими частями власти сосѣднихъ народовъ. Вся

жизнь Туркмана проходитъ въ отчаянномъ грабежѣ и въ плѣненіи невольниковъ: въ этомъ ремеслѣ воспитываются всѣ его дѣти съ самаго ранняго возраста. Существующая между ними пословица — Туркманъ на лошади не знаетъ ни отца, ни матери — даетъ довольно точное понятіе объ ихъ безчеловѣчности во время набѣговъ или чапаосовъ. Къ счастію, Туркманы не имѣютъ одного общаго вождя для руководства ихъ совокупными дѣйствіями: это значительно уменьшаетъ силу и слѣдствія ихъ варварства.

Туркманы принадлежатъ къ великому семейству туркійскаго или татарскаго племени. Отъ Узбековъ они отличаются тѣмъ, что составляютъ племя исключительно кочевое. Значеніе слова Туркманъ довольно темно. *Туркаме* значитъ странникъ, такъ, по крайней мѣрѣ, меня увѣряли сами Туркманы. Говорятъ также, что слово Туркманъ произошло отъ *Туркъ-маниндъ*, это по-персидски значитъ *подобный Турку*, на томъ будто бы основаніи, что жители Туркманіи произошли отъ смѣшенія съ другими народами, изъ

которыхъ они обыкновенно хватаютъ плѣнныхъ. *Туркъ-манъ* — я Туркъ — также, можетъ быть, объясняетъ ихъ происхожденіе. *Турси* и *Комани*, народъ смѣшанный, равно можетъ служить корнемъ производства, хотя слишкомъ отдаленнымъ. Впрочемъ, все здѣсь сказанное можетъ казаться совершенно недостаточнымъ для изслѣдователей, ибо умъ человѣческій нигдѣ такъ не увлекается, какъ въ вопросахъ этимологическихъ. Мы, однако же, можемъ изъ этого заключить, что Туркманы суть Турки, хотя и отличающіеся отъ Узбековъ и другихъ племенъ, именуемыхъ у европейцевъ Татарами. Первоначальнымъ жительствомъ Туркмановъ, по всему вѣроятію, должны быть страны на сѣверо-востокъ отъ Бухары, въ которыхъ явились Чингизъ, Тимуръ и ихъ узбекскіе наслѣдники. Сами же Туркманы думаютъ, что они пришли изъ Мангашлака, съ сѣверо-восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, и постепенно покорили всѣ тѣ земли, которыя наши историки отчисляли мужественнымъ Пароянамъ во времена римскаго міра. Я дѣйствительно слы-

шалъ между Туркманами сбивчивое и невѣрное преданіе о томъ, что они суть потомки гарнизоновъ, переведенныхъ изъ другихъ странъ Александромъ Великимъ.

Все туркманское племя приписываетъ себѣ одно происхожденіе, хотя оно и раздѣлено на различныя колѣна, изъ коихъ нѣкоторыя присвоиваютъ себѣ болѣе благородства, чѣмъ другія. Все число семействъ простирается до 140,000. Я раздѣляю ихъ слѣдующимъ образомъ на два главные отдѣла: на Туркмановъ восточныхъ и на Туркмановъ западныхъ.

Племена Восточныя.

	Число семействъ.
Салоръ (въ Чаракѣ)	2,000
Саракъ (въ Мервѣ)	20,000
Эрзари (на верхнемъ Оксѣ)	40,000
Така (на Теджепѣ)	40,000
Сакаръ (на Оксѣ)	2,000
	104,000.

Племена Западныя.

Ямудъ (въ Астрабадѣ и Хивѣ)	20,000
Гокланъ (на Гурганѣ)	9,000
Ата (въ Болханѣ)	1,000
Чударь (въ Мангашлакѣ)	6,000
	36,000
Всего	140,000.

Самое знаменитое изъ всѣхъ туркманскихъ племенъ есть Салорское; за нимъ слѣдуетъ Ата, которое составляетъ, какъ говорятъ, Сеидовъ и происходитъ отъ Калифа Османа. Три великія племени: Ямудъ, Гокланъ и Така, какъ увѣряютъ, происходятъ отъ трехъ братьевъ; но послѣднее уступаетъ въ благородствѣ двумъ первымъ, ибо происходитъ отъ персидской невольницы. Здѣсь было бы напрасно вычислять безимянныя подраздѣленія этихъ племенъ и потому я только для примѣра подобной дробности упомяну, что племя Гокланъ распадается на девять отдѣловъ, кочующихъ особо одинъ отъ другаго. Вотъ имена ихъ:

1 Гаи
2 Карабалъ Ханъ
3 Баиндаръ
4 Кевишъ
5 Кикъ-суранли, или Аркакли
6 Ай дарвишъ
7 Чакаръ, или Багдали
8 Юнгакъ, или Гаркасъ
9 Сангрикъ.

Увѣряютъ, что племя это когда-то состояло изъ двадцати четырехъ отдѣловъ, изъ которыхъ въ каждомъ былъ *юзъ кіали*, или начальникъ пяти сотенъ. Междоусобныя распри, которыя не прекратились еще и нынѣ и, вѣроятно, не прекратятся никогда, вмѣстѣ съ войнами противъ Хивы и Персіи, уменьшили число ихъ и потрясли патріархальную жизнь всего туркманскаго племени.

Хотя Туркманы сами и не могутъ вывести своего начала изъ странъ болѣе отдаленныхъ, чѣмъ берега Каспія, однако же они увѣряютъ, что ими положено основаніе Оттоманской им-

періи. Нарѣчіе ихъ, какъ кажется, отличается отъ османли-турецкаго: слѣдующіе образцы, взятые мною отъ самихъ Туркмановъ, послужатъ къ опроверженію, или подтвержденію ихъ отеческаго права на происхожденіе этого втораго Рима, а вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ пригодиться и въ другихъ отношеніяхъ:

Образцы туркманскаго нарѣчія.

Человѣкъ	Аркатсъ
Женщина	Элихи
Дочь	Кизъ
Сынъ	Угли
Визирь	Кушбеги
Птица	Луке
Море	Дарія
Гора	Дагъ
Земля	Иръ
Пшеница	Бугди
Ячмень	Арфа
Дыня	Кунъ
Вода	Су
Огонь	Отъ

Холодный	Соутсъ
Жаркій	Исси
Солнце	Гунъ
Мѣсяцъ	Арджъ
Звѣзда	Юлдузъ
Мечь	Гилишъ
Ружье	Дуфангъ
Коверъ	Паласъ
Отецъ	Ата
Мать	Ситжа
Братъ	Сепингъ
Сестра	Ишигъ
Глазъ	Гузъ
Носъ	Буранъ
Зубы	Дишъ
Ротъ	Агзъ
Борода	Сакалъ
Волоса	Сачъ
Нога	Иакъ
Рука	Иллъ
Колѣно	Дизъ
Бѣлый	Акъ
Черный	Кара

Красный	Сари
Ледъ	Бузъ
Снѣгъ	Каръ
Дождь	Югишъ
Громъ	Гокъ-губарди
Небо	Гокъ
Молнія	Илдрамъ
Лошадь	Алъ
Верблюдъ	Доя
Корова	Сагаръ
Козелъ	Гаши
Овца	Коюнъ
Соль	Тузъ
Песокъ	Кумъ
Грязь	Лесь
Молоко	Судъ
Камень	Дашъ
Смерть	Сакалатъ
Свадьба	Топ
Я	Узумъ
Ты	Санъ
Сонъ	Охи
Лодка	Гами

Шелкъ	Епакъ
Хорошій	Юхши
Терять	Ейтти
Убивать	Олди
Плавать	Су душели
Летать	Юзъ апъ кедели
Шерсть	Юнъ
Хлопчатая бумага	Пакта
Болѣзнь	Хаста
Близко	Юкинъ
Далеко	Узакъ
Голодъ	Ачъ
Кровь	Канъ
Запахъ	Исъ
Одинъ	Биръ
Два	Ики
Три	Учь
Четыре	Туртъ
Пять	Башъ
Шесть	Алти
Семь	Юди
Восемь	Саккасъ
Девять	Дагазъ

Десять	Улъ
Двадцать	Игарни
Пятдесятъ	Илли
Сто	Юзъ
Тысяча	Мингъ

Посреди безплодныхъ земель Туркманіи, между Бухарою и Персіею, лежитъ когда-то плодоносная страна Мерва, главный городъ которой, какъ увѣряютъ, построенъ Александромъ. Столица эта лучше извѣстна Европейцамъ по знаменитой надгробной подписи одного изъ ея государей, часто упоминаемой въ нравственныхъ сочиненіяхъ и состоящей въ слѣдующемъ: »ты былъ свидѣтелемъ величія Алпъ Арслана, вознесеннаго даже до небесъ: сходи въ Мервъ и посмотри на него погребеннаго во прахѣ.« Исторія этого мѣста покрыта мракомъ; но оно и доселѣ называется *Мерефъ Шахъ и Джаганъ*, т. е. Мервъ царь всего міра. Туземцы и по-сю-пору указываютъ на развалину *Мервъ-и-Макана*, какъ на городъ, построенный Греками. Впрочемъ, имъ лучше извѣстны дѣянія Султана Санджара, который царствовалъ около восьми сотъ

лѣтъ тому назадъ, и гробница котораго донынѣ существуетъ. Мевръ долгое время находился въ зависимости отъ персидской имперіи: близъ него Измаилъ Сефа, Шахъ Персіи, разбилъ основателя Узбековъ, Шейбана Хана, въ 1510 году *по Р. Х.* Подъ владычествомъ Персіянъ Мервъ сдѣлался страною цвѣтущею и богатою, ибо воды его рѣки, до того времени терявшіяся въ пустыняхъ, начали скоплять благоразумнымъ устройствомъ платинъ и разводить посредствомъ каналовъ по всему краю. Слѣдствіемъ этого было плодородіе почвы и благоденствіе жителей. Отъ одного маунда пожни сто — сдѣлалось у нихъ поговоркою, свидѣтельствовавшею о плодородіи земли и благосостояніи народа. Въ одной персидской поэмѣ есть мѣсто, въ которомъ сказано: „правовѣрные, собирайтесь радостно читать свои послѣ полуденныя молитвы въ сухомъ и благодатномъ климатѣ Мерва.“ * Здѣсь поля, засѣянныя пшеницею,

* Послѣдующія строки поэмы описываютъ Гератъ, какъ мѣсто для вечерней молитвы; Багдадъ для молитвы въ часы ночи, а Нишапуръ для молитвы при восходѣ солнца.

представляютъ удивительное явленіе, именно то, что три жатвы собираются съ одного посѣва, также какъ упомянуто при описаніи округовъ Андхо и Меймана. Таково было счастливое состояніе Мерва подъ правленіемъ знаменитаго государя его Бейрамъ Хана, побѣжденнаго въ 1787 году Шахъ-Мурадомъ Бухарскимъ. Этотъ послѣдній разорилъ всѣ укрѣпленія и каналы и силою вывелъ бо́льшую часть жителей въ свою столицу, гдѣ они и по нынѣ живутъ отдѣльною общиною. Позднѣе, остатки его жителей выселены въ Персію, и эта цвѣтущая страна, представлявшая столь прекрасную противоположность съ остальною Туркманіею, теперь раздѣляетъ ея безплодіе, между тѣмъ какъ туркманскіе орды похитили мѣсто, въ которомъ когда-то жило осѣдлое народонаселеніе. Съ развалинъ мервскаго замка путешественникъ и теперь еще можетъ видѣть остатки прежней населенности на разстояніи тридцати миль въ окружности, гдѣ повсюду стоятъ опустошенныя села и разпадающіяся стѣны. Тамъ теперь обработываются поля только по берегамъ Мургаба, гдѣ

Туркманы воздѣлываютъ прекрасную пшеницу, джауари и превосходныя дыни.

Надѣюсь, что читатели извинятъ мнѣ длинное описаніе красотъ Мерва: я дѣлаю это потому только, что мы все еще находимся въ Туркманіи, гдѣ Мервъ представляется прекраснымъ оазисомъ, такъ сказать, мѣстомъ отдохновенія посреди общаго запустѣнія. Начиная отъ древняго города Балка до береговъ Каспійскаго моря, мы видимъ народъ, равно какъ и самую страну, почти въ первобытномъ ихъ видѣ. Туркманы не имѣютъ ни наукъ, ни литературы; у нихъ нѣтъ даже мечетей, хотя нельзя сказать, что у нихъ нѣтъ вѣры. Они народъ воинственный. Всѣ домашніе нравы подготовляютъ ихъ къ брани. Пища у нихъ простая, состоящая изъ молока и мяса, доставляемыхъ собственными ихъ стадами. Кобылье молоко и буза неизвѣстны на югѣ отъ Окса; Туркманы даже не знаютъ искусства приготовлять, или перегонять крѣпкіе напитки. Небольшое число Евреевъ изъ Мешеда иногда

торгуютъ между ними опьяняющими напитками, которые, можно сказать къ счастію, недоступны для бѣдныхъ по своей дороговизнѣ. Туркманы пьютъ верблюжье молоко, составляющее питье весьма пріятное. Жители Туркманіи можетъ быть не уступаютъ ни какой иррегулярной кавалеріи другихъ народовъ: лошади ихъ обладаютъ высокими качествами, ибо они употребляютъ всѣ возможныя заботы объ этихъ благородныхъ животныхъ. Такъ какъ этотъ предметъ весьма любопытенъ, то я заключу настоящую книгу запискою о лошадяхъ Туркестана.

ГЛАВА VIII.

О НАБѢГАХЪ ТАТАРЪ И О ПЛЕМЕНАХЪ ТУРКЕСТАНА.

До этихъ поръ мы говорили о странахъ, которыя въ различныя времена послѣдовательно высылали орды, покорявшія и занимавшія лучшія земли Азіи; по этому любопытство побуждаетъ насъ представить настоящее положеніе и состояніе различныхъ племенъ, здѣсь обитающихъ. Аттила и Аларикъ вносили страшное опустошеніе въ имперію кесарей; въ послѣдующія времена за ними явились Чингисъ и Тимуръ, сопровождаемые не менѣе разрушительною силою. Во всѣхъ этихъ великихъ переворотахъ, мы видимъ одинъ и тотъ же неизмѣнный духъ скитанія, управляющій судьбами татарскаго на-

рода. Прежде нежели эти разрушители причинили бѣдствія Риму, можно было уже предугадывать такую гибельную наклонность ихъ соплеменниковъ изъ исторій Семирамиды, Кира и Александра. Послѣ вѣка Тимура, мы видимъ такія же нашествія Узбекскихъ Татаръ: тогда сила ихъ рушилась о подошвы Гинду Куша. Со дней Геродота до теперешняго времени намъ представляются безпрерывныя перемѣны и волненія въ странахъ средней Азіи. Когда-то указывали на Китай, на сѣверныя его части, какъ на великую колыбель переселеній азіятскихъ народовъ; новѣйшія же изслѣдованія опредѣляютъ эту колыбель гораздо ближе: Чингисъ и его орды вышли изъ пастушескихъ земель, лежащихъ за Яксартомъ; оттуда же двинулись и его наслѣдники. Слѣдовательно, земли эти можно смѣло назвать колыбелью нашествій скиѳскихъ, гунскихъ и татарскихъ.

Я не стану говорить о томъ, какъ могли страны, столь мало населенныя, высылать цѣлыя орды завоевателей: ужасъ увеличивалъ

числительную ихъ силу до нѣсколькихъ сотенъ тысячь. При томъ же, съ вѣроятностью можно сказать, что громадность полчищь увеличивалась по мѣрѣ ихъ шествія, въ слѣдствіе побѣдъ и плѣненія. Племя пастушеское все то же, что племя кочевое, и потому переходъ его какъ въ недалекія, такъ и въ отдаленныя страны обыкновенно зависитъ отъ честолюбія и отъ духа его немногихъ предводителей. Такое состояніе общества не измѣнилось и донынѣ въ отечествѣ Чингиса и Тимура; а потому завоеватель можетъ еще и теперь, хотя съ меньшимъ успѣхомъ, идти снова путемъ ихъ завоеваній. Огнедышущая гора иногда остается въ бездѣйствіи; но Татаринъ, ведя кочевую жизнь, постоянно скучаетъ о новыхъ мѣстахъ, и потому отъ Хана его всегда зависитъ удовлетворить, или не удовлетворить этой страсти къ блужданію. Дисциплинированныя войска Россіи, конечно, остановятъ его на западѣ также, какъ и европейская тактика остъ-индскихъ легіоновъ не допуститъ въ Индію; но за то въ Турціи, Персіи, Кабулѣ и Китаѣ татарская орда можетъ про-

известь то же самое, что случалось и во времена прошедшія. Татарскія нашествія всегда отличались характеромъ скоропроходимости: имперіи Чингиса и Тимура не заключали въ себѣ прочной связи. Покореніе Индіи, совершенное ихъ наслѣдниками, произошло въ слѣдствіе обстоятельствъ непредвидѣнныхъ, на которыя ихъ предыдущіе набѣги имѣли мало вліянія.

Ученые долгое время обращали внимательный взоръ на Татаръ, *имѣвшихъ столь великое* вліяніе на судьбы міра. Обще-принятое мнѣніе представляетъ намъ этотъ многочисленный народъ сѣверной Азіи раздѣляющимся на три великіе отдѣла, подъ однимъ родовымъ именемъ Татаръ. Въ послѣдствіи я приведу нѣсколько собранныхъ мною во время путешествія фактовъ, до нихъ относящихся; здѣсь же этотъ предметъ не можетъ быть включенъ по своей обширности. Смѣшеніе Татаръ съ народами, живущими далѣе къ западу, произвело въ нихъ множество перемѣнъ, въ слѣдствіе которыхъ Татаринъ уже не обезображенъ до такой степе-

ни, чтобъ лице его могло внушать отвращеніе. Не смотря, однако же, на такое измѣненіе первобытнаго типа, нельзя сказать, что Туркъ, обитающій на Оксѣ, отличается отъ своего соплеменника, живущаго въ Яркандѣ, т. е. отъ Монгола новѣйшихъ писателей, а равно и отъ его соплеменниковъ, живущихъ далѣе на востокъ. Чрезъ посредство брака Турки смѣшались съ Таджиками Мауарулъ-Нура, точно также какъ Сельчюки съ Персіянами; однако же, въ туземцахъ Туркестана татарскія черты лица не совершенно изглажены: мы видимъ у нихъ малые глаза, вдавленный лобъ и рѣдкую бороду, хотя и не встрѣчаемъ тѣхъ отвратительныхъ лицъ, которыя упоминаются въ исторіи о ихъ нашествіяхъ. Женщины этого края издавна славились красотою: извѣстное двоестишіе Гафица, * въ которомъ онъ воспѣваетъ прекрасную туркійскую дѣву Шираса, близъ Самарканда, прославляетъ ихъ съ давнихъ временъ.

* »Ахъ, если бы я могъ плѣнить сердце туркійской дѣвы Шираса, я отдалъ бы за черную родинку на щекѣ ея, всѣ сокровища Самарканда и Бухары!«

Прекрасный полъ этой страны славился красотою и въ древніе вѣка: мы знаемъ, что Роксана, здѣшняя уроженка, была прекраснѣйшею женщиною, какую только, послѣ жены Дарія, видѣли Греки въ Азіи. Жители городовъ претерпѣли больше измѣненій, чѣмъ жители селеній. Въ горахъ Гинду Куша между Газарами мы встрѣчали лица, походившія болѣе на татарскія. Между ними есть замѣчательное племя, называющееся Татаръ-Газарами, и состоящее почти изъ тысячи семействъ, разсѣянныхъ между Гинду Кушемъ и Баміаномъ. Преданіе говоритъ, что они потомки арміи Чингиса. Замѣчательно же въ нихъ то, что они называютъ себя Татарами: единственное другое племя, придающее себѣ такое же названіе, есть ногайское, живущее по границамъ Россіи.

Превратность въ судьбѣ людей и всего принадлежащаго этимъ странамъ, населеннымъ Татарами, такова, что если вы спросите здѣсь о фамиліи Загатай или Джагатай, т. е. о славныхъ потомкахъ Чингиса, то найдете, что они

хотя еще и существуютъ, однако же въ самой нищенской бѣдности. Бухарскіе государи приписывали себѣ прямое и непосредственное происхожденіе отъ этого начала, пока линія ихъ родословной не была прервана предательскою рукою министра-убійцы. Коканскій ханъ и поныне приписываетъ себѣ происхожденіе отъ Бабера, которому онъ наслѣдуетъ въ родномъ государствѣ его, Фергана. Узбеки раздѣляются на тридцать два племени, которыя, какъ говорятъ, существовали и тогда, какъ они вели жизнь пастушескую. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

Въ Бухарѣ	Мангатъ.
Въ Коканѣ	Юзъ.
Въ Гиссарѣ	———
———	Лакай.
Въ Байзунѣ	Конградъ.
Въ Кауадіанѣ	Дурманъ.
Въ Кундузѣ	Катганъ.
Въ Кулумѣ	Моитанъ.
Въ Гейбакѣ	Кангли.
Въ Балкѣ	Кипчахъ.

— — —	Ябо.
Въ Маймана	Мингъ.
Въ Орджанджѣ	Конградъ.

На каждой страницѣ исторіи Татаръ мы видимъ, что они всегда составляли племя кочевое и постоянно отличались наклонностью къ бродячей жизни. Въ новѣйшее время Калмыки представили намъ разительный примѣръ такой подвижности: своимъ переходомъ съ береговъ Чернаго моря на границы Китая они показали, съ какимъ удобствомъ такія племена переносятъ съ мѣста на мѣсто свои жилища. Это случилось въ концѣ прошедшаго столѣтія и донынѣ еще памятно многимъ жителямъ Туркестана, которые сами мнѣ объ немъ разсказывали. Орда шла со всѣмъ своимъ рогатымъ скотомъ и стадами овецъ: колона ея, какъ увѣряютъ, занимала пространство, *въ ширину* равное трехъ-дневному переѣзду. Она двигалась низпровергая всѣ препятствія, достигла Даштъ-и-Кипчака, на сѣверѣ отъ Яксарта и, наконецъ, вступила въ свое первобытное отечество, въ землю, прилежащую къ Яр-

канду и Иллѣ. Такъ какъ эти Калмыки были не мусульманы, то *правовѣрные* дѣлали на нихъ нападенія во все время пути; но захватили только 1500 невольниковъ, отведенныхъ въ послѣдствіи въ Бухару, что́, впрочемъ, не сдѣлало почти ни какого вліянія на сто тысячъ семействъ, совершившихъ это путешествіе. Увѣряютъ, что Калмыки и Узбеки произошли отъ одного начала; * упомянутое же здѣсь переселеніе смѣшало ихъ еще съ Кайсаками **, великимъ племенемъ, когда-то жившимъ на востокъ отъ нихъ: теперь Калмыки, Кайсаки и Киргизы смѣшались вмѣстѣ. Киргизы и Кайсаки, можно сказать, составляютъ одинъ народъ, различающійся по мѣстности. Киргизы, которыхъ я встрѣчалъ, имѣли лицо плоское и много походили на Турк-

* Сами Узбеки думаютъ, что Калмыки и Катганскіе Узбеки составляютъ одно племя. Они разсказываютъ, будто въ ихъ первобытномъ отечествѣ одна орда, рѣшившись кочевать, приняла названіе Катганъ, что́ значитъ *мы идемъ;* а большая часть оставшихся на мѣстѣ назвалась Калмыками, что́ значитъ *мы остаемся.*

** Киззакъ, или Коссакъ.

мановъ. Они обитаютъ въ Памирѣ. Кайсаки же проводятъ лѣто въ южныхъ частяхъ Россіи, а на зиму переходятъ въ сосѣдство Бухары, гдѣ занимаются разпродажею своихъ овецъ.

Между городскими жителями Туркестана мы встрѣчаемъ такое же разнообразіе, какое и между Татарами. Первобытные жители этого края суть Таджики, или Таты, иногда, хотя и ошибочно, называемые Сартами, что́ собственно служитъ насмѣшливымъ именемъ, которое имъ придаютъ кочевыя племена. Во времена отдаленныя воинственные Турки, пришедшіе съ сѣвера, сокрушили власть этого народа; а потомъ междоусобныя распри ордъ обезсилили его еще болѣе. Таджики занимаются торговлею. Говорятъ они языкомъ персидскимъ, введеннымъ между ними съ тѣхъ поръ, какъ Туркестанъ подпалъ подъ власть Персіи, еще до вѣка Калифовъ. Въ одномъ персидскомъ манускриптѣ, который я досталъ въ Бухарѣ, сказано, что этотъ языкъ введенъ въ употребленіе по повѣленію самихъ Арабовъ, обращавшихъ этотъ народъ

къ исламизму. Число Персіянъ, живущихъ въ Туркестанѣ, очень велико; ибо жителей Мерва нельзя иначе считать какъ принадлежащими къ этому послѣднему народу; сверхъ того, тамъ много невольниковъ съ ихъ многочисленными потомками. Число Евреевъ, Индусовъ и Армянъ также весьма значительно. О Туркманахъ я уже говорилъ; кромѣ ихъ есть еще другаго рода Татары, — это Ногайцы, пришедшіе сюда изъ Россіи и поселившіеся въ числѣ почти тысячи семействъ въ городѣ Бухарѣ.

Жители сѣверной Азіи до временъ Магоммеда боготворили солнце, огонь и другія стихіи: мы знаемъ изъ исторіи, что въ первыя времена Ислама многіе персидскіе жрецы или Маги бѣжали изъ своей родины за Оксъ. Узбеки увѣряли меня, что поклонники огня находятся въ древнемъ татарскомъ городѣ Казани, въ Россіи. Сходство между вѣроисповѣданіемъ Татаръ и Персіянъ весьма замѣчательно, и потому, при соображеніи многочисленности ордъ, выходившихъ изъ-за Окса во времена до-

стовѣрной исторіи, мнѣ нѣсколько разъ приходило на мысль—нельзя ли вывесть начало вѣры Зароастра, или Зератуштра изъ Скиѳіи, или Татаріи.

Какъ много любопытнаго видимъ мы во всемъ, что имѣетъ связь съ тѣми племенами человѣческаго рода, которыя такъ часто измѣняли судьбы міра. Если бы мы могли только изучить народы, на которые взглянули теперь слегка, то изъ преданій, у нихъ существующихъ, можно было бы извлечь много пояснительнаго для древней исторіи, и разгадать тайну ихъ нашествій какъ на необразованныя, такъ и на просвѣщенныя страны. Кромѣ этого черты сходства между родоначальнымъ деревомъ и откинувшимися отъ него вѣтвями, безъ сомнѣнія, объяснили бы доселѣ нераскрытую сторону ихъ прежняго быта. Предметъ этотъ въ высшей степени увлекателенъ; но я принужденъ оставить его, ибо сознаю въ себѣ недостатокъ силъ, потребныхъ для его изложенія.

ГЛАВА IX.

О ТУРКЕСТАНСКИХЪ ЛОШАДЯХЪ.

Лошадь достигаетъ высшаго совершенства въ Туркестанѣ и въ странахъ на сѣверъ отъ Гинду Куша. Тамъ климатъ способствуетъ ея развитію; жители же оказываютъ самую неослабную заботливость относительно ея воспитанія и пищи: а потому и развиваются всѣ ея лучшія качества. Туркманская лошадь есть большое костястое животное, болѣе замѣчательное по своей силѣ и крѣпости, чѣмъ по красотѣ и симметріи частей. Шея у ней прекрасно поднята, но за то длина тѣла уменьшаетъ красоту ея въ глазахъ Европейца. Голова ея не такъ мала, а шерсть не такъ лосниста, какъ у лошадей арабской породы; за то этотъ недостатокъ въ наружной красотѣ вполнѣ выкупается болѣе существенными достоинствами. Польза—вотъ лучшая краса

туркестанской лошади. Мы знаемъ изъ историковъ Александра, что земли, лежащія по Оксу, славились своими конскими породами; а послѣдующія сношенія этихъ странъ съ Аравіею даютъ поводъ думать, что онѣ были улучшены кровью арабскихъ коней. Такое мнѣніе подтверждаютъ преданія. Въ Шиббергаумѣ, близъ Балка, жители и понынѣ разсказываютъ, что ихъ лошади произошли отъ знаменитаго Ракша, коня Рустама — персидскаго Геркулеса: изъ этого ясно видно, что онѣ происхожденія Персидскаго. Тамерланъ, завоевавъ Китай и Индію, Персію и Турцію, вывелъ отвсюду лучшихъ лошадей въ свою столицу, Самаркандъ, и въ сосѣдній съ нимъ родной свой городъ, Шаръ-Сабзъ. Въ этомъ округѣ мы и теперь находимъ у Узбековъ карабирскаго племени самыхъ превосходныхъ лошадей Востока. Великій Надиръ, по видимому, подражалъ въ этомъ дѣлѣ Тимуру: разведеніе многихъ превосходныхъ конскихъ породъ въ земляхъ, лежащихъ между Индіею и отдаленнѣйшими предѣлами Персіи, обыкновенно приписывается этому завоевателю. Самая знаменитая поро-

да находится въ Мервѣ, не взирая на то, что она малоросла. Другая порода, разведенная на Оксѣ и извѣстная подъ названіемъ Агаболакъ, почти неизмѣнно отличается значкомъ на какой нибудь части тѣла.

Необыкновенный способъ, употребляемый Туркманами для выдержки лошадей, заслуживаетъ вниманія и, можетъ быть, достаточно объясняетъ ихъ превосходство; ибо воспитаніе оставляетъ какъ въ человѣкѣ, такъ и въ животномъ, самыя глубокія впечатлѣнія. Пища ихъ всегда самая простая, ни сколько не смѣшанная съ пряностями и со сластями, какъ это дѣлается въ Индіи, гдѣ въ составъ ея входятъ тридцатѣ два и сорокъ два *масаласа*, т. е. снадобья. Траву имъ даютъ въ извѣстные сроки—утромъ, вечеромъ и въ полночь; покормивъ ею около часа, привязываютъ ихъ, чтобъ онѣ не могли ни валяться, ни ѣсть, также какъ это бываетъ въ Европѣ. Сухая пища предпочитается во всякое время; а если вмѣсто ея даютъ зеленыя отпрыски ячменя и джауари, * тогда животное

* Holcus Sorghum.

не получаетъ зерноваго корму. Въ другое же время лошадь получаетъ отъ восьми до девяти фунтовъ ячменю въ день. Клеверъ и искуственныя травы воздѣлываются въ Бухарѣ также, какъ и на берегахъ Окса. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ имѣются, ихъ всегда употребляютъ въ сухомъ видѣ. Стебель джауари, равняющійся толщиною обыкновенной ручной трости и содержащій въ себѣ большое количество сахаристаго начала, считается любимымъ кормомъ. Продолжительные промежутки между часами отдыха приготовляютъ здѣшнихъ лошадей къ большимъ лишеніямъ; пойло онѣ почти постоянно получаютъ самое скудное. Передъ набѣгомъ или чапаосомъ, Туркманъ выдерживаетъ или, говоря его словами, *охлаждаетъ свою лошадь* съ такимъ же терпѣньемъ и съ такою же заботливостью, съ какими хлопочатъ самые опытные на скаковомъ кругу жокеи наши, и выдерживаетъ ее выпотѣніемъ съ такою отчетливостью, какая, можетъ быть, не извѣстна еще нашимъ наѣздникамъ. Обыковенно послѣ долгаго лишенія корма, Туркманъ начинаетъ упражнять свою лошадь про-

должительною и быстрою скачкою, а потомъ даетъ ей воды: если она пьетъ жадно, то это ясный знакъ, что жиру въ ней еще много; поэтому онъ снова моритъ ее голодомъ и ѣздитъ до тѣхъ поръ, пока добьется въ ней потребной худобы. Туркманъ поитъ свою лошадь и въ горячемъ ея состояніи; но всегда послѣ этого скачетъ на ней во весь опоръ, для того, какъ онъ говоритъ, чтобы смѣшать воду и возвести ее до температуры животнаго тѣла. При такомъ воспитаніи мускулы туркманскихъ лошадей пріобрѣтаютъ твердость и крѣпость почти невѣроятныя: я имѣю самое достовѣрное свѣдѣніе о томъ, что онѣ совершаютъ путешествія въ шесть сотъ миль въ семь и даже въ шесть дней. Быстрота, однако же, считается здѣсь качествомъ, уступающимъ крѣпости. На свадебныхъ празднествахъ, гдѣ лошадиныя скачки составляютъ главную часть забавы, Туркманы дѣлаютъ заклады, обыкновенно состоящіе изъ нѣсколькихъ овецъ, и скачутъ отъ двадцати до двадцати пяти миль въ одинъ конецъ. Въ такихъ случаяхъ на лошадяхъ сидятъ мальчики лѣтъ восьми, или де-

сяти. Ничто не можетъ превзойти одушевленія, съ которымъ Туркманы совершаютъ эти игры: выигравшую лошадь водятъ потомъ по всему околодку, какъ будто бы хозяинъ ея получилъ премію отъ какого нибудь общества сельскаго хозяйства.

Я уже указалъ мѣста, гдѣ разведены самыя знаменитыя лошади Туркестана. Теперь должно упомянуть, что лошади, иногда отправляемыя въ Индію подъ именемъ туркманскихъ, разводятся близъ Балка и въ восточныхъ частяхъ Туркестана, въ областяхъ Андхо и Меймана, также какъ и на берегахъ Окса. Всѣ онѣ уступаютъ лошадямъ Бухары, Мерва и Чарака. Это лучше всего подтверждается ихъ цѣнностью: лошади восточнаго Туркестана рѣдко несутъ цѣну свыше 100 *тиллъ* (*650 рупій*), а чаще всего даже въ половину менѣе этого. Между западными Туркманами лошадь нерѣдко продается за 200 тиллъ; а въ конюшняхъ бухарскаго государя есть такія, за которыя платили по 300 тиллъ. Эти лошади много отличаются отъ вы-

сылаемыхъ въ Индію изъ Кандагара и Кабула и принадлежащихъ къ совершенно другой породѣ, много имъ уступающей. Кандагарскія и кабульскія лошади также разводятся въ Туркестанѣ, но употребляются тамъ только какъ выочныя и заводныя. Весьма немногія изъ самыхъ чистыхъ туркманскихъ лошадей отправляются за Гунду Кушъ, ибо за этими горами нѣтъ для нихъ покупателей, кромѣ афганскихъ начальниковъ и двора Ранджитъ Синга: тамъ только самыя лучшія лошади могутъ доставлять выгоды продавцамъ. Во владѣнія Британской Индіи ихъ нельзя привести дешевле 1000, или 1200 рупій, а тамъ не много найдется Европейцевъ, которые дадутъ эту цѣну въ прибавокъ къ барышу, запрашиваемому продавцемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ здѣсь барышники, и это, кажется совершенно справедливымъ, ибо статьи этихъ лошадей не имѣютъ ничего привлекательнаго въ глазахъ Европейцевъ, на вкусъ которыхъ болѣе приходятся лошади, приводимыя съ Персидскаго залива. Въ 1800 году г. Эльфинстонъ, говоря о лошадяхъ, выводимыхъ изъ

Туркестана, замѣтилъ, что если конскіе заводы въ Индіи будутъ распространены, то они совершенно подорвутъ торговлю туркестанскими лошадьми. Это предсказаніе теперь сбылось, ибо весь ремонтъ бенгальской кавалеріи снабжается изъ заводовъ правительства, за весьма немногими изключеніями относительно артиллеріи. Лошади небольшаго роста, разводимыя въ Туркестанѣ, иногда покупаются англійскими офицерами и Индусами. Въ настоящее время въ Индіи нѣтъ богатыхъ и могущественныхъ государей, которые были бы въ состояніи поддержать своимъ поощреніемъ эту невыгодную торговлю. Ежегодная подать въ пятьдесятъ, или шестьдесятъ лошадей, налагаемая лагорскимъ государемъ на пешауарскаго правителя, выплачивается туркманскими лошадьми, въ слѣдствіе прихотливаго требованія Ранджитъ Синга. Что достоинства туркманскихъ лошадей не преувеличены, то это доказывается тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, поступившія въ ремонтъ нашей кавалеріи лѣтъ двадцать тому назадъ, еще и понынѣ годны на службу и высоко цѣнят-

ся кавалерійскими офицерами. Въ случаѣ потребности большаго числа подобныхъ лошадей, ихъ всегда можно закупить въ Мешедѣ, въ Персіи, куда онѣ чрезъ кабульскихъ агентовъ выводятся изъ Чарака и Мерва. Афганы, торгующіе въ этомъ городѣ, также могутъ доставлять ихъ.

Порода туркманскихъ лошадей принадлежитъ къ самымъ чистымъ. Если случится, что лошадь чрезъ мѣру разгорячена, или если она совершила какую нибудь трудную работу, то природа сама открываетъ ей вену въ шеѣ и такимъ образомъ пускаетъ животному кровь — я этому не вѣрилъ, пока собственными глазами не убѣдился въ справедливости показанія. Туркманы холостятъ своихъ жеребцовъ, ибо между ними существуетъ мнѣніе, что меринъ гораздо осторожнѣе и выноситъ больше трудовъ. Туркманы думаютъ, что ихъ лошади обладаютъ необыкновенно-тонкимъ слухомъ и очень часто узнаютъ по нимъ приближеніе непріятеля. Я въ особенности былъ пораженъ прекраснымъ складомъ шеи въ Туркманскихъ лошадяхъ, и

въ объясненіе этого нѣсколько разъ слышалъ, что Туркманы нерѣдко ставятъ своихъ лошадей въ такія конюшни, гдѣ нѣтъ другаго отверстія, кромѣ окна въ потолкѣ, чтó и заставляетъ ихъ постоянно смотрѣть вверхъ и такимъ образомъ пріучаетъ нести высоко голову. Эта выдумка — которой, впрочемъ, на дѣлѣ я не видалъ — достигаетъ своей цѣли. Самыя лучшія туркманскія лошади продаются рѣдко, ибо ихъ владѣльцы питаютъ къ нимъ столько же привязанности, сколько и къ своимъ дѣтямъ. Не должно, однако же, думать, чтобы въ Туркестанѣ всѣ лошади были одинаково хороши: за Оксомъ почти каждый человѣкъ имѣетъ свою лошадь, слѣдовательно большая часть принадлежитъ къ числу самыхъ плохихъ. Въ Бухарѣ есть много кайсакскихъ лошадей, невысокихъ, но крѣпкихъ, покрытыхъ густою шерстью и украшенныхъ длинною гривою и длиннымъ хвостомъ, которые, по справедливости, возбуждаютъ удивленіе. Ихъ приводятъ изъ степей, лежащихъ между Бухарою и Россіею.

КНИГА II.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОЧЕРТАНІЕ СТРАНЪ, ЛЕЖАЩИХЪ МЕЖДУ ИНДОМЪ И КАСПІЙСКИМЪ МОРЕМЪ.

ГЛАВА I.

ПРОИЗШЕСТВІЯ ВЪ АФГАНИСТАНѢ СЪ 1809 ГОДА.

Прежде нежели я начну говорить о дѣлахъ Кабула, необходимо описать происшествія, случившіяся въ этомъ государствѣ съ 1809 года, которымъ г. Эльфинстонъ окончилъ свою исторію.

Въ теченіе этого періода кабульская монархія распалась совершенно: области ея или объявили себя независимыми подъ управленіемъ отдѣльныхъ начальниковъ, или были захвачены Сейками. Два государя кабульскіе живутъ теперь изгнанниками въ чужихъ странахъ и изъ

пространной имперіи Ахмедъ Шаха Дурани одинъ только городъ Гератъ остается во власти его потомковъ. Такое быстрое разрушеніе государства, когда-то столь грознаго, заслуживаетъ вниманія, ибо эти политическіе перевороты въ странѣ сопредѣльной съ британскою Индіею могутъ наконецъ имѣть вліяніе и на ея судьбы.

Шахъ Шуджа улъ Мулкъ лишился престола на поляхъ Нимлы въ 1809 году, въ слѣдъ за переходомъ чрезъ Индъ британской миссіи. Власть его постепенно упадала со времени паденія его визиря и убіенія его товарища Миръ Уаиза. Онъ не умѣлъ примириться съ представителемъ великаго дома Баракзи, съ Фаттихъ Ханомъ, который, принявъ сторону его брата Махмуда, успѣлъ посадить этого послѣдняго на кабульскій престолъ. Военное счастіе никогда не было столь прихотливо, какъ при этомъ случаѣ: Шуджа выступилъ въ поле съ хорошо вооруженнымъ войскомъ въ 15.000 человѣкъ; но визирь его, Акрамъ Ханъ былъ убитъ, а самъ онъ разбитъ двухъ-тысячнымъ отрядомъ подъ началь-

ствомъ Фаттихъ Хана. Войска несчастнаго государя не успѣли еще построиться для битвы, какъ бунтовщики, предводимые опытнымъ начальникомъ, одержали надъ ними совершенную побѣду, не смотря на то, что были расположены на самой невыгодной мѣстности. Шуджа бѣжалъ со всевозможною поспѣшностью въ страну Хиберцевъ, оставивъ большую часть своихъ драгоцѣнностей и сокровищъ на полѣ, гдѣ всѣ они достались въ добычу побѣдителямъ. Четыре мѣсяца спустя послѣ этого пораженія, онъ сдѣлалъ попытку возвратить себѣ вѣнецъ въ Кандагарѣ; но она, подобно всѣмъ послѣдующимъ усиліямъ, осталась безъ успѣха.

Какъ скоро судьба дня опредѣлилась, Махмудъ сѣлъ на слона, предназначеннаго для Шуджи, и при трубномъ звукѣ былъ провозглашенъ государемъ. Замѣшательство въ лагерѣ Шуджи было столь велико, что многіе не знали о результатахъ битвы до тѣхъ поръ, пока не сдѣлано было это провозглашеніе. Вельможи и военачальники Махмуда тотчасъ же изъявили ему

свою преданность, а вмѣстѣ съ ними и многіе изъ придворныхъ Шуджи. Фаттихъ Ханъ былъ возведенъ въ великій санъ визиря имперіи, котораго онъ вполнѣ заслуживалъ своими подвигами, и весь Афганистанъ, за исключеніемъ Кашмира, перешелъ подъ власть новаго государя. Махмудъ же въ свою очередь безусловно поддался вліянію своего министра, поведеніе котораго, вмѣстѣ съ его распутнымъ характеромъ, не представляло ни какой надежды на спокойное и хорошее правленіе. Дворъ раздѣлился на партіи, изъ коихъ въ главѣ одной стоялъ принцъ Камранъ, завидовавшій власти, которую визирь пріобрѣлъ надъ отцемъ его.

Первымъ дѣломъ правительства было покореніе Кашмира. Этою страною управлялъ тогда сынъ визиря Шуджи, Ата Магоммедъ Ханъ, который до этого времени успѣшно отражалъ всѣ нападенія, даже и со стороны предыдущаго государя. Фаттихъ Ханъ, также встрѣтившій тутъ затрудненіе, обратился за помощью къ Сейкамъ и испросилъ у нихъ дозволеніе на

свободный пропускъ его войска въ Кашмирскую долину чрезъ Панджабъ, обѣщавъ въ вознагражденіе удѣлять изъ доходовъ Кашмира девять лаковъ рупій въ пользу правителя Сейковъ, Ранджитъ Синга. Этотъ послѣдній государь и визирь имѣли свиданіе въ Джеламѣ, па берегахъ Гидаспа. Фаттихъ Ханъ явился въ сопровожденіи всѣхъ своихъ братьевъ, числомъ восемнадцати, которые всѣ стояли во время церемоміи. Нѣкоторые изъ нихъ настоятельно совѣтывали *убить сейкскаго правителя*; *а одинъ* даже знаками предлагалъ на это свои услуги во время свиданія. Такое злодѣяніе, однако же, не входило въ политику Фаттихъ Хана. Свиданіе окончилось тѣмъ, что войско двинулось на Кашмиръ съ вспомогательнымъ десяти-тысячнымъ корпусомъ Сейковъ подъ начальствомъ Мокамъ-чанда. Дуранійцы пошли дорогою Бимбара и, перейдя горы Пиръ-Пунджало, покорили Кашмирскую долину безъ сопротивленія, прежде нежели подоспѣли Сейки. Это случилось въ 1811 году. Правитель Кашмира, осажденный нѣсколько дней въ цитадели, сдался:

съ нимъ поступили съ уваженіемъ, и на мѣсто его назначили правителемъ Кашмира старшаго брата визиря, Магоммедъ Азимъ Хана.

Окончивъ кампанію, визирь не показывалъ ни малѣйшаго желанія выполнить договоръ съ своими сейкскими союзниками, вышедшими изъ этой страны съ негодованіемъ. Въ это самое время правитель Панджаба получилъ тайное предложеніе со стороны коменданта Аттока о сдачѣ ему этой крѣпости, т. е. отъ управлявшаго ею брата бывшаго правителя Кашмира: предложеніе было тотчасъ же принято. Ранджитъ Сингъ, пріобрѣтя это важное мѣсто за незначительное пожертвованіе одного лака рупій, немедленно приступилъ къ укрѣпленію своего новаго пріобрѣтенія. Эти обстоятельства возбудили вниманіе Фаттихъ Хана, который, поспѣшно оставивъ Кашмиръ, двинулся на Аттокъ, гдѣ и нашелъ сейкское войско въ укрѣпленномъ лагерѣ на равнинѣ Чача, въ двухъ миляхъ отъ крѣпости. Погода въ то время стояла жаркая въ высшей степени. На сторонѣ Сейковъ были всѣ

выгоды, представляемыя водою и мѣстоположеніемъ; но визирь смотрѣлъ на своихъ противниковъ съ презрѣніемъ. Сраженіе началось аттакою, произведенною его братомъ, Достъ Магоммедъ Ханомъ, который, предводительствуя 2000 Афгановъ, овладѣлъ всею сейкскою артиллеріею. Онъ уже снялъ два орудія и готовъ былъ воспользоваться выигранньмъ перевѣсомъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что былъ оставленъ безъ всякаго подкрѣпленія, ибо все войско его брата бѣжало: во время этой аттаки, какіе-то недоброжелательные люди донесли визирю, что братъ его взятъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ отрядомъ, и въ то же время также измѣннически увѣдомили Достъ Магоммедъ Хана, что Фаттихъ Ханъ убитъ. По этому первому оставалось только отступить, что́ онъ и сдѣлалъ съ честью, переправившись чрезъ Индъ и предварительно предавъ огню нѣсколько отдѣловъ своего обоза, остальная часть котораго досталась въ добычу Сейкамъ. Со времени несчастія на равнинахъ Чача власть Афгановъ на восточной сторонѣ Инда пала, и съ тѣхъ поръ весь этотъ

край присоединенъ къ владѣніямъ Ранджитъ Синга.

Дѣятельность визиря вскорѣ была обращена въ противную сторону по поводу притязанія персидскаго шаха, требовавшаго подати съ Герата — западной области Афганистана. Гератъ управлялся тогда братомъ афганскаго государя, Хаджи Ферозомъ: ему было предписано отвѣчать съ презрѣніемъ на это требованіе Персіянъ, противъ которыхъ въ слѣдъ за тѣмъ визирь пошелъ съ войскомъ. Достигнувъ Герата, Фаттихъ Ханъ немедленно приказалъ схватить самаго Фероза, не смотря на то, что онъ былъ братъ его государя; а потомъ овладѣлъ всѣми его богатствами, нарушивъ при этомъ неприкосновенность его гарема. Захвативъ Гератъ, онъ сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія для встрѣчи Персіянъ, приближавшихся подъ начальствомъ Гузейнъ Али Мирзы, сына шаха. Произошла битва нерѣшительная: Персіяне бѣжали, но и Афганы не остались на полѣ сраженія: они отступили съ величайшею поспѣш-

ностью, ибо визирь былъ пораженъ въ лицо ослабѣвшею пулею и упалъ на шею своей лошади — при видѣ этого войска его лишились бодрости. Впрочемъ, визирь достигъ въ этой войнѣ полнаго успѣха: онъ не заплатилъ подати, которую требовала Персія, и разбилъ ея войска, пришедшія подкрѣпить это требованіе. Кромѣ того, онъ упрочилъ западные предѣлы государства, захвативъ правителя Герата, который хотя и выдавалъ себя за подданнаго своего брата Махмуда, однако же всегда считался другомъ сомнительнымъ. Война эта ослабила гарнизоны Кашмира, ибо изъ нихъ была пополняема дѣйствующая армія, что̀ въ послѣдствіе оказалось въ высшей степени вреднымъ для интересовъ Махмуда въ этой части его владѣній.

Царствованіе Махмуда достигало такихъ успѣховъ, которыхъ не ожидали даже самые жаркіе его приверженцы: онъ возвратилъ себѣ престолъ, который, какъ по всему казалось, навсегда перешелъ въ другія руки; онъ владѣлъ Кашмиромъ и могъ употреблять средства этой

богатой долины на защиту другихъ областей своихъ; онъ взималъ обычную подать съ Талпуровъ синдскихъ и, наконецъ, съ успѣхомъ отразилъ нападеніе Персіянъ, со стороны которыхъ только и можно было ожидать опасности. Что касается лично до самаго Махмуда, то онъ, безчинствуя въ неистовыхъ пиршествахъ, былъ только молчаливымъ зрителемъ всѣхъ этихъ событій и приписывалъ всѣ свои успѣхи визирю, управлявшему дѣлами государства. Фаттихъ Ханъ, пользуясь своею властью, распредѣлилъ отдѣльныя части управленія Кабуломъ между своими многочисленными братьями, не показывая, впрочемъ, ни малѣйшаго недостатка въ преданности и уваженіи къ своему повелителю. Махмудъ, обязанный жизнью и властью своему министру, по видимому, былъ имъ доволенъ. Но если на такихъ условіяхъ соглашался управлять отецъ, то сынъ, принцъ Камранъ выказывалъ явное неудовольствіе относительно всѣхъ дѣйствій визиря. Рѣшившись избавиться отъ человѣка столь для него опаснаго и явно противодѣйствовавшаго нѣкоторымъ

изъ его собственныхъ честолюбивыхъ плановъ, принцъ началъ дѣйствовать на своего отца. Онъ успѣлъ убѣдить его, что ему можно самому править государствомъ безъ помощи визиря, и слѣдствіемъ этого было то, что Махмудъ принялъ намѣреніе избавиться отъ сильнаго вельможи, своего друга и благодѣтеля. Камранъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ схватить Фаттихъ Хана въ Гератѣ и немедленно далъ приказаніе ослѣпить его; а потомъ, спустя пять, или шесть мѣсяцевъ, велѣлъ, съ согласія своего отца, *предать визиря смерти*. Этотъ необдуманный поступокъ былъ совершенъ въ 1818 году между Кандагаромъ и Кабуломъ и поднялъ бунтомъ всѣхъ братьевъ Фаттихъ Хана.

Трагедія, окончившая жизнь Фаттихъ Хана Баракзи, можетъ быть, не имѣетъ въ новѣйшія времена ничего себѣ подобнаго. Ослѣпленный и окованный, несчастный визирь былъ представленъ ко двору Махмуда, гдѣ онъ еще такъ недавно правилъ съ неограниченною властью; государь началъ упреками, исчислилъ всѣ его

пороки и преступленія, а потомъ выразилъ желаніе, чтобы онъ употребилъ свое вліяніе на взбунтовавшихся братьевъ. Непоколебимо-твердый Фаттихъ Ханъ отвѣчалъ безъ страха, что онъ, будучи бѣднымъ слѣпцомъ, не хочетъ вмѣшиваться въ дѣла государства. Махмудъ, раздраженный такимъ несоглашеніемъ, далъ окончательный приказъ предать его смерти. Несчастный былъ изрубленъ въ куски царедворцами: они рѣзали ему суставъ за суставомъ, членъ за членомъ, и отрубили носъ и уши; но жизненная искра отлетѣла не прежде, какъ по отдѣленіи головы отъ обезображеннаго трупа. Фаттихъ Ханъ безмолвно вынесъ муку; онъ даже самъ протягивалъ обреченные свои члены тѣмъ, которые жаждали его крови и пребылъ вѣрнымъ точно такому же безпечному равнодушію и холодному презрѣнію къ своей собственной жизни, какое самъ такъ часто оказывалъ къ жизни другихъ. Окровавленные остатки несчастливца, завернутые въ полотно, были отправлены въ Газни, для погребенія.

Царствованіе Махмуда, можно сказать, окончилось съ жизнью его министра. Онъ предалъ его смерти подъ предлогомъ худыхъ его распоряженій въ Гератѣ, а въ самомъ же дѣлѣ въ надеждѣ обезсилить нѣкоторыхъ изъ вельможъ при своемъ дворѣ: въ этомъ государь и сынъ его жестоко ошиблись. Махмудъ побоялся даже помѣрить своихъ силъ съ небольшимъ отрядомъ бунтовщиковъ и поспѣшно бѣжалъ въ Гератъ, не осмѣлившись сдѣлать на нихъ нападенія во главѣ всего своего войска. Этотъ побѣгъ повлекъ за собою утрату власти, ибо хотя Махмудъ и удержалъ Гератъ съ титуломъ государя, однако же на дѣлѣ сдѣлался вассаломъ Персіи. Онъ умеръ въ этомъ городѣ въ 1829 году, оставивъ слабую власть свою въ наслѣдство Камрану. Старшимъ членомъ, оставшимся въ живыхъ изъ фамиліи визиря, былъ Магоммедъ Азимъ Ханъ, управлявшій Кашмиромъ. При возмущеніи своихъ братьевъ онъ немедленно присоединился къ нимъ и началъ готовиться къ низпроверженію съ престола убійцы своего брата, но поспѣшное бѣг-

ство Махмуда остановило его приготовленія. Тогда Азимъ Ханъ, къ удивленію всѣхъ, рѣшился вызвать изъ изгнанія Шуджу улъ Мулка, жившаго во владѣніяхъ британской Индіи, и вмѣстѣ съ предложеніемъ занять кабульскій престолъ отправилъ къ нему, по обычаю тѣхъ странъ, Коранъ за своею печатью въ доказательство искренности своего образа дѣйствій. Шуджа поспѣшилъ отправиться въ Пешауаръ.

Шуджа улъ Мулкъ, потерявъ сраженіе при Нимлѣ, скитался нѣсколько времени какъ бѣглецъ, въ отдаленныхъ краяхъ своихъ владѣній: его приключенія, описанныя имъ самимъ въ небольшой книжкѣ, заключаютъ въ себѣ много любопытнаго. * Послѣ пораженія при Кандагарѣ, онъ былъ схваченъ Ата Магоммедъ Ханомъ, сыномъ своего прежняго министра, который при этомъ поступилъ съ нимъ въ высшей степени оскорбительно. За этимъ онъ былъ заключенъ въ крѣпость Аттокъ, гдѣ ланцетъ нѣсколько

* Я имѣлъ честь получить это любопытное сочиненіе въ подарокъ отъ самаго Шаха Шуджи.

разъ угрожалъ его глазамъ, и гдѣ однажды тюремщикъ, связавъ ему руки, вывезъ его на средину Инда и угрожалъ потопленіемъ. Цѣль всѣхъ этихъ жестокостей состояла въ томъ, чтобы заставить его объявить мѣсто, гдѣ былъ скрытъ знаменитый алмазъ Кохъ-и-Нуръ или *Гора Свѣта*, который, какъ было извѣстно, находился въ числѣ его сокровищъ. Потомъ Ата Магоммедъ Ханъ, отправившись въ Кашмиръ, повлекъ туда въ числѣ своей свиты и плѣннаго Шуджу; но Фаттихъ Ханъ, покоривъ эту долину, дозволилъ ему возвратиться въ Лагоръ къ своему семейству.

Уаффадаръ Бегамъ, супруга несчастнаго Шуджи, изъ всего гарема пользовавшаяся самымъ большимъ на него вліяніемъ, употребляла всѣ возможныя убѣжденія, дабы отклонить его отъ поѣздки ко двору Ранджитъ Синга; но онъ отвергъ ея совѣты и въ послѣдствіи имѣлъ много причинъ раскаяться въ своемъ поступкѣ. Уаффадаръ была женщина съ характеромъ смѣлымъ и рѣшительнымъ: ея совѣты нерѣдко являлись

драгоцѣнными для ея мужа какъ во дни его власти, такъ и въ годину несчастія.

Живя въ Лагорѣ, такъ сказать въ рукахъ Сейковъ, она въ отсутствіе мужа умѣла геройски охранять какъ его честь, такъ и свою собственную. Ранджитъ Сингъ настоятельно требовалъ выдачи Кохъ-и-Нура, у нея находившагося, даже грозилъ отнять его силою, и вмѣстѣ съ этимъ хотѣлъ перевести въ свой гаремъ дочерей несчастнаго государя. Уаффадаръ Бегамъ, приказавъ схватить и жестоко наказать посланнаго, пришедшаго съ этимъ извѣстіемъ, увѣдомила Магараджу, что если онъ не прекратитъ своихъ безчестныхъ требованій, то она разтолчетъ алмазъ въ ступкѣ, примѣшаетъ его въ питье своимъ дочерямъ и тѣмъ лицамъ, которыя состоятъ подъ ея покровительствомъ и потомъ выпьетъ. „Кровь наша падетъ на главу твою", прибавила она въ заключеніе. Послѣ нѣкотораго времени эта государыня, переодѣвшись Индусомъ, успѣла бѣжать изъ Лагора и, составивъ планъ для освобожденія своего су-

пруга, въ скоромъ времени привела его въ исполненіе, заплативъ, однако же, за успѣхъ цѣною *горы свѣта*. Обстоятельства, относящіяся до выдачи этой драгоцѣнности, любопытны въ высшей степени; но здѣсь они неумѣстны. Довольно сказать, что по поводу его самое строгое тюремное заключеніе, всѣ возможныя оскорбленія и даже голодъ выпадали на долю несчастнаго Шаха Шуджи.

Недостойные поступки Магараджи съ Шахомъ Шуджею возбуждали высшую степень негодованія въ супругѣ его, поселившейся въ британскихъ военныхъ квартирахъ въ Лодіанѣ. Чтобъ спасти его, она размѣстила лошадей по всей дорогѣ къ Лагору, гдѣ Шуджа съ своими людьми также не оставался въ бездѣйствіи: нанявъ всѣ дома, примыкавшіе къ тому дому, гдѣ жилъ плѣнный государь, они устроили выходъ на улицу, прорубивъ семь стѣнъ; въ условленную ночь, когда все предалось сну, государь вышелъ на улицу въ одеждѣ жителя Панджаба. Ему оставалось еще выбраться изъ-за го-

родскихъ стѣнъ, но ворота были заперты: онъ пролезъ сквозь подземную трубу, служившую для отвода нечистотъ, и бѣжалъ съ двумя, или тремя служителями въ горную страну Киштуара, гдѣ и рѣшился, развернувъ еще разъ свое царское знамя, напасть на Кашмиръ при содѣйствіи киштуарскаго раджи. Экспедиція эта могла бы окончиться съ успѣхомъ, ибо правитель Кашмира отступилъ съ своихъ пограничныхъ постовъ; но преждевременная непогода завалила снѣгомъ дороги и прекратила подвозъ припасовъ, отъ чего надежды Шаха Шуджи снова рушились. Скитаясь въ пустынныхъ и непріязненныхъ странахъ, Шахъ наконецъ добрался до Сабату, британскаго военнаго поста во внѣшнихъ Гималаяхъ, и оттуда уже отправился въ Лодіану, гдѣ семейство его нашло убѣжище и гдѣ онъ съ того времени живетъ милостями британскаго правительства. Немногіе государи и немногіе люди испытали столько превратностей счастія, сколько досталось въ удѣлъ Шаху улъ Мулку: зная всѣ его бѣдствія, мы невольно имъ сочувствуемъ.

Шуджа послѣ всѣхъ своихъ несчастій могъ бы снова послѣ Махмуда вступить на престолъ своихъ предковъ и удержаться на немъ при содѣйствіи Азимъ Хана; но прежде нежели этотъ послѣдній достигъ Пешауара, онъ безразсудно проявилъ свою царскую власть нанесеніемъ обиды какому-то другу своего благодѣтеля, поставивъ ему въ вину употребленіе паланкина, который, какъ онъ воображалъ, составлялъ право, только ему одному принадлежащее. Фамилія Баракзи сочла обидою такую неумѣстную гордость: Азимъ Ханъ рѣшился возвести на престолъ человѣка болѣе снисходительнаго и менѣе привязчиваго.

Возможность къ исполненію этого намѣренія не замедлила представиться въ лицѣ брата Шуджи — Іуба (или Іова), который, вступивъ въ это время въ лагерь Азимъ Хана, просилъ его, какъ самый презрѣнный рабъ, о дарованіи ему престола. „Только сдѣлай меня государемъ,“ говорилъ онъ, »и дозволь чеканить монету съ моимъ именемъ, а всю власть и доходы госу-

дарства оставь за собою: честолюбіе мое будетъ вполнѣ удовлетворено хлѣбомъ и титуломъ государя.“ Такой договоръ былъ принятъ и новый государь никогда не нарушалъ и не пытался нарушать условій, на которыхъ получилъ имя и почести властителя. Іубъ остался орудіемъ въ рукахъ Азимъ Хана, наименованнаго его визиремъ. Въ это время царственный домъ Кабула находился въ такой крайней бѣдности, что онъ не имѣлъ даже почетной одежды, которою по обычаю слѣдовало облечь Азима, при возведеніи его въ санъ визиря: изготовленная иждивеніемъ этого послѣдняго, она была тайно отправлена къ шаху, и потомъ возложена на плеча новаго министра со всею пышностью и торжественностью. Нѣсколько молодыхъ принцевъ, домогавшихся престола, были выданы Іубу и преданы смерти; а Шуджа, немедленно изгнанный изъ Пешауара, укрылся въ Синдъ, въ Шикарпуръ, уступленный ему эмирами этого края. Вскорѣ происками враговъ, онъ былъ удаленъ и изъ этого убѣжища: спасаясь окольными дорогами, онъ чрезъ степь и чрезъ Джай-

залмиръ бѣжалъ въ Лодіану. Шуджа во время пребыванія въ Шакарпурѣ не умѣлъ расчитать своихъ поступковъ для поддержанія своего упадавшаго счастія: онъ забылъ достоинство монарха и низкими интригами съ своими подданными запятналъ какъ ихъ честь, такъ и свою собственную. Все это произходило отъ того, что онъ не имѣлъ качествъ, потребныхъ для отправленія высшей власти. Разговоръ и обращеніе его утонченны въ высшей степени, но за то образъ сужденія не много выше посредственности; а если бы эти условія находились въ обратномъ отношеніи, то, конечно, мы теперь не видали бы его изгнанникомъ изъ своего отечества, лишеннымъ престола и надежды когда либо возвратить власть свою; не встрѣтили бы его скитальцемъ, покинувшимъ родину двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время ему нѣтъ еще и пятидесяти лѣтъ отъ-роду.

Смерть Фаттихъ Хана, вызвавшая изъ Кашмира его брата съ большею частью тамошняго войска, оставила эту богатую провинцію безъ

всякой защиты. Сейки воспользовались этимъ обстоятельствомъ, разбили Афгановъ и завладѣли всею долиною, съ тѣхъ поръ остающеюся за ними. Послѣдовавшая въ Афганистанѣ междоусобная война истощила это государство еще болѣе и представила возможность постоянно-дѣятельному Ранджитъ Сингу разширить кругъ своихъ владѣнiй. Кабульскiя области впадали въ его руки одна за другою: Мултанъ, Кашмиръ, Леiя и Дера Гази Ханъ со всею страною, прилегающею къ берегамъ Инда и къ его восточнымъ данницамъ, признали Магараджу своимъ властелиномъ. Въ 1823 году онъ переправился чрезъ Индъ и выигралъ сраженiе при Нушеро, на сѣверной сторонѣ рѣки Кабула, гдѣ ему противостояло многочисленное народонаселенiе всего тамошняго края, явившееся на брань въ качествѣ *Гази*, т. е. воителей магоммеданской вѣры. Битва была самая упорная: только личная храбрость самаго Ранджита, вырвала ему побѣду у непрiятелей, когда онъ во главѣ своихъ тѣлохранителей овладѣлъ высотами, съ которыхъ войска его были три раза

отбрасываемы съ урономъ. Азимъ Ханъ съ братьями стоялъ на другомъ берегу рѣки и былъ свидѣтелемъ боя, но не могъ переправиться и подать помощи своимъ соотечественникамъ, ибо тутъ не было ни брода, ни перевозовъ.

Это пораженіе было до такой степени неожиданно для Дураніійцевъ, что начальникъ ихъ бѣжалъ ночью, оставивъ свои орудія и палатки въ рукахъ Сейковъ, которые вступили въ Пешауаръ и сожгли въ немъ дворецъ. Битва съ Фаттихъ Ханомъ на равнинахъ Чача упрочила господство Сейковъ на восточной сторонѣ Инда; а это сраженіе установило ихъ власть на западъ отъ этой рѣки вплоть до Пешауара, который съ того времени платитъ ежегодную дань Ранджитъ Сингу. Говорятъ, что Азимъ Ханъ былъ побужденъ къ быстрому отступленію боязнію за свои сокровища, оставленныя имъ въ Мачни, не много выше по рѣкѣ отъ поля битвы. Увѣряютъ также, что онъ не былъ вполнѣ увѣренъ въ преданности своихъ братьевъ и кромѣ того опасался, чтобъ къ сейкскому вой-

ску не подоспѣли подкрѣпленія. Безчестіе уступить невѣрнымъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, тяготило его душу и онъ не пережилъ позора: на дорогѣ въ Кабулъ онъ заболѣлъ и умеръ вскорѣ по пріѣздѣ въ этотъ городъ. На смертномъ одрѣ онъ призвалъ къ себѣ женъ своихъ, отобралъ отъ нихъ всѣ драгоцѣнности и вмѣстѣ съ ними передавъ все свое имущество старшему сыну своему, Габибъ Уллахъ Хану, завѣщалъ ему стереть безчестіе съ имени отца и внести огнь и мечъ во владѣнія Сейковъ. Сокровища, стоившія почти три милліона фунтовъ стерлинговъ, могли доставить Габибу всѣ средства къ удовлетворенію желанія умиравшаго его родителя; но со времени покоренія Кашмира, Сейки были также хорошо обезпечены всѣмъ, что требовалось для войны. Кромѣ того, будучи побѣдителями въ нѣсколькихъ битвахъ, они сознавали теперь свою силу, и потому являлись врагами страшными. Союзъ дуранійскихъ начальниковъ могъ бы еще подавить ихъ возраставшее могущество; но за смертью Магоммедъ Азимъ Хана послѣдовала пора раздора и без-

началія. Съ этого періода земли Пешауара сдѣлались вассальнымъ достояніемъ Ранджитъ Синга, который въ настоящее время совершенно упрочилъ за собою всѣ пріобрѣтенныя имъ владѣнія.

Смерть Азимъ Хана была знакомъ къ началу раздора въ его семействѣ. Габибъ Уллахъ Ханъ послѣ страшныхъ жестокостей и злодьяній былъ лишенъ власти и имущества. Его дяди составили заговоръ и, овладѣвъ имъ, грозили матери его тѣмъ, что привяжутъ ея сына къ пушкѣ и взорвутъ выстрѣломъ, если имъ не будутъ выданы всѣ сокровища. Часть этихъ сокровищь молодой человѣкъ успѣлъ разточить до своего несчастія: все оставшееся выдано было по требованію. Шеръ диль Ханъ, одинъ изъ братьевъ Азима, увезъ съ собою около полумилліона фунтовъ стерлинговъ и основалъ независимое владѣніе въ Кандагарѣ; другой упрочился въ Пешауарѣ; а Кабулъ, послѣ перемѣны нѣсколькихъ правителей, окончательно досталея въ руки Достъ Магоммедъ Хана, также одного изъ

братьевъ визиря. Іубъ Шахъ, лишившись во время смутъ своего сына, бѣжалъ въ Панджабъ, и, сыскавъ убѣжище при лагорскомъ дворѣ, живетъ тамъ и по нынѣ. Царственный домъ Афганистана, разпавшійся прежде нежели успѣлъ утвердиться на престолѣ, съ этого времени болѣе не возвышался: различные начальники правили независимо одинъ отъ другаго. Синдійцы, сбросивъ иго, освободились отъ чужеземной власти, тяготѣвшей надъ ними; Гератъ управлялся изгнаннымъ семействомъ Махмуда; Балкъ былъ присоединенъ къ владѣніямъ бухарскаго государя; а самыя богатыя области достались въ руки Сейковъ. Этимъ оправдалось замѣчаніе, что кабульское государство не могло существовать безъ Кашмира, ибо доходы большей части другихъ областей его издерживались на нихъ же собственное содержаніе. Утрата Синда также ослабила Дуранійцевъ: его доходы давали имъ возможность поддерживать свое могущество и свою честь, а равно и держать въ страхѣ сосѣдніе народы. Такъ пала дуранійская монархія, существовавшая семьдесятъ шесть

лѣтъ, т. е. съ того времени, какъ Ахмедъ Шахъ былъ провозглашенъ государемъ въ Кандагарѣ въ 1747 году. Теперь я стану говорить о различныхъ владѣніяхъ, на которыя распалось это государство.

ГЛАВА II.

ПЕШАУАРЪ.

Управленіе Пешауаромъ находилось въ рукахъ одного изъ членовъ фамиліи Баракзи съ самаго того времени, какъ Фатіихъ Ханъ посадилъ на кабульскій престолъ Шаха Махмуда. Пешауаръ зависѣлъ отъ Кабула и платилъ ему дань до 1818 года, т. е. до той поры, какъ былъ убитъ визирь. Азимъ Ханъ, наслѣдникъ его, взималъ эту дань при своей жизни именемъ Іубъ Шаха. Послѣ его смерти Пешауаръ и земли, къ нему принадлежащія, составили отдѣльное владѣніе подобно Кабулу и Кандагару; а въ настоящее время онъ платитъ ежегодную дань Сейкамъ и управляется Сердаръ Султанъ Магоммедъ Ханомъ, раздѣляю-

щимъ его доходы съ двумя своими братьями, Пиромъ и Саидъ Магоммедъ Ханомъ. Значительная часть его земли находится въ рукахъ различныхъ начальниковъ, и потому чистый доходъ не превышаетъ девяти лаковъ рупій ежегодно. Меньшій братъ получаетъ три лака, а изъ остальной суммы правитель покрываетъ всѣ расходы страны, платитъ дань Сейкамъ и содержитъ многочисленное семейство двухъ старшихъ своихъ братьевъ, которые пали въ битвѣ и которымъ онъ наслѣдуетъ.

Власть этого правителя ограничивается равниною Пешауара и горами Кохата, которыя составляютъ южный предѣлъ его владѣнія. Эта равнина принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ частей кабульскихъ владѣній. Она имѣетъ видъ круга почти въ тридцать пять миль въ поперечникѣ, хорошо населена, обработана и орошается природою и искусствомъ. На этомъ небольшомъ пространствѣ есть множество селеній, которыя не платятъ ни какой подати; Хаттаки, афганское племя, откупаютъ всю землю

вплоть до двадцатой мили на западъ отъ Инда за небольшую сумму 12,000 рупій, ежегодно выплачивая ее пешауарскому правителю. Селенія, лежащія на западъ, ниже хиберскихъ горъ, ничего не платятъ; лежащія на сѣверѣ отъ рѣки Кабула за немногими исключеніями пользуются такимъ же правомъ. Единственныя замѣчательныя мѣста въ этомъ владѣніи суть: Пешауаръ и Хаштнаггаръ, описанныя г. Эльфинстономъ. Пешауаръ пришелъ въ упадокъ съ перемѣною своихъ правителей и теперь едва ли имѣетъ половину ста тысячь жителей, составлявшихъ его народонаселеніе въ 1809 году. Хаштнаггаръ есть мѣстопребываніе одного изъ младшихъ братьевъ правителя; въ Кохатѣ живетъ другой его братъ.

Военная сила Пешауара не значительна: все войско его едва ли равняется 3000 человѣкъ, изъ коихъ двѣ трети составляютъ кавалерію. Правитель, впрочемъ, можетъ выставить значительное число иррегулярнаго войска, или такъ называемое *улузи*; но оно худо вооружено и

потому не надежно. Шесть орудій и 200 человѣкъ регулярной пѣхоты довершаютъ военную силу пешауарскаго правителя. При деньгахъ, въ случаѣ необходимости онъ могъ бы купить для себя службу Хиберцовъ и другихъ горныхъ племенъ; но у него нѣтъ казны. Въ религіозной войнѣ съ Сейками всегда можно поднять фанатическое народонаселеніе, какъ это и было въ послѣдней войнѣ, когда Сеидъ Ахмедъ проповѣдывалъ здѣсь брань за вѣру. Впрочемъ всѣ эти силы въ совокупности слишкомъ малы въ сравненіи съ силами сосѣдей Пешауара какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, т. е. съ Сейками и съ Кабуломъ. Политическое вліяніе Пешауара столько же незначительно, сколько и его войско. Сейки взимаютъ съ него подать со времени смерти брата визиря, Азимъ Хана, и въ обезпеченіе исправнаго платежа держатъ заложникомъ сына пешауарскаго начальника. Въ настоящее время подать состоитъ изъ шестидесяти лошадей и извѣстнаго количества рису, свойственнаго только Пешауару; если случится, что подать запоздаетъ, что̀ бываетъ почти

ежегодно, то Сейки переправляютъ чрезъ Индъ войско и опустошаютъ весь край. Количество подати зависитъ отъ прихоти Ранджитъ Синга. Совершенно же покорить эту страну Сейки не хотятъ, ибо имъ безъ магоммеданскихъ союзниковъ удержать ее невозможно.

Правители Пешауара и Кабула хотя и братья, однако же питаютъ взаимную вражду другъ къ другу. Могущество кабульскаго правителя прочнѣе, чѣмъ власть пешауарскаго начальника; но за то послѣднiй имѣетъ союзникомъ своего брата, господствующаго въ Кандагарѣ и всегда готоваго отражать нападенiе какъ на Пешауаръ, такъ и на свои собственныя владѣнiя. Съ нѣкотораго времени правители пешауарскiй и кандагарскiй замышляютъ сдѣлать нападенiе на Кабулъ; не взирая на это, кажется достовѣрнѣе, что ихъ владѣнiя скорѣе подпадутъ подъ власть кабульскаго хана. Въ случаѣ опасности пешауарскiй правитель, конечно, призоветъ себѣ на помощь Сейковъ и, по всей вѣроятности, получитъ ихъ содѣйствiе, ибо Достъ Магоммедъ кабульскiй никогда не

согласится на ежегодную дань, которую нынѣ выплачиваетъ Лагору братъ его, живущій въ Пешауарѣ. Кромѣ этого, Сердаръ Султанъ Магоммедъ Ханъ питаетъ надежду склонить на свою сторону и британское правительство, если потребуютъ обстоятельства: онъ, по видимому, готовъ даже уступить часть своихъ владѣній, чтобъ только упрочить покровительство для удержанія остальныхъ. Во всемъ Афганистанѣ ни одинъ начальникъ не питаетъ такого уваженія къ Англичанамъ, какимъ они пользуются со стороны Султанъ-Магоммедъ Хана: это отчасти доказывается тѣмъ вниманіемъ, которое онъ оказываетъ Европейцамъ, проѣзжающимъ чрезъ его земли. Когда бы его постигло какое нибудь несчастіе, онъ можетъ явиться человѣкомъ полезнымъ, или опаснымъ, смотря по обстоятельствамъ: онъ можетъ даже пристать къ дѣлу Шуджи улъ Мулька, хотя этотъ послѣдній и не пользуется расположеніемъ его семейства. Впрочемъ легкость характера и непостоянство афганскихъ начальниковъ вошли здѣсь въ пословицу. Въ затруднительномъ положеніи пешауарскій правитель

можетъ еще получить помощь и отъ брата своего Пиръ Магоммеда; что же касается до послѣдняго брата, то этотъ не обладаетъ ни предпріимчивостью, ни твердостью характера. Весь домъ Баракзи опасается Шаха Шуджи улъ Мулка и принца Камрана гератскаго: первый при помощи Англичанъ можетъ изгнать эту фамилію и отнять похищенную ею власть; а другой при помощи Персіянъ, можетъ статься, будетъ въ состояніи утвердиться на престолѣ своихъ предковъ.

Султанъ Магоммедъ Ханъ пользуется доброю славою; но за то правленіе его чрезвычайно тягостное и разорительное: его агенты и подчиненные употребляютъ всѣ возможныя вымогательства, собираютъ съ товаровъ пошлины, превышающія ихъ цѣнность, безпрерывно измѣняютъ ходячую монету, унижая ея достоинство, и облагаютъ платою водяныя мукомольныя мѣльницы: вся тяжесть такого бремени падаетъ на низшіе классы народа. Пешауарскій начальникъ имѣетъ около тридцати пяти

лѣтъ отъ роду; будучи хорошо воспитанъ, онъ, при отличныхъ способностяхъ умственныхъ, отличается увлекательнымъ обращенiемъ и, умѣя читать и писать, самъ непосредственно занимается всѣми своими дѣлами; онъ даже правилъ въ одно время Кабуломъ. Но за всѣмъ этимъ онъ не обладаетъ искусствомъ устранять распри и прекращать крамолы; а потому дворъ его представляетъ картину раздора, которую трудно не только описать, но даже и вообразить. Недовольные обступаютъ его со всѣхъ сторонъ и во всякое время, излагая свои жалобы языкомъ самымъ свободнымъ; но жалобы почти никогда ни чѣмъ не рѣшаются, въ слѣдствiе чего все народонаселенiе остается въ высшей степени недовольнымъ. Подобно всѣмъ Афганамъ, правитель Пешауара и его родственники проживаютъ всѣ свои доходы: они щедры относительно всего, чтó имѣютъ, и потому не обладаютъ богатствомъ. Меня увѣряли, что безъ такой безграничной щедрости они не были бы въ состоянiи удержать своей власти. Султанъ Магоммедъ Ханъ содержитъ при своемъ дворѣ нѣ-

скольких знаменитѣйшихъ начальниковъ дуранійскаго народа и осыпаетъ ихъ милостями: въ числѣ ихъ находятся сыновья Акрамъ Хана, два мухтаръ-о-дула, министра Шаха Шуджи, и знаменитый Миръ Уаизъ. Послѣдній начальствуетъ пешауарскимъ войскомъ. Единственный сынъ визиря Фаттихъ Хана также живетъ у Султанъ Магоммедъ Хана.

Жизненные припасы въ Пешауарѣ дешевы и обильны, хотя цѣны ихъ и возрасли со времени уменьшенія народонаселенія. Всякаго рода зерновой хлѣбъ родится здѣсь въ большомъ количествѣ и не вывозится. Шестьдесятъ пять фунтовъ пшеницы продаются за одну рупію; впрочемъ это десятью фунтами менѣе того, что можно было купить за такую же цѣну въ 1809 году. Девяносто шесть фунтовъ ячменю продаются также за одну рупію, баранъ за двѣ, быкъ за двѣнадцать, или четырнадцать. Здѣшняя рупія по цѣнности своей одною четвертью менѣе обыкновеннаго индійскаго *соната*. Въ Пешауарѣ можно всегда добыть всякаго рода

фрукты, которыя, однако же, по причинѣ большихъ жаровъ не выдерживаютъ перевоза такъ какъ плоды каб‹ ьскіе. Одинъ изъ большихъ здѣшнихъ садовъ, приносившій прежде 700 рупій ежегоднаго дохода, теперь отдается только за 2000: это пониженіе въ цѣнности также приписывается уменьшенію жителей. Плоды продаются за полцѣны противъ прежняго, потому что теперь здѣсь нѣтъ двора, потреблявшаго ихъ въ большомъ количествѣ. Сахарный тростникъ растетъ хорошо; но жители не знакомы со способомъ кристаллизованія его сока: весь рафинируемый въ этомъ краѣ привозится изъ Индустана, не смотря на то, что туземный сахаръ превосходенъ. Афганы очень любятъ лакомиться сахарнымъ тростникомъ, разрѣзывая его на маленькіе куски и употребляя вмѣсто конфектъ. Самое замѣчательное произведеніе Пешауарской долины есть нѣкотораго рода рисъ, называемый *бара*, растущій на берегахъ рѣчки этого же имени, вытекающей изъ Тиры въ странѣ Хиберцевъ. Зерна этого риса такъ длинны, что четырнадцать штукъ равняются, какъ

говорятъ, пядени. Онъ весьма высокаго качества, которое приписывается превосходству воды упомянутой рѣчки. Предубѣжденіе къ этой водѣ такъ велико, что ею наполняютъ большую часть пешауарскихъ колодцевъ во время зимы и потомъ покрываютъ до жаркой поры года: это, по мнѣнію жителей, придаетъ ей свѣжесть. Рисъ бара продается по высокой цѣнѣ — по одной рупій за восемь фунтовъ и вывозится какъ рѣдкость въ Персію, Татарію и во всѣ сосѣднія страны. Онъ составляетъ часть дани, выплачиваемой Ранджитъ Сингу. Рисъ, растущій въ другихъ частяхъ Пешауарской долины, ни чѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго рису.

Въ Нидерландахъ съ недавняго времени доказано, что слѣдуя фламанскому способу земледѣлія можно на небольшомъ пространствѣ земли доставить существованіе такому народонаселенію, численность котораго далеко превзойдетъ число ихъ теперешнихъ жителей: тамъ почва воздѣлывается заступомъ и отъ того последовательно получается нѣсколько жатвъ,

преимущественно огородныхъ растеній. Если на Востокѣ есть страна, въ которой съ выгодою можно примѣнить такой способъ, то эта страна, безъ сомнѣнія, есть равнина Пешауара, гдѣ почва состоитъ изъ тучнаго чернозема, и, будучи пересѣчена ручьями во всѣхъ направленіяхъ, покрыта зеленью, какъ увѣряютъ, въ теченіе всего года. Она ежегодно даетъ три послѣдовательныя жатвы; а если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что ячмень скашивается на кормъ лошадямъ два раза, прежде нежели успѣетъ заколоситься, то будемъ имѣть пять жатвъ. Пшеницу и ячмень снимаютъ съ корня до наступленія Апрѣля. Огородная зелень растетъ въ изобиліи и, можно сказать, воздѣлывается болѣе въ поляхъ, чѣмъ въ огородахъ. Народная дѣятельность и образованіе могли бы сдѣлать изъ Пешауара край самый богатый: мы видѣли уже, что онъ способствуетъ произрастанію сахарнаго тростника; а недавніе опыты доказали, что тамъ съ выгодою можетъ быть разведенъ шелковый червь, ибо шелковица растетъ въ большомъ количествѣ, червь же не

подвергается ни какимъ особеннымъ болѣзнямъ. Черви, которыхъ я тамъ видѣлъ, были привезены изъ Кабула и Балка. Яица ихъ выводятся около весенняго равноденствія, за нѣсколько дней до того, какъ начнутъ развертываться листы шелковицы; до этой же поры насѣкомое кормится какою-то травою, довольно обыкновенною въ Англіи, имѣющею желтый цвѣтокъ и называемою у Персіянъ *худикаланъ*. Уходъ за червями точно такой же, какой и въ Европѣ. Шелкъ обыкновенно варятъ прежде, нежели начнутъ разматывать; а червей выводятъ искуственною теплотою, подвязывая подъ мышки. Это насѣкомое, будучи подвержено дѣйствію солнца, умираетъ; точно также и личинка лишается жизни въ куконѣ. Къ концу Мая черви оканчиваютъ свое поприще и лежатъ баздѣйственно до слѣдующей весны. Во время этого періода яица ихъ ставятъ въ погреба подъ землю, дабы предохранить ихъ отъ вліянія тепла и отъ сырости. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что въ теплые мѣсяцы года можно развести червей нѣсколько поколѣній послѣдовательно.

Округъ Кохатъ, состоящій подъ властію Пешауара, заслуживаетъ описанія какъ по богатству, такъ и по разнообразію своихъ произведеній, не смотря на то, что онъ приноситъ только два лака рупій дохода. Чрезъ него проходитъ *соляной* хребетъ, соль изъ котораго продается одною восьмою дешевле цѣнъ, существующихъ на востокъ отъ Инда. Въ этихъ же горахъ есть много другихъ ископаемыхъ предметовъ: золото, мѣдь, желѣзо, антимоній и два рода сѣры. Встрѣчаются также источники нефти или петроліума, вещества употребляемаго въ сосѣднихъ деревняхъ вмѣсто масла. Самое же драгоцѣнное произведеніе Кохата есть каменный уголь, который мы открыли во время нашего тамъ пребыванія и объяснили жителямъ его употребленіе, къ чрезвычайному ихъ удивленію. Онъ найденъ на поверхности одной горы въ огромномъ количествѣ. Представленные нами образцы имѣли сѣроватый цвѣтъ, съ виду походили болѣе на сланецъ, нежели на уголь, и заключали въ себѣ много сѣры. Горитъ онъ хорошо, но оставляетъ много пеплу. Впрочемъ,

такъ какъ образцы взяты были съ поверхности, то по нимъ и нельзя судить о достоинствѣ этого угля. Онъ заключаетъ въ себѣ много битумену, въ слѣдствіе чего легко загорается на свѣчкѣ. Въ настоящее время жители селеній употребляютъ его какъ топливо. Открытіе каменнаго угля при верховьяхъ Инда въ наше время весьма важно, ибо теперь судоходство по этой рѣкѣ совершается до самаго Аттока. Ложа его найдены миляхъ въ сорока отъ этой крѣпости, отъ которой проходитъ ровная дорога до сосѣдствующаго съ ними большаго города, гдѣ всякая работа чрезвычайно дешева. Замѣчательно, что каменный угль почти въ одно время найденъ при устьѣ и при верховьѣ Инда (въ Катчѣ и Кохатѣ), не задолго послѣ того, какъ на этой рѣкѣ введено было пароходство. Открытія рѣдко случаются такъ кстати, и потому въ этомъ случаѣ какъ будто бы служатъ хорошимъ предзнаменованіемъ для успѣха на новомъ торговомъ пути по Инду.

ГЛАВА III.

КАБУЛЪ.

Городъ Кабулъ составляетъ теперь резиденцію независимаго начальника, содержащаго въ своей власти сосѣдніе округи вмѣстѣ съ Газни, но не имѣющаго ни какого господствованія надъ прежнимъ государствомъ Дуранійцевъ. Тѣ же самыя причины, которыя разъединили Пешауаръ, послужили къ распаденію Кабула: по смерти Азимъ Хана онъ былъ предметомъ споровъ между различными членами баракзійскаго дома, и въ 1826 году достался въ руки Достъ Магоммедъ Хана, теперешняго владѣтеля и брата визиря Фаттихъ Хана. Съ того времени Достъ Магоммедъ постепенно разширялъ предѣлы своихъ владѣній и упрочивалъ свое могущество. Онъ

вручилъ управленіе городомъ Газни и принадлежащимъ къ нему округомъ одному изъ своихъ братьевъ, и кромѣ его ни кого болѣе не допускаетъ раздѣлять съ собою свое счастіе. Границы его владѣній простираются на сѣверъ до Гинду Куша и Баміана; на западѣ онѣ примыкаютъ къ горной странѣ Газаровъ, на югѣ доходятъ до Газни, а на востокѣ до садовъ Нимлы на половинѣ пути отъ Кабула къ Пешауару. Большая часть кабульскихъ владѣній покрыта горами; впрочемъ въ нихъ много пахатной земли, которая вообще весьма плодородна, ибо распредѣлена у подошвы горъ, съ которыхъ получаетъ тучную наносную почву. Доходы Кабула простираются до восьмнадцати лаковъ рупій. Военная сила его больше, чѣмъ въ другихъ афганскихъ владѣніяхъ: Достъ Магоммедъ имѣетъ 9000 хорошо посаженной и вооруженной конницы и 2000 пѣхоты, кромѣ другихъ вспомогательныхъ войскъ, составляющихся изъ сельской милиціи. Артиллерія его состоитъ изъ сорока орудій съ прислугою, довольно хорошо обученною для тамошняго края.

Кабулъ есть страна сильная своею мѣстностью, не смотря на то, что по ней проложены хорошія дороги.

Слава Достъ Магоммедъ Хана встрѣчаетъ путешественниковъ гораздо прежде, нежели они вступаютъ въ его владѣнія, и, безъ сомнѣнія, никто столь хорошо ея не заслуживаетъ. Онъ неутомимо-внимателенъ къ своей обязанности, ежедневно присутствуетъ въ Совѣтѣ вмѣстѣ съ кази и съ муллами и рѣшаетъ дѣла сообразно съ законами. Коранъ и его толкованія хотя и не могутъ служить образцомъ законодательнаго совершенства, однако же основанныя на нихъ опредѣленія въ большомъ уваженіи между народомъ, ибо они опредѣляютъ извѣстныя грани тиранству и избавляютъ отъ *jus vagum aut incognitum* деспота. Достъ Магоммедъ всѣми мѣрами покровительствуетъ торговлѣ и получаетъ за это полное вознагражденіе, ибо доходы кабульской таможни увеличились до 5000 рупій, такъ что въ настоящее время доставляютъ ему два лака рупій въ годъ чи-

стой прибыли. Одна единица изъ сорока, т. е. $2^1/_2$ процента, составляютъ единственную подать, собираемую въ его владѣніяхъ: за это купецъ можетъ путешествовать отъ одной его границы до другой безъ всякаго конвоя, чтó было дѣломъ неслыханнымъ во времена предшествовавшихъ государей. Правитель Кабула изъ ревнія къ господствующей вѣрѣ запретилъ употребленіе вина и крѣпкихъ напитковъ, недозволяемыхъ Кораномъ: этимъ онъ лишилъ своихъ подданныхъ хмѣльныхъ наслажденій и изгналъ изъ своего государства всѣхъ Евреевъ и Армянъ, ибо здѣсь они не имѣли другихъ средствъ къ существованію, кромѣ винной торговли. Добрый мусульманинъ, конечно, не долженъ былъ бы сожалѣть объ утратѣ этой роскоши; однако же такое лишеніе составляло единственный предметъ жалобъ, слышанныхъ мною относительно правленія Достъ Магоммеда, который, подобно почти всѣмъ Афганамъ, былъ также преданъ въ ранніе годы своей жизни вину и всѣмъ сопутствующимъ его порокамъ. Изданное имъ запрещеніе, можетъ быть, произошло

въ слѣдствіе его прихоти; но какъ бы то ни было, теперь онъ самъ и весь дворъ его представляютъ народу рѣзкій примѣръ трезвости. Справедливость правителя составляетъ предметъ постоянной хвалы между всѣми классами: поселянинъ радуется отсутствію тираніи, горожанинъ — безопасности своего дома и строгости муниципальныхъ постановленій относительно вѣсовъ и мѣръ, купецъ — справедливости рѣшеній по дѣламъ торговымъ и покровительству своей собственности, солдатъ — правильности, съ которою выдаютъ ему жалованье. Человѣкъ облеченный высшею властью не можетъ имѣть лучшей похвалы. Въ настоящее время Достъ-Магаммедъ Хану нѣтъ еще и сорока лѣтъ отъ роду. Мать его была Персіянка, и потому онъ воспитывался, окруженный ея соотечественниками; а это изощрило его умъ и одарило преимуществами предъ всѣми его братьями. Всѣхъ приближающихся къ нему поражаютъ его проницательность, разсудительность и любознательность, также какъ и его умный разговоръ и пріятное обращеніе. Онъ, безъ сомнѣнія, са-

мый сильный начальникъ въ Афганистанѣ и, вѣроятно, при помощи своихъ способностей усилится еще болѣе.

Несогласія, существующія между Достъ Магоммедъ Ханомъ и его братьями, уменьшаютъ ихъ взаимную силу и въ случаѣ вторженія непріятеля могутъ дать поводъ къ интригамъ и къ появленію партій. Домъ Баракзи не имѣетъ причинъ опасаться другихъ афганскихъ племенъ, ибо онъ превосходитъ ихъ какъ силою, такъ и числомъ своихъ приверженцевъ. Владѣтели Пешауара и Кандагара хотя и готовы всѣми средствами вредить Достъ Магоммеду, однако же у нихъ нѣтъ для этого достаточной силы. Оба они имѣютъ виды на Кабулъ и, съ завистью смотря на благосостояніе его правителя, содержатъ при немъ тайныхъ агентовъ, поджигающихъ крамолы, и оба питаютъ надежду современемъ искоренить его какъ похитителя. Но для нихъ это дѣло трудное, ибо правитель Кабула, не говоря уже о его справедливости и умѣренности правленія, упрочившихъ ему мно-

жество друзей, пользуется еще выгодами своего персидскаго происхожденія, что́, въ случаѣ несчастія, всегда можетъ оказать ему существенную услугу. Онъ держитъ на своей сторонѣ воинственное племя Джауаншира и старается всѣми мѣрами задобрить его, ибо оно уже нѣсколько разъ дѣлало перевѣсь въ пользу различныхъ претендентовъ на кабульскій престолъ. Для этого онъ изучилъ его языкъ (турецкій) и заботится о его выгодахъ и благосостояніи. Число Персіянъ въ Кабулѣ простирается почти до 12,000 семействъ; всѣ они живутъ въ отдѣльной части города, что́ и поддерживаетъ *un esprit de corps* между ними. Это также питаетъ между ними сознаніе ихъ силы, которая, смотря по обстоятельствамъ, можетъ оказаться выгодною, или пагубною для партій, раздѣляющихъ страну. Опасеніе, внушаемое непріятелями какъ внѣшними, такъ и внутренними, имѣетъ дурное вліяніе на правленіе Достъ Магоммедъ Хана. При его безпрерывной заботливости объ устраненіи опасности, всегда имъ ожидаемой даже и со стороны членовъ его до-

ма, онъ едва ли въ состояніи сдѣлать какія-либо завоеванія внѣ предѣловъ своихъ владѣній, или возстановить падшее кабульское царство: это обстоятельство удерживаетъ его отъ нападенія на Гератъ и отъ попытки отнять у Сейковъ Мултанъ и Дера Гази Ханъ. Въ прошломъ году онъ ходилъ на Джалелебадъ, округъ, лежащій между Кабуломъ и Пешауаромъ и приносящій около семи лаковъ рупій ежегоднаго дохода. Онъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, современемъ овладѣетъ имъ; но пока не покоритъ Пешауара и Кандагара, или не примирится съ ними, до тѣхъ поръ онъ не поднимется выше званія правителя, т. е. будетъ такимъ же начальникомъ въ Афганистанѣ, какъ и другіе. Впрочемъ, при нынѣшнемъ состояніи политики онъ съ каждымъ днемъ становится сильнѣе и сильнѣе.

Кабулъ, будучи страною сильною по своей мѣстности, въ другихъ отношеніяхъ имѣетъ мало средствъ. Тамъ много плодовъ, но за то хлѣбъ родится скудно. Императоръ Баберъ, покоривъ

себѣ этотъ край, наложилъ дань въ 30.000 харуаровъ * зерноваго хлѣба на Кабулъ и Газни; но въ послѣдующемъ году, лучше ознакомившись съ страною, нашелъ, что это было для нее слишкомъ тягостно. Въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ земля здѣсь, безъ сомнѣнія, улучшилась; но, не смотря на это, жизненные припасы все еще дороги. Лѣтомъ цѣны на нихъ еще, можно сказать, умѣренны, ибо плоды и огородныя растенія родятся въ избыткѣ и доставляются въ городъ изъ сосѣднихъ округовъ. Зимою же, когда всѣ дороги закрыты, топливо дѣлается недостаточнымъ, а хлѣбъ дорожаетъ, тѣмъ болѣе, что мукомольныя мельницы замерзаютъ; тогда бѣдные классы народа принуждены питаться животною пищею и еще, при суровости климата, запасаться теплою одеждою. Присутствіе войскъ въ Кабулѣ удвоиваетъ цѣнность припасовъ, что̀ служитъ яснымъ доказательствомъ ихъ недостаточности. Не смотря, однако же, на это, многочисленное войско можетъ найдти удобныя квартиры въ городѣ Кабулѣ и полу-

* Харуаръ равняется 700 фунт. англійскимъ.

чать нужное продовольствіе изъ Пешауара и изъ долины рѣки Кабула, близъ Джалелебада. Фуражъ для лошадей здѣсь весьма обиленъ, искуственныя травы воздѣлываются въ большомъ количествѣ и служатъ питательнымъ кормомъ. Въ Кабулѣ и Газни повсюду видны обширныя пастбища и луга. Изъ этихъ послѣднихъ одинъ въ особенности можетъ доставить фуражу тысячь на двадцать кавалеріи: онъ называется Науаръ и находится близъ Газни. Городъ Кабулъ уже описанъ мною выше: онъ имѣетъ около 60,000 жителей и базаръ съ 2000 лавокъ; каждый родъ товаровъ имѣетъ опредѣленное мѣсто для разпродажи. Кабулъ доставляетъ такое значительное количество товаровъ, о которомъ нельзя составить себѣ понятіе по величинѣ города; это потому, что онъ составляетъ торговый пунктъ, складочное мѣсто каравановъ, увеличивающее кругъ своего дѣйствія съ каждымъ днемъ подъ неослабнымъ покровительствомъ теперешняго правителя.

Какъ крѣпость, Кабулъ совершенно ничтоженъ: городская стѣна, никогда не бывшая въ хоро-

шемъ состоянiи, теперь почти разрушилась; стѣны же, проведенныя по вершинамъ горъ, окружающихъ городъ, служатъ ни чѣмъ инымъ, какъ только безполезнымъ украшенiемъ. Бала Гиссаръ или цитадель, находящаяся на восточной сторонѣ города, такъ слаба, что почти не можетъ назваться укрѣпленiемъ, а другой Бала Гиссаръ, стоящiй ниже перваго, еще ничтожнѣе. Первая цитадель, построенная на возвышенности и представляющая прекрасный видъ на окрестности, могла бы повелѣвать всѣмъ городомъ, ибо онъ лежитъ у ея подошвы.

ГЛАВА IV.

О ДѢЛАХЪ ЗАПАДНАГО АФГАНИСТАНА.

Западная часть Афганистана находится подъ властью начальниковъ Кандагара и Герата, правящихъ независимо, подобно начальникамъ Кабула и Пешауара. Такимъ образомъ распавшаяся афганская монархія состоитъ нынѣ изъ четырехъ отдѣльныхъ владѣній. Кандагаръ находится во власти одного члена баракзійскаго дома; а Гератъ управляется Камраномъ, сыномъ прежняго кабульскаго государя, Махмуда. Я уже сказалъ, что Ширъ Дилъ Ханъ, бѣжавъ изъ Кабула въ Кандагаръ, образовалъ въ немъ теперешнее независимое владѣніе, отнявъ его у своего племянника. Онъ былъ человѣкъ страшнаго характера и во многомъ походилъ на своего брата Фаттихъ Хана, но превосходилъ его угрюмостью и жестокостью. Разсказываютъ, буд-

то бы онъ однажды отрубилъ палецъ своему сыну, сказавъ ему напередъ, что если онъ закричитъ, то будетъ исключенъ изъ числа его дѣтей, т. е. изъ дома Баракзи: малютка вынесъ жестокость отца, не произнеся звука. Ширъ Дилъ Ханъ бѣжалъ въ Кандагаръ въ сопровожденіи четырехъ своихъ братьевъ; потомъ чрезъ нѣсколько времени умеръ, также какъ и одинъ изъ его братьевъ, а потому Кандагаромъ теперь управляетъ Коганъ Дилъ Ханъ при помощи Рахамъ Дила и Миръ Дила, двухъ оставшихся въ живыхъ братьевъ своихъ. Доходы Кандагара простираются почти до восьми лаковъ рупій, а военная сила до 9000 всадниковъ при шести орудіяхъ; но такъ какъ этотъ городъ находится въ центрѣ дуранійскихъ земель и близъ мѣсторожденія баракзійскаго дома, то, вѣроятно, въ случаѣ опасности онъ будетъ въ состояніи выставить гораздо большее число конницы. Народъ не любитъ правительства, которое, конечно, и не заслуживаетъ уваженія за свои угнетенія. Кандагарскій правитель находится въ непріязненныхъ отношеніяхъ почти со-

всѣми своими сосѣдями. Подобно всѣмъ членамъ своего дома, онъ враждуетъ противъ Камрана гератскаго и нѣсколько разъ пытался овладѣть его столицею. Съ правителемъ Кабула онъ также во враждѣ. За то съ пешауарскою и кандагарскою отраслями дома Баракзи онъ постоянно состоитъ въ сношеніяхъ тѣсныхъ и искреннихъ; впрочемъ, и этотъ союзъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ едва ли будетъ въ состояніи причинить какой нибудь вредъ Кабулу. Кандагарскій правитель старается разширить свою власть до Инда, и потому въ теченіе многихъ лѣтъ посылаетъ войско въ Синдъ, на Шикарпуръ; но эмиры этой страны всегда съ успѣхомъ отражаютъ его нападенія. Онъ же, пользуясь природною открытостью Синда и удобствомъ сношенія между Кандагаромъ и Индомъ, чрезъ Боланскій перевалъ, вѣроятно не скоро оставитъ своихъ видовъ на Шикарпуръ, ибо въ случаѣ какой нибудь смуты въ Синдѣ легко можетъ овладѣть этимъ городомъ; близость же такихъ смутъ, кажется, весьма правдоподобна въ странѣ эмировъ. Правитель Кандагара съ радостью го-

товъ былъ бы искать содѣйствія панджабскаго государя въ этомъ дѣлѣ, если бы Ранджитъ Сингъ самъ не смотрѣлъ на Шикарпуръ завистливымъ окомъ.

Гератъ есть единственная провинція изъ всего кабульскаго государства, которая въ настоящее время управляется человѣкомъ царской крови: въ немъ правитъ Камранъ, можно сказать, скорѣе въ слѣдствіе терпимости своихъ непріятелей, нежели въ слѣдствіе своей силы. Отъ своихъ соотечественниковъ онъ не получаетъ ни какого вспомоществованія, ибо всѣ афганскіе начальники ему враги, желающіе его погибели, въ отмщеніе за убійство брата ихъ, Фаттихъ Хана. Въ слѣдствіе этихъ причинъ Гератъ въ настоящее время состоитъ почти въ совершенной зависимости отъ Персіи, войска которой въ теченіе послѣднихъ лѣтъ нѣсколько разъ вступали въ этотъ городъ: онъ спасался только тѣмъ, что правитель его откупался отъ нихъ деньгами. Такъ, въ 1832 году, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, къ нему подступалъ наслѣдникъ персидскаго престола, требовавшій не только де-

нежной платы, но еще и поставлявшій ему въ обязанность чеканить монету во имя персидскаго государя. По всѣмъ вѣроятностямъ оба эти требованія будутъ исполнены, ибо Камранъ готовъ на всѣ уступки, только бы удержать за собою власть. Персіяне, однако же, ни сколько не намѣрены утвердиться въ Гератѣ, ибо это повело бы за собою излишніе расходы для содержанія гарнизона и чрезъ то уменьшило бы получаемую ими съ него подать. Увѣряютъ, что Камранъ имѣетъ въ своихъ рукахъ нѣкоторыя изъ драгоцѣнностей, принадлежавшихъ кабульской коронѣ, и что онъ получаетъ огромные доходы съ Герата, стоящаго въ одной изъ плодороднѣйшихъ частей міра. Эти богатства даютъ ему возможность содержать при себѣ нѣкоторыхъ изъ афганскихъ начальниковъ и отъ 4000 до 5000 конницы. Политическихъ связей онъ не ведетъ ни съ кѣмъ; но, не взирая на это, надѣется возстановить монархію своего отца. Онъ слыветъ за человѣка жестокаго и неистоваго, а потому не имѣетъ друзей и ненавистенъ соотечественникамъ.

ГЛАВА V.

ПЕРЕЧЕНЬ КАБУЛЬСКИХЪ ДѢЛЪ.

Въ предыдущихъ главахъ я представилъ очеркъ происшествій, случившихся въ Афганистанѣ до паденія кабульской монархіи, и описалъ различныя владѣнія, на которыя она раздѣлялась. По видимому, благосостояніе этого государства окончилось съ царствованіемъ его основателя, Ахмедъ Шаха Дурани; ибо сынъ его, Тимуръ, не обладалъ ни силою, ни дѣятельностію своего отца. Шахъ Заманъ, сынъ и пріемникъ Тимура, лишенный всякаго образованія и жестокій по характеру, наслѣдовалъ власти, всѣ пружины которой были ослаблены беззаботною рукою его предшественника. Шахъ Заманъ и его братья, Махмудъ и Шуджа, по возшествіи своемъ на престолъ, по видимому, забыли, что они правили народомъ, исполненнымъ духа республиканскаго. Совершенное низ-

проверженіе этой династіи единогласно приписывается неумѣстной гордости и надмѣнности послѣднихъ государей, къ которымъ Афганы не питали ни какого сочувствія. Нѣтъ сомнѣнія, что Шуджа могъ бы снова пріобрѣсть себѣ власть, если бы онъ безразсудно не выказалъ своей рѣшительной воли прежде, нежели утвердился на престолѣ. Афганы вообще не могутъ удерживать и скрывать чувства ненависти къ людямъ, облеченнымъ властью. Чтобъ имъ быть счастливыми подъ какимъ бы то ни было правленіемъ, необходимо, что бы они или были управляемы могучимъ деспотомъ, или раздѣлены на множество мелкихъ республикъ.

Первенство дома Баракзи въ Кабулѣ нравится народу и, какъ мнѣ кажется, споспѣшествуетъ благоденствію страны. Кланъ его, простирающійся почти до 60.000 семействъ, всегда въ состояніи поддержать это первенство. Прежняя же царская фамилія Садозисовъ, будучи не многочисленна, всегда принуждена была искать поддержки у другихъ племенъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ

служило племя Баракзи. Хаджи Джамалъ, самый сильный изъ баракзійскихъ начальниковъ, добровольно преклонился предъ властью Ахмедъ Шаха и способствовалъ къ возведенію его на престолъ. Наслѣдники этого государя за всѣ услуги заплатили Джамалу убіеніемъ сына его, Поинда Хана, и варварскимъ умерщвленіемъ его внука, визиря Фаттихъ Хана. Если бы Садозисы обходились съ своими благодѣтелями справедливо, а съ подданными кротко, то они и понынѣ могли бы мирно царствовать. Ненависть дома Баракзи къ дому Садозисовъ и причины, ее поддерживающія, т. е. убіеніе двухъ упомянутыхъ начальниковъ, не дозволяютъ думать, чтобы это племя когда либо согласилось на возстановленіе падшаго дома. Достовѣрно можно сказать, что для послѣднихъ не послужитъ даже ни какая помощь другихъ племенъ, ибо все богатсво этой страны находится въ рукахъ ихъ враговъ, а народъ смотритъ на ихъ несчастіе съ равнодушіемъ, ибо онъ думаетъ, что они сами на себя накликали всѣ бѣдствія. Все это ведетъ къ заключенію, что возстановле-

ніе Шуджа Улъ Мулка, или Камрана есть дѣло почти несбыточное. Династія Садозисовъ, можно сказать, миновала, если только ее не поддержитъ чужеземная помощь, безъ которой она никогда не возвратитъ утраченныхъ областей имперіи: гораздо труднѣе возстановить, нежели избрать вновь какую нибудь династію. Если въ обыкновенномъ ходѣ дѣлъ всему Афганистану суждено будетъ снова управляться однимъ государемъ, то мы должны искать другую фамилію для возстановленія въ Кабулѣ, и эта фамилія, по всѣмъ вѣроятностямъ, будетъ баракзійская.

Въ настоящее время нѣтъ ни какихъ политическихъ сношеній между афганистанскими государствами и иностранными властителями. Персіяне съ давняго времени хвастливо толкуютъ о нашествіи на Кабулъ; но, кажется, они не въ состояніи причинить ни какого вреда этой странѣ, если только не послѣдуетъ въ ней измѣны со стороны Казильбашей, служащихъ охраннымъ войскомъ Достъ Магоммеду. Во всеобщей войнѣ вражда, существующая между афгани-

станскими домами, вѣроятно, будетъ забыта, и тогда они явятся сильными и опасными, ибо одни Баракзійцы могутъ выставить въ поле почти до 30.000 всадниковъ. Во время нашего пребыванія въ Кабулѣ, Достъ Магоммедъ Ханъ получилъ отъ своего брата изъ Кандагара извѣщеніе о томъ, что ему грозитъ посолъ, прибывшій изъ персидскаго лагеря. Отвѣтъ Достъ Магоммеда хорошо характеризуетъ его: — «когда покажутся Персіяне,» говорилъ онъ, »то дай мнѣ знать: теперь я врагъ твой, а тогда буду другомъ.« Сильная мѣстность Кабула служитъ ему лучшимъ оплотомъ противъ внѣшнихъ его непріятелей, въ случаѣ нападенія какого бы то ни было азіятскаго государя: Надиръ Шахъ проникъ сюда только потому, что на его сторонѣ было много афганскихъ начальниковъ, которыхъ онъ успѣлъ привлечь къ себѣ милостями и которые получили большой удѣлъ изъ его добычи.

Политическое состояніе Кабула, какъ государства, составляетъ во всякое время предметъ

весьма важный для Индіи по причинѣ безпрерывныхъ перемѣнъ, тамъ совершающихся. Мы уже видѣли, что изъ четырехъ владѣній, составляющихъ Афганистанъ, одно подвластно Панджабу, а другое Персіи. Мы также видѣли, что правитель Кабула есть человѣкъ съ умомъ просвѣщеннымъ: въ случаѣ смерти Ранджитъ Синга онъ можетъ захватить себѣ верховную власть во всемъ этомъ краѣ; а отсюда ему уже не трудно будетъ покорить Пешауаръ и завладѣть всѣми областями по Инду и даже Кашмиромъ. Онъ также хорошо расположенъ къ Англичанамъ, какъ и другіе начальники государства. Въ 1809 году, когда британская миссія вступила въ эту страну, ни Достъ Магоммедъ, ни эти начальники не были еще въ силѣ; но, не взирая на это, мы тогда же успѣли утвердить здѣсь хорошее о себѣ мнѣніе всѣхъ партій тѣмъ, что удалились отъ вмѣшательства въ то самое время, какъ они выступили на поприще. Правда, что это удаленіе было вынуждено обстоятельствами; но оно тѣмъ не менѣе способствовало мысли о нашей безпритязательности. Въ слѣд-

ствіе всего этого намъ не трудно будетъ укрѣпить свои связи съ Кабуломъ и тѣмъ скорѣе, что правитель его по справедливости заслуживаетъ нашего вниманія. Владѣнія его лежатъ на великомъ торговомъ пути, по которому идутъ наши товары, ежедневно увеличивающіеся въ своемъ числѣ въ слѣдствіе его правоты и покровительства; а чтобъ склонить его на свою сторону, правительству не нужно большихъ тратъ. При этомъ не должно забывать, что онъ владѣетъ самымъ важнымъ пунктомъ Азіи относительно защиты британской Индіи: если бы обстоятельства сблизили насъ съ Кабуломъ тѣснѣе, нежели съ Персіею, то мы тамъ пріобрѣли бы себѣ болѣе близкихъ, вѣрныхъ и полезныхъ союзниковъ, чѣмъ мы имѣемъ въ послѣдней странѣ. Наконецъ, мы не истратили бы и десятой доли того, чтó такъ щедро расточали въ Персіи.

ГЛАВА VI.

КУНДУЗЪ.

Между Кабуломъ и Бухарою лежатъ кундузскія владѣнія. Подъ этимъ названіемъ я разумѣю земли на сѣверъ отъ Гинду Куша, на югъ отъ Окса и на западъ вплоть до города Балка. Онѣ составляютъ край, управляемый узбекскимъ начальникомъ, въ недавнее время усилившимся и теперь пользующимся большимъ вліяніемъ. Магоммедъ Мурадъ Бегъ, здѣсь господствующій, принадлежитъ къ племени Катгана и носитъ титулъ Мира, подъ которымъ онъ и извѣстенъ между своими подданными. Еще недавно катганское племя ограничивалось только одною кундузскою областью; но представитель его, Мурадъ, умѣлъ распространить свою власть на

всѣ сосѣднія владѣнія: теперь онъ обладаетъ Кулумомъ, Гейбакомъ, Гора, Индерабомъ, Талиганомъ, Газратъ - Имамомъ и всею долиною верхняго Окса и его данницъ. Городъ Балкъ также былъ въ его рукахъ: онъ довольствовался только тѣмъ, что разграбилъ его и вывелъ часть жителей въ свои владѣнія. Онъ также покорилъ весь Бадахшанъ; а въ настоящее время занятъ войною противъ горныхъ округовъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Окса: Кулабъ, принадлежащій къ числу этихъ округовъ и находящійся между Даруазомъ и Шагнаномъ, уже покоренъ имъ. На югъ власть его простирается до Сигана, въ тридцати миляхъ отъ Баміана, и по другую сторону двухъ переваловъ Гинду Куша.

Народонаселеніе кундузскихъ владѣній состоитъ преимущественно изъ Таджиковъ, первобытныхъ жителей этихъ мѣстъ, составляющихъ главную часть народа въ Бадахшанѣ. Узбековъ здѣсь, сравнительно говоря, весьма немного.

Теперешній кундузскій миръ усилился по смерти Хиличъ Али Бега, извѣстнаго узбекскаго

начальника, долго правившаго Балкомъ подъ номинальнымъ подданствомъ кабульскому престолу. При немъ Мурадъ Бегъ занималъ второе мѣсто въ области.

По смерти Хилича, послѣдовавшей лѣтъ восемь тому назадъ, Мурадъ Бегъ началъ интриговать съ разными членами его семейства и наконецъ успѣлъ упрочить свою власть такъ, что теперь сыновья Хилича Али Бега правятъ въ качествѣ его вассаловъ въ Кулумѣ и Гейбакѣ. Хотя Катганы всегда пользовались нѣкоторою степенью вліянія между Узбеками; однако же Мурадъ Бегъ первый изъ своихъ соотечественниковъ умѣлъ образовать такое обширное владѣніе. Катганы принадлежатъ къ племенамъ монгольскаго происхожденія: они вмѣстѣ съ Калмыками идутъ отъ одного и того же начала. На теперешнія мѣста своего жительства они пришли въ шестнадцатомъ столѣтіи вмѣстѣ съ великимъ узбекскимъ народомъ, изгнавшимъ потомковъ Тимура изъ царства ихъ предковъ. Кундузъ, какъ кажется, былъ отдаленнѣйшею

гранью, до которой простиралось это нашествіе, ибо Узбеки не поселились ни въ Бадахшанѣ, ни на югъ отъ Гинду Куша. Власть Мурадъ Бега, по видимому, достаточно хорошо упрочена: онъ во всемъ употребляетъ сильныя мѣры.

Кундузскій миръ могуществомъ своимъ много обязанъ той политикѣ, съ которою онъ дѣйствуетъ относительно покоренныхъ имъ племенъ. Онъ обыкновенно оставляетъ всю власть побѣжденнымъ начальникамъ на томъ условіи, чтобы они выставляли ему извѣстное число войска, а самъ съ своей стороны размѣщаетъ въ ихъ областяхъ часть своей арміи и содержитъ ее на ихъ счетъ. Такимъ образомъ, увеличивая свою силу безъ всякаго опасенія мятежа, онъ упрочиваетъ за собою новопріобрѣтенныя свои завоеванія. Соединенная воинская сила его простирается до 20.000 всадниковъ при шести орудіяхъ, изъ коихъ одно 36-фунтовое. Пѣхоты у него нѣтъ, ибо Узбеки презираютъ этотъ родъ войска; они въ равной степени чуждаются всякаго понятія объ употребленіи пушекъ, не смо-

ря на то, что присутствіе ихъ на полѣ битвы всегда почти упрочиваетъ побѣду въ этой части Азіи. Я, однако же, долженъ упомянуть къ чести Мурадъ Бега, что онъ умѣлъ привесть свой 36-фунтовикъ въ Сарбахъ, т. е. на разстояніе пятидесяти миль въ Гинду-кушскія горы. Это орудіе было первоначально вывезено изъ Персіи Надиръ Шахомъ, шедшимъ въ Балкъ по пути чрезъ Мешедъ, Чаракъ и Меймана, что̀ служитъ яснымъ доказательствомъ хорошей дороги, а вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ колиберъ орудій, который можно возить по ней. Вся здѣшняя конница вооружена длинными пиками, нѣкоторая часть ея имѣетъ ружья, но за то остальная бо̀льшая худо *вооружена и окопирована*; впрочемъ, не смотря на это, она стоитъ выше войскъ, которыя могутъ противоставить ей сосѣдніе народы. Мурадъ Бегъ производитъ плату своимъ солдатамъ зерновымъ хлѣбомъ и постоянно держитъ при себѣ всѣхъ начальниковъ, вмѣстѣ съ отрядомъ тѣлохранителей. Онъ ведетъ жизнь необыкновенно дѣятельную: самъ ходитъ въ походы и безпрерывно занимаетъ свою конницу

разбойническими наѣздами, (или такъ называемыми здѣсь *Чапаулами*) въ страны на сѣверъ отъ Окса въ сосѣдство Балка и въ страну Газаровъ. Такъ какъ жители въ этихъ странахъ почти всѣ Магоммедане—шіиты, то ихъ хватаютъ безъ милосердія и продаютъ въ неволю. Точно такое же плѣненіе невольниковъ производится и въ Читралѣ—горномъ округѣ, лежащемъ на востокъ отъ Бадахшана— начальникъ котораго выплачиваетъ свою подать рабами. Мурадъ Бегъ не дѣлаетъ нападеній на караваны, проходящіе чрезъ его владѣнія и даже охраняетъ ихъ отъ разбоя тѣхъ начальниковъ, которые состоятъ въ его зависимости. Онъ почти не имѣетъ ни какихъ сношеній съ сосѣдними владѣтелями. Съ китайскими властями въ Яркандѣ, съ которымъ отсюда производится обширная торговля, онъ когда-то имѣлъ обмѣнъ подарковъ, и даже однажды посылалъ къ нимъ посланника, дабы условиться на счетъ охраненія дорогъ отъ нападенія разбойниковъ, появлявшихся изъ-за Окса. Съ бухарскимъ государемъ у него нѣтъ дружбы, ибо и тотъ, и другой

питаютъ взаимныя опасенія. Мурадъ Бегъ совершаетъ безпрерывные набѣги въ балкскія владѣнія, правитель которыхъ только въ бѣгствѣ находитъ свое спасеніе. Афганы отдѣлены отъ Кундуза гигантскимъ хребтомъ горъ, также какъ и страна, лежащая на востокъ отъ Бадахшана, защищена высокими Белутскими горами. Не смотря, однако же, на это, кундузскій правитель умѣлъ пробраться чрезъ эти естественныя преграды и сдѣлать нападенія на Читралъ. По временамъ онъ дѣлалъ набѣги и на страну Сіаагнушъ-Каффировъ, живущихъ на Гинду Кушѣ; но послѣдній походъ его противъ этого народа, предпринятый года четыре тому назадъ, былъ для него не совсѣмъ счастливъ, ибо Каффиры, дозволивъ ему углубиться въ горы и воспользовавшись снѣжною бурею, напали на его войска такъ, что изъ 4000 конниковъ около половины, не бывъ въ состояніи выбраться изъ страны, погибли въ ней жертвою ихъ жестокости.

Доходы Кундуза взимаются преимущественно зерновымъ хлѣбомъ, который тамъ изобилуетъ

также какъ и всѣ потребности жизни; но за то деньги въ этомъ краѣ чрезвычайно рѣдки. Многіе чужеземные предметы роскоши покупаются изъ Бухары цѣною рабовъ и скота, высылаемыхъ на ея рынки. При такихъ обстоятельствахъ трудно сдѣлать точное опредѣленіе доходовъ Кундуза. Мурадъ Бегъ, какъ Узбекъ, считается богатымъ. Съ подданныхъ своихъ онъ взимаетъ одну треть всѣхъ произведеній почвы. Кундузъ самъ по себѣ богатъ рисомъ и производитъ много шелку по берегамъ Окса. Бадахшанъ, когда-то столь плодородный, въ настоящее время почти не имѣетъ жителей, ибо онъ бѣдственно испыталъ надъ собою власть Кундуза. Правитель его—одинъ изъ числа тѣхъ, которые приписывали себѣ происхожденіе отъ Александра Великаго—свергнутъ, и большая часть пародонаселенія изгнана изъ прекрасной долины въ кундузскія болота. Теперь Бадахшанъ не даетъ ни какого дохода, тѣмъ болѣе, что онъ весь занятъ узбекскою конницею, которая еще болѣе способствуетъ его опустошенію. О его рубиновыхъ копяхъ я уже говорилъ выше. Всѣ-

ми дѣлами Магоммедъ Мурадъ Бега управляетъ Индусъ, Атмарамъ, уроженецъ Пешауара, пользующійся титуломъ Деуанъ Бега: этотъ человѣкъ не лишенъ способностей и пользуется безграничнымъ вліяніемъ на своего повелителя, не смотря на свое низкое происхожденіе. Хотя Узбеки вообще презираютъ Индусовъ и не даютъ имъ права носить челмы; однако же Атмарамъ умѣлъ предоставить это преимущество не только себѣ и своимъ служителямъ, но даже и всѣмъ соплеменникамъ, при немъ живущимъ. Въ домѣ его считается около 400 невольниковъ, полученныхъ имъ въ даръ отъ своего щедраго владыки: заслуги его даютъ ему право на такую награду; впрочемъ онъ и самъ умѣлъ значительно обогатить себя. Такъ какъ Узбеки неспособны къ отправленію дѣлъ государственныхъ, ибо всѣ они, за исключеніемъ служителей вѣры, не имѣютъ ни какого образованія; то Мурадъ Бегъ ясно выказалъ превосходство своего ума тѣмъ, что избралъ подобнаго человѣка для управленія дѣлами государства. Атмараму купцы обязаны безопасностью

своихъ имуществъ также, какъ и самъ правитель обязанъ ему прочностью своей власти.

Существованіе государства, состоящаго изъ разнородныхъ элементовъ, много зависитъ отъ личныхъ качествъ правителя; по этому характеръ его всегда представляетъ много любопытнаго. Характеръ Мурадъ Бега заключаетъ въ себѣ много рѣзкихъ и другъ другу противорѣчащихъ качествъ: въ одно и тоже время жестокій и милостивый, онъ поощряетъ каждый разбойническій наѣздъ на сосѣднія земли и дѣлитъ добычу съ захватившими ее грабителями. Обладая силою для удержанія въ совокупности всѣхъ владѣній, подпавшихъ подъ его власть, онъ дозволяетъ пользоваться всѣми ихъ благами также, какъ и властью надъ ними, хотя ограниченною, такимъ людямъ, которые во всѣхъ другихъ азіятскихъ государствахъ неминуемо были бы преданы смерти. Кромѣ насильственнаго вывода жителей изъ одной области въ другую, болѣе зловредную для здоровья, и кромѣ плѣненія несчастныхъ Газаровъ и Каффировъ

для продажи въ неволю, я не слыхалъ ни объ одномъ изъ тѣхъ поступковъ прихотливой тираніи и жестокаго угнетенія, которые столь обыкновенны въ Азіи Купцы проходятъ чрезъ кундузскія владѣнія, не встрѣчая обидъ и затрудненій; пошлины не обременительны; нѣкоторые товары, какъ на примѣръ шали, не подвержены ни какой платѣ. Въ то время, какъ мы находились въ Кундузѣ, снята была пошлина съ шелка. Единственная боязнь, которая мучаетъ начальника этого края, есть боязнь британскаго имени, что̀ доказывается его жестокими и коварными пиступками какъ съ Муркрофтомъ, такъ и съ нами. Можетъ быть онъ и не безъ причины подозрѣваетъ завоевателей Индіи. Мурадъ Бегъ лѣтъ пятидесяти отъ роду; онъ не высокъ ростомъ; черты его лица чисто узбекскія: глаза малы до безобразности, лобъ нахмуренный, все выраженіе лица отталкивающее. Онъ непричастенъ ни къ какимъ чрезмѣрностямъ и даже воздерженъ въ своихъ удовольствіяхъ. Одинъ благочестивый человѣкъ, живущій въ Талıганѣ, почти въ тридцати пяти

миляхъ отъ Кундуза, имѣетъ на него большое вліяніе: въ ранніе годы его жизни этотъ человѣкъ оказалъ ему много услугъ какъ совѣтомъ, такъ и дѣломъ, и потому нѣтъ просьбы, въ которой бы онъ отказалъ ему. За сына этого послѣдняго онъ недавно выдалъ одну изъ дочерей своихъ. Мурадъ Бегъ имѣетъ двухъ сыновей; одному изъ нихъ, подающему большія надежды, теперь восьмнадцать лѣтъ.

ГЛАВА VII.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ БУХАРЫ.

Во время пребыванія въ Бухарѣ, я пріобрѣлъ нѣсколько рукописей, относящихся до исторіи этой страны. Подробное изложеніе ихъ содержанія было бы не сообразно съ цѣлью моей книги; при томъ же мнѣ кажется, что и самый предметъ ихъ не вознаградилъ бы вниманія читателей. Передавъ ихъ обществу для перевода восточныхъ сочиненій, я получилъ отъ него увѣреніе, что оно употребитъ всѣ средства, дабы ознакомить съ ними оріенталистовъ. Бухара въ ранніе вѣка извѣстна была подъ именемъ Биканда — города, слѣды котораго теперь еще видны въ ея окрестностяхъ и который связанъ

баснею — а может быть и истиною — съ хорошо извѣстнымъ именемъ Афразіаба. Край этотъ въ упомянутыхъ сочиненіяхъ названъ поросшимъ тростниками болотомъ, питающимся тающими льдомъ и снѣгомъ на горахъ Самарканда и служившимъ мѣстомъ для охоты, но столь топкимъ, что верблюдъ не могъ ходить по немъ. Такъ говорятъ туземные историки. Бухара имѣла сношенія съ китайскими императорами, изъ коихъ одинъ выдалъ дочь свою за бухарскаго государя. За этимъ послѣдовали набѣги Турковъ, всегда являвшихся сюда съ страшнымъ опустошеніемъ. Потомъ наступило время исламизма и нашествія Арабовъ, воевавшихъ съ какою-то царицею, съ хатуною, прославившеюся своимъ идолопоклонствомъ, а вмѣстѣ съ этимъ и своею любовью къ правосудію: память объ этой женщинѣ сохранилась и понынѣ въ народныхъ пѣсняхъ. Сынъ ея принялъ вѣру правовѣрныхъ; но въ послѣдствіи отпалъ отъ нея, за чтó и былъ убитъ Арабами, когда они окончательно утвердились въ Туркестанѣ. Этотъ государь построилъ великолѣпную мечеть въ 94 году гед-

жиры (въ 716 по Р. Х.) и повелѣлъ читать въ ней молитвы на языкѣ персидскомъ, ибо это былъ господствующій языкъ той страны. * Съ этого времени слава и предѣлы Бухары увеличились и мы слышимъ о ея торговлѣ и многочисленномъ народонаселеніи, о дѣяніяхъ славнаго Гарунъ улъ Рашида и Арсланъ Хана, которые украшали и обогащали ее.

Такова ранняя исторія Бухары до времени разоренія ея Чингисомъ, пришедшимъ съ ордами Татаръ въ 622 году геджиры (1232 по Р. Х.). Судя по описанію ея базаровъ, зданій и водопроводовъ, необходимо заключить, что Бухара была столица богатая и прекрасная; но она, вмѣстѣ съ многими другими большими городами, также подпала подъ потокъ татарскаго нашествія, бурно пронесшійся отъ Каспійскаго моря до Инда.

Въ свою очередь бухарское государство подъ управленіемъ своего эмира, великаго Тимура,

* Смотри упомянутыя мною рукописи.

потомка Чингисова, обрушило свое мщеніе какъ на ближнихъ, такъ и на отдаленныхъ сосѣдей и поколебало всѣ государства Азіи. Хотя дѣянія этого завоевателя принадлежатъ къ той же исторіи, о которой я теперь говорю; однако же завоеванія Тимура, его мудрыя постановленія, его воинское и политическое поприще требуютъ съ моей стороны только мимоходнаго замѣчанія, ибо въ нашъ просвѣщенный вѣкъ все это уже хорошо извѣстно. Его потомки, послѣ нѣсколькихъ поколѣній, вынуждены были нашествіемъ Узбекскихъ Турковъ оставить свое родное царство, идти въ Индію и основать тамъ владѣнія великаго Могола, воцарившагося въ лицѣ мужественнаго Бобера, наслѣдники котораго и теперь живутъ—я не могу сказать царствуютъ—въ Делли. Узбеки, перешедшіе чрезъ Яксартъ, въ началѣ шестнадцатаго вѣка, какъ уже упомянуто выше, владычествуютъ въ настоящее время надъ всѣмъ Мауаръ уль Нуромъ или Транзоксіаною и надъ всьми странами, простирающимися до подошвы Гинду Куша. Они совершили это великое завоеваніе при сынѣ Шейбани Хана, не взирая на то,

что самъ Шейбани былъ, съ помощью Персіянъ, разбитъ Баберомъ въ сраженіи при Мервѣ.

Первенство, такимъ образомъ пріобрѣтенное Узбеками надъ государствами Транзоксіаны, продолжалось до нашествія Надиръ Шаха, имѣвшее мѣсто въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Абульфаизъ Ханъ царствовалъ въ то время въ Бухарѣ съ титуломъ эмира и былъ признанъ наслѣдственнымъ представителемъ Узбековъ, изгнавшихъ домъ Тимура, и потомкомъ Чингиса по мужеской линіи. Рахимъ Ханъ, атталикъ или визирь Абулфаиза, Узбекъ мангатскаго племени, составилъ противъ него заговоръ вмѣстѣ съ персидскимъ завоевателемъ и привелъ этого послѣдняго къ вратамъ Бухары. Надиръ пощадилъ столицу; но Рахимъ предалъ смерти эмира и возвелъ на престолъ сына его, котораго женилъ на своей дочери. Въ послѣдствіи онъ умертвилъ и этого государя. Послѣ Рахимъ Хана, этого жестокаго и коварнаго министра, заступилъ его мѣсто Даніалъ Бегъ, Узбекъ того же племени, чрезъ узы брака

состоявшій въ отдаленномъ родствѣ съ Абулфаизъ Ханомъ. Даніалъ Бегъ довольствовался тою же властью, какую имѣлъ его предшественникъ, и правилъ страною отъ имени Абулъ Гази Хана, наслѣдника Абульфаиза. По смерти Даніалъ Бега наслѣдовалъ титулъ визиря сынъ его Мурадъ: онъ немедленно устранилъ своего государя, именемъ котораго правилъ его отецъ, и провозгласилъ себя *Бухарскимъ Эмиромъ*. Ханъ Мурадъ царствовалъ семнадцать лѣтъ и умеръ около 1800 года. Его скорѣе можно назвать муллою, нежели государемъ; впрочемъ имя Беги Джана, подъ коимъ онъ болѣе извѣстенъ между Узбеками, разсказывающими о немъ множество чудныхъ исторій, пользуется здѣсь знаменитостью, ибо, воюя съ кабульскимъ государемъ и со всѣми другими своими сосѣдями, онъ разрушилъ городъ Мервъ и вывелъ большую часть его жителей въ Бухару. Не смотря на эти дѣянія, ни слава, ни государство имъ похищенное ни сколько не увеличились. Со времени Шаха Мурада потомство Чингиса по мужеской линіи перестало царствовать въ Бухарѣ. Нѣкоторые чле-

ны этого дома живутъ здѣсь и понынѣ, но въ презрѣніи и въ крайней бѣдности. Послѣдній бухарскій государь, какъ мнѣ говорили, состоялъ съ ними въ родствѣ со стороны своей матери.

Шаху Мураду наслѣдовалъ сынъ его Гайдеръ, болѣе извѣстный по прозванію *Саида*, или Чистаго. Этотъ человѣкъ явилъ себя скорѣе муллою, чѣмъ государемъ· его строгое слѣдованіе Корану, сдѣлавъ его самаго знаменитымъ въ магоммеданскомъ мірѣ, распространило ханжество и усилило фанатизмъ въ странѣ, которою онъ правилъ. Онъ смотрѣлъ на свой титулъ Эмиръ алъ Муменина или правителя правовѣрныхъ въ полномъ значеніи этого слова и проводилъ большую часть своего времени въ стараніи исправить и улучшить нравы своего вѣка. Если бы его усилія были устремлены на внѣшнюю политику, то онъ, можетъ статься, болѣе облагодѣтельствовалъ бы свои владѣнія; вмѣсто этого онъ послѣ долгаго и безполезнаго двадцатисемилѣтняго царствованія завѣщалъ въ

1825 году своимъ дѣтямъ спорное наслѣдованіе царствомъ, подвергшимся нападеніямъ со всѣхъ сторонъ. Смерть его послужила знакомъ къ началу возстанія и междоусобной войны между его потомками. Сынъ его эмиръ Гузейнъ, провозглашенный государемъ, послѣ пятидесяти-дневнаго царствованія погибъ не безъ подозрѣнія объ отравѣ, употребленной его министромъ, Кушъ Беги, болѣе содѣйствовавшимъ видамъ его брата, Омаръ Хана, который послѣ этого захватилъ бразды правленія вмѣстѣ со столицею. Впослѣдствіи старшій братъ Омара, Нассиръ Уллахъ, или, какъ его обыкновенно называютъ, Багадуръ Ханъ, успѣвъ склонить на свою сторону тайное содѣйствіе Кушъ Беги, казавшагося ревностнымъ приверженцемъ Омара, объявилъ себя противникомъ власти этого послѣдняго и началъ съ того, что захватилъ городъ Самаркандъ; потомъ пошелъ на Бухару, овладѣлъ всѣми ея каналами и водопроводами, и, такимъ образомъ лишивъ столицу воды, взялъ ее послѣ пятидесяти-дневной осады. Въ этомъ ему содѣйствовалъ Кушъ Беги, за что и былъ

возведенъ въ званіе министра. Омара бросили въ темницу; но онъ бѣжалъ въ Мешедъ, а потомъ укрылся въ Балкѣ и кончилъ тѣмъ, что умеръ отъ холеры въ Коканѣ, изъ котораго бренные остатки его были перевезены для погребенія въ Бухару. Насеиръ Уллахъ безъ дальнѣйшихъ препятствій началъ свое царствованіе тѣмъ, что предалъ смерти тридцать человѣкъ важнѣйшихъ изъ приверженцевъ своего брата и, кромѣ того, приказалъ одного изъ главнѣйшихъ начальниковъ, *Би*, сбросить съ воротъ своего дворца — это обычная казнь въ здѣшнемъ краѣ. Поступки его относительно троихъ меньшихъ братьевъ своихъ не менѣе жестоки: отправивъ ихъ съ одно ихъ своихъ помѣстій на берегахъ Окса, онъ приказалъ предать ихъ смерти, дабы тѣмъ предупредить ихъ крамолы. Такимъ образомъ изъ шести сыновей Гайдера Чистаго онъ одинъ остался царствовать въ Бухарѣ. Ханжество отца принесло мало добра несчастнымъ дѣтямъ! Впрочемъ, Нассиръ Уллахъ въ нѣкоторой степени искупилъ (если только въ подобномъ случаѣ можетъ быть искупленіе) свои злодѣйскія поступки,

содѣйствовавшіе ему къ овладѣнію престоломъ: теперь онъ правитъ своими подданными рукою безпристрастною и справедливою; онъ отсталъ отъ порока и забылъ жестокость, съ которою упрочивалъ свою власть; но можетъ быть это только потому, что на пути его нѣтъ соперниковъ. У него большое семейство; но дѣти его еще молоды.

ГЛАВА VIII.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОИНСКАЯ СИЛА БУХАРЫ.

Важность Бухары проистекаетъ не сколько отъ пространства, ею занимаемаго, сколько отъ географическаго ея положенія Слава, которою она пользуется какъ государство, восходитъ до временъ Чагтиса: тогда Бухара включала въ себѣ весь Мауаръ улъ Наръ или страну, лежащую *между* Оксомъ и Яксартомъ, и, простираясь до Харесма и Каспійскаго моря, далеко врѣзывалась въ Хоразанъ. Періодъ ея блестящаго состоянія давно миновалъ; но, не смотря на это, выгодное положеніе ея столицы и понынѣ даетъ ей большое вліяніе на всѣхъ жителей Трансоксіаны. Будучи помѣщена между богатѣйшими странами Европы и Азіи, въ землѣ, окру-

женной степями и пустынями, Бухара служитъ центромъ обширной торговли и мѣстомъ отдыхновенія какъ для купца, такъ и для путешественника. Съ какой бы точки мы ни стали разсматривать ея положеніе—будетъ ли это въ военномъ отношеніи, или политическомъ—мы найдемъ, что оно весьма важно и выгодно. Облагодѣтельствованная отъ природы избыточностью произведеній почвы, окруженной со всѣхъ сторонъ безплодіемъ, она невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе далекихъ и сосѣднихъ народовъ. Во времена давноминувшія она была предметомъ алчности Грековъ и аравійскихъ калифовъ; потомъ на нее набѣгали орды Сѣвера; изъ нее какъ съ точки опоры знаменитый Тимуръ водилъ свои побѣдоносные легіоны въ отдаленныя страны Азіи. Въ новѣйшія времена Бухара принимаетъ пословъ отъ императоровъ русскаго и китайскаго, отъ султана константинопольскаго и отъ государей Персіи и Кабула. Она первенствуетъ между окружающими ее узбекскими владѣніями, которыя смотрятъ на нее какъ на свою столицу и хотя номинально, однако же добровольно при-

знаютъ надъ собою власть ея правителя Бухарскій государь, подобно государямъ прочихъ азіятскихъ народовъ, господствуетъ деспотически; но произволъ его дѣйствій въ нѣкоторой степени ограничивается муллами, т. е. духовенствомъ. Это происходитъ не отъ того, чтобъ онъ не могъ съ своей стороны усилить власти, но отъ самой конституціи государства, которая, будучи основана на законахъ Корана, соблюдается здѣсь точнѣе нежели въ другихъ магоммеданскихъ земляхъ. Царствующій бухарскій государь, Нассиръ Уллахъ, или такъ называемый здѣсь Багадуръ Ханъ, имѣетъ двадцать семь лѣтъ отъ роду и носитъ титулъ эмира улъ Муменина, или повелителя правовѣрныхъ. При обращеніи къ нему обыкновенно употребляется слово *Газратъ*, произносимое туркестанскими магоммеданами тогда только, когда они говорятъ о своихъ пророкахъ. Слово государь рѣдко упоминается въ оффиціальныхъ бумагахъ: ему предпочитается слово Эмиръ, служившее, безъ придаточнаго *улъ Моменинъ*, титуломъ Тимуру и всѣмъ его наслѣдникамъ со временъ Бабера. Этотъ титулъ

имѣетъ религіозное значеніе и тѣмъ болѣе приличествуетъ бухарскому государю, что онъ считаетъ себя однимъ изъ главныхъ представителей магометанской вѣры. Впрочемъ, онъ оказываетъ полное уваженіе султану константинопольскому, котораго здѣсь именуютъ калифомъ Рима: бухарскій государь съ гордостью называетъ себя его луконосцемъ.

Царствующій бухарскій государь, Нассиръ Уллахъ, вступилъ на престолъ семь лѣтъ тому назадъ. Справедливый и великодушный отъ природы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ строгій блюститель вѣры, даже до того, что, кажется, постепенно вдается въ ханжество своего родителя: форма его правленія почти не даетъ ему средствъ избѣжать этого.

Кушъ Беги, министръ его, имѣетъ на него большое вліяніе, и Багадуръ Ханъ, обязанный ему своимъ престоломъ, не питаетъ ни какого опасенія на счетъ его силы. Онъ даже ни когда не выѣзжаетъ изъ своей цитадели, пока визирь не возметъ надъ нею начальства, и, какъ

я уже замѣтилъ выше, не принимаетъ пищи иначе, какъ чрезъ руки своего министра. Этотъ послѣдній уже въ преклонныхъ годахъ: ему около шестидесяти лѣтъ; родомъ онъ Узбекъ изъ племени Мангатъ и отличается умственными способностями, обширными свѣдѣніями и неутомимымъ вниманіемъ къ своей обязанности. Онъ ведетъ обширную торговлю, и хотя любитъ деньги, однако же взимаетъ торговыя пошлины по всей справедливости. Великій санъ визиря можно считать наслѣдственнымъ въ его семействѣ, ибо онъ принадлежалъ и отцу его. Братья его управляютъ двумя провинціями государства; а сыновья, числомъ тринадцать, завѣдываютъ разными округами. Одного изъ нихъ онъ уже назначилъ своимъ наслѣдникомъ. Хитрость составляетъ отличительную черту характера Кушъ Беги; но, не взирая на это, онъ отличается великодушіемъ и милостивымъ расположеніемъ къ Европейцамъ, въ особенности къ Англичанамъ. Все богатство и вся сила государства состоятъ въ его повелѣніяхъ, ибо онъ получаетъ всѣ доходы и можетъ совершенно распологать

духовенствомъ, къ которому, впрочемъ, оказываетъ все должное уваженіе и снисходительность.

Ничто такъ не поражаетъ путешественника въ Туркестанѣ, какъ малочисленность начальниковъ, или сердаровъ, которыхъ такъ много въ Индіи и Кабулѣ: здѣсь нѣтъ важныхъ особъ, нѣтъ хановъ, нѣтъ дворянства, нѣтъ людей въ силѣ, кромѣ двора и духовенства. Всѣ отрасли управленія находятся или въ рукахъ рабовъ, или людей, совершенно зависящихъ отъ министра. Каждый городъ, каждая деревня управляются или муллами, или хуаджами—потомками первыхъ калифовъ. Такъ какъ Коранъ служитъ основаніемъ бухарскаго правленія, и все народонаселеніе старается выказать себя обществомъ духовнымъ, то это легко объясняетъ предпочтеніе, оказываемое здѣсь духовнымъ особамъ. Вѣра и политика идутъ рука объ руку въ Туркестанѣ и другъ друга поддерживаютъ. Здѣсь нѣтъ и тѣни народнаго правленія: но вмѣстѣ съ этимъ нѣтъ и признака неудовольствія противъ существующей системы управле-

нія, хотя трудно найдти народъ болѣе рабскій, чѣмъ Узбеки. Причину такого довольства народонаселенія мы должны искать въ томъ покровительствѣ, которое упрочено ему строгимъ исполненіемъ законовъ Корана. Книга эта хотя есть только бѣдная тѣнь Великой Хартіи, однако же она опредѣляетъ неизмѣнное основаніе юридическимъ началамъ, и такимъ образомъ даетъ поводъ народу смотрѣть на духовенство, какъ на свою лучшую защиту противъ честолюбія свѣтской власти. Строгое слѣдованіе писанному закону даетъ здѣшнимъ духовнымъ лицамъ полное право на ту признательность, которою они пользуются: безъ ихъ предварительнаго соглашенія не приводится въ исполненіе ни какая государственная мѣра. Бо́льшая часть государственныхъ доходовъ поступаетъ на поддержаніе господствующей вѣры и коллегій, въ которыхъ она преподается. Весь избытокъ доходовъ столицы распредѣляется точно такимъ же образомъ и вообще все управленіе болѣе походитъ на іерархическое, нежели на какое либо другое. Случится ли убійство, грабежъ, или

тяжба по какому нибудь предмету — во всемъ этомъ немедленно обращаются къ духовнымъ лицамъ, ибо ханъ ни въ какомъ случаѣ не разсматриваетъ дѣла безъ ихъ содѣйствія. Я почти убѣжденъ, что эта система существуетъ въ Бухарѣ съ самаго ранняго періода магоммеданства, а не со времени нашествія Узбековъ. Въ царствованіе послѣдняго государя, Гайдеръ Шаха, она укоренилась еще болѣе, ибо онъ довелъ свое вѣрованіе до степени ханжества. Каковы бы ни были мнѣнія относительно магоммеданской вѣры, должно сказать, что она производитъ благодѣтельныя слѣдствія въ управленіи тѣхъ государствъ, въ которыхъ введено строгое соблюденіе ея законовъ. Полиція въ бухарскомъ государствѣ и въ особенности въ столицѣ необыкновенно строга и бдительна: здѣсь нѣтъ ни разбоевъ, ни воровства по большимъ дорогамъ. Быстрота судопроизводства и жестокость наказаній, коимъ подвергаются преступники, содержатъ въ благодѣтельномъ страхѣ всѣхъ недобромыслящихъ: за малѣйшими проступками неизбѣжно слѣдуетъ смертная казнь; денежныя

пѣни и тюремное заключеніе рѣдки. Тутъ законы Магоммеда точно также хорошо соблюдаются, какъ будто бы подъ его собственнымъ надзоромъ. Его постановленія, соединившія кочевыхъ Арабовъ пустыни, перенеслись сюда безъ всякихъ перемѣнъ или улучшеній и вкоренились между народомъ совершенно различнымъ какъ по обычаямъ и нравамъ, такъ и по языку и даже достигшимъ значительной степени образованія.

Доходы государства взимаются по этому же самому мѣрилу, т. е. по смыслу Корана: купецъ платитъ сороковую часть стоимости своихъ товаровъ; земледѣлецъ съ своихъ полей отдаетъ государю четвертую долю жатвы. Такъ какъ большая часть земель отчислена духовнымъ лицамъ и религіознымъ учрежденіямъ, то со многихъ изъ нихъ взимается три десятыхъ доли урожая: не взирая, однако же, на это, земледѣльцы ни сколько не жалуются на такой непомѣрный сборъ. Въ Туркестанѣ земля цѣнится по количеству воды, которымъ она мо-

жетъ располагать и потому сановникъ, завѣдывающій распредѣленіемъ этой жизненной потребности по различнымъ водопроводамъ въ окрестностяхъ столицы, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ государствѣ. Денежная плата собирается со всѣхъ садовъ, огородовъ и дынныхъ полей. Жители, не принадлежащіе къ числу магоммеданъ, платятъ ежегодно поголовную подать. Во время войны облагаются податью всѣ домовладѣльцы. Бухарская таможня также доставляетъ значительную сумму; но за этимъ исключеніемъ весь государственный доходъ получается съ земли. Въ слѣдующей таблицѣ подробно объяснено количество сбора.

Въ семи томанахъ Бухары.	Раметанъ	4.000
	Зандани	6.000
	Уафкандъ	3.000
	Урданзи	3.000
	Кирабадъ	4.000
	Уангази	6.000
	Кишдоуанъ	5.000
		31.000

Въ пяти томанахъ Самарканда.	Ширазъ	6.000
	Сохудъ	4.000
	Афинкандъ	6.000
	Апхаръ	5.000
	Шоударъ	12.000
		33.000
Въ округахъ Самарканда.	Панджкандъ	4.000
	Уметанъ	2.000
	Панъ	2.000
	Уругатъ	6.000
	Карратиппа	2.000
		16.000
Въ Міанкалѣ или Ката Курганъ; между Бухарою и Самаркандомъ.	Каттакурганъ	12.000
	Катарчи	6.000
	Панджшамба	5.000
	Митанъ	4.000
	Нураторъ	5.000
	Энги Курганъ	6.000
	Чалакъ	5.000
		43.000

Въ Керминѣ.	Кермина	12.000
	Зудинъ	15.000
		27.000
Въ Джиззакѣ.	Джиззакъ	8.000
		8.000
Въ Карши.	Карши	12.000
	Хозарь	6.000
	Ширабаилъ	5.000
	Садабадъ	4.000
	Чирагчи	5.000
		32.000
На берегахъ Окса, называемыхъ Лабь-и-абъ.	Наразси	5.000
	Каки	4.000
	Чарджуи	8.000
	Утаръ	5.000
		22.000
Въ Каракулѣ.	Каракулъ	15.000
		15.000
Въ г. Бухарѣ.	Бухара.	50.000
		50.000
Общій итогъ въ тиллахъ.		277.000.

Эта сумма равняется 18 лакамъ рупій.

Государство не получаетъ ничего съ Балка; говорятъ, что доходы его уменьшились съ числомъ народонаселенія и что онъ въ настоящее время доставляетъ только 20.000 тиллъ, которыя обыкновенно выплачиваются Эшанъ Ходжу, начальнику этой области, обязывающемуся въ замѣну защищать ее. Какъ Балкъ, такъ и Джиззакъ составляютъ новѣйшія пріобрѣтенія Бухары. Изъ всего собраннаго мною по этому предмету я заключаю, что чистый поземельный доходъ этого государства простирается почти до тридцати шести лаковъ рупій, т. е. онъ вдвое больше того, что получается государскою казною, ибо около половины всей земли принадлежитъ духовенству. Въ приведенной выше таблицѣ всѣ имена собственныя означаютъ торговыя мѣстечки, за исключеніемъ пяти томановъ Самарканда. Всѣ эти имена древнія. Должно замѣтить, что наше понятіе о городахъ и деревняхъ можетъ быть примѣнено только съ большими ограниченіями въ Туркестанѣ, гдѣ базаръ, или торговое мѣсто, нерѣдко есть ни что иное, какъ небольшая деревенька, жи-

тели которой преимущественно живутъ въ *робатахъ*, въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи и пріѣзжаютъ туда изъ за десяти, или пятнадцати миль только въ базарные дни.

Бухарское войско набирается изъ разныхъ округовъ государства и не подчинено дисциплинѣ. Оно состоитъ почти изъ 20.000 конницы и 400 пѣхоты при сорока одномъ артиллерійскомъ орудіи. Кромѣ этого есть еще такъ называемая *эльджари* или милиція, составляющаяся изъ различныхъ служителей правительства и простирающаяся почти до 50.000 конницы, изъ которыхъ 10.000 набираются въ Балкѣ и въ странахъ на югъ отъ Окса. Войско это можетъ быть еще усилено наборами посреди Туркмановъ; но услуги этого племени упрочиваются только такими начальниками, которые въ состояніи повелѣвать ими. Впрочемъ эти послѣднія войска почти ни когда, или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко призываются на службу; а если и состоятъ въ сборѣ, то не получаютъ платы. Собственно же такъ называемое войско

или *дафтаръ* получаетъ плату зерновымъ хлѣбомъ, а начальникамъ даются аренды. Всякій солдатъ получаетъ ежегодно восемь бухарскихъ маундовъ хлѣба, изъ коихъ каждый равняется 256 фунтамъ англійскимъ. Выдача эта производится пшеницею, ячменемъ, джауари и арзаномъ; то же самое получаетъ пѣхота. Замѣчательно, что эта послѣдняя, называемая *хаза бардаръ*, ходитъ въ походъ на лошадяхъ и спѣшивается только для битвы; она вооружена саблями, длинными ножами и тяжелыми пиками футовъ двадцати длиною съ короткимъ копьемъ. Пики обыкновенно дѣлаются составными изъ нѣсколькихъ кусковъ дерева (преимущественно изъ ивы), имѣютъ неуклюжій видъ и почти никогда не переламываются на составахъ. Огнестрѣльнаго оружія у Узбековъ весьма мало и они худо умѣютъ употреблять его. Индусъ, или Афганъ, ни когда не выѣзжаетъ въ путь безъ того, чтобы не вооружиться съ ногъ до головы; Узбекъ, напротивъ, довольствуется однимъ копьемъ, или ножемъ, который обыкновенно носитъ при своемъ поясѣ. Изъ всего мною

слышаннаго объ Узбекахъ, должно думать, что они воины нестрашные; ибо въ битвѣ въ нихъ всегда замѣтенъ недостатокъ отваги и храбрости; въ сраженіе они кидаются съ громкими криками, но судьба передоваго отряда почти всегда рѣшаетъ дѣло. Какъ иррегулярная кавалерія, они превосходны; но за то плохи, какъ солдаты. Пушки ихъ лежатъ въ Бухарѣ въ небреженіи, ибо Узбеки еще не постигли важности артиллеріи: они пока довольствуются конницею. До сей поры у нихъ нѣтъ туземныхъ артиллеристовъ и пушки лежатъ безъ лафетовъ, хотя ихъ можно было бы легко привесть въ порядокъ при помощи разныхъ плѣнниковъ. Всѣ эти пушки бронзовыя; три четверти всего ихъ числа принадлежатъ къ роду небольшихъ полевыхъ четырехъ и шести-фунтовыхъ орудій; между ними четыре мортиры; всѣ остальныя большаго калибра. Порохъ, приготовляемый въ этомъ краѣ, довольно хорошъ.

Слѣдующія таблицы даютъ болѣе точное понятіе о военной силѣ этого государства, доста-

вляемой различными округами, и вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ узбекскія племена, живущія въ настоящее время въ этой странѣ. Въ первой таблицѣ выведено число конницы и означены имена начальниковъ, здѣсь именуемыхъ *би*—это испорченное Турецкое слово *бей*, лучше знакомое въ Европѣ.

Племена.	Число конницы	Начальники.	Округа.
Конградъ	1000	Мурадъ Би	Карши
Сари	1000	Ашур Би	
Ябу	2000	Магом. Эмиръ Би	
Хитай	500	Хузанъ Би	Ярги Курганъ
Кипчакъ	500	Махмудъ Би	Чалакъ
Сархъ хитай	800	Адерагудъ Б. Катъ	Курганъ
Кара Килпакъ	400	Хикимъ Би	Ширазъ
Каръ хіузъ	500	Шедъ Би	Джиззакъ
Діахли	600	Аламъ Би	Панджснадъ
Минтъ	2000	Катъ Би	Улугатъ
Наманъ	500	Калетокса Би	Зеодинъ
Джалаи	400	Рустамъ Би	Пундшамба
Митна	400	Абду Джаббаръ Би	Митамъ
Бахринъ	500	Кобадъ Би	Катарчи
Буркутъ	500	Абду Джаббаръ Би	Нуратанъ
Каллугъ	600	Абду Рассулъ Би	Кермина
Газара	300	А ду Джаббаръ Би	Кермина
Катганъ	300	Даулатъ Би	Кермина Кунд.
Арабачи	400	ГудъМагоммедъ Би	Каракулъ
Чандеръ	400	Дулмасъ Би	Каракулъ
Туркманы къ с. отъ Окса	800	Эзеръ Би	Берега Окса
Калмыки	1000	Радаи нагъ	Бухара
Смѣшенныя бухарскія племена называемыя Шагирдъ Пеша	2100	Бухарскій государь	Бухара
Мервійцы	1000 } Персіяне	Магом. Салакъ Би	Бухара
———	500 } Персіяне	Мурадъ Би, Миръ Ахоръ	Самаркандъ
Зорабади	500 } Персіяне	Лутфъ Али Бекъ	Зарабатъ близъ Карши
Всего	19.500		

Пѣхота содержится въ меньшемъ числѣ и вся вообще состоитъ изъ Таджиковъ, или торговаго класса народа. Она набирается изъ слѣдующихъ округовъ:

Бухара	1000
Самаркандъ	1000
Карши	200
Джизакъ	500
Кермина	200
Катъ Курганъ	100
Пандшамби	100
Ходжаръ	100
Ширебаръ	100
Керебаръ	100
Нерезанъ	100
Усти	100
Чарджуи	300
	Итого 3900.

Часть войска, собираемаго на югѣ отъ Окса только номинально зависитъ отъ Бухары; тамъ Узбеки не многочисленны; большую часть народонаселенія составляютъ Арабы, славящіеся здѣсь своею храбростью также, какъ и въ другихъ странахъ. Правительство нигдѣ не можетъ упо-

треблять ихъ, кромѣ владѣній Балка, гдѣ ихъ собирается отъ 2000 до 3000 человѣкъ. Ихъ однако же, нельзя считать полезнымъ войскомъ по причинѣ существующей между ними взаимной вражды, которой бухарскій государь и не старается устранять.

Бухара пользуется гораздо большимъ физическимъ и нравственнымъ вліяніемъ, нежели всѣ окружающія ея владѣнія; но дѣла ея были оставлены въ самомъ затруднительномъ положеніи послѣднимъ государемъ, который обращалъ больше вниманія на вѣроисповѣданіе, чѣмъ на политику. Ханъ Оргенжа или Хивы велъ съ нимъ безпрерывную войну. Коканскій Ханъ также былъ заклятой врагъ его. Начальники Шаръ Сабза и Гиссара не признавали его власти, а Миръ кундузскій даже завладѣлъ Балкомъ и разграбилъ его. Теперь дѣла бухарскаго государства въ лучшемъ положеніи: намѣренія и сила царствующаго государя содѣйствуютъ его благосостоянію. Въ нынѣшнемъ году онъ задалъ строгій урокъ начальнику Шаръ Сабза и отнялъ

у него шесть селеній, не взирая на то, что Шаръ Сабзъ, славящійся какъ мѣсто рожденія Тимура, считается самымъ крѣпкимъ въ Туркестанѣ по причинѣ болотъ, его окружающихъ. Могущество Кокана также потрясено: одинъ изъ его пограничныхъ округовъ, именно Джиззакъ, прежде составлявшій половину Аратиппы, присоединенъ къ Бухарѣ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Гиссаръ, по всей вѣроятности, также будетъ покоренъ, не взирая на гористую мѣстность, ибо начальникъ его умеръ и вся страна раздѣлилась между четырмя его братьями. Самымъ сильнымъ врагомъ Бухары можно считать кундузскаго правителя. Если городъ Балкъ и отошелъ отъ его власти, то это потому, что онъ уступилъ его изъ политики, а не изъ страха. Онъ удержалъ названіе этого древняго города на своихъ монетахъ. Бухарскій государь имѣетъ виды и на самый Кундузъ; но эта страна лежитъ далеко, и потому сомнительно, чтобы онъ успѣлъ въ своихъ попыткахъ, не смотря на то, что грозный титулъ *повелителя правовѣрныхъ* можетъ упрочить ему содѣйствіе муллъ и многочисленнаго

войска. Вражда Хивы прекратилась съ кончиною Магоммедъ Рахимъ Хана, послѣдняго ея правителя, который со смертнаго одра своего, отправилъ въ Бухару посла, чтобы испросить себѣ прощеніе. Вредъ, причиненный бухарскому государству Хивою, показываетъ вліяніе, которое она имѣетъ на его судьбу: оргенжскій ханъ съ незначительными силами разбивалъ караваны Бухары, грабилъ ея подданныхъ, препятствовалъ торговлѣ и опустошалъ ея владѣнія. Степи, отдѣляющія Хиву отъ Бухары, спасали Рахимъ Хана отъ заслуженнаго имъ возмездія, хотя болѣе достойный монархъ бухарскій могъ бы съ успѣхомъ вторгнуться въ его земли со стороны Окса. Если хивинскій ханъ вступитъ въ дружественное сношеніе съ Бухарою, то государь этой послѣдней будетъ въ состояніи легко распространить свою власть на востокъ, куда онъ съ давняго времени замышляетъ походъ.

Бухара ведетъ дружественныя сношенія съ Китаемъ, Кабуломъ и Турціею. Въ прошломъ году изъ Китая пріѣзжалъ посолъ, чтобы про-

сить содѣйствія здѣшняго государя къ поддержанію спокойствія на западныхъ предѣлахъ Небесной Имперіи и къ прекращенію набѣговъ коканскаго хана. Его величество благоразумно уклонился отъ всякаго вмѣшательства; не взирая на это, Китайцы нанесли Кокану такой ударъ, который избавитъ пекинскаго императора отъ всякаго опасенія на счетъ неприкосновенности его границъ. Торговыя отношенія между Бухарою и Китаемъ находятся на самой дружественной ногѣ и выгодны для обѣихъ сторонъ; однако же Узбекамъ, также какъ и другимъ народамъ, не дозволяется ходить далѣе Ярканда, Кажгара и другихъ вассальныхъ городовъ. Во времена существованія кабульской монархіи сношенія между ею и Туркестаномъ были мирныя и постоянныя, ибо Афганы владѣли тогда областью Балка. Число Афгановъ живущихъ въ Бухарѣ значительно и вся индійская торговля производится чрезъ ихъ посредство. Въ настоящее время тѣсной связи не существуетъ между бухарскимъ государемъ и начальниками, возвысившимися на развалинахъ кабульской монар-

хіи. Узбеки гнушаются дружбою Персіи въ слѣдствіе ненависти, питаемой ими къ эретическому ученію, господствующему въ этой странѣ. Всѣ связи съ нею ограничиваются торговлею, производимою Мервійцами, принадлежащими къ шіитскому толку. Впрочемъ должно сказать, что благоразуміе теперешняго бухарскаго министра способствовало къ уменьшенію непріязненнаго чувства, существующаго между Персіянами и Узбеками. Хотя и трудно опредѣлить, на которой изъ этихъ двухъ сторонъ находится болѣе предлоговъ къ враждѣ, однако же Персіяне имѣютъ основательныя причины къ жалобамъ, ибо жители степей безпрестанно хватаютъ ихъ и продаютъ въ неволю. Оттоманская имперія пользуется громкою славою въ Бухарѣ, ибо жители послѣдней имѣютъ весьма неточное понятіе о слабости Порты: они полагаютъ, что Султанъ могущественнѣйшій монархъ на земномъ шарѣ. Здѣсь меня не рѣдко спрашивали о томъ, какъ велика подать, которую выплачиваютъ ему различные европейскіе народы. Такое невѣрное понятіе можно объяснить религіознымъ ува-

женіемъ, которое Бухара питаетъ къ Портѣ, ибо страны эти отдалены другъ отъ друга, и всѣ сношенія между ними ограничиваются одними увѣреніями во взаимной привязанности.

Со времени Петра Великаго между Россіею и Бухарою существуютъ постоянныя сношенія, основанныя на взаимныхъ торговыхъ выгодахъ. Въ его царствованіе былъ проложенъ между этими двумя странами путь, по которому въ продолженіе послѣднихъ семидесяти лѣтъ совершается непрерывный провозъ товаровъ. Въ царствованіе Александра, около 1820 года, Русскіе старались вступить еще въ бо́льшія сношенія и отправляли посольство въ Бухару. Открытіе же пути между Каспійскимъ моремъ и Хивою въ предшествовавшемъ году имъ не удалось. Посольство имѣло виды торговые, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическіе. Оно было хорошо принято; бухарскій государь съ своей стороны немедленно отправилъ посла въ Петербургъ, а за нимъ послѣдовало нѣсколько другихъ. Полагаютъ, что цѣль русскаго посоль-

ства имѣла связь съ хивинскими дѣлами; но это, кажется, несправедливо, ибо Россія не нуждается въ посторонней помощи для обузданія Хивы. Русскіе также установили дружественную связь съ начальникомъ Кокана, и между всѣми узбекскими племенами умѣли распространить высокое понятіе о своей силѣ.

Можно думать, что, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій со стороны Европы, Хива и Бухара будетъ дѣйствовать за одно и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что регулярныя войска здѣсь безполезны, а нерегулярныя не покорятъ народа, не имѣющаго постояннаго мѣстожительства.

ГЛАВА IX.

ХИВА ИЛИ ОРГЕНДЖЪ.

Дельта Окса или Аму, образовавшаяся до впаденія его въ Аральское море, составляетъ государство Хиву, обыкновѐнно называемое тамошними жителями Органджемъ. Это древній Харесмъ, упомянутый у Арріана подъ названіемъ *страны Харизма.* Оргенджъ лежитъ почти въ двухъ стахъ миляхъ къ З. С. З. отъ Бухары и составляетъ небольшое, но плодоносное владѣніе. Обитаемое пространство имѣетъ около 200 миль протяженія отъ сѣвера къ югу и въ половину менѣе отъ востока къ западу. Оно со всѣхъ сторонъ окружено степями. Впрочемъ, Хива простираетъ свое господствованіе до Кас-

пійскаго моря и до предѣловъ Персіи. Въ последніе годы она установила владычество надъ туркманскими ордами на югъ отъ Окса и владѣетъ Мервомъ, лежащимъ на большой дорогѣ между Хоразаномъ и Бухарою. Въ этомъ государствѣ только два замѣчательныя мѣста — Оргенджъ и Хива; первый считается торговою столицею, а вторая служитъ резиденціею хану. Оргенджъ, стоящій почти въ шести миляхъ отъ Окса, есть довольно большое мѣсто, имѣющее около 12 000 жителей; Хива, какъ новѣйшій городъ, въ половину менѣе. Обстоятельства, упомянутыя выше, препятствовали намъ посѣтить хивинскую столицу, хотя мы нѣсколько времени и путешествовали въ странахъ ей подвластныхъ и встрѣтили отрядъ ея войска въ пустыняхъ лежащихъ на западъ отъ Мерва. По этому я здѣсь представлю только легкій очеркъ силы и политики Хивы, такъ, именно, какъ мнѣ самому привелось наблюдать ее и слышать объ ней отъ жителей. Сочиненіе генерала Муравьева, отправленнаго въ Хиву въ 1820 году,

содержитъ въ себѣ подробныя свѣдѣнія о статистикѣ этого государства *.

Хивинскій ханъ родомъ Узбекъ, господствующій со всею властью, какую правители изъ этого племени умѣютъ пріобрѣтать себѣ: онъ не дозволяетъ вмѣшиваться въ свои распоряженія ни какимъ начальникамъ, ни какимъ дворянамъ. Владѣнія его хотя и не обширны, однако же совершенно независимы; они вели непрерывную войну съ Бухарою, въ царствованіе послѣдняго хана, Магоммедъ Рахимъ Хана, человѣка отважнаго и предпріимчиваго, захватившаго брозды правленія чрезъ убіеніе двухъ братьевъ своихъ и державшаго ихъ въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ рукою строжайшей справедливости, а можетъ быть и жестокости. Сосѣдніе властители не рѣдко упрекали его за тиранство; но за то при немъ Хива пріобрѣла такое могущество, какого не имѣла прежде, и потому не удивительно, если его

* Voyage en Turcomanie et à Khiva, par M. N. Mouraviev. Paris, 8vo. 1823.

любили менѣе, нежели боялись. Около восьми лѣтъ тому назадъ онъ палъ жертвою злокачественной болѣзни, и на смертномъ одрѣ завѣщалъ своему семейству примириться съ Бухарою. До своей кончины онъ отправилъ посла къ бухарскому эмиру и просилъ у него прощенія за вражду имъ начатую и за весь вредъ причиненный торговлѣ его владѣній: съ этого времени оба государства живутъ во взаимной дружбѣ. Рахимъ Ханъ оставилъ шесть человѣкъ сыновей, изъ коихъ старшій, *Уллахъ Коли*, ему наслѣдовалъ, и теперь правитъ Хивою. Этому послѣднему въ настоящее время около сорока лѣтъ отъ-роду: онъ человѣкъ болѣе кроткій, чѣмъ отецъ его, и живетъ въ совершенномъ согласіи съ остальными членами своего дома, удерживая за собою всю власть, пріобрѣтенную его родителемъ.

Опустошенія, причиняемыя Хивинцами во всѣхъ сосѣднихъ имъ странахъ, придаютъ имъ важности болѣе, нежели они заслуживаютъ, ибо сами по себѣ они представляютъ ни что иное, какъ организованную шайку разбойниковъ, защищен-

ныхъ мѣстною силою своего отечества. Положеніе Хивы между Россіею и Бухарою дѣлаютъ ее складочнымъ мѣстомъ торговли, производимой между этими двумя государствами. Вліяніе ея съ каждымъ днемъ увеличивается, хотя собственной внутренней торговли у ней нѣтъ. Сомнительно, чтобы народонаселеніе этого государства могло превосходить 200.000 душъ. До временъ Рахимъ Хана Хива считалась страною зависящею отъ Бухары; но, кажется, зависимость эта была только номинальная. Теперешній ханъ можетъ выставить до 10.000 войска, при девяти артиллерійскихъ орудіяхъ. Войска эти состоятъ или изъ Узбековъ, или изъ Туркмановъ, вооруженныхъ точно также, какъ и бухарскіе всадники, съ тою только разницею, что нѣкоторые имѣютъ луки и стрѣлы. Главная цѣль всѣхъ заботъ хивинскаго хана состоитъ въ подчиненіи туркманскихъ племенъ, блуждающихъ между его владѣніями и Персіею, а потомъ въ увеличеніи своихъ доходовъ и своей власти. Положеніе Хивы даетъ правителю ея возможность дѣйствовать на этихъ номадовъ сильнѣе,

чѣмъ Персія и Бухара. Лѣтомъ 1832 года хивинскій ханъ двинулъ войска изъ своей столицы въ Мервъ и взялъ контрибуцію съ племени Така, сильнѣйшаго изъ всѣхъ туркманскихъ племенъ. Онъ учредилъ таможни какъ въ Мервѣ, такъ и въ Чаракѣ—городѣ принадлежащемъ туркманскому племени Салоръ и лежащемъ на разстояніи трехъ переходовъ отъ Мешеда, въ Персіи. Теперь онъ взимаетъ пошлину съ каравановъ, проходящихъ чрезъ оба эти мѣста. Упомянутый походъ хивинскихъ войскъ увеличилъ воинскую славу ихъ хана, ибо разстояніе отъ Хивы до Мерва равняется пятнадцати переходамъ и почти не имѣетъ воды, въ слѣдствіе чего Хивинцы принуждены были рыть колодцы на каждомъ своемъ привалѣ. Ханъ лично предводительствовалъ войскомъ и объявилъ, что идетъ въ походъ, дабы остановить Персіянъ, угрожавшихъ Мешеду подъ начальствомъ Аббаса Мирзы. Ему сопутствовало большое число верблюдовъ навьюченныхъ водою и припасами. Изъ этихъ животныхъ около 2000 головъ погибли въ степи отъ жажды. Отецъ его вы-

полнилъ подобное предпріятіе еще съ бо́льшею отвагою, ибо онъ совершенно прошелъ всю степь до самой Персіи, хотя, впрочемъ, потерялъ большую часть своихъ лошадей и оставилъ одну пушку въ пескахъ, гдѣ она лежитъ и до нынѣ.

Хивинскіе правители рѣдко имѣютъ въ виду подобныя нападенія совокупными силами: обыкновенно они ограничиваются наѣздническою жизнію и безпрерывно посылаютъ отряды на грабежъ въ Персію, гдѣ хватаютъ плѣнныхъ. Ханъ изъ захваченной добычи получаетъ пятую часть. Власть, пріобрѣтенная Хивою надъ Туркманами, много способствуетъ такимъ наѣздамъ, сопровождаемымъ почти постояннымъ успѣхомъ. Хивинцы хватаютъ плѣнныхъ и на Каспійскомъ морѣ и снабжаютъ рабами, въ особенности персидскими, бухарское государство и весь Туркестанъ. Я могу почти утвердительно сказать, что въ Хивѣ живетъ около 2000 христіанскихъ плѣнниковъ; число персидскихъ рабовъ опредѣлить трудно; но можно сказать, что и тѣ и другіе ежегодно

умножаются. Не взирая, однако же, на грабежи, производимые по всѣмъ направленіямъ, Хивинцы оказываютъ покровительство караванамъ, вступающимъ въ ихъ земли и платящимъ установленную пошлину.

Индусы и Армяне проѣзжаютъ съ товарами чрезъ Хиву; но ни они, ни другіе иноземные купцы, даже магоммеданскіе, не считаютъ себя безопасными въ ея владѣніяхъ, ибо тутъ всѣ ихъ выоки распаковываются, караваны задерживаются, и даже бывали случаи, что у нихъ отнимали много имущества. Гдѣ правители даютъ примѣръ грабежа, тамъ нельзя ожидать честности со стороны народа. Хивинскій ханъ беретъ пошлины въ Мангашлакѣ, портовомъ городѣ на Каспійскомъ морѣ, лежащемъ противъ Астрахани, и по временамъ на Сирѣ или Сигунѣ, на востокъ отъ Аральскаго моря, гдѣ караваны переправляются чрезъ эту рѣку.

О переговорахъ Хивы съ Россіею относительно улучшенія торговыхъ сношеній упомянуто въ главѣ, въ которой говорится о тор-

говлѣ. Относительно доходовъ Хивы почти нѣтъ возможности составить точнаго понятія, ибо только меньшая часть ихъ получается изъ законныхъ источниковъ: ханъ содержитъ все свое войско преимущественно на счетъ своихъ сосѣдей.

ГЛАВА X.

О СѢВЕРО-ВОСТОЧНЫХЪ ПРЕДѢЛАХЪ ПЕРСІИ И О СТРАНѢ КУРДОВЪ И ТУРКМАНОВЪ.

Теперь необходимо представить краткій очеркъ туркманскихъ племенъ на востокъ отъ Каспійскаго моря, которыя живутъ по сѣверо-восточнымъ предѣламъ Персіи.

Отечество ихъ было уже отчасти описано въ главѣ о Туркманіи; равно и въ самомъ разсказѣ о моемъ путешествіи приведено нѣсколько обстоятельствъ, объясняющихъ народный характеръ этихъ народовъ. Они разсѣяны отъ Балка до Каспія и состоятъ изъ разбойническихъ ордъ, не имѣющихъ государя и управляемыхъ самымъ несовершеннымъ правительствомъ. Единственныя племена, сколько нибудь признающія надъ

собою власть Персіи, суть Гокланъ и Ямудъ— самыя слабыя изъ всѣхъ Туркмансвъ.

Они занимаютъ юго-восточные берега Каспійскаго моря, примыкая на западъ къ рѣкамъ Гургану и Атраку и простираясь на 140 миль къ востоку отъ этого моря. Ямуды живутъ болѣе къ западу и состоятъ изъ 20.000 семействъ. Съ ними сосѣдствуютъ Гокланы въ числѣ 9000: это единственное туркманское племя, населяющее горную страну. Оба племени приведены въ свое нынѣшнее зависимое состояніе въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. Изъ нихъ персидскій шахъ набираетъ для себя 1000 человѣкъ тѣлохранителей; остальные живутъ въ своемъ родномъ краѣ, выплачивая небольшую подать лошадьми и естественными произведеніями губернатору, живущему на рѣкѣ Гурганѣ.

Страна, лежащая между этими Туркманами и городомъ Мешедомъ, занята Курдами и другими племенами, которыя только номинально считаютъ себя подданными Персіи. Они признаютъ

власть шаха; но, не взирая на это, безпрерывно грабятъ и опустошаютъ его владѣнія, если только не встрѣчаютъ отпора значительнаго числа его войска. Курды поселены въ этой части Персіи шахомъ Аббасомъ, желавшимъ при ихъ содѣйствіи обезопасить свои границы; но они оказались величайшимъ бѣдствіемъ для его подданныхъ. Сильнѣйшій изъ ихъ предводителей занималъ съ восьми-тысячнымъ гарнизономъ крѣпость Кучанъ (также называемую Кабушанъ) до тѣхъ поръ, пока она не была взята Аббасомъ Мирзою, осенью 1832 года. Близъ Кучана есть небольшое владѣніе называемое Буджнурдъ, управляемое курдскимъ начальникомъ, имѣющимъ около 3000 конницы. Въ сосѣдствѣ этого края лежитъ Келатъ, гдѣ правитъ афшаръ-туркскій начальникъ, содержащій до 2000 всадниковъ. Самымъ сильнымъ послѣ кучанскаго начальника считается начальникъ Турбата, Магоммедъ Ханъ Караи, * занимающій частъ страны между Мешедомъ и Гератомъ. Онъ мо-

* Этотъ человѣкъ недавно схваченъ Аббасомъ Мирзою и лишенъ власти.

жетъ выставить около 6000 человѣкъ и извѣстенъ за отважнѣйшаго наѣздника въ Хоразанѣ.

Миляхъ въ восьми на востокъ отъ Мешеда лежитъ городъ Чаракъ, населенный Туркманами и, какъ выше упомянуто, признающій власть Хивы. Онъ покоряется Персіи тогда только, когда правитель Мешеда имѣетъ достаточно силы, чтобъ грозить ему. Въ Чаракѣ живутъ 2000 семействъ салорскаго племени. Этимъ оканчивается исчисленіе племенъ и ихъ предводителей, живущихъ по границамъ Персіи.

Предѣлы Персіи съ этой стороны можно считать самыми слабыми, ибо всѣ здѣсь исчисленныя мною племена подчинены только слегка и признаютъ свою зависимость весьма неохотно. Туркманы смотрятъ на Персіянъ недоброжелательными глазами, по причинѣ разности въ религіозныхъ понятіяхъ. Единственная дѣйствительная выгода, какую шахъ успѣлъ пріобрѣсть отъ двухъ упомянутыхъ племенъ, живущихъ близъ Персіи, заключается въ томъ, что они отчасти оставили свои наѣзды на его государ-

ство. Но это относится только къ весьма незначительному числу ихъ, ибо чаракскіе Салоры и прочіе Туркманы продолжаютъ свои наѣзды со всею прежнею отчаянностью. Туркманы, живущіе по юго-западнымъ берегамъ Каспійскаго моря, также часто оказываютъ знаки неудовольствія на Персію; они даже вступили въ сношенія съ Россіею, что̀ со временемъ, вѣроятно, принесетъ много выгодъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для этой имперіи. Они ни сколько не привязаны постоянными жилищами къ землѣ, которую заселяютъ, и потому вся ихъ сила заключается въ удобствѣ, съ которымъ они могутъ переходить съ одного мѣста на другое. Курды, напротивъ, поселены на персидскихъ границахъ въ постоянныхъ жилищахъ: они доказали свое мужество и вмѣстѣ воинскую опытность тѣмъ, что для постройки своихъ укрѣпленій предпочли равнины горамъ. Крѣпость Кучанъ есть мѣсто сильное: она построена изъ земли, ибо вязкое свойство тамошней почвы способствуетъ такому роду построекъ, обыкновенныхъ во всемъ Хоразанѣ. Эти Курды, испо-

вѣдаютъ шіитскій толкъ; но, не взирая на это, не рѣдко втайнѣ условливаются съ своими сосѣдями Туркманами и содѣйствуютъ имъ въ плѣненіи Персіянъ и въ разграбленіи ихъ областей. Отечество ихъ хотя и доставляетъ достаточное содержаніе для жителей, однако же крайне бѣдно, и потому не представляетъ персидскому правительству ни чего привлекательнаго, дабы стараться удержать его. При томъ, начальники этой страны, имѣя въ своихъ рукахъ укрѣпленія, безпрерывно бунтуютъ и не боятся незначительныхъ персидскихъ отрядовъ: имъ страшно только такое войско, которое недавно туда отправлено. Впрочемъ и подобныя войска они до настоящаго времени умѣли отклонять отъ себя уплатою контрибуціи и объщаніемъ покорности на будущее время, и потомъ, едва проходила гроза, снова вдавались въ возмущенія и непокорность. Вѣроятно, и настоящая экспедиція наслѣдника персидскаго престола въ Хоразанъ, не положитъ конца такому порядку дѣлъ въ этой части Персіи, не смотря на то, что она превосходитъ своею си-

лою всѣ предшествовавшія ей экспедиціи. Хоразанъ есть провинція, требующая постянной значительной силы для поддержанія въ ней спокойствія; а такъ какъ она не даетъ достаточныхъ доходовъ необходимыхъ для покрытія издержекъ на содержаніе значительнаго войска, то подобная политика не можетъ имѣть мѣста при дворѣ персидскомъ, который ни когда не употребляетъ доходовъ одной провинціи на расходы другой.

КНИГА III.

О ТОРГОВЛѢ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

ГЛАВА I.

О ТОРГОВЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ ПАНДЖАБА И О ВЫГОДАХЪ ОТКРЫТІЯ СУДОХОДСТВА ПО ИНДУ.

»Во всѣ вѣка было замѣчено, что если какая нибудь отрасль торговли вступила на извѣстный путь, то, не взирая на всѣ неудобства имъ представляемыя, потребно долгое время и большія усилія, чтобъ дать ей другое направленіе.«

Робертсонъ — О сношеніяхъ древнихъ съ Индіею.

»Когда Египетъ былъ у Римлянъ отнятъ Аравитянами, то промышленность Грековъ нашла

себѣ новый путь для провоза индiйскихъ произведенiй въ Константинополь. Эти произведенiя шли *вверхъ по Инду* до того мѣста, до котораго рѣка эта судоходна; потомъ перевозились сухимъ путемъ *до береговъ Окса* и внизъ по этой рѣкѣ сплавлялись въ Каспiйское море. Оттуда *они вступали* въ Волгу и, проплывъ нѣсколько вверхъ, перевозились по землѣ до Танаиса, изъ котораго вступали въ Евксинское море и на корабляхъ перевозились въ Константинополь.«

Робертсонъ—Исторiя Америки, Книга 1., гдѣ въ подтвержденiе этихъ словъ приведенъ Рамузiо.

Открытiе судоходства по Инду и по его данницамъ необходимо представитъ множество выгодъ для торговли. Въ возобновленiи древняго пути, по которому обмѣнивались товары отдаленныхъ народовъ, мы съ удовольствiемъ предвидимъ пользу для британскаго владычества въ Индiи и усиленный сбытъ произведенiй нашего меркантильнаго отечества. По этому

здѣсь будетъ у мѣста представить обзоръ мануфактуръ и торговли странъ, примыкающихъ къ Инду, а равно и лежащихъ между этого великаю рѣкою и Каспійскимъ моремъ. Я приступаю къ этому тѣмъ охотнѣе, что самъ видѣлъ базары этихъ земель и имѣлъ случай хорошо ознакомиться съ торговымъ классомъ ихъ жителей.

Можно сказать, что на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ внутренней страны, которая представляла бы столько удобствъ для торговли, сколько мы видимъ въ Панджабѣ. Кромѣ этого, весьма не многія превзойдутъ его богатствомъ произведеній въ минеральномъ, растительномъ и животномъ царствахъ. Пересѣченный пятью судоходными потоками, онъ ограничивается съ запада одною изъ величайшихъ рѣкъ стараго свѣта. На сѣверъ отъ него лежитъ богатая и плодоносная долина Кашмира, помѣщенная такимъ образомъ, что драгоцѣнныя произведенія ея фабрикъ могутъ легко вывозиться въ сосѣднія государства Персіи, Татаріи, Китая и Индіи. Находясь ме-

жду Индостаномъ и знаменитыми складочными мѣстами средней Азіи, онъ дѣлитъ съ ними выгоды торговли, будучи въ то же время облагодѣтельствованъ избыточностью всѣхъ произведеній почвы, полезныхъ и необходимыхъ для человѣка.

Произведенія Панджаба даютъ возможность его жителямъ обходиться безъ чужеземныхъ товаровъ. Придворные его властителя и всѣ его вельможи могутъ облекать себя въ драгоцѣнныя шали Кашмира и въ прочныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и превосходныя шелковыя матеріи Мултана. Его горожане и жители сельскіе имѣютъ возможность носить дешевыя туземныя хлопчатобумажныя ткани; его зерновыми хлѣбами могутъ кормиться всѣ роды домашнихъ животныхъ; тамошнія горы представляютъ обильныя копи соли; роскошные плоды растутъ по всюду. Послѣ всего это, хотя и можно думать, что намъ трудно пріобрѣсть выгоду отъ ввоза на его рынки своихъ произведеній, однако же, Англія имѣетъ еще много такихъ предметовъ, ко-

торые могутъ успѣшно соперничествовать тамъ съ туземными. Дабы лучше объяснить это, я опишу сперва туземныя произведенія Панджаба, а потомъ представлю, чего можно ожидать отъ открытія этого новаго пути для нашего ввоза и вывоза.

Главное издѣліе Панджаба составляютъ кашмирскія шали, которыя были такъ часто описываемы другими писателями, что съ моей стороны требуютъ только мимоходнаго замѣчанія. Кашмирскія шали принадлежатъ къ числу предметовъ, подъ которые рѣшительно нѣтъ возможности поддѣлаться. Европейскіе фабриканты хотя могутъ придать своимъ шалямъ болѣе наружной красоты и съ успѣхомъ выработать азіятскій рисунокъ, однако же ихъ ткани не имѣютъ ни нѣжности кашмирскихъ шалей, ни той теплоты, которую ощущаютъ въ нихъ Европейцы, живущіе въ болѣе холодномъ климатѣ. Даже ткачи сосѣдствующихъ Кашмиру странъ, также какъ и наши соотечественники, не въ состояніи подражать этой отрасли промышленности: лагор-

скія и деллійскія шали ткутъ мастера кашмирскіе изъ тѣхъ же самыхъ матеріаловъ; но не смотря на это, онѣ уступаютъ въ тонинѣ шалямъ приготовляемымъ въ Кашмирѣ, и въ сравненіи съ ними являются грубыми и только не многимъ превосходятъ англійскія. Если вѣрить разсказамъ туземцевъ, кашмирскія шали получаютъ свое достоинство отъ воды, употребляемой при окрашиваніи шерсти и имѣющей какое-то особенное свойство въ Кашмирѣ.

Годовой доходъ отъ шалевыхъ фабрикъ, за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, простирается до восмнадцати лаковъ рупій; но такъ какъ доходъ этотъ вносится натурою, то всѣ подлоги, которые можетъ изобрѣсти народъ отъ природы наклонный къ обману, имѣютъ здѣсь мѣсто при уплатѣ его Лагору. Такъ, шали дѣйствительно стоющія не болѣе двухъ сотъ рупій, оцѣниваются въ тысячу; по этому не удивительно, что упомянутая выше сумма далеко превосходитъ цѣнность того, что получаетъ казна Ранджитъ Синга. При болѣе благоразумной системѣ,

этотъ источникъ дохода можетъ быть удвоенъ. Чтобъ дать понятіе о дороговизнѣ, до которой могутъ восходить эти произведенія, стоитъ только упомянуть, что недавно тутъ заказаны были шали для русскаго и персидскаго дворовъ по 30.000 рублей за пару, что́, кажется, равняется 12.000 рупій. Впрочемъ, здѣшніе купцы жалуются, что кашмирскія шали съ нѣкотораго времени упали въ качествѣ; теперь этотъ товаръ высшаго достоинства получается только чрезъ выписку изъ самаго Кашмира. Можно даже сказать, что въ настоящее время шали сдѣлались предметомъ не идущимъ съ рукъ: панджабское правительство имѣетъ теперь въ Умритсирѣ такой запасъ ихъ, который можетъ быть оцѣненъ не менѣе, какъ въ полмилліона фунтовъ стерлинговъ (пятьдесятъ лаковъ рупій).

Торговый духъ здѣшнихъ жителей ввелъ сюда еще другое издѣліе—шелковое, называемое *кесъ*, своею прочностью и живостью красокъ упрочившее на индійскихъ рынкахъ славу мултанскихъ шелковыхъ тканей. Червь, дающій по-

требныя для этой материи нити, не известенъ въ Панджабѣ; но высокія цѣны платимыя за небольшее количество этого шелка, даютъ возможность *привозить его изъ отдаленныхъ странъ* и съ выгодою переработывать въ драгоцѣнныя ткани. Кесъ неизмѣнно имѣетъ видъ шалей и шарфовъ, поступающихъ въ большомъ количествѣ въ прадажу, ибо ткачи другихъ индійскихъ странъ до нынѣ не въ состояніи подражать ихъ краскамъ и прочности. Въ Мултанѣ производится еще въ большомъ количествѣ *атлассъ*; но эта матерія также хорошо выработывается въ Умритсирѣ и Лагорѣ. *Кинкобы* или парчи Панджаба уступаютъ бенгальскимъ и газератскимъ, и потому не выдерживаютъ соперничества съ ними. Можно еще упомянуть о мултанскихъ коврахъ, которые, впрочемъ, уступаютъ персидскимъ и далеко не равняются съ превосходными шалевыми каврами Кашмира. Эти послѣдніе въ продажу не поступаютъ, ибо приготовляются только, какъ мнѣ говорили, для Магараджи.

Климатъ Панджаба не совсѣмъ благопріятствуетъ хлопчато-бумажному дереву, которое

любитъ совершенно иную почву. Впрочемъ оно воздѣлывается здѣсь въ большомъ количествѣ. Растеніе это преимущественно разведено въ *Доабѣ*, между рѣками Сатледжемъ и Біасамъ. По причинѣ большаго требованія, бумага также привозится изъ сухой страны, лежащей на югъ отъ первой рѣки и извѣстной подъ именемъ Малуа. Жители восточной части Панджаба, близъ Рогана и Гошіарпура весьма искусны въ обработкѣ хлопчатой бумаги: на ихъ станкахъ выдѣлываются ткани различнаго достоинства, цѣною одинъ, два, три и даже четыре ярда за рупію. Бумажныя ткани съ виду уступаютъ британскимъ; но за то они крѣпче и прочнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ дешевле. Болѣе тонкія бумажныя матеріи Панджаба вывозятся въ области, лежащія на югъ отъ Сатледжа, гдѣ жители не въ состояніи произвести ни чего имъ равнаго. Было время, когда мултанскіе ситцы требовались въ большомъ количествѣ въ Панджабѣ и въ странахъ на западъ отъ Инда; но ввозъ англійскихъ уронилъ эту торговлю. Объ этомъ мы будемъ имѣть случай упомянуть въ послѣдствіи.

Минеральныя средства Панджаба недостаточно изслѣдованы; но, судя по сдѣланнымъ открытіямъ, можно считать ихъ весьма богатыми. Хребетъ горъ, проходящій отъ Инда до Гидаспа и состоящій совершенно изъ горной соли, доставляетъ неизчерпаемый запасъ этого минерала, составляющаго монополію правительства и дающаго ему значительныя богатства. Соль эта во всеобщемъ употребленіи въ Панджабѣ и кромѣ того вывозится въ большомъ количествѣ во всѣ стороны, пока не встрѣтится съ солью Самбрскаго озера, въ Раджпутанѣ, и съ солью компанейскихъ владѣній. Къ сторонѣ Манди есть еще другое ложе соли на окраинахъ горнаго хребта, но она ниже качествомъ. Въ этомъ же мѣстѣ, если вѣрить тому, что мнѣ говорили, открыто нѣсколько жилъ каменнаго угля. Тамъ же есть обширные желѣзные рудники; добываемую изъ нихъ руду сперва разбиваютъ и стираютъ въ порошокъ посредствомъ жерновов, а потомъ свариваютъ и изъ добытаго металла дѣлаютъ ружья и сабли. Здѣсь вообще должно сказать, что лагорское оружіе славится между индійски-

ми народами. Драгоцѣнные металлы встрѣчаются рѣже: впрочемъ золото находятъ въ пескахъ Асесина при выходѣ его изъ горъ. Соляной хребетъ, равно и другія горы доставляютъ квасцы и сѣру. Селитра собирается въ большомъ количествѣ въ равнинахъ. *Тури* или такъ называемый млечный кустъ, доставляющій самы лучшій уголь, довершаетъ исчисленіе всего необходимаго для приготовленія огнестрѣльнаго пороха.

Произведенія растительнаго царства далеко превосходятъ количество, потребное для народонаселенія. По мѣрѣ приближенія къ горамъ они становятся еще обильнѣе. Нѣкоторыя изъ нихъ съ выгодою вывозятся въ сосѣднія земли; но такое изобиліе почти разорительно для воздѣлывателей. Пшеница и ячмень, растущіе на равнинахъ, потребляются въ предѣлахъ Панджаба; за то, по причинѣ большаго числа лошадей въ этомъ краѣ, грамъ, мунгъ, матъ, баджри и другіе зерновые хлѣба, воздѣлываемые въ сухихъ странахъ, ввозятся сюда и продаются съ выгодою.

Рисъ избыточно родится у подошвы горъ, но жители вообще не любятъ его. Сахарный тростникъ растетъ роскошно; изъ него приготовляется сахаръ для вывоза. Стебель его хотя и не великъ, однако же доставляетъ самую сахаристую жидкость и предпочитается предъ болѣе толстыми тростниками Индіи. Индиго воздѣлывается близъ Мултана и на востокъ отъ Лагора: оно вывозится на западъ, въ магоммеданскія земли, гдѣ темноцвѣтная одежда преобладаетъ болѣе, чѣмъ въ Панджабѣ. Изъ куста *сирсія* или *sesamum* добывается дорогое масло, употребляемое какъ для освѣщенія, такъ и для кухни. Огородныя растенія — рѣпа, морковь и др. растутъ повсюду. Кромѣ этого почти всѣ виноградныя лозы и фруктовыя деревья, свойственныя Европѣ находятся въ Кэштуарѣ и Кашмирѣ. Мултанскій табакъ уступаетъ достоинствомъ только одному табаку персидскому.

Безъ дальнѣйшаго описанія источниковъ богатства Панджаба, можно уже видѣть, что свойство и обиліе его произведеній не даютъ ни

какой надежды на улучшеніе въ значительной степени нашихъ коммерческихъ сношеній, даже водянымъ путемъ, съ землями лежащими *на востокъ* отъ Инда.

Страна доставлявшая хлѣбъ, вино, масло и соль считалась въ древнія времена благословенною: здѣсь кромѣ всего этого есть еще обширныя фабрики, гдѣ приготовляются предметы, удовлетворяющіе новѣйшему вкусу человѣка. Впрочемъ, продажа лунджи въ Таттѣ и шелковъ въ Бауалпурѣ и Мултанѣ, существующая въ настоящее время, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ древняго торговаго пути по Инду. При обширной вывозной торговлѣ, какую Панджабъ имѣетъ одними кашмирскими шалями, легко понять, что и количество ввоза должно быть очень значительно, ибо обмѣнъ товаровъ одной страны на произведенія другой лежитъ на обязанности торговли. Въ прежніе годы рыночнымъ мѣстомъ для шалей служилъ Делли; но съ недавняго времени, именно съ возстановленія спокойствія въ Раджпутанѣ, онѣ идутъ прямо въ Бомбей

чрезъ послѣднюю страну, путемъ на Палли. Здѣсь можно замѣтить, что болѣе удобный и болѣе выгодный путь по Инду, вѣроятно, обратитъ на эту рѣку всю торговлю. Мы посылаемъ свои товары въ среднюю Индію другими путями, слѣдовательно и не можемъ ожидать усиленія нашей торговли въ земляхъ на востокъ отъ Инда съ этой стороны. Въ настоящее время ввозъ европейскихъ товаровъ въ Панджабъ весьма значителенъ; по мѣрѣ же устраненія затрудненій для плаванія по Инду, потребленіе ихъ должно увеличиться съ пониженіемъ цѣнъ. Отъ властителя Кашмира будетъ зависѣть, чтобы намъ получать произведенія этой долины также по пониженнымъ цѣнамъ: если онъ постигнетъ свои выгоды, то легко увеличитъ собственные доходы понизивъ цѣны, что́, безъ всякаго сомнѣнія, усилитъ требованіе.

Если мы только будемъ стараться подражать произведеніямъ Татты, Мултана и Бауалпура, также какъ подражали индійскимъ ситцамъ, то, конечно, скоро опередимъ торговлю этихъ

городовъ, ибо при помощи машинъ, легко можемъ продавать свои товары по цѣнамъ болѣе доступнымъ, и это тѣмъ скорѣе, что ихъ издѣлія не представляютъ ни чего такого, чему бы Европеецъ затруднился подражать. Но мы все таки должны обратить болѣе вниманія на западную Азію, ибо мнѣ кажется неблагоразумно было бы со стороны нашей политики совершенно подавить туземную торговлю Индіи, тѣмъ болѣе, что при настоящихъ обстоятельствахъ неудача будетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ всякаго подобнаго предпріятія въ странѣ, гдѣ потребленіе лунджи и шелковъ, составляющихъ одежду высшихъ классовъ, гораздо менѣе потребленія ситцевъ. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, этого послѣдняго предмета въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ вывозятъ въ сѣверныя части Индіи на десять лаковъ рупій изъ одного Бомбея. Торговля шелками никогда не будетъ простираться болѣе какъ на нѣсколько тысячь фунтовъ стерлинговъ; впрочемъ я не включаю въ это число парчи, провозимыя туда въ настоящее время.

Сбытъ нашихъ товаровъ въ Панджабѣ, безъ *сомнѣнія, увеличится, если только мы* станемъ провозить ихъ туда по Инду. Мы уже видѣли, что въ этой странѣ нѣтъ мѣди, бронзы, олова и свинцу—предметовъ грузныхъ и неудобныхъ для перевоза сухимъ путемъ; слѣдовательно, доставленіе ихъ водою принесло бы значительныя выгоды. Кромѣ этого туда также идутъ желѣзныя издѣлія, какъ то: замки нутреные и пробойные, винты, болты, петли и другіе тяжеловѣсные предметы, теперь доставляемые сухимъ путемъ. Главная же потребность края состоитъ въ шерстяныхъ тканяхъ; ибо они составляютъ необходимость для народа, живущаго въ мѣстахъ, гдѣ холодъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Индіи. Требованіе на нихъ очень значительно еще и потому, что Ранджитъ Сингъ обмундировываетъ ими свое многочисленное войско. Во время Тимуръ Шаха, компанейская факторія въ Синдѣ пріобрѣтала пять лаковъ рупій барыша преимущественно отъ продажи такихъ тканей, отправлявшихся вверхъ по Инду, или по берегамъ его въ Кабулъ, собственно для

войска тамошняго государя. *Для* торговли же все равно, будетъ ли войско находиться на восточномъ, или на западномъ берегу Инда. Теперь Тимуръ Шахъ и его наслѣдники перестали царствовать; но за то Ранджитъ Сингъ стоитъ на высотѣ своей славы. Впрочемъ, генералъ Алларъ, начальствующій регулярною кавалеріею Магараджи, говорилъ мнѣ, что онъ обмундировываетъ свои полки европейскими шерстяными издѣліями въ Умритсирѣ гораздо дешевле, чѣмъ въ Ганзи и въ британскихъ провинціяхъ, примыкающихъ къ панджабскимъ границамъ, гдѣ относительно этого онъ дѣлалъ опыты. Это происходитъ отъ того, что купцы неохотно разбиваютъ свои вьюки, прежде нежели они не достигнутъ своего назначенія. Жители Панджаба вообще любятъ сукно, и хотя такой вкусъ господствуетъ здѣсь менѣе, чѣмъ въ холодныхъ земляхъ на западъ отъ Инда лежащихъ, однако же онъ можетъ развиться сильнѣе при меньшей дороговизнѣ этого предмета, необходимо послѣдующей за открытіемъ водянаго сообщенія.

Что касается до бумажныхъ тканей Панджаба, то я не думаю, чтобъ пониженіе цѣны на англійскіе (какъ необходимое слѣдствіе болѣе удобнаго сообщенія) могло ихъ вытѣснить: онѣ по большей части грубѣе европейскихъ; а это обстоятельство въ странѣ холодной болѣе согласуется съ потребностью народа, что̀ всегда будетъ побуждать его держаться своихъ отечественныхъ фабрикъ. Съ ситцами дѣло другое: наши нравятся тамъ разнообразіемъ рисунковъ, сдѣланныхъ въ подражаніе туземнымъ, и потому введеніе ихъ въ Панджабъ произвело совершенный переворотъ въ тамошнихъ мануфактурахъ. До ввоза же англійскихъ ситцевъ, ситцы мултанскіе развозились въ большомъ количествѣ по всѣмъ частямъ Азіи. Европейскіе ситцы, въ первый разъ сюда привезенные двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, продавались по четыре рупіи за ярдъ; а теперь такое же количество можно купить за четыре анны, т. е. въ шестнадцать разъ дешевле первоначальной цѣны. Мултанскія фабрики, не будучи въ состояніи понизить своихъ цѣнъ до такой степени, производятъ теперь

весьма малую продажу своихъ издѣлій. Впрочемъ, требованіе на ситцы вообще уменьшилось по очевидной причинѣ: они перестали быть рѣдкостью, и потому вкусъ на нихъ измѣнился, хотя и думаютъ вообще, однако же ошибочно, что обычаи Индійцевъ неизмѣнны подобно законамъ Мидянъ и Персовъ.

Касательно утонченныхъ европейскихъ издѣлій, какъ-то: карманныхъ часовъ, ножевыхъ и галантерейныхъ товаровъ, фарфора, хрусталя и проч., должно сказать, что требованіе на нихъ очень не большое, ибо оно ограничивается однимъ только дворомъ. Жемчугъ и драгоцѣнные камни ввозятся изъ Индіи наиболѣе безопасными путями и высоко цѣнятся; бирмингамскихъ же и шеффильдскихъ издѣлій, не рѣдко сюда отправляемыхъ, зажиточные жители не поощряютъ, потому что Ранджитъ Сингъ вмѣстѣ съ правильнымъ управленіемъ ввелъ между своими подданными и начальниками вкусъ къ товарамъ драгоцѣннымъ, которые промышленники его владѣній доставляютъ въ большомъ

количетвѣ. Въ этомъ отношеніи дворъ его можетъ статься не найдетъ себѣ подобнаго на всемъ Востокѣ. Не взирая, однако же, на это, Магараджа и всѣ придворные его не знакомы ни съ утонченностью, ни съ удобствами образованной жизни, чего, впрочемъ, нельзя и ожидать отъ безграматнаго народа, который еще такъ недавно образомъ своей жизни походилъ на орду разбойническую. Хотя многіе изъ вельможъ въ послѣдніе годы выстроили себѣ богатые дворцы, однако же имъ еще не извѣстны ни потребность мебели, ни удобство стеклянныхъ оконъ. Нѣкоторые изъ сейкскихъ сердаровъ проявляютъ эпикурейскую наклонность ко вкуснымъ яствамъ, въ особенности приготовляемымъ въ-прокъ; но при всемъ этомъ, принявъ даже въ соображеніе совершенное отсутствіе предразсудковъ въ Панджабѣ, едва ли можно ожидать здѣсь такого же сбыта нашихъ Инсъѣстныхъ товаровъ, какой мы имѣемъ въ Индіи. Крѣпкіе напитки могутъ распродаваться лучше, хотя Панджабійцы и предпочитаютъ имъ жгучій напитокъ своего отечества.

Открывая водяное сообщеніе въ страны, лежащія при верхнемъ теченіи Инда, кажется, нельзя ожидать большой выгоды отъ плаванія какъ по этой великой рѣкѣ выше Дера Гази Хана, такъ и по рѣкамъ Панджаба выше Мултана, или, можетъ быть, Лодіаны. Товары назначаемые для средней Азіи можно выгружать въ Баккарѣ, который считается пристанью Шикарпура — города, имѣющаго обширныя сношенія со всѣми частями Азіи и расположеннаго въ равнинахъ ниже Боланскаго ущелья, составляющаго большую дорогу чрезъ Сулиманскія горы. Если же мы найдемъ нужнымъ провозить свои товары выше по рѣкѣ, до Леіи, то при перевозѣ Кахери, встрѣтимъ торговый потокъ идущій изъ Палли, Биканира и Мултана, что̀ уничтожило бы эту торговлю. Хотя судоходство внизъ отъ Аттока совершенно открыто, такъ что фрукты часто сплавляются по Инду въ Шикарпуръ, однако же трудности плаванія увеличиваются выше Карабага отъ быстроты воды, сжатой въ горахъ; при томъ же тамъ не представляется значительныхъ выгодъ, которыя

могли бы вознаградить попытку. Панджабскіе купцы, съ другой стороны, достигаютъ своей цѣли какъ только что доплывутъ до Мултана, ибо Ченабъ и Джеламъ, будучи судоходными рѣками, изъ коихъ первая весьма большая, не ведутъ ни къ какому рыночному мѣсту далѣе этого города. Рѣка Рави, на которой стоитъ Лагоръ, по причинѣ своего излучистаго теченія и меньшей ширины и глубины въ сравненіи съ другими панджабскими рѣками, ни когда не можетъ служить линіею торговли. Это тѣмъ болѣе, что торговля этой столицы очень ограничена, въ слѣдствіе сосѣдства съ важнымъ торговымъ городомъ Амритсиромъ, къ которому можно подходить по Сатледжу на разстояніе тридцати миль. Послѣдняя рѣка способствуетъ судоходству отъ Уча до Гаррика, гдѣ она, при ширинѣ 275 ярдовъ, сливается съ Біасомъ и уже имѣетъ среднюю глубину въ двѣнадцать ярдовъ, такъ что не представляетъ бродовъ. Впрочемъ съ нѣкоторыми затрудненіями по ней можно восходить вплоть до Лодіаны на туземныхъ судахъ и такимъ образомъ продолжить

плаванiе отъ самаго моря до отдаленнѣйшихъ постовъ нашей индiйской имперiи. Жаль, что мы доселѣ не имѣемъ свѣдѣнiй о судоходности Сатледжа отъ Лодiаны до слiянiя его съ Ченабомъ при Учѣ; но приведенные мною факты (въ которыхъ я ни сколько не сомнѣваюсь) даютъ полную надежду, что со временемъ мы найдемъ ее судоходною на всемъ этомъ пространствѣ, почти безъ всякихъ физическихъ препятствiй для торговли.* Къ счастiю Бауалпуръ, городъ весьма важный по торговлѣ, стоитъ на берегахъ этой рѣки, недалеко отъ ея устья. Сатледжъ въ этой части своего теченiя проходитъ по безплодной худо-защищенной странѣ; но если вначалѣ тутъ и будутъ происходить отъ этого потери, то со временемъ это затрудненiе, по всей вѣроятности, устранится вмѣстѣ съ прочими.

* Судоходныя свойства этой рѣки здѣсь не преувеличены: экспедицiя недавно ходившая внизъ по ея теченiю по предписанiю Генералъ-Губернатора, подъ начальствомъ Капитана Уэда, вполнѣ подтвердила упомянутыя выше предположенiя.

Обширная торговля можетъ существовать только тамъ, гдѣ есть защита и покровительство купцамъ и ихъ имуществу. Прежде нежели торговцы рѣшатся пустить въ оборотъ большіе капиталы въ Синдѣ, имъ необходимы тамъ полныя ручательства. За гранью этой страны, Панджабъ представляетъ имъ пути безопасные. Не подчиненныя же законамъ племена Деражата, между Аттокомъ и Миттаномъ, не признаютъ надъ собою ни какой власти; но они, сравнительно говоря, живутъ за предѣлами торговли. За то Ранджитъ Сингъ, усмиривъ страны лежащія на востокъ отъ Инда, обложилъ идущіе тамъ товары такими пошлинами, которыя вредятъ торговлѣ. Такъ какъ Индъ и его данницы протекаютъ внѣ предѣловъ британской Индіи, то можно думать, что недостатокъ судебныхъ мѣстъ для рѣшенія тяжбъ и споровъ между купцами будетъ имѣть вредное вліяніе на юную торговлю; впрочемъ, при всей справедливости характеризующей служителей компаніи и при благоразумныхъ предпріятіяхъ правительства, нельзя не сказать, чтобъ система нашего судопро-

изводства не увеличила безчестности и обмана въ торговыхъ сословіяхъ. Между тѣмъ купцы Индіи, преимущественно тѣ, которые живутъ подъ туземнымъ правленіемъ, будучи лишены средствъ къ жалобамъ, сохраняютъ, такъ сказать по неволѣ, честность въ своихъ дѣйствіяхъ и питаютъ другъ къ другу такое довѣріе, которое почти совершенно исчезло въ нашихъ владѣніяхъ. Въ заключеніе должно сказать, что при распространеніи нашей торговли въ этомъ направленіи, намъ не слѣдуетъ продвигать сюда границы своихъ владѣній, дабы въ случаѣ войны не имѣть необходимости охранять въ одно и то же время и нашей торговли и нашихъ предѣловъ.

ГЛАВА II.

ТОРГОВЛЯ КАБУЛА.

Торговля Кабула претерпѣла, въ слѣдствіе причинъ политическихъ, много измѣненій съ 1809 года, т. е. съ той эпохи, когда эту страну посѣщала британская миссія. Во времена кабульской монархіи торговля съ Индіею производилась весьма значительная, такъ что наша факторія въ Синдѣ, въ продолженіе долгаго періода преимущественно поддерживалась требованіями изъ Афганистана. Уничтоженіе этой факторіи заставило кабульскихъ купцовъ искать себѣ товаровъ на базарахъ Индіи, ибо жители этой павшей монархіи пріобрѣли весьма значитель-

ный вкусъ къ европейскимъ произведеніямъ. Я уже сказалъ, что богатства Афганистана теперь перешли на восточную сторону Инда; но раздробленіе этого когда-то могущественнаго государства на мелкія владѣнія ни сколько не повредило выгодамъ торговли. Вмѣсто одного мы въ настоящую пору видимъ здѣсь три, или четыре двора чрезмѣрно важныхъ, что въ странѣ бѣдной, каковъ Афганистанъ, оказываетъ важное вліяніе на торговлю. Это доказывается тѣмъ, что сборы и пошлины города Кабула значительно увеличились со времени изгнанія тамошнихъ государей и въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ возвысились на одну четверть болѣе прежняго безъ всякаго набавленія новыхъ налоговъ. Тамъ не только внутреннее потребленіе британскихъ и индійскихъ мануфактурныхъ произведеній увеличилось, но въ то же время усилилась и транзитная торговля съ Туркестаномъ.

Англійскіе товары посылаемые въ эти страны, выгружаются въ Индіи, въ Калкуттѣ, или Бомбеѣ. Въ послѣднемъ городѣ складывается боль-

шая ихъ часть. Изъ Калкутты и Бомбея товары сосредоточиваются въ Кабулѣ тремя главными путями. 1. Купцы изъ Бенгала ходятъ путемъ Гангеса, чрезъ *Делли*, Ганзи, Бауалпуръ, Мултанъ и переправляются чрезъ Индъ на перевозѣ Кахори, повыше 31° сѣверной широты. Отсюда они слѣдуютъ ущельемъ Голери и рѣкою Гумалъ до Газни и Кабула. 2. Бомбейскіе купцы ходятъ чрезъ Газератъ въ *Талли*, въ Маруарѣ, потомъ, пройдя Биканирскую пустыню, вступаютъ на упомянутую выше дорогу при Бауалпурѣ. 3. Часть товаровъ отправляется изъ Бомбея на корабляхъ въ Сонміани, или Карачи въ Синдъ и отсюда въ восемнадцать переходовъ достигаютъ Кандагара, а потомъ уже слѣдуютъ въ Газни и Кабулъ. Товары, не распродающіеся въ этой странѣ, *или назначенные для* бухарскихъ рынковъ, отправляются въ Гератъ. Дорога чрезъ Синдъ въ Шикарпуръ мало посѣщается изъ опасенія Какеровъ. Изъ этого исчисленія путей видно, что дорога между Индіею и Персіею, изъ *Делли* чрезъ Лагоръ, Аттокъ и Пешауаръ въ Кабулъ, совершенно ос-

тавлена: это происходитъ отъ того, что панджабскій Магараджа взимаетъ пошлины бо́льшія, чѣмъ его сосѣди. Товары вывозимые изъ Амритсира, великаго рынка панджабской торговли, переправляются чрезъ Гидапсъ (Джеламъ) при Джангѣ и вступаютъ на другія дороги при Кахери. Въ слѣдствіе такого провоза происходитъ то, что городъ Пешауаръ, лежащій на самой восточной границѣ Афганистана, снабжается европейскими и индійскими товарами изъ Кабула, т. е. съ запада: купцамъ гораздо выгоднѣе провозить ихъ этимъ объѣзднымъ путемъ, почему они и предпочитаютъ его. Это объясняетъ отчасти увеличившійся доходъ отъ пошлинъ въ Кабулѣ.

Главные производители торговли между Индіею и Кабуломъ суть Логанійцы, пастушеское афганское племя живущее въ странѣ между Газни и Индомъ. Многіе изъ нихъ обладаютъ огромными богатствами и сами лично ѣздятъ въ Индію для совершенія своихъ закупокъ. Семейства ихъ со всѣми стадами приходятъ въ условленное время къ нимъ на встрѣчу на бе-

рега Инда, гдѣ они навьючиваютъ товары на своихъ собственныхъ верблюдовъ и легкими переходами свозятъ ихъ въ Газни. Межлежащая страна гориста, а дороги въ ней каменисты и затруднительны; но это не затрудняетъ Логанійцевъ, ибо тутъ они путешествуютъ въ своей отчизнѣ и не встрѣчаютъ ни поборовъ, ни пошлинъ, препятствующихъ торговлѣ. Караваны достигаютъ Кабула въ началѣ Іюня; тутъ Логанійцы продаютъ часть своихъ товаровъ и потомъ продолжаютъ путь въ Бухару. Въ замѣнъ товаровъ продаваемыхъ въ Кабулѣ, эти купцы выводятъ оттуда лошадей и вывозятъ изъ Газни и Кандагара крапъ съ большимъ количествомъ плодовъ какъ сушеныхъ, такъ и свѣжихъ. Съ этими предметами они возвращаются на берега Инда, гдѣ верблюды ихъ остаются до прибытія индійскихъ каравановъ въ слѣдующемъ году.

Туземцы этихъ странъ говорятъ, что всѣ товары высылаемые Индіею, суть ни что иное какъ *трава*; между тѣмъ какъ ввозимые въ нее—золото. Къ главнѣйшимъ предметамъ вывозимымъ

изъ Индіи въ Афганистанъ принадлежатъ: индиго, хлопчатая бумага и сахаръ, потомъ бѣлыя ткани всѣхъ сортовъ, каленкоры, муслины, ситцы европейской работы, шали, парчи, даккаскіе муслины, панджабскіе чалмы, пряности и проч. Въ Кабулѣ всѣхъ этихъ предметовъ потребляется ежегодно до тысячи верблюжьихъ вьюковъ. До 1816 г. эта страна снабжалась многими предметами изъ Россіи; но введеніе нашихъ ситцевъ, начавшееся съ этого времени, произвело значительную перемѣну. Произведенія европейской промышленности съ той поры пошли изъ Индіи въ эту часть Азіи въ огромномъ количествѣ. Прежде полагали, и, кажется, не безъ основанія, что русскія ткани доходили не только до Бухары и до странъ, лежащихъ на югъ отъ Гинду Куша, но даже распродавались по областямъ Кабула. Теперь почти не замѣтнымъ образомъ ходъ торговли совершенно измѣнился, и этою перемѣною, столь благодѣтельною для Британіи, мы обязаны справедливости и безпристрастію Достъ Магоммедъ Хана, кабульскаго правителя. Со времени упомянутаго переворота русскія фабрики

прекратили свое соперничество съ нашими и сбытъ нашихъ товаровъ быстро увеличился въ слѣдствіе ихъ превосходства. Единственныя ткани получаемыя въ настоящее время изъ Россіи суть нанка и широкіе ситцы, не вырабатываемые въ Англіи.

Правители Пешауара и Кандагара не оказываютъ такого покровительства торговлѣ, какое мы видимъ со стороны ихъ брата въ Кабулѣ. Въ этомъ отношеніи ихъ вліяніе менѣе значительно, ибо они не имѣютъ ни столько власти, ни столько вліянія, сколько принадлежитъ Достъ Магоммеду: при томъ же великая дорога въ Туркестанъ проходитъ чрезъ земли подвластныя Кабулу. Торговля шалями, производимая изъ Кашмира въ Персію, въ слѣдствіе непомѣрнъхъ пошлинъ взимаемыхъ кандагарскимъ правителемъ, избрала себѣ другіе пути: она теперь идетъ чрезъ Бомбей и Буширъ, или чрезъ Кабулъ, Бухару и Каспійское море. Я почти увѣренъ, что непомѣрность упомянутыхъ пошлинъ происходитъ только отъ невѣжества кандагарскаго пра-

вителя, ибо онъ хорошо расположенъ къ англійскому правительству; при томъ же онъ не можетъ не знать, что бухарскіе купцы предпочитаютъ дорогу на Кабулъ къ его собственному ущербу. Съ пешауарскимъ властителемъ дѣло другое: онъ боится Сейковъ, и не иначе можетъ упрочить свое существованіе какъ взиманіемъ высокихъ пошлинъ. Его столица, лежащая на большой дорогѣ изъ Индіи въ Татарію, перестала быть складочнымъ мѣстомъ торговли въ слѣдствіе его вражды съ Сейками. Единственные товары достигающіе Пешауара суть только тѣ, которые потребляются въ этомъ городѣ. Всѣ они, какъ я уже сказалъ, идутъ со стороны Кабула, ибо ни одинъ купецъ не рѣшается вести въ Пешауаръ своего имущества чрезъ панджабскія владѣнія, тѣмъ болѣе, что Хиберское ущелье, находящееся между этимъ городомъ и Кабуломъ, весьма опасно. Между Пешауаромъ и Лагоромъ взимается шестьдесятъ рупій съ каждой вьючной лошади, что̀ почти совершенно преградило торговлю въ этомъ направленіи. Пешауаръ почти не имѣетъ ни какихъ собственно

ему принадлежащихъ мануфактурныхъ произведеній, кромѣ грубыхъ бумажныхъ лунджи, высылаемыхъ въ Татарію и Афганистанъ. Европейскіе товары хотя и продаются на его базарахъ, однако же требованіе на нихъ весьма ограничено. Ихъ употребляютъ только богатые классы народа: они носятъ ситцевыя одежды и муслиновыя чалмы, также какъ и русскіе бархаты, нанки и индійскія шелковыя матеріи. Низкіе классы довольствуются туземными тканями. Весь годовой доходъ города Пешауара не превосходитъ 30.000 рупій.

Бухарская *или* туркестанская торговля такъ тѣсно связана съ торговлею кабульскою, что мнѣ необходимо представить здѣсь всѣ собранныя мною по этому предмету свѣдѣнія, прежде нежели окончу свои замѣчанія. Я вполнѣ убѣжденъ, что эта торговля можетъ быть усилена и улучшена, ибо народы соперничествовавшіе съ нами въ этомъ дѣлѣ, совершенно вытѣснены съ поприща въ теченіе немногихъ минувшихъ лѣтъ, такъ что ввозъ индійскихъ ситцевъ почти

прекратился. Притомъ же пошлины взимаемыя Кабуломъ умѣренны и не превосходятъ $2^1/_2$ процентовъ. Мнѣ даже кажется, что учрежденіе ярмарокъ и базаровъ, въ подражаніе русскимъ, болѣе всего могло бы способствовать распространенію британской торговли на западъ отъ Инда. Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ кабульскіе купцы начали посѣщать эти ежегодныя торжища въ Россіи, гдѣ совершаютъ значительныя продажи и купли, при такомъ важномъ поощреніи, которое передало бо́льшую часть русско-бухарской торговли въ ихъ руки, на что́ Узбеки горько жалуются. Я упоминаю это для того, чтобъ показать, съ какою выгодою подобныя учрежденія могутъ быть введены на границахъ нашей индійской имперіи, непосредственно примыкающей къ Кабулу. Они изъ отдаленныхъ странъ привлекаютъ къ себѣ торговцевъ, которые охотнѣе желали бы задолжать свои капиталы ближе къ родинѣ, если бы только имѣли къ этому возможность. Это уменьшило бы ихъ рискъ и, по всей вѣроятности, усилило требованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ввозъ

британскихъ мануфактурныхъ произведений въ Афганистанъ. Притомъ же это противодѣйствовало бы намѣреніямъ и цѣлямъ нашихъ соперниковъ на сѣверѣ. Нѣтъ сословія, которое заслуживало бы поощренія болѣе нежели логанійскіе купцы Кабула: это люди предпріимчивые, всюду встрѣчаемые въ верхнихъ частяхъ Индіи. По возвращеніи на родину они часто разсказываютъ о малѣйшемъ покровительствѣ имъ оказанномъ съ такою признательностью, которая показываетъ, какъ живо приняли бы они болѣе существенное поощреніе отъ правительства щедраго. Доступъ къ начальствующимъ лицамъ въ Индіи и нѣсколько подарковъ даже невысокой цѣнности, были бы для нихъ явными знаками благорасположенія нашего правительства. Это вмѣстѣ съ тѣмъ показало бы имъ участіе, которое оно принимаетъ въ ихъ благосостояніе, и послужило бы свидѣтельствомъ, что мы ни сколько не желаемъ передать ихъ торговлю въ руки англійскихъ купцовъ, такъ какъ они вообще объ этомъ думаютъ. Въ бесѣдахъ съ ними мнѣ часто приходилось оспоривать такое

мнѣніе: я старался увѣрить ихъ, что мы только заботимся объ усиленіи общаго итога нашего ввоза и ни мало не думаемъ о обогащеніи какого нибудь однаго класса людей. Можетъ статься лучшая услуга, какую мы въ состояніи оказать Логанійцамъ, заключается въ устраненіи неудовольствій и затрудненій, которыя они встрѣчаютъ въ нашихъ таможняхъ. Объ этомъ я буду имѣть случай говорить въ послѣдствіи, ибо въ здѣшнихъ странахъ это ощутительно болѣе нежели гдѣ либо. Впрочемъ я увѣренъ, что стоитъ только привесть въ извѣстность эти злоупотребленія, чтобъ устранить ихъ.

ГЛАВА III.

ТОРГОВЛЯ И ВНѢШНІЯ СНОШЕНІЯ БУХАРЫ И СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Торговыя сношенія Европы съ народами средней Азіи восходятъ до самой глубокой древности: они процвѣтали при греческихъ государяхъ Бактріи, наслѣдовавшихъ Александру, о чемъ упомянуто у Плинія и другихъ древнихъ писателей. Нашествіе Калифовъ изгладило на время всѣ слѣды этихъ сношеній; но русскіе купцы десятаго вѣка возили ароматы и другія богатства Индіи въ *Великій Новгородъ*. Открытіе пути въ Индію чрезъ мысъ Доброй Надежды, въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, произвело важную перемѣну въ торговыхъ путяхъ:

плоды этого открытія долго оставались въ рукахъ Португальцевъ. Въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, въ то время какъ этотъ народъ извлекалъ выгоды отъ новаго торговаго пути, Англія высылала купцовъ и посольства съ цѣлью проложенія дороги для своей торговли между народами обитающими по берегамъ Каспійскаго моря въ западномъ отъ него направленіи. Экспедиціи эти не имѣли желанныхъ успѣховъ, какъ это видно изъ вѣрнаго и любопытнаго описанія Антонія Дженкинса и другихъ путешественниковъ за нимъ слѣдовавшихъ. • »Они не хотятъ покупать сукна«, пишетъ Дженкинсонъ, говоря о Бухарцахъ, »продажа здѣсь не велика, да и барыши незначительны.«

Попытки, сдѣланныя для заведенія торговли между Европою и этими странами, въ особенности съ Бухарою, хотя въ то время и не достигли своей цѣли, однако же онѣ не заключали въ себѣ ни чего такого, чтобы могло остановить дальнѣйшее предпріятіе. Бухара, не смотря на то, что она въ политическомъ отно-

шеніи, принадлежитъ къ государствамъ второстепеннымъ, занимаетъ въ торговомъ мірѣ мѣсто весьма важное. Богатая всѣми произведеніями почвы, не взирая на безплодныя степи вокругъ нея лежащія, она можетъ считаться посредницею между Европою и Азіею, центральнымъ рынкомъ для выгоднаго размѣна товаровъ китайскихъ, персидскихъ, индійскихъ и афганистанскихъ. Приближенность ея къ восточнымъ странамъ Европы дѣлаетъ ее складочнымъ мѣстомъ для произведеній ихъ промышленности тѣмъ болѣе, что она лежитъ далеко за чертою, до которой доходитъ вліяніе морской торговли съ Индіею. Воспользоваться этими выгодами суждено народу сосѣдствующему съ Бухарою, и потому если Англичане не имѣли успѣха въ своихъ предпріятіяхъ, то Русскіе, на сторонѣ которыхъ было болѣе благопріятныхъ случаевъ, успѣли въ этомъ, хотя уже въ эпоху позднѣйшую, именно въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Петръ Великій составилъ планъ для учрежденія торговыхъ сношеній между Каспійскимъ моремъ и берегами Окса; но коварная

измѣна уничтожила его *предположенія*. Онъ, однако же, успѣлъ проложить дороги, начинавшіяся отъ южныхъ предѣловъ русской имперіи въ Азіи, на востокъ отъ Каспійскаго моря и Аральскаго озера, такъ что по нимъ почти въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ ходили ежегодные караваны въ Бухару. Не стану утверждать, чтобъ эти пути совершенно совпадали съ торговыми путями древнихъ; но скажу, что они были, сравнительно говоря, безопаснѣе и удобнѣе для сообщеній между Азіею и Европою.

Въ то время, какъ бухарскіе базары снабжались русскими произведеніями по сухому пути, купцы индійскіе, доселѣ привозившіе на эти базары только свои туземные товары, начали распространять на нихъ произведенія великобританскихъ фабрикъ. Такимъ образомъ англійская торговля раздвинула свои предѣлы, и русскіе купцы по уменьшенію своихъ оборотовъ скоро замѣтили страшное для себя соперничество. Замѣчательно, что выработываемые въ Европѣ товары идутъ въ среднюю Азію, такъ ска-

зать, обратнымъ путемъ, переплывъ по морямъ почти половину всей окружности земнаго шара. Не менѣе замѣчательно и то, какимъ образомъ торговля между Британіею и этими странами, не бывъ въ состояніи проложить себѣ прямаго пути чрезъ Европу, могла столь твердо упрочиться со стороны совершенно противоположной. Предметъ этотъ такъ любопытенъ и такъ важенъ, что я намѣренъ посвятить настоящую главу для описанія хода этой торговли, для поясненія особенностей туземной торговли этихъ мѣстъ и, наконецъ, для указанія путей сообщенія, по которымъ она отправляется. Цвѣтущее состояніе этой торговли даетъ мнѣ возможность указать средства для улучшенія нашего отечественнаго вывоза, и высказать надежды и причины, дающія мнѣ поводъ думать, что она подлежитъ еще обширнѣйшему развитію къ неисчисленнымъ выгодамъ нашего отечества.

За двѣнадцать, или четырнадцать лѣтъ торговля мануфактурными европейскими произведеніями съ Туркестаномъ, заключающимъ въ

себѣ Бухару и всѣ земли лежащія на сѣверъ отъ Окса, исключительно находилась въ рукахъ Русскихъ, привозившихъ свои товары изъ Оренбурга и Троицка: теперь же товары гораздо въ большемъ количествѣ идутъ чрезъ Индію и Афганистанъ. Торговля изъ Россіи въ Бухару совершается четырмя великими путями. Первый идетъ изъ Астрахани и переходитъ за Каспійское море, гдѣ товары выгружаются въ Мангашлакъ; потомъ онъ слѣдуетъ на Хиву, а оттуда въ Бухару: переѣздъ по этому пути совершается въ тридцать дней. Второй путь начинается въ Оренбургѣ, проходитъ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями въ Хиву и въ Бухару: по немъ ходятъ въ шестьдесятъ дней. Третій, начинаясь въ Троицкѣ, идетъ чрезъ *Даштъ-и-Кипчакъ* или Кипчакскую степь по восточной сторонѣ Аральскаго озера, чрезъ Сиръ-Дерію невдалекѣ отъ ея устья и достигаетъ Бухары: караванъ можетъ пройдти все это пространство въ восемдесятъ дней. Четвертый путь начинается въ Каззалъ-Джарѣ или Петропавловскѣ, на востокъ отъ Троицка, и ведетъ къ Бухарѣ въ

юго-западномъ направленіи чрезъ Ташкендъ: на этотъ переѣздъ потребно девяносто дней. Торговля между Туркестаномъ и русскою имперіею отправляется по всѣмъ этимъ дорогамъ; но самая безопасная и болѣе посѣщаемая есть та, которая лежитъ изъ Оренбурга на Хиву. По ней обыкновенно ходитъ большой караванъ, ежегодно отправляющійся изъ Бухары въ Іюнѣ мѣсяцѣ; купцы, идущіе въ Астрахань, отдѣляются отъ него въ Оргенджѣ и сворачиваютъ на Мангашлакъ. Меньшіе караваны, верблюдовъ въ двѣсти, съ менѣе драгоцѣнными товарами ходятъ на Троицкъ въ Августѣ мѣсяцѣ. Даштъ-и-Кипчакъ, пересѣкаемая всѣми этими дорогами, есть плоская однообразная страна, не имѣющая осѣдлыхъ жителей: путешественники предъ вступленіемъ въ нее запасаются всѣми жизненными потребностями, ибо въ ней нѣтъ ни фуража, ни топлива, ни воды. По ней блуждаютъ Киргизы и Кайсаки съ своими стадами, и ищутъ пастбищъ. Эти народы обладаютъ множествомъ верблюдовъ, принадлежащихъ къ двугорбой бактріанской породѣ, чрезвычайно сильной и крѣпко

сложенной. Каждый изъ такихъ животныхъ въ состояніи поднять 640 фунтовъ англійскихъ, что̀ 150 фунтами превышаетъ обыкновенный вьюкъ индійскихъ и афганистанскихъ верблюдовъ. Здѣшніе караваны почти всегда ввѣряются этимъ пастушескимъ племенамъ: имъ на руки отдаются всѣ товары и они путешествуютъ съ ними въ сопровожденіи своихъ семействъ. Проложенныхъ, торныхъ дорогъ въ этой степи нѣтъ; путеводителями служатъ одни только небесныя звѣзды, и потому, караваны ходящіе здѣсь линіями отъ пятнадцати до двадцати верблюдовъ въ рядъ, путешествуютъ только по ночамъ, медленнымъ, по ровнымъ шагомъ.

Въ 1819 г. русское правительство отправляло въ Хиву г. Муравьева, которому поручено было стараться о содѣйствіи къ измѣненію направленія караванной дороги, пролегающей чрезъ это ханство и къ орбащенію ея на Красноводскій заливъ Каспійскаго моря: такой путь былъбы короче; товары же отсюда могли бы перевозиться въ Астрахань также легко, какъ и

изъ Мангашлака. Оргенджскій ханъ воспротивился этому и переговоры не имѣли желаннаго успѣха. На другой годъ отправлено было въ Бухару другое посольство чрезъ Троицкъ, по дорогѣ пролегающей на востокъ отъ Аральскаго озера. Во главѣ посольства былъ Г. Негри, которому поручалось между прочимъ заняться всѣмъ, что могло облегчить торговыя сношенія между двумя странами; однако и въ этомъ случая, кажется, не было успѣха. Послѣ этого не было сдѣлано ни какихъ новыхъ попытокъ для минованія Хивы, тѣмъ болѣе, что ханъ этой страны не взималъ уже обременительныхъ и безосновательныхъ пошлинъ. Впрочемъ Россія, имѣя цѣлью бо́льшее развитіе своей торговли, не ограничивалась одними переговорами: она учредила многочисленныя ярмарки на своихъ южныхъ границахъ. Самая замѣчательнѣйшая изъ нихъ, имѣющая мѣсто въ Нижнемъ-Новгородѣ, на берегахъ Волги, и у Азіятцевъ называющаяся *Макреа* (Св. Макарія), начинается въ Іюлѣ и продолжается сорокъ дней. Купцы, производящіе торговлю

съ среднею Азіею, совершаютъ на ней всѣ свои закупки и продажи; туда являются даже Индусы.

Индійскіе товары отправляемые въ Бухару суть тѣ же самые, которые идутъ въ Афганистанъ. Въ Кабулъ ихъ ежегодно привозятъ до двухъ тысячь верблюжьихъ вьюковъ, изъ коихъ половина назначается въ Туркестанъ. Ввозъ товаровъ въ Бухару изъ Россіи совершается чрезъ Оренбургъ и Троицкъ: они состоятъ преимущественно изъ бѣлыхъ тканей, муслиновъ, ситцевъ, сукна какъ англійской, такъ и русской выработки, парчей (кинкобъ), бархатовъ, нанки и разнаго рода канители, также пушныхъ товаровъ, кошенили (кирмизъ), замковъ, чугунной посуды, желѣза, мѣди, проволоки, кожи, бумаги писчей, иглъ, ножевыхъ товаровъ, галантерейныхъ вещей, фаянсовой посуды, бѣлаго раффинированнаго сахару, меду и множества другихъ мѣлкихъ предметовъ. Значительная часть русскаго промѣна совершается на звонкую монету, на дукаты и секины. Ежегодный караванъ, приходя-

щій въ Бухару, обыкновенно состоитъ почти изъ тысячи трехъ сотъ верблюдовъ и всегда отправляется изъ Россіи въ Январѣ мѣсяцѣ. Здѣсь должно замѣтить, что многіе изъ товаровъ привозимыхъ изъ этой страны, не имѣютъ ни какого соперничества въ Бухарѣ со стороны индійской торговли. Многіе почтенные купцы, на показанія которыхъ можно положиться, увѣряли меня, что двѣ трети товаровъ привозимыхъ изъ Россіи и Индіи принадлежатъ англійскимъ мануфактурамъ. При встрѣчи двухъ противоположныхъ торговыхъ потоковъ, почти постоянно на одной какой нибудь сторонѣ цѣны упадаютъ и уравновѣшиваются съ цѣнами другой стороны, каковы бы ни были расходы употребленные для ихъ провоза. Продажа англійскихъ товаровъ не поощряется въ Россіи; транзитъ ихъ чрезъ ея владѣнія затрудненъ огромными пошлинами; но, не смотря на это, они достигаютъ Бухары и продаются тамъ съ выгодою. Къ числу ихъ принадлежатъ сукны и бархаты, преимущественно идущіе чрезъ Россію.

Слѣдующая таблица русскихъ и англійскихъ товаровъ на бухарскихъ базарахъ показываетъ относительную ихъ цѣнность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и барышъ получаемый отъ ихъ ввоза. Цѣны эти приведены здѣсь въ золотыхъ тиллахъ бухарскихъ, изъ коихъ каждая равняется шести съ половиною сиккаскихъ рупій, или почти шестнадцати шиллингамъ.

Русскіе товары.	Тиллы	Англійскіе товары, идущіе чрезъ Кабулъ.	Тиллы
Кусокъ широкаго ситцу въ 23 ярда	8	Не ввозится	—
Ситецъ втораго сорта	5	Не ввозится	—
Ситецъ низкаго сорта	3½	Ситецъ низкаго сорта	3½
Ситецъ втораго сорта менѣе пестрый	2½	Ситецъ втораго сорта менѣе пестрый	2¾
Ситецъ самый простой	1¼	Ситецъ самый простой	1¾
Муслинъ съ цвѣточками 20 кусковъ	18	Муслипъ съ цвѣточками 20 кусковъ	22
Муслинъ самый тонкій съ золотою каемкою, за кусокъ	3 до 4	Муслинъ такой же	2½
Каленкоръ за 20 кусковъ въ 10 ярдовъ каждый	15	Каленкоръ за 20 кусковъ	18
Не ввозится	—	Каленкоръ, за кусокъ въ 40 ярдовъ	до 3½
Тонкое англійское сукно за 2¼ ярда	5	Не ввозится	—

Выгоды получаемыя на англійскіе ситцы не рѣдко равняются пятидесяти процентамъ: во время моего пребыванія въ Бухарѣ одинъ купецъ получилъ такой барышъ.

Изъ приведенной таблицы видно, что англійскіе ситцы продаются лучше, чѣмъ русскіе, и что въ Россіи выработываются такіе сорта этой матеріи, которыхъ нѣтъ въ Англіи. Послѣдніе приготовляются въ Польшѣ, или въ Германіи; они гораздо шире нашихъ, цвѣтомъ ярче и много требуются какъ въ Бухарѣ, такъ и въ Афганистанѣ. Если бы наши купцы имѣли образцы такихъ ситцевъ, то они могли бы захватить и эту отрасль торговли въ свои руки. Низшіе сорта этой матеріи не слѣдуетъ отправлять въ Бухару, потому что тамъ во внутренности страны они приготовляются туземцами. Они около одного фута ширины и всегда бываютъ полосатые. Пять кусковъ, каждый въ шестнадцать ярдовъ, продаются за одну тиллу. Изъ Россіи этого товару ежегодно отправляется до двухъ сотъ верблюжьихъ вью-

ковъ. Хотя цѣны на ситцы много понизились въ Бухарѣ, однако же они все еще доставляютъ барыши отъ тридцати до сорока процентовъ.

Въ числѣ бѣлыхъ тканей, привозимыхъ въ Бухару, русскіе муслины самые лучшіе и продаются гораздо дороже, чѣмъ англійскіе; но за то они въ меньшемъ требованіи. Всѣ другія русскія ткани далеко уступаютъ нашимъ и ни одна изъ нихъ не переходитъ на югъ отъ Окса. Въ Бухарѣ ежегодно потребляется около тысячи кусковъ тканей, изъ коихъ три четверти всего числа принадлежатъ къ узкимъ сортамъ. Туда идетъ почти такое же количество муслиновъ съ цвѣточками — *джамдани*.

Англійское сукно никогда не получается въ Бухарѣ со стороны Индіи: оно идетъ туда чрезъ Россію. Торговля имъ находится въ настоящее время въ такомъ состояніи, что одинъ кабульскій купецъ, человѣкъ весьма умный, говорилъ мнѣ въ Бухарѣ о своемъ намѣреніи отвезть партію этого сукна въ Лодіану, гдѣ, не взирая на дальный провозъ, онъ надѣялся

сбыть ее съ выгодою, пустивъ даже по такимъ цѣнамъ, которыя ниже тамошнихъ. Самое лучшее англійское сукно, стоющее въ Индіи двадцать двѣ рупіи за ярдъ, продается въ Бухарѣ по пятнадцати; не взирая, однако же на это, купцы, привозящіе его изъ Россіи, увѣряютъ, что несутъ на немъ убытокъ. Это сукно уважается болѣе русскаго, потому что оно не линяетъ и долѣе носится. Если бы можно было понизить цѣны на наше сукно до того, чтобъ сдѣлать его болѣе доступнымъ для туземцевъ, то оно скоро вытѣснило бы всѣ другія сукна. Бархаты идутъ изъ Россіи, именно, такъ называемые, бумажные бархаты съ цвѣтами, шириною почти въ два фута. Тутъ они въ большемъ требованіи, потому что изъ Индіи ихъ не привозятъ. Русскіе съ большимъ успѣхомъ подражаютъ индійскимъ парчамъ и отправляютъ въ Бухару огромное количество такъ называемыхъ *поддѣльныхъ парчей*, которыя съ виду почти также хороши какъ и бенарескія; но, будучи не широки, продаются въ половину дешевле. Въ Англіи, кажется, ни что не препятствуетъ къ

выработкѣ подобнаго товара. Главное же произведеніе русской промышленности, лежащее въ основаніи торговли съ Бухарою, есть нанка; она рѣдко бываетъ бѣлая, ибо русскіе въ этомъ отношеніи подражаютъ англійской нанкѣ, которая обыкновенно дѣлается полосатая и темнаго цвѣта. Эта ткань продается по цѣнѣ одной съ половиною *тиллы* за кусокъ въ сорокъ *ярдовъ*, и преимущественно употребляется на шубы или *чапканы*. Прежде я полагалъ, что она идетъ изъ Китая; но въ послѣдствіи узналъ, что ее доставляютъ караванами изъ Россіи, высылаютъ въ Афганистанъ и даже въ Индію: я видалъ ее въ Лагорѣ. Къ однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ русской торговли принадлежитъ еще кошениль (*кирмизъ*), служащая преимущественно для окраски шелка сырца въ красный цвѣтъ. Еще недавно большое количество этой краски провозили изъ Бухары въ Афганистанъ и Индію; но со времени появленія кошенили въ Панджабѣ, доставляемой чрезъ индійскія гавани, торговля кирмизомъ, также какъ и сукномъ, упадаетъ съ каждымъ годомъ и, вѣроятно,

скоро ограничится одною только Бухарою, гдѣ это вещество продается отъ восьми до девяти тиллъ за маундъ таврисскій, равный семи фунтамъ англійскимъ. Въ Кабулѣ же оно продается дешевле. Этотъ товаръ можно съ выгодою посылать изъ Индіи въ Афганистанъ. Выше, говоря о произведеніяхъ Бухары, я сказалъ, что въ ней есть свой собственный кирмизъ; но тамъ не знаютъ способа его приготовленія.

Въ Бухарѣ господствуетъ постоянное требованіе на индійскіе товары. Даккаскіе муслины широкихъ сортовъ продаются тамъ по двадцати тиллъ за двадцать кусковъ; муслины меньшей ширины можно имѣть въ половину дешевле. Ежегодно сюда привозятся около пяти сотъ кусковъ бенаресской парчи (кинкобъ); газератская же слишкомъ дорога. Бухарцы и жители Туркестана всѣ носятъ чалмы изъ бѣлой ткани привозимой изъ Панджаба; кусокъ такой матеріи, въ тридцать ярдовъ длиною и въ одинъ футъ шириною, продается за одну тиллу. Такія чалмы въ общемъ употребленіи у жителей обоего

пола, и потому матерію для нихъ употребляемую можно бы выработывать въ Европѣ и провозить въ Туркестанъ съ выгодою. Шали входятъ въ составъ транзитной торговли; но составляютъ только незначительную часть ея. Въ 1832 г. цѣнность шалей провезенныхъ чрезъ Бухару въ Россію простиралась до двухъ лаковъ рупій. Въ торговлѣ этимъ предметомъ купцы никогда не рѣшаются рисковать суммою вдвое болѣе означенной. Число паръ этихъ шалей измѣняется отъ двухсотъ до трехсотъ; всѣ они принадлежатъ къ самымъ тонкимъ сортамъ, ибо ни какіе другіе сорта въ Россіи не распродаются. Каширцы отъ времени до времени ѣздятъ въ эту имперію; по ихъ возвращеніи, рисовальщики—*рафугары*—измѣняютъ рисунки шалей, приноравляясь ко вкусу покупателей, чрезвычайно прихотливому. Каширскія шали въ большомъ ходу между русскимъ дворянствомъ, что̀ и объясняетъ, какъ я уже сказалъ, тѣ огромныя цѣны, которыя платятъ въ Россіи за эти ткани. Индійскій товаръ, въ самомъ большемъ количествѣ привозимый въ Бухару, есть индиго, котораго доста-

вляется туда ежегодно до пяти сотъ верблюжьихъ вьюковъ. Часть его отвозится въ Яркандъ, въ китайскія владѣнія, ибо въ нихъ хотя оно и растетъ, однако же жители не умѣютъ приготовлять его. Индійскій сахаръ также идетъ въ Туркестанъ, потому что тростникъ, изъ котораго онъ приготовляется, не вырастаетъ въ Бухарѣ. Китайскій сахаръ, идущій чрезъ Бомбей, не покрываетъ издержекъ перевоза далѣе Кабула; по этой же самой причинѣ Китайцы не могутъ посылать его далѣе Ярканда. Китайскій сахаръ, будучи низкаго достоинства, идетъ въ торговлѣ не съ большимъ успѣхомъ, потому что богатые люди предпочитаютъ раффинированный русскій сахаръ въ головахъ, а бѣдные употребляютъ *таранджабинъ*, о которомъ я подробно говорилъ, описывая произведенія Бухары.

Независимо отъ торговли съ Россіею и англійскою Индіею, Бухара производитъ непосредственную и значительную торговлю съ китайскими гарнизонами Ярканда и Кашгара, и получаетъ изъ этихъ областей обыкновенный фаянсъ,

мускусъ и драгоцѣнные металлы. Главный же предметъ ввоза составляетъ чай. Обширность торговли этимъ предметомъ и отдаленность областей, чрезъ которыя онъ провозится, равнымъ образомъ заслуживаютъ нашего вниманія. Я уже говорилъ, что жители Туркестана непомѣрно любятъ чай и пьютъ его во всякое время дня. Въ 1832 г. привезено изъ Ярканда въ Бухару девять сотъ пятьдесятъ конскихъ вьюковъ, или почти двѣсти тысячь фунтовъ чая. Большая часть этого количества потребляется въ Туркестанѣ, и только весьма незначительная переходитъ на югъ отъ Гинду Куша. Жители Бадахшана, главные производители этой торговли, вообще хорошо отзываются о справедливости Китайцевъ и о удобствахъ, съ которыми они совершаютъ дѣла свои. Китайское правительство взимаетъ съ этихъ купцовъ одну тридцатую часть цѣнности товара въ пошлину, что̀ весьма умѣренно. Чай привозится изъ среднихъ провинцій Китая въ ящикахъ; путешествіе продолжается нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ чай пересыпается въ мѣшки и зашивается въ сырыя кожи, ибо ящики не вы-

держиваютъ перевоза. Лошадиный выюкъ, вѣсомъ въ 250 фунтовъ, стоитъ въ Яркандѣ шестьдесятъ тиллъ, а въ Бухарѣ иногда сто тиллъ; весь этотъ чай—зеленый. Лучшій чай, употребляемый въ Туркестанѣ, получается сухимъ путемъ изъ Тахта, китайскаго города, стоящаго по берегамъ рѣки; онъ идетъ чрезъ Астрахань въ небольшихъ жестяныхъ, или свинцовыхъ ящикахъ и называется *банковымъ* чаемъ, вѣроятно, отъ названія металла, изъ котораго дѣлаются ящики. Онъ продается по четыре рупіи за фунтъ; вкусъ его превосходный. въ этомъ отношеніи онъ превышаетъ всѣ сорта, которые мнѣ случалось видѣть въ Англіи и, если вѣрить разсказамъ, сохраняетъ свой вкусъ отъ того именно, что не подвергается вліянію спертаго корабельнаго воздуха и дѣйствію морской атмосферы. Караваны яркандскіе проходятъ по столовымъ землямъ Памира, потомъ спускаются въ долины Окса и продолжаютъ свой путь чрезъ Бадахшанъ и Балкъ въ Бухару. Дорога не совсѣмъ безопасна; во многихъ мѣстахъ представляются трудности отъ висящихъ скалъ, подъ которыми

проходитъ дорога: землетрясеніе, бывшее въ Январѣ 1832 г., оторвало множество такихъ скалъ, разрушило ими нѣсколько деревень и убило много народу въ бадахшанскихъ владѣніяхъ. Путешественники чувствуютъ затрудненіе въ дыханіи при переходѣ чрезъ вершины Памира; кромѣ того караваны иногда подвергаются нападеніямъ кочевыхъ Киргизовъ. Такимъ образомъ естественныя и политическія затрудненія дѣлаютъ этотъ путь опаснымъ какъ для путешественниковъ, такъ и для купцовъ. Другая дорога, идущая изъ Ярканда въ Бухару чрезъ долину Яксарта или Сиръ-Деріи и чрезъ ханство коканское, гораздо лучше предыдущей; но не смотря на это, ее мало посѣщаютъ по причинѣ вражды коканскаго хана съ китайскимъ правительствомъ. По дорогѣ чрезъ Кокандъ караваны могутъ достигать мѣста своего назначенія въ сорокъ пять дней. Товары отправляемые изъ Бухары въ Коканъ везутся на колесахъ. Дорога чрезъ Бадахшанъ считается дальнею: она требуетъ шестьдесятъ пять дней. Въ Кулумѣ, торговомъ городѣ между Яркандомъ, Бухарою

и Кабуломъ, мѣсто лошадей заступаютъ верблюды: тутъ два конскихъ вьюка связываются въ одинъ верблюжій и такимъ образомъ доходятъ до Бухары.

Торговля этого города съ Персіею не значительна, по причинѣ небезопаснаго состоянія дорогъ и религіозной вражды, существующей между двумя странами. Керманскія шали составляютъ главнѣйшій предметъ персидскаго ввоза. Опіумъ также идетъ изъ Персіи въ Бухару, а отсюда отправляется въ Яркандъ и Кашгаръ, въ Китаѣ, гдѣ онъ не въ меньшемъ потребленіи, чѣмъ вдоль морскихъ береговъ этой имперіи. Въ Бухарѣ опіумъ продается по пяти тиллъ за маундъ таврисскій. * Эти товары вмѣстѣ съ другими, менѣе важными, идутъ изъ Персіи по дорогѣ на Мешедъ, въ Хоразанѣ.

Вывозъ изъ Бухары довольно значителенъ, потому что эта страна даетъ шелкъ, хлопчатую бумагу и шерсть. Шелкъ преимущественно про-

* Семь фунтовъ.

изводится на берегахъ Окса, гдѣ шелковица растетъ въ изобиліи; тамъ въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ почти всѣ Туркманы занимаются разведеніемъ шелковичныхъ червей. Большое количество этого шелку отправляютъ въ Кабулъ; часть его идетъ даже въ Индію. Въ Бухарѣ цѣна шелку восходитъ отъ девяти до десяти тиллъ за восемь фунтовъ англійскаго вѣсу. Въ Бухарѣ приготовляется шелковая матерія называемая *адрасъ;* цвѣтомъ она красная, бѣлая, зеленая и желтая, и въ большой модѣ въ Туркестанѣ, не смотря на дороговизну: цѣна ея отъ одной до одной съ половиною тиллы за кусокъ длиною въ восемь ярдовъ, а шириною въ двѣнадцать дюймовъ. Эту матерію ткутъ жители Мерва, теперь переселившіеся въ Бухару: она не вывозится. Въ этомъ городѣ есть также значительныя фабрики бумажныхъ тканей. О ситцахъ низкаго сорта, вывозимыхъ въ Россію, я уже говорилъ. Большая часть жителей одѣвается въ ткани внутренняго приготовленія, обыкновенно грубыя, окрашенныя въ темные цвѣта съ полосами: такой матеріи на по-

крышку шубы или *чоги* можно купить за полъ-тиллу. Мнѣ кажется, что подражать этому товару въ Европѣ не стоитъ труда. Хлопчато-бумажная бухарская пряжа, по видимому, въ такомъ же потребленіи, какъ и англійская; значительное количество ея отправляется въ Россію. Въ Балкъ, Кулумъ и Кундузъ идетъ много бумажнаго хлопка. Туркестанская шерсть (пашмъ) идетъ чрезъ горы въ Кабулъ и Панджабъ, гдѣ изъ нея *приготовляются шали простыхъ добротъ.* Въ Бухарѣ она продается отъ шести съ половиною до восьми тиллъ за бухарскій маундъ, равный 256 фунтамъ англійскимъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ цѣна ея была вдвое дороже; но какъ скоро нашли, что приготовляемыя изъ нея ткани имѣютъ посредственную доброту, то и торговля шерстью уменьшилась. Она преимущественно доставляется Киргизами, Кайсаками и племенами кочующими вокругъ Бухары, долгое время незнавшими ея цѣны и еще по нынѣ дѣлающими изъ нее веревки для спутыванія лошадей и рогатаго скота. Бухарскія барашковыя шкурки славятся на всемъ Востокѣ: онѣ

доставляются только изъ Каракула, небольшаго округа, лежащаго между Бухарою и Оксомъ, и вывозятся въ Персію, Турцію и Китай; преимущественно же въ первую изъ этихъ странъ. Персидскіе купцы, производящіе эту торговлю, обыкновенно покупаютъ ихъ на наличныя деньги, ибо не хотятъ рисковать торговымъ обязательствомъ, когда дѣло идетъ о переѣздѣ чрезъ степи. Размѣнять переводное письмо между Мешедомъ и Бухарой нѣтъ ни какой возможности.

Пошлины на европейскіе товары въ Бухарѣ очень умѣренны: онѣ взимаются сообразно съ предписаніями Корана и ограничиваются одною сороковою, или двумя съ половиною процентами съ капитала. Торговцы не-магоммедане платятъ гораздо болѣе: Христіане 20, Индусы 10 процентовъ, ибо такъ сказано въ законѣ. Вслѣдствіе этого большая часть здѣшней торговли постоянно остается въ рукахъ Мусульманъ. Такими же точно правилами руководствуются и кабульскія власти; владѣтели же, на востокъ отъ нижняго Инда живущіе, сбираютъ

чрезмѣрныя пошлины. Однако же такіе поборы не останавливаютъ тамошней торговли, между тѣмъ какъ выше по рѣкѣ, въ Панджабѣ, дороги по этой причинѣ почти совершенно заперты. Независимо отъ обыкновенныхъ таможенныхъ пошлинъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между Индомъ и Бухарою существуетъ еще транзитная пошлина, увеличивающая расходы провоза вмѣстѣ съ необходимостью нанимать конвой при переходѣ чрезъ неспокойныя области. Купцы не считаютъ этихъ расходовъ тягостными; они гораздо болѣе жалуются на жадность и лихоимство индійскихъ агентовъ низшаго класса, коимъ порученъ сборъ ввозной пошлины въ британской Индіи. Утверждаютъ что эти люди, при отправленіи своихъ обязанностей въ таможняхъ, съ намѣреніемъ дѣлаютъ задержки купцамъ, хотя бы эти послѣдніе и были снабжены нужными паспортами: имъ нѣтъ возможности выручить своихъ товаровъ иначе, какъ подкупами. Одинъ кабульскій купецъ говорилъ мнѣ, что онъ былъ вынужденъ заплатить на пути изъ Гардуара въ Бенарсъ восемь рупій

мѣдною монетою за телѣжку, въ которой самъ ѣхалъ, не смотря на то, что въ ней не было ни какихъ товаровъ. Торговцы кабульскіе и бухарскіе сильно жалуются на это зло, которое для нихъ еще болѣе чувствительно потому, что они знаютъ умѣренность законныхъ пошлинъ. На русской границѣ этого нѣтъ, хотя пошлины тамъ гораздо значительнѣе.

Разсматривая произведенія Бухары и то употребленіе, которое дѣлаютъ изъ нихъ ея жители, нельзя не подивиться огромности рынка, представляющагося здѣсь для нашей торговли. Въ Бухарѣ требованіе на наши товары не уменьшается; а постоянство, въ которомъ находится это требованіе, даетъ поводъ думать, что наша торговля можетъ еще расшириться. Во всемъ магоммеданскомъ мірѣ нѣтъ страны, въ которой купецъ былъ бы столько же безопасенъ отъ притѣсненій и поборовъ, сколько въ Бухарѣ. Если жители ея ханжествуютъ во всемъ, касающемся до ихъ вѣры, то они исполняютъ съ самою мелочною точностью все, что имъ указы-

ваетъ эта вѣра. Коранъ во многихъ мѣстахъ предписываетъ давать купцамъ полное покровительство, и ни гдѣ эта заповѣдь не нарушена и не упразднена бухарскимъ государемъ. Товары привозимые въ Бухару разсылаются въ Самаркандъ, Коканъ, Яркандъ въ Китаѣ, Оргенджъ и во всѣ малые округи, сосѣдственные столицѣ. Товары низшихъ добротъ требуются болѣе, чѣмъ товары лучшаго качества, потому что Узбеки не знатоки въ ихъ достоинствѣ. Мы видѣли выше, что бухарскій рынокъ снабжается двумя великими европейскими народами; но женщины Бухары иКабула предпочитаютъ товары англійскіе,— а вліяніе женщинъ во всѣхъ странахъ имѣетъ вѣсъ немалозначительный. Ситцы, почти совершенно устранившіе требованіе на шалевые товары, развили въ тоже время наклонность къ новизнѣ и, такимъ образомъ, распространили вкусъ и пристрастіе въ другихъ произведеніяхъ англійскихъ фабрикъ. Россія имѣетъ столь обширное внутреннее судоходство, что она можетъ доставлять водою къ самымъ предѣламъ Азіи всѣ свои товары, соперничество съ которыми наши

произведенія, идущія въ Бухару чрезъ Индію, выдерживаютъ только въ слѣдствіе своей дешевизны и своего превосходнаго качества. Русскимъ мы должны уступить, какъ мнѣ кажется, въ торговлѣ металлами и всѣмъ, что изъ нихъ дѣлается; но за то мы можемъ съ успѣхомъ соперничествовать во всѣхъ другихъ предметахъ. Для торговой страны, какова Англія, требованіе на товары чрезвычайно важно; за усиленіемъ требованія неминуемо послѣдуетъ пониженіе цѣнъ; а увеличеніе продажи доставитъ равномѣрный барышъ нашимъ фабрикантамъ. Болѣе значительный ввозъ англійскихъ товаровъ въ эти страны, особливо же бѣлыхъ и шерстяныхъ тканей, равно и муслиновъ, не замедлитъ, какъ меня увѣряли главнѣйшіе купцы и даже визирь бухарскій, распространить ихъ здѣсь самымъ выгоднымъ образомъ. У нихъ уже началъ уменьшаться вывозъ такихъ товаровъ: причина же уменьшенія объясняется увеличивающимся количествомъ пошлиннаго сбора въ кабульской таможнѣ, происходящаго отъ усиленія числа низшихъ товаровъ, идущихъ те-

перь чрезъ Гинду Кушъ въ Бухару. Короче сказать, результаты моихъ наблюденій даютъ мнѣ поводъ думать, что мы можемъ не только передать въ руки нашихъ купцовъ всю эту торговлю, но еще и увеличить общій итогъ нашихъ товаровъ въ Туркестанѣ. Въ Кабулѣ есть купцы, которые охотно согласились бы разширить свои торговые обороты, не смотря на то, что многіе изъ нихъ уже имѣютъ отъ восьми до десяти лаковъ рупій въ ходу по туркестанской торговлѣ. Провозъ товаровъ по кабульской дорогѣ стоитъ не много: если Русскіе пользуются судоходствомъ Волги, самой большой рѣки Европы, то Великобританія найдетъ такія же удобства на двухъ рѣкахъ Азіи, Гангесѣ и Индѣ, болѣе значительныхъ и столь же судоходныхъ.

ГЛАВА IV.

О ТОРГОВЛѢ ПЕРСІИ.

Издавна и справедливо замѣчено, что Персіяне народъ не коммерческій, во всѣ времена проявлявшій робость въ дѣлахъ мореплаванія и торговли. Торговля странъ средоземныхъ всегда ограниченнѣе торговли тѣхъ земель, которыя омываются морями и обладаютъ хорошими гаванями. Персія не лишена этихъ выгодъ; но ея жители не плаваютъ ни по волнамъ омывающимъ южные берега ея, ни по Каспійскому морю, столь близкому къ ея столицѣ. Всѣ суда, плавающія по этимъ водамъ, принадлежатъ иностранцамъ, вполнѣ располагающимъ вкусомъ жителей этого государства, ибо отъ иноземныхъ торговцевъ зависитъ качество ввоза, также какъ

и количество его, всегда соразмѣрное съ обстоятельствами. Персія почти постоянно хорошо снабжается европейскими товарами, въ особенности русскими и англійскими, стоящими здѣсь точно въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, въ какомъ мы находимъ ихъ въ Бухарѣ. Впрочемъ, англійскія произведенія первенствуютъ предъ всѣми прочими, ибо Персіяне любятъ одѣваться хорошо, и потому отчизну ихъ можно считать однимъ изъ лучшихъ рынковъ нашихъ въ Азіи. Замѣчательно, однако же, что тутъ Англичане встрѣчаютъ гораздо болѣе соперничества, чѣмъ въ другихъ странахъ, и это, какъ мнѣ кажется, происходитъ отъ недостатка наблюдательности и вниманія со стороны нашихъ соотечественниковъ.

Я не намѣренъ представлять общей картины персидской торговли, ибо я старался всмотрѣться только въ сѣверныя ея отрасли; однако же, это не помѣшаетъ мнѣ упомянуть всѣ торговые пути этого государства. Сношенія между Россіею и Персіею преимущественно производятся

чрезъ гавани Каспійскаго моря; но кромѣ этого есть еще другіе пути на востокъ отъ этого моря, по которымъ русскіе товары доставляются въ Персію. Мешедъ, въ Хоразанѣ, снабжается многими русскими товарами чрезъ Бухару. Табрисъ и Тегранъ получають ихъ чрезъ Кавказъ и Тифлисъ. До весьма недавняго времени англійскіе товары ввозились въ Персію чрезъ Буширъ, единственную гавань персидскаго залива, ибо Гомбрунъ или Бандеръ Аббасъ, лежащій противъ славнаго Ормаза уже, давно потерялъ свое первенство. Прежде англійскіе остъиндскіе корабли ходили прямо изъ Европы въ эту гавань и выгружали въ ней свои клади; теперь же ежегодный таможенный доходъ ея едва простирается до четырехъ тысячь дукатовъ. Потомъ, уже въ наше время, англійскіе товары сперва отправлялись въ Индію, а тамъ перегружались и шли въ Персію самымъ объѣзднымъ путемъ. По этому весьма основательно сдѣланы попытки въ недавнее время для открытія дороги изъ Требизонта, на Черномъ морѣ, въ сѣверныя области Персіи. При надле-

жащей заботливости и вниманіи этотъ путь долженъ принесть значительныя выгоды Британіи, ибо имъ можно провозить наши товары въ тѣ части Персіи, которыя преимущественно снабжаются изъ Россіи. Слѣдовательно здѣсь представляется болѣе случая для соперничества, ибо какъ для русскихъ не удобно посылать свои товары на югъ отъ Исфагани, такъ невыгодно и Англичанамъ везти ихъ на сѣверъ отъ этого города. Торговля чрезъ Требизонтъ ставитъ оба народа на болѣе равныхъ основаніяхъ, и въ послѣдніе годы показала, что потребленіе англійскихъ товаровъ въ Персіи съ каждымъ годомъ увеличивается. Этотъ путь представляетъ гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ дороги, идущія изъ Леванта чрезъ Алеппо и Дамаскъ, ибо Тигръ и Ефратъ протекаютъ негостепріимными странами: изъ этихъ городовъ въ Персію есть только одна безопасная дорога, именно, идущая чрезъ Багдадъ. Восточныя провинціи, примыкающія къ Герату и Мешеду, преимущественно снабжаются изъ Кандагара, въ Афганистанѣ, гдѣ существуетъ путь болѣе удобный, чѣмъ вообще дума-

ютъ. Суда могутъ достигать береговъ Мекрана въ десять дней изъ Бомбея; а Кандагаръ отстоитъ отъ моря только на восемнадцать небольшихъ переходовъ: въ слѣдствіе чего этотъ городъ представляетъ весьма важный торговый пунктъ, ибо наши индійскіе товары, достигнувъ его, могутъ идти на востокъ въ Кабулъ и на западъ въ Персію. Выгода этого пути заключается еще въ томъ, что мы не встрѣчаемъ тутъ ни какого соперничества съ другими народами.

Принимая въ соображеніе владычество Англичанъ въ Индіи, кажется, нельзя было бы ожидать, чтобъ какая нибудь другая нація могла являтся въ Персидскомъ заливѣ въ качествѣ торгующаго народа; а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ многіе товары привозимые въ Буширъ, не принадлежатъ къ числу нашихъ мануфактурныхъ произведеній. Голландцы издавна ведутъ торговлю съ этимъ портомъ, и даже въ послѣдніе годы образовали для этой цѣли особую компанію, которая, впрочемъ, не отличается особен-

ною дѣятельностью и даже, въ настоящее время, совершенно прекратила свои дѣйствія по случаю моровой язвы. Они везутъ сюда индиго, пряности, сахаръ и кофе своего собственнаго воздѣлыванія въ Ботавіи. Должно замѣтить, что это индиго уступаетъ индійскому. Они также привозятъ сюда небольшое количество тканей. Если Голландцы не успѣютъ распродать своего товара въ Буширѣ, то везутъ его въ Бухару. Французы ввозятъ въ Персію тѣ же предметы, какіе и Голландцы изъ своихъ владѣній на Бурбонѣ и другихъ сосѣднихъ островахъ. Самые же опасные соперники наши—Американцы, недавно вступившіе здѣсь въ торговлю. Въ настоящее время они выгружаютъ большую часть своихъ товаровъ на восточномъ берегу Африки и оттуда уже перевозятъ ихъ въ Маскатъ и Персію. До нынѣ они отправляли туда только одни бѣлыя ткани и вмѣстѣ съ ними распространили мнѣніе, сообщенное мнѣ армянскими купцами въ Исфагани, что ихъ ткани выше англійскихъ добротою, ибо хлопокъ родится въ ихъ отчизнѣ и не портится прессов-

кою. Говорятъ, будто бы эти ткани прочны и хорошо моются. Меня также увѣряли, что если бы они ввозились въ большемъ количествѣ, то распродавались бы лучше: въ настоящую же пору ввозъ ихъ весьма не великъ. Индійскіе ситцы, въ особенности выработываемые въ Мазалипатамѣ, потребляются въ значительномъ количествѣ въ Персіи, и *съ недавняго времени* предпочитаются даже англійскимъ. Это происходитъ отъ того, что въ Англіи не обращаютъ должнаго вниманія на яркость и разнообразіе рисунка; между тѣмъ какъ туземныя индійскія произведенія хотя и ниже добротою, однако же дольше удерживаютъ свѣжесть и яркость цвѣтовъ, въ слѣдствіе чего требованіе на нихъ увеличивается. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что англійскіе ситцы долгое время преобладали надъ индійскими и теперь продаются дешевле мазалипатамскихъ. Я уже сказалъ, что Русскіе ввозятъ свои товары въ сѣверную Персію; въ числѣ ихъ находятся тонкіе польскіе ситцы, которые мнѣ случалось видать въ Бухарѣ и которые въ большемъ ходу у Персіянъ. Для со-

первичества съ этими ситцами мы ничего подобнаго у себя не имѣетъ, и потому не можемъ состязаться въ этой отрасли торговли.

Относительно улучшенія торговли съ Персіею хотя кромѣ дорогъ есть много другихъ обстоятельствъ подлежащихъ обсужденію, однако же онѣ весьма важны по причинѣ доступности, представляемой ими для торговли въ эти страны. По этому улучшая сообщенія съ запада чрезъ Требизондъ, мы не должны забывать ихъ на востокѣ чрезъ Кандагаръ, гдѣ путь безопасенъ, хотя тамошній правитель взимаетъ чрезмѣрныя и неправильныя пошлины, которыя впрочемъ, могутъ быть збавлены чрезъ переговоры съ нимъ и тѣмъ легче, что онъ не перестаетъ выражать своего расположенія къ Англіи. Въ одно время съ этимъ можно проложить еще болѣе удобный путь въ Персію по судоходной рѣкѣ Каруну, текущей на западѣ отъ Бушира и сливающейся тамъ съ Ефратомъ, принимающимъ до впаденія въ Персидскій заливъ названіе Шатъ-улъ-Араба. Товары посланные по Каруну

вступали бы, такъ сказать, прямо въ сердце Персіи; но при этомъ сомнительно, чтобъ персидское правительство имѣло власть, или даже желаніе произвесть перемѣну въ такомъ ходѣ торговли: для этого необходимо его неослабное содѣйствіе, ибо страна лежащая между Каруномъ и Исфаганью дика и неспокойна. За направленіемъ путей слѣдуетъ разсмотрѣть роды товаровъ, требующихся въ Персіи. Тамъ англійскіе ткани предпочитаются русскимъ; что же касается до цвѣтовъ тканей, то они совершенно зависятъ отъ моды и потому на этотъ предметъ необходимо обращать надлежащее вниманіе, иначе купцы могутъ претерпѣть убытки. Во время моего пребыванія въ Персіи, въ концѣ 1832 года, цвѣта, болѣе всего требовавшіеся, были синій, голубой и коричневый; въ слѣдующемъ году они могли быть или красный, или сѣрый. Впрочемъ, должно замѣтить, что темные цвѣта вообще продаются лучше. Верхняя одежда зажиточныхъ людей обыкновенно дѣлается изъ сукна, дешевые сорта котораго, будучи прочно окрашены, болѣе пригодны этому краю. *Высокоцѣнные товары, какого*

бы рода они ни были, *сюда ввозить ни когда не слѣдуетъ*, ибо собственность здѣсь ни чѣмъ не обезопасена, и потому жители преимущественно покупаютъ товары болѣе дешевые, лишь бы только они имѣли приличный видъ. Не взирая, однако же, на это Персіяне любятъ тонкія сукна и охотно платятъ за нихъ высокія цѣны. По мѣрѣ моего приближенія къ морю, я замѣтилъ здѣсь, что простые классы жителей одѣваются лучше и лучше: это, мнѣ кажется, отъ того, что тутъ товары дешевле, или, можетъ статься, и отъ того, что представляется болѣе соблазна къ ихъ покупкѣ. Это въ особенности бросается въ глаза въ Ширасѣ. Въ дѣлѣ суконъ болѣе всего цѣнятся темные цвѣта; въ ситцахъ же совершенно на оборотъ: они должны быть яркихъ цвѣтовъ. Кромѣ этого рисунки ихъ необходимо измѣнять какъ можно чаще, пуская ихъ то по бѣлому, то по цвѣтному полю: это упрочиваетъ не только выгодную, но и постоянную продажу, ибо Персіяне любятъ новинку. Въ персидской торговлѣ часто можно пріобрѣсть отъ 30 до 40 процентовъ; но торговое сословіе Персіи не отличает-

ся ни точностью, ни честностью; а потому европейскимъ купцамъ тутъ необходимо вести свои дѣла со всевозможною осторожностью. Туземные купцы наклонны къ спекуляціямъ превышающимъ ихъ средства; при томъ же весьма не многіе изъ нихъ имѣютъ капиталы. Банкрутства тутъ очень часты: въ минувшимъ году пятнадцать знатнѣйшихъ купцовъ въ Исфагани оказались несостоятельными, собственно отъ несвоевременнаго прихода шелковъ изъ Гилана, на Каспійскомъ морѣ. Точно также необходимо быть осторожнымъ и относительно ходячей монеты, ибо она подлежитъ измѣненіямъ по волѣ царствующаго государя. Персидскій дукатъ теперь имѣетъ цѣнность девяти *карановъ*, или рупій, между тѣмъ какъ въ прошломъ году онъ стоилъ только восемь. Это повышеніе произошло въ слѣдствіе похода, предпринятаго наслѣднымъ принцомъ и въ слѣдствіе желанія шаха пополнить свою казну: онъ при этомъ не сообразилъ, что не выпуская ничего изъ своей сокровищницы и только скопляя въ нее богатства, онъ естественнымъ образомъ теряетъ болѣе нежели

кто либо. Судя по тому, какъ мнѣ представлялся персидскій рынокъ, я полагаю, что какъ легко отъ приведенныхъ причинъ потерять здѣсь деньги, такъ легко и пріобрѣсть ихъ: недостатокъ золота въ Персіи весьма ощутителенъ и потому переводъ его изъ одной провинціи въ другую всегда представляетъ значительную выгоду. Ножевые товары составляютъ хорошій предметъ для ввоза въ Персію; но, можетъ быть, ни что такъ выгодно не продается, какъ хорошіе ружейные, кремневые замки; они, однако же, должны быть лучшаго достоинства, ибо слѣдуетъ помнить, что они уже доставляются изъ Константинополя и изъ Россіи, гдѣ ихъ приготовляютъ хотя и ниже нашихъ достоинствомъ, однако же ни чуть не худо. Вся фаянсовая посуда въ Персію идетъ изъ Россіи.

На берегахъ Каспійскаго моря мнѣ представился случай видѣть обширность пространства, которое проходятъ нѣкоторые предметы ввоза въ Персію. Въ Астрабадѣ я встрѣтилъ купца, отправлявшагося въ Хиву съ китайскимъ сахар-

нымъ пескомъ: онъ купилъ его въ Тегранѣ и нагружалъ въ небольшой гавани Кара-таппѣ, откуда намѣревался плыть вдоль восточнаго берега Каспійскаго моря, мимо Гузнъ Кули, острова Челкена и Балканскаго залива въ мѣстечко Охъ, отстоящее къ западу отъ Хивы на разстояніе десяти-дневнаго пути. Въ Охѣ онъ предполагалъ выгрузить свой товаръ и на наемныхъ верблюдахъ Туркмановъ препроводить его далѣе, что́, какъ онъ увѣрялъ меня, можно сдѣлать безъ опасенія, ибо разбойническая часть этого народа кочуетъ южнѣе, между хивинскою дорогою и Персіею.

Это обстоятельство можетъ служить рѣдкимъ примѣромъ предпріимчивости, ибо сахарный песокъ первоначально привозится изъ Китая въ Бомбей, оттуда на корабляхъ въ Буширъ, потомъ сухимъ путемъ въ Тегранъ и на берега Каспія, гдѣ нагружается въ третій разъ на суда, окончательно перевозится чрезъ степи въ Хиву и тамъ встрѣчается съ вестъ-индскимъ сахаромъ, идущимъ изъ Россіи. Такимъ обра-

зомъ мы видимъ произведенія Америки и Китая соперничествующими одинъ съ другимъ въ средней Азіи. Выше я уже сказалъ, что сахарный песокъ Китая, высылаемый изъ Индіи, не покрываетъ издержекъ провоза далѣе Кабула и потому не достигаетъ Бухары. Въ приведенномъ же случаѣ мы видимъ этотъ товаръ идущимъ чрезъ Персію далѣе Кабула, что́ объясняетъ, лучше всякаго замѣчанія съ моей стороны, другія выгоды, которыя можно пріобрѣсть отъ этого пути. Въ заключеніе мнѣ остается сказать, что если объемистые, но не дорогіе товары могутъ быть съ выгодою перевозимы изъ Китая въ столь отдаленныя части Азіи, то этотъ же самый путь въ состояніи принесть барыши болѣе, чѣмъ другія дороги отъ распродажи произведеній британской промышленности.

ЗАМѢЧАНІЯ

Г. Уильсона, профессора Санскритскаго языка при Оксфордскомъ Университетѣ

и

Г. Джемса Принсепа, члена Королевскаго Общества и секретаря Азіятскаго Общества въ Бенгалѣ

о

БАКТРІАНСКИХЪ И ДРУГИХЪ МОНЕТАХЪ,

собранныхъ Лейтенантомъ Борисомъ.

ЗАПИСКА ПРОФЕССОРА УИЛЬСОНА.

Монеты, изображенныя на прилагаемыхъ при этой книгѣ рисункахъ, составляютъ значительное и важное добавленіе къ нумизматическимъ изслѣдованіямъ, производимымъ съ такимъ успѣхомъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ Индіи. Полковнику Тоду принадлежитъ честь перваго раскрытія этого предмета въ запискѣ его о греческихъ, парѳянскихъ и индусскихъ медаляхъ, помѣщенной въ трудахъ Королевскаго Азіятскаго Общества.* Дальнѣйшія свѣдѣнія напечатаны въ XVII томѣ Изслѣдованій Бенгальскаго Азіятскаго Общества.** Въ журналѣ этого общества также содержится нѣсколько любопытныхъ статей по этому же предмету; Нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ собранію г. Борнса, кото-

* Transactions of the Royal Asiatic Society

** Researches of the Asiatic Society of Bengal.

рое, по разнообразію, числу и рѣдкости монетъ въ немъ заключающихся, а равно и по достовѣрности мѣстностей, въ которыхъ онѣ найдены, принадлежитъ къ одному изъ самыхъ любопытныхъ и драгоцѣнныхъ.

Всѣ такія монеты могутъ быть раздѣлены на четыре отдѣла, за исключеніемъ македонскихъ и сирійскихъ медалей нерѣдко встрѣчающихся. Отдѣлы эти суть слѣдующіе: 1 монеты бактріанскія, 2 индо-греческія, 3 индо-скиѳскія и 4 индійскія. Въ числѣ первыхъ открыты полковникомъ То́домъ и др. Су́инеи, монеты Аполлодота и Менандра: одна изъ такихъ монетъ найдена лейтенантомъ Борнсомъ, отыскавшимъ также одну монету Еѳидема, кромѣ многихъ другихъ, о коихъ хотя нельзя сказать, какому именно государю принадлежатъ онѣ, однако же нельзя и сомнѣваться въ томъ, что онѣ монеты бактріанскія. Индо-греческія монеты, сравнительно говоря, рѣдки; найденныхъ доселѣ весьма немного: одинъ экземпляръ находится въ собраніи Борнса. Индо-скиѳскія монеты многочисленнѣе и пред-

ставляютъ много любопытныхъ образцовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ такія же, какія описаны полковникомъ То́домъ, г. При́нсепомъ и мною: но между ними есть нѣсколько совершенно новыхъ и одна (фиг. 18) сохранившаяся лучше всѣхъ доселѣ найденныхъ.

Монетъ послѣдняго отдѣла или индусскихъ въ этомъ собраніи числомъ менѣе, чѣмъ въ какой нибудь другой коллекціи; за то принадлежащія къ нему совершенно для насъ новыя.

Кромѣ этихъ монетъ, заслуживающихъ особливаго вниманія какъ по своей малоизвѣстности, такъ и по тому, что онѣ бросаютъ свѣтъ на индійскую исторію, въ собраніи г. Борнса находится одна золотая и нѣсколько мѣдныхъ, принадлежащихъ сассанидскимъ государямъ Персіи и множество монетъ магоммеданскихъ, для повѣрки которыхъ еще не представлялось случая. Впрочемъ по близости времени послѣднихъ и полнотѣ свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ магоммеданскихъ писателей относительно исторіи этой части Турана, онѣ представляютъ менѣе инте-

реса, чѣмъ монеты греческія и индійскія, а потому и нѣтъ большой нужды прилагать здѣсь ихъ рисунковъ.

Фиг. 1. Монета Еѳидема, донынѣ считавшагося третьимъ государемъ бактріанскимъ. Лицевая сторона: голова съ бактріанскою діадемою. Оборотная сторона: Геркулесъ, сидящій на сѣдалищѣ, покрытомъ львиною шкурою; онъ держитъ въ правой рукѣ свою палицу, поставивъ ее на правое колѣно. Надпись: ΑΣΙΛΕΟΣ ΕΥΘΥΔΗΜ.

До весьма недавняго времени была извѣстна только одна монета этого государя, золотая, первоначально сдѣланная извѣстною Пеллериномъ и описанная у Міонне и Висконти. Въ 1831 году аббатъ Сестини издалъ каталогъ нумизматическаго собранія барона Шодуара и въ немъ приложилъ описаніе съ рисункомъ серебряной монеты Еѳидема, совершенно сходной съ здѣсь изображенною. Эти двѣ монеты составляютъ два единственные экземпляра, наилучше сохранившіеся изъ всѣхъ

донынѣ описанныхъ. Фиг. 2. согласуется общимъ характеромъ своимъ и видомъ съ фиг. 1; но на лицевой сторонѣ портретъ совершенно иной; да и на оборотѣ фигура Геркулеса нѣсколько различна. Надпись также отчасти несходна и представляетъ только ΛΕΩΣ и ΗΜ. Поэтому должно думать, что это монета не Евидема, а сына его Дмитрія. Если это дѣйствительно такъ, то она еще болѣе отличается отъ монеты Дмитрія, находящейся въ коллекціи барона Шодуара и описанной у Сестини, гдѣ лицевая сторона представляетъ государя, ни сколько не походящаго на изображеніе сдѣланное на нашей монетѣ и имѣющаго на головѣ въ видѣ убора слоновую кожу, и гдѣ на оборотѣ представлена стоящая фигура Геркулеса.

Послѣдующія фигуры отъ 3 до 5 представляютъ монеты бактріанскія, что̀ ясно подтверждаютъ сидящій Геркулесъ и общій характеръ портретовъ. Онѣ много потерты и вообще болѣе, или менѣе худо выполнены; надписи на нихъ оставшіяся не разборчивы; но

слѣды ихъ показываютъ буквы греческія, весьма грубыя. Въ каталогѣ Сестини, упомянутомъ выше, есть три монеты подобнаго рода, всѣ бактріанскія, явственно представляющія такой же профиль на одной сторонѣ и сидящаго Геркулеса на другой. Различіе же въ чертахъ государей, коихъ портреты мы видимъ на этихъ монетахъ, достаточно свидѣтельствуетъ, что они представляютъ разныхъ монарховъ. Если послѣдніе всѣ были греческіе государи Бактріи, что̀ весьма правдоподобно, то монеты эти показываютъ также, что извѣстный намъ порядокъ этихъ государей менѣе вѣренъ, нежели доселѣ думали, что въ немъ, безъ всякаго сомнѣнія, пропущено нѣсколько именъ и что, по всей вѣроятности, включено множество такихъ, которые никогда не царствовали въ Бактріи.

Фиг. 6. Эта монета походитъ на предыдущую своею оборотною стороною — сидящимъ Геркулесомъ; но въ ней исполненіе хуже и расположеніе волосъ другое. На этой же обо-

ротной сторонѣ замѣтны буквы, хотя и неразборчивыя, по видимому онѣ греческія. Эта монета, можетъ быть, относится къ одному изъ первыхъ варварскихъ государей, покорившихъ Согдіану, если не собственную Бактрію, и принявшихъ девизъ бактріанскихъ монетъ.

Фиг. 7. Мѣдная монета, много потертая. На лицевой сторонѣ стоящая фигура, нѣсколько походящая на Аполлона, изображеннаго на монетѣ Аполлодота принадлежащей полковнику Тоду (смотр. Труды Королевскаго Азіятскаго Общества, рис. XII. фиг. 1). На оборотной сторонѣ таже фигура, треножникъ и такія же буквы. На первой сторонѣ буквы греческія: можно прочитать ΒΑΣΙΛΕΥΣ; остальныя менѣе разборчивы. Кажется, въ нихъ сказано: ΝΙΚ ΜΕΝΑΝΔΡΟΥ, изъ чего слѣдуетъ заключить, то это монета Менандра, а не Аполлодота.

Фиг. 8. Монета какого-то Антіоха; судя по лицу можно думать, Антіоха Великаго. На оборотной сторонѣ фигура стоящая и бросающая копье правою рукою; а на лѣвой—несущая льви-

ную шкуру вмѣсто щита. Надпись ΒΑΣΥΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ. Изображеніе оборотной стороны необыкновенное, ни когда не встрѣчаемое на монетахъ Антіоховъ.

Фиг. 9. Одна изъ числа мелкихъ мѣдныхъ монетъ, на которыхъ по большой части изображеніе стерто. Изъ нихъ хорошо сохранившіяся представляютъ съ одной стороны голову, а съ другой — грубое изображеніе огненнаго алтаря. Буквы на нихъ пельвійскія. Эти монеты, безъ всякого сомнѣнія, сассанійскаго начала.

Фиг. 10. Золотая монета, по видимому, принадлежащая одному изъ сассіанскихъ государей.

Фиг. 11. Монеты этого рода сомнительны.

Остальныя фигуры 12, 13, 14, 15, 16 и 17 представляютъ антики, найденые въ Ходжаобанѣ, близъ Бухары.

Фиг. 18. Эта монета необыкновенно любопытна и многоцѣнна: она принадлежитъ къ отдѣлу индо-скиѳскихъ монетъ, рисунки коихъ

приложены полковникомъ Тодомъ къ Трудамъ Королевскаго Азіятскаго Общества и мною самимъ въ семнадцатомъ томѣ Азіятскихъ Изслѣдованій. На всѣхъ подобныхъ монетахъ видны слѣды греческихъ буквъ; но надписи или неполны, или неразборчивы. На монетѣ полковника Тода профессоръ Шлегель разобралъ: ΒΑΣΙΛΕVC ΒΑCΙΛΕΩΝ.... ΙΕΡΝΙCΛΕΙC.... ΕΔΟΒΙΓΡΙC; но эта надпись въ нѣсколькихъ мѣстахъ разорвана и окончательныя буквы неразборчивы. Въ изображенной же здѣсь монетѣ надпись на обѣихъ сторонахъ полна и разборчива. На лицевой ясно стоитъ: ΒΑCΙΛΕΥC ΒΛΕΙ Λ-ΩΝ ΚΑΝΗΡΚΟΥ, а на оборотной сторонѣ: ΝΑΝΑΙΔ.

Г. Принсепъ думаетъ, что находящееся на лицевой сторонѣ имя, Каниркосъ или, можетъ быть, Каниѳкосъ — ибо одна изъ буквъ не со всѣмъ явственна—означаетъ *Канишка*, туркскаго или татарскаго государя Кашмира, царствовавшаго около 120 года до Р. Х. по словамъ *Раджа Тариндживи* — исторіи Кашмира. Г. Ксома Кöрöзи говоритъ намъ, что Канишка

хорошо извѣстенъ въ тибетскихъ лѣтописяхъ какъ государь Капилы, близъ Гардуара, жившій около упомянутаго времени и покровительствовавшій буддійскому ученію. Такимъ образомъ имя, время и мѣстность подтверждаютъ это предположеніе и его нельзя не принять пока, по крайней мѣрѣ, не будетъ представлено, что нибудь болѣе удовлетворительное. Относительно надписи на оборотной сторонѣ нельзя предложить ни какого столько же вѣроподобнаго заключенія. Если бы ее прочитать *Tonaid*, то легко было бы заключить, что она относится къ первобытному мѣстожительству скиѳскихъ племенъ, покорившихъ Бактрію, по словамъ де-Гина, около 134 года до Р. Х. и распространившихъ свою власть до дельты Инда. На этой монетѣ изображеніе на лицевой сторонѣ то же самое, какое преобладаетъ на индо-скиѳскихъ монетахъ: человѣкъ въ высокой шапкѣ и длинной туникѣ, держащій копье въ лѣвой рукѣ и протягивающій правую, чтобы схватить трофей, щитъ, или панцырь, а можетъ быть, какъ думаетъ полковникъ Тодъ, чтобъ

возложить благовонія на жертвенникъ. На оборотной сторонѣ фигура въ длинномъ платьѣ, держащая, по видимому, цвѣтокъ. На ней также есть монограмма встрѣчаемая на всѣхъ монетахъ этого класса и на нѣкоторыхъ принадлежащихъ къ индусскимъ. Эта монограмма представлена у Міонне, № 1222, и отнесена у него къ какой-то неизвѣстной монетѣ (томъ VI. стр. 715), описаніе которой показываетъ, что она хотя еще и не была замѣчена между монетами недавно найденными въ Индіи, однако же, по всей вѣроятности, принадлежитъ къ этому классу.

Фиг. 19. Монета принадлежащая, какъ кажется, къ индо-греческому отдѣлу. На одной сторонѣ голова въ шлемѣ, на другой — всадникъ протянувшій правую руку. Всѣ экземпляры подобныхъ монетъ сильно истерты. На многихъ изъ нихъ вокругъ этого изображенія прочтены греческія надписи: это въ особенности можно сказать о двухъ монетахъ, выгравированныхъ въ журналахъ Азіятскаго Общества

1833 г., гдѣ на одной ясно видно: ΣΩΤΗΡ ΜΕΓΑ; а на другой ΜΕΓΑ ΒΑΣΙΛΕΥΣ. На одной изъ такихъ же монетъ полковника Тода прочтено: ΤΡΩ ΒΑΣΙΛΕΥΣ. По этому нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти монеты греческихъ государей или индійскихъ, или бактріанскихъ.

Фиг 20. Монета индо-скиѳская, выгравированная также у полковника Тода. Изображеніе на лицевой сторонѣ то же самое, какое на фигурѣ 18; на оборотной же сторонѣ — индійскій быкъ, со стоящимъ впереди его человѣкомъ.

Фиг. 21. имѣетъ на оборотной сторонѣ то же, что и на предыдущей; но одежда болѣе явственна — это браминъ; на лицевой сторонѣ человѣкъ, по видимому, одѣтый въ латы. Обѣ эти монеты найдены въ Балкѣ.

Фиг. 22 — 30. Всѣ эти монеты принадлежатъ къ тому же отдѣлу, какъ и предыдущія; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ тѣ же самые знаки, а на другихъ оборотная сторона отличается.

Изъ нихъ на одной, или двухъ замѣтны отдѣльныя греческія буквы.

Фиг. 31. Монета изъ числа тѣхъ, которыя безъ всякаго сомнѣнія, суть индусскія: на нихъ по большей части на одной сторонѣ слонъ, а на другой лошадь, или какое-то неописанное животное; надъ слономъ девана гарійскія буквы; на болѣе разборчивыхъ, кажется, можно прочесть: *Зри Мага Дѣва* — это обыкновенный титулъ бога *Сива*.

Оксфордъ.
17 Мая 1834 года.

ЗАПИСКА Г. ПРИНСЕПА.

Принимая въ соображеніе, во первыхъ, краткость времени, которое путешественникъ въ проѣздѣ чрезъ чуждыя страны можетъ удѣлить наблюденію предметовъ, не относящихся прямо къ его цѣли; во вторыхъ, невыгоды, которыя предстоятъ ему какъ отъ собственнаго укрывательства, такъ и отъ подозрительности туземцевъ, дѣлающей опасными поиски за чрезвычайно рѣдкими остатками древности, уцѣлевшими въ ихъ отчизнѣ отъ разрушительнаго дѣйствія времени въ теченіе двадцати столѣтій; въ третьихъ — то, что эти туземцы не въ состояніи оцѣнять достоинства подобныхъ предметовъ и понимать возбуждаемаго ими интереса между любознательными народами Запада; принимая, повторяю, все это въ соображеніе мож-

но сказать, что лейтенантъ Борнсъ былъ весьма счастливъ въ пріобрѣтеніи монетъ, привезенныхъ имъ изъ Панджаба и изъ долины Окса.

Изъ чисто-бактріанскихъ монетъ Г. Борнсъ можетъ добавить къ европейскимъ кабинетамъ, по крайней мѣрѣ, три, между которыми на одной ясно читается имя Еѳидема. Число индо-скиѳскихъ, или послѣдующихъ династій такъ значительно, что изъ нихъ онъ удѣлилъ десять Азіятскому Бенгальскому Обществу, кромѣ тѣхъ, которыя беретъ съ собою въ Европу. Между этими послѣдними есть одна монета принадлежащая династіи, заступившей македонскихъ государей Бактріи; она въ высшей степени любопытна для антикваріевъ.

Здѣсь я намѣренъ привесть нѣсколько сдѣланныхъ мною замѣчаній о всѣхъ монетахъ, составляющихъ эту коллекцію.

Фиг. 1 до 6. Это серебряныя монеты, тетрадрахмы, принадлежащія къ числу бактріанскихъ, что̀ доказываетъ сидящій Геркулесъ,

держащій палицу и изображенный на оборотной сторонѣ почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ представляется Юпитеръ на монетахъ сиро-македонскихъ. Надпись на фиг. 1., монетѣ драгоцѣнной по своему хорошему сбереженію, есть слѣдующая. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜ или »Царя Еѳидема«—третьяго государя Бактріи. Единственная монета этого монарха, доселѣ бывшая извѣстною въ Европѣ, описана у Міонне въ *Description de Médailles Antiques.* Пинкертонъ говоритъ, что она монета золотая, имѣющая на оборотной сторонѣ двухъ всадниковъ съ бактріанскими тіарами, пальмами и длинными копьями. Слѣдовательно она совершенно отлична отъ единственной въ своемъ родѣ монеты, которая теперь предъ нами.

Фиг. 2 представляетъ черты лица совершенно инаго государя. Впрочемъ, оборотная сторона такая же, какъ на предыдущей монетѣ. Три послѣднія буквы слова ΒΑΣΙΛΕΟΣ видны, также какъ и ΗΜ, которыя могутъ составлять только или часть ΕυθυδΗΜος или δΗΜητριος—его сына.

Фиг. 3. Эта монета, имѣющаяся въ двухъ экземплярахъ, однаго и того же характера съ предыдущими: черты лица соотвѣтствуютъ фиг. 1, т. е. чертамъ Евидема. Есть еще двѣ подобныя монеты, но болѣе грубой работы. Портреты на нихъ отличаются болѣе выдавшимся лбомъ (фиг. 4 и 5). На оборотной сторонѣ ихъ ничего разобрать нельзя.

Фиг. 6. Одна изъ двухъ серебряныхъ тетрадрахмъ. Она болѣе походитъ на монеты арсасидскія, ибо сѣдалище, на которомъ сидитъ фигура оборотной стороны, имѣетъ такую же форму, какая представлена въ сочиненіи Валліана. Хотя сходство этой монеты съ предыдущими весьма большое, однако же головной уборъ и правильность кудрей болѣе принадлежатъ персидскимъ государямъ. Надпись пельвійская; нѣкоторыя изъ буквъ походятъ на худо-выработанныя греческія.

Фиг. 8. Это монета Антіоха; можетъ быть вычеканенная въ Парѳіи, судя по фигурѣ бросающей дротикъ.

Фиг. 9. Одна изъ двадцати сассанійскихъ мелкихъ монетъ, на которыхъ съ лицевой стороны хорошо сдѣланная голова, а съ оборотной грубо вырѣзанный огненный-жертвенникъ.

Фиг. 10. Золотая монета одного изъ сассанійскихъ государей Персіи, думаютъ, Сапора (Шапора). Имя и титулы надписаны пельвійскими буквами весьма явственно. Замѣчательно, что на этой монетѣ не изображены обыкновенные поддерживатели огненнаго - жертвенника, т. е. два жреца, или царя, если только не принимать грубо-сдѣланныхъ по обѣ стороны украшеній за человѣческія фигуры, держащія мечи. Серебряная сассанійская монета, нарисованная у Гайда въ *Religio Veterum Persarum* имѣетъ такихъ же поддерживателей.

Всѣ эти монеты найдены въ развалинахъ древняго города Ходжаобана, лежащихъ въ тридцати миляхъ на С. З. отъ Бухары, гдѣ также добыто большое число драгоцѣнностей и антиковъ, изъ коихъ многіе были отгравированы. *

* Въ Ходжаобанѣ также найденъ грубой работы золотой

Фиг. 7. Четвероугольная монета изъ Шоркота, крѣпости лежащей въ двадцати миляхъ отъ сліянія Джелама и Ченаба (Гидаспа и Асесина), гдѣ въ бурю Александръ Великій потерялъ свой флотъ. Нѣкоторые писатели думаютъ, что это крѣпость Малли, при осадѣ которой онъ былъ раненъ. Изъ всей надписи можно прочитать только ΒΑΣΙΛΕΩΣ. На другой сторонѣ надпись пельвійская. Эту монету съ достовѣрностью можно относить къ Менандру, во первыхъ потому, что она по формѣ своей походитъ на монеты этого государя, выгравированныя у полковника Тода; а во вторыхъ потому, что первыя три буквы, слѣдующія за словомъ ΒΑΣΙΛΕΩΣ, очень походятъ по виду на ΝΙΚ, или ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ — эпитетъ придаваемый Менандру, какъ говоритъ Шлегель въ *Journal Asiatique*, за Ноябрь 1828 года. Впрочемъ, стоящая фи-

солидъ Нижней Имперіи. Онъ принадлежитъ или Марсіану, или, вѣроятнѣе, Меврикію. Надпись — DN MAVRC . . . TIB PP AVG. На оборотной сторонѣ — ангелъ, держащій крестъ и шаръ, съ надписью VICTORIA AVGGG, а внизу CONOB.

гура на лицевой сторонѣ и эмблема на оборотной, по мнѣнію полковника Тода изображающая переносный жертвенникъ, скорѣе согласуются съ монетою Аполлодота.

Фиг. 18. Это монета мѣдная, найденная близъ маникіалскаго топа.

Лицевая сторона — государь, или воинъ, держащій копье въ лѣвой рукѣ; а правою возлагающій жертву на алтарь (?). Надпись — ВАСІΛЕΥС ВАС . . . . . . КАNНРКОΥ.

Оборотная сторона — жрецъ, или мудрецъ, стоящій и держащій цвѣтокъ въ правой рукѣ; слава окружаетъ его голову; налѣво отъ него буквы NANΛIΔ; направо обыкновенная бактріанская монограмма съ четырмя зубцами.

Эта монета чрезвычайно драгоцѣнна, ибо она единственная въ своемъ родѣ изъ числа многихъ, найденныхъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Надписи ея достаточно разборчиво показываютъ имя государя; но мы, къ сожалѣнію, на-

ходимъ, что ни одно извѣстное имя бактріанскихъ государей не походитъ на представляемое намъ этою монетою. * Впрочемъ, ни въ од-

* Для удобства тѣхъ читателей, которые не имѣютъ случая справляться съ изслѣдованіями относительно исторіи Бактріи, я прилагаю каталогъ ея государей, слѣдуя Шлегелю. (Journal Asiatique. 1828. стр. 326).

До Р. Х. 255.	Ѳеодотъ I.	Исторически доказаны Страбономъ.
243.	Ѳеодатъ II.	
220.	Еѳидемъ царь Магнезіи.	
195	Аполлодотъ Сотеръ	Упоминаемые Плутархомъ, Трогомъ и Арріаномъ. Монеты ихъ часто встрѣчаются въ Баротчѣ. До Р. Х. 200 л.
	Менандръ Никаторъ	
	Геліоклъ Дикаіосъ	По словамъ Висконти и Міонне, основаннымъ на свидѣтельствѣ одной монеты.
	Дмитрій	Сынъ Еѳидема. Сомнительно, чтобъ онъ царствовалъ въ Бактріи
181	Евкратидъ I.	Артемидоръ называетъ его »Великимъ государемъ.«
146	Евкратидъ II.	Умертвившій своего отца и потомъ самъ умерщвленный.

125 Разрушеніе имперіи Татарами и Скиѳами, или Саками (Sacae).

ной изъ буквъ нельзя сомнѣваться, кромѣ той, которая предшествуетъ КОΥ: ее можно принять за Θ, за Р, или за С. Ограничившись выборомъ изъ этихъ трехъ буквъ, я нашелъ имя, которое согласуется, какъ только можетъ быть выражено по-гречески, съ KANHΘKOΥ или KANHC-KOΥ. Если мое предположеніе справедливо, то открытіе этой монеты будетъ весьма важно для всѣхъ занимающихся изученіемъ бактріанскихъ древностей. Лейтенантъ Борнсъ вначалѣ подарилъ ее Азіятскому Бенгальскому Обществу; но я, дознавъ ея цѣну, счелъ справедливымъ, по снятіи слѣпка и рисунковъ, возвратить ее въ руки этого офицера, дабы тѣмъ дать возможность европейскимъ нумизматамъ лично осмотрѣть эту находку. Я полагаю, что это монета KANISHKA—татарскаго, или скиѳскаго завоевателя Бактріи.

По словамъ Ксома Кӧрӧса, имя Каниска встрѣчается въ тибетскихъ лѣтописяхъ, гдѣ онъ названъ знаменитымъ государемъ сѣверной Индіи,

царствовавшимъ въ *Капилѣ*, которая, какъ полагаютъ, находилась въ *Рохилхандѣ*, или близъ Гардуара. Царствованіе его относится за 400 лѣтъ послѣ Сакіа, когда послѣдователи буддійской вѣры раздѣлились на восемнадцать сектъ (племена Сакіа или *Sacae*), подъ четырмя главными отдѣлами, коихъ названія какъ санскритскія, такъ и тибетскія сохранились по нынѣ *.

У профессора, Уйльсона въ хронологической таблицѣ исторіи Кашмира (Asiatic researches, XV стр. 81) мы находимъ слѣдующее: »Гашка, Джашка и *Канишка*, три татарскіе государя, наслѣдовали Домодару въ царствѣ *Кашмира*, и царствовали или послѣдовательно одинъ за другимъ, или вмѣстѣ, въ одно и то же время. Они ввели буддійскую вѣру при первосвященникѣ, Нагарджинѣ по имени, и происходили, по словамъ *Раджа Тарииджини*, изъ *тарашкаскаго* или татарскаго начала. Въ этой санскритской рукописи царствованіе ихъ отнесено за 150 лѣтъ да *Сакіасинга* (или Сакіа Синга); но ученый перевод-

* *Жизнь Сакіа* въ манускриптѣ Ксомы Кӧрӧса.

чикъ ея, доказываетъ, что въ текстѣ сдѣлана ошибка и что тамъ разумѣется »150 лѣтъ послѣ эмансипаціи Сакіа Синга.«

Эпоха Сакіа (пятаго Будды или Гутама) опредѣляется совпадающимъ свидѣтельствомъ цейлонской, сіамской, бурмійской и китайской эрт, которыя всѣ основаны или на рожденіи, или на смерти буддійскаго законодателя. Всѣ онѣ хотя болѣе, или менѣе и не согласуются между собою, однако же относятъ его ко времени между 544 и 638 годами до Р. Х.. Раджа Гуру (Азамскій), глубоко изучившій буддійскую литературу, относитъ *Нируанъ* или эмансипацію Сакіа-Мани къ 520 году до Р. Х. Слѣдовательно, если отчислить отъ этой эпохи 400 лѣтъ до Каниска, то время его царствованія отнесется почти къ концу втораго вѣка до Р. Х. Изъ другихъ же источниковъ мы знаемъ, что низпроверженіе бактріанской династіи Скиѳами или *сакіаскими* племенами произошло въ 134 г. до Р. Х. (по Шлегелю въ 125 г.). По этому теперешняя монета подтверждаетъ справедливость *Раджа Тариджини*,

какъ свидѣтельства историческаго, и не оставляетъ ни какого сомнѣнія о эпохѣ Сакіа.

Г. Уйльсонъ полагаетъ, что окончаніе царствованія Абгиманіа, наслѣдника Канишка, слѣдуетъ отнесть отъ 118 г. до Р. Х., какъ сказано въ *Раджи Тариджини*, къ 388 г. до Р. Х., ибо Кашмиръ сдѣлался буддійскою страною подъ правленіемъ татарскихъ государей, *вскорѣ послѣ* смерти Сакіа. Но по изслѣдованіямъ г. Ксома Кёрёса, сдѣланнымъ въ тибетскихъ священныхъ книгахъ, почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что эта эпоха вѣрна съ показаніемъ *Раджа Тариджини*, ибо въ упомянутыхъ книгахъ ясно опредѣлены три періода, въ которые онѣ были собраны: »въ первый разъ, при самомъ Сакіа (520—638 до Р. Х.), во второй при Ашока, государѣ Паталипутра, 110 лѣтъ послѣ смерти *Сакіа* и, наконецъ, при Канискѣ, около 400 лѣтъ послѣ Сакіа.«

Въ бактріанскихъ монетахъ есть еще обстоятельства, подтверждающія мнѣнія относительно того, что буддисты наслѣдовали греческимъ го-

сударямъ. Во первыхъ: на оборотной сторонѣ ихъ исчезаетъ прежняя національная эмблема бактріанскаго всадника съ македонскимъ копьемъ, и на мѣсто ея является мудрецъ, держащій цвѣтокъ и всегда имѣющій вокругъ головы своей обручь славы, свидѣтельствующій о духовности его лица. * Во вторыхъ, на первыхъ монетахъ этой династіи мы находимъ греческія надписи (что́ также господствовало при Арсасидахъ и продолжалось при первыхъ сассанійскихъ государяхъ); а на монетахъ, представляющихъ подобную же эмблему, но принадлежащихъ позднѣйшему времени, мы встрѣчаемъ уже такія надписи, которыя видимъ на коллонахъ Делли и Алахабада, также въ Эллорѣ и во многихъ древнихъ пещерахъ и храмахъ средней Индіи и которыя такъ ненавистны браминамъ, считающимъ ихъ за принадлежность буддійской вѣры. **

* Смотри *Tod's Coins*, 11 14. Рисунки г. Уильсона, фиг. 1. 2. 6. 7. и Journal of the Asiatic Society of Bengal, рисунокъ 11. фиг. 17 и 18.

** Смотр. переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ салсеттскихъ и эллорскихъ надписей, сдѣланный маіоромъ Уильфордомъ

Не считаю нужнымъ повторять мнѣнія г. Уильсона, выведеннаго на другихъ основаніяхъ, относительно того, что *Топъ Маникіала*, въ окрестностяхъ котораго найдены эти монеты, есть памятникъ буддійскій; скажу только, что это мнѣніе значительно подтверждается открытіемъ монеты сакіаскаго героя, Канишка.

Заключая такимъ образомъ, что находящіяся предъ нами монеты, вмѣстѣ съ прочими относящимися къ этому роду, принадлежатъ сакіаской династіи, которой такъ хорошо приличе-

(Asiatic Researches, т. XIV): онъ показываетъ, что всѣ онѣ по имени относятся къ Сакіа. Г. А. Стэрлингъ (Asiatic Researches, т. XV стр. 314), говоря о нѣкоторыхъ подобныхъ надписяхъ на скалѣ *Адаіа Гири*, въ Ориссѣ, приводитъ слѣдующее: „Брамины относятъ эти надписи, съ ужасомъ и отвращеніемъ, ко временамъ преобладанія буддійскаго ученія. Я, однако же, думаю, что онѣ имѣютъ нѣкоторую связь съ древнимъ *Пракритомъ* и потому ихъ поясненія можно ожидать только отъ какого нибудь ученаго послѣдователя секты *Джэнъ*.“ Куда дѣвался ключъ къ этой и другимъ древнимъ санскритскимъ азбукамъ, которыя Уильфордъ имѣлъ счастіе найдти въ рукахъ какого то стараго мудреца въ Бенаресѣ?

ствуетъ названіе индо-скиѳской, мы, слѣдуя точно такимъ же путемъ, можемъ отнесть слѣдующій отдѣлъ, представляющій на оборотной сторонѣ браминскаго быка сопровождаемаго жрецомъ въ обыкновенной индійской *дхоти*, къ монетамъ браминской династіи, заступившей въ свою очередь линію буддійскую. Полковникъ Тодъ относитъ всѣ эти монеты къ тому же классу, къ которому принадлежитъ послѣдняя и приводитъ причины побуждающія его приписывать ихъ Митридату, или его наслѣдникамъ изъ арсасидской династіи, коихъ владѣнія простирались отъ Инда до Гангеса и коимъ, подъ конецъ, сдѣлалась подвластною Бактрія. На нѣкоторыхъ изъ нихъ видна греческая надпись: »Царя царей« и проч. съ лицевой стороны и, по его же мнѣнію, пельвійскія буквы съ другой. Я же думаю, что эти буквы такія же, какъ и деллійскія, и что бактріанская монограмма опредѣляетъ ихъ мѣстность. Г. Уйльсонъ и Шлегель относятъ ихъ къ индо-скиѳскимъ. Послѣдній, вмѣстѣ съ полковникомъ Тодомъ, говоритъ, что изображенная

на нихъ фигура есть Сива съ своимъ быкомъ *Пanди.* *

Г. Шлегель находитъ весьма замѣчательнымъ то обстоятельство, что на этихъ татарскихъ монетахъ встрѣчаются знаки индусской религіи: не доказываетъ ли это, если принять въ соображеніе индійское начало Саковъ, что и пріемники ихъ также были индійскаго, а не татарскаго происхожденія? По моему мнѣнію замѣчательнѣе этого то, что на всѣхъ такихъ монетахъ изображенъ огненный жертвенникъ. Впрочемъ, еще подлежитъ сомнѣнію — дѣйствительно ли это жертвенникъ.

Фиг. 19, 22, 23, 26, 27, 28, 29 и 30. Это мелкія мѣдныя монеты, найденныя близъ Маникіала и въ другихъ мѣстахъ Верхней Индіи. На лицевой сторонѣ ихъ—голова, а на оборотной—бактріанскій всадникъ. Всѣ онѣ могутъ

* »Ce qui me parrait la circonstance la plus remarquable dans ces médailles, ce sont ces preuves du culte Brahmanique adopté par les rois Tartares. Ils régnaient donc certainement sur des provinces où ce culte était établi.« — Journal Asiatique, Nor. 1828.

быть отнесены къ царствованію Евкратида I, ибо золотая монета съ береговъ Каспійскаго моря, описанная Байеромъ и имѣющая такое же изображеніе на оборотной сторонѣ, представляетъ четкую надпись: »Великаго Царя Евкратида.« На нашихъ монетахъ такого же типа не видно ни какихъ другихъ словъ, кромѣ—»Царь царей.« При томъ на большемъ ихъ числѣ греческій языкъ до того испорченъ (напр. фиг. 19. ΒΑCΙΛΕΥ, ΒΑCΙΛΕΥ), что даетъ поводъ думать о ихъ принадлежности къ позднѣйшей эпохѣ. Изображеніе лошади, по видимому, господствовало долгое время въ послѣдствіи.

Фиг. 24. Мѣдныя монеты такого вида встрѣчаются во всемъ верхнемъ Индостанѣ. Онѣ составляютъ третій отдѣлъ въ гравюрѣ полковника Тода. Нѣкоторыя изъ находящихся у него носятъ на себѣ опредѣленныя греческія буквы. На лицевой сторонѣ тотъ же воинъ съ мечемъ и жертвенникомъ; на оборотной, по мнѣнію Тода, жрецъ приносящій въ жертву быка. Но на монетѣ лежащей предъ нами, *дхоти* такъ ясно показываетъ одѣяніе брамина, что заставляетъ принимать сопут-

ствующее его животное за священнаго быка Индіи тѣмъ болѣе, что оно имѣетъ горбъ и этимъ доказываетъ господствованіе браминской вѣры въ индійскихъ владѣніяхъ Менандрова, *или* Евкратидова государства.

Фиг. 25. Типъ этой монеты встрѣчается еще чаще, чѣмъ типъ предыдущей. Тутъ надписи уже не греческія, а принадлежащія или къ тѣмъ же, какія мы видимъ на деллійской коллонѣ, доселѣ неизвѣстнымъ, или къ чисто-индусскимъ. На оборотной сторонѣ—фигура сидящая на слонѣ, постоянно непропорціональная; а на лицевой—Раджа съ жертвенникомъ, выдѣланный грубѣе. Слонъ, подобно лошади, сохраняется на послѣдующихъ монетахъ Индусовъ.

Фиг. 31. Эта эмблема и до нынѣ еще обыкновенна въ южной Индіи. Форма нагнискихъ буквъ какъ на этой, такъ и на фиг. 14 сходна съ буквами дарственныхъ записей на земли, вырѣзанными на мѣди лѣтъ 700, или 800 тому назадъ.

Фиг. 20. 21. Эти монеты найдены въ Балкѣ и походятъ на маникіалскія.

Калкутта. Іюнь 1834.

Описанныя здѣсь монеты я подарилъ Британскому музею вмѣстѣ съ прочими, собранными во время моего путешествія. Эта коллекція заключаетъ въ себѣ 200 монетъ бакріанскихъ, индо-греческихъ, индо-скиѳскихъ, индусскихъ и магоммеданскихъ.

КОНЕЦЪ.

Перевелъ съ англійскаго

ГЕОРГЪ МИНЪ,

Членъ Эдинбургскаго Королевскаго Физическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА XII.

Путешествіе въ степи Туркмановъ.

ГЛАВА XIII.

Продолженіе путешествія въ туркманской пустынѣ.

Стр.

ГЛАВА XIV.

Хоразанъ.

ГЛАВА XV.

Путешествіе между Туркманами Каспійскаго моря.

ГЛАВА XVI.

Путешествіе въ Персіи.— Окончаніе путешествія.

КНИГА I.

ОБЩІЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О НѢКОТОРОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

ГЛАВА I.

Отчетъ о бухарскомъ государствѣ.

ГЛАВА II.

Рѣка Оксъ или Аму и нѣсколько замѣчаній объ Аральскомъ морѣ.

ГЛАВА III.

Долина Окса и прочее.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

Стр.

ГЛАВА VIII.

О набѣгахъ Татаръ и о племенахъ Туркестана.

ГЛАВА IX.

О туркестанскихъ лошадяхъ.

КНИГА II.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОЧЕРТАНІЕ СТРАНЪ, ЛЕЖАЩИХЪ МЕЖДУ ИНДОМЪ И КАСПІЙСКИМЪ МОРЕМЪ.

ГЛАВА I.

Происшествія въ Афганистанѣ съ 1809 года.

ГЛАВА II.

Пешауаръ.

ГЛАВА III.

Кабулъ.

ГЛАВА IV.

О дѣлахъ Западнаго Афганистана.

ГЛАВА V.

Перечень кабульскихъ дѣлъ.

ГЛАВА VI.

Кундузъ.

ГЛАВА VII.

Очеркъ исторіи Бухары.

ГЛАВА VIII.

Политическая и воинская сила Бухары.

ГЛАВА IX.

Хива или Оргенджъ.

ГЛАВА X.

КНИГА III.

О ТОРГОВЛѢ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

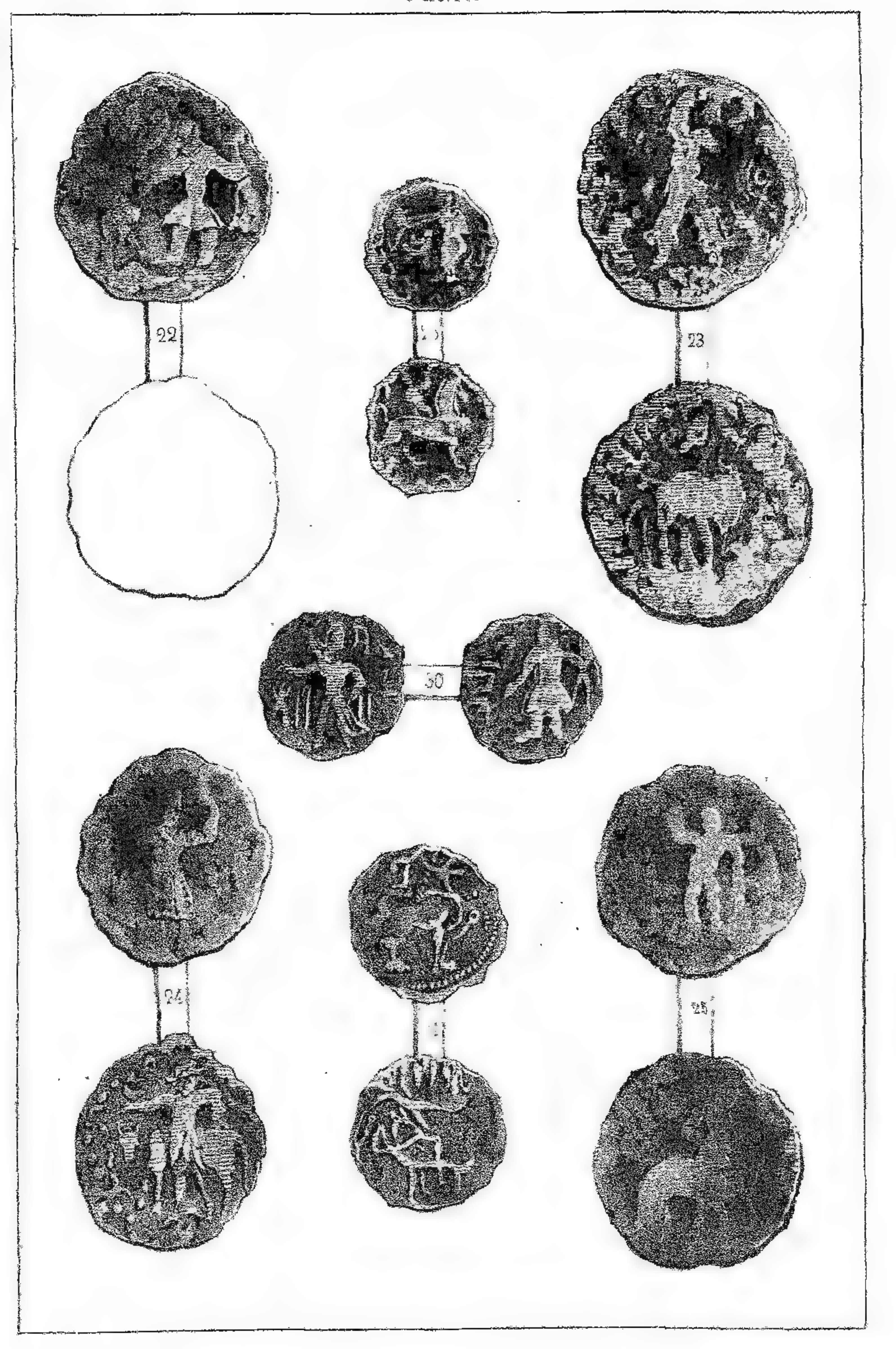
Стр.

О торговлѣ и внѣшнихъ сношеніяхъ Бухары и средней Азіи.

ГЛАВА IV.

Торговля съ Персіею.

Рис. IV.

Бактріанскія и другія монеты

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ 1.

Книга III.

О различныхъ системахъ внѣшней политики, приведшей Англію къ обладанію Индіей.

Стран.

Книга IV.

Книга V.

Финансовыя учрежденія.

Книга VI.

Учрежденія судебныя.

Томъ II.

Книга VII.

О военныхъ учрежденіяхъ.

Книга VIII.

О европейской цивилизаціи и христіанствѣ въ Индіи.

Книга IX.

Чувствованія туземцевъ относительно англійскаго владычества и невозможность сліянія побідителей и побѣжденныхъ.

Стран.

Книга X (одиннадцатая подлинника).

О средствахъ находящихся во власти Англіи къ смягченію страданій народовъ Индіи.

Опечатки.

	напечатано:	надобно читать:
Томъ I. стр. 25 стр. 8.	не на мѣстѣ на своемъ;	не на своемъ мѣстѣ;
26. стр. 5. снизу.	Ориссей.	Ориссой.
84. стр. 12.	англійскимъ.	индійскимъ.
стр. 100. стр. 5.	или	и
Томъ II. стр. 310. стр. 2.	Глава VIII.	Глава XI.
стр. 328. стр. 2.	Глава VI.	Глава II.